СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

СИБИРСКАЯ
ЖИВАЯ СТАРИНА

[572.9:39] (062) (57).

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА. Этнографический Сборник, вып. II, изд. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва, под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. Ирк. 1924, in 8º; стр. 1—222 + I—XLV + 1—66 + 7стр. объявлений.

[*Содержание:* **Болдырев-Казарин Д. А.** Народное искусство в Сибири; **Красноженова М. В.** Взятие «снежного городка» в Енис. губ. **Титов Е.** Конские бега в Восточном Забайкалье; **Виноградов Г. С.** Детский народный календарь; **Черных П.** Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке-Горбунке» Ершова; **Петри Б. Э.** Элементы родовой связи у северных бурят; **Сосновский Г. П.** Палеолитические находки в Минусинском крае; **Толстихина О. И.** Дюнная стоянка у с. Творогова; **Хороших П. П.** Михаил Павлович Овчинников, как краевед. Утраты. Хроника и библиография. **Казаринов П. К.** Сибирское краеведение. Краткий библиографический обзор последних лет; **Азадовский М.** Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века.
Приложение: **Азадовский М.** Сказки Верхнеленского Края.]

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ОТДЕЛ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Т. Г. Б.
Инв. №44068

СИБИРСКАЯ
ЖИВАЯ СТАРИНА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова.

Выпуск II.

ИРКУТСК
1924.

Иркутск, Гублит 9 апреля 1924 г. № 139.

Иркутск

Зак. № 2933. Первая Гостипография. Тираж 400.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Выпуская в свет первый номер нашего сборника, мы писали: «Тяжелые материальные затруднения, которые приходится преодолевать при издании сборника, не позволяют сказать с уверенностью, удастся ли его превратить в постоянный этнографический журнал. Но Восточно-Сибирский Отдел сделает все, от него зависящее, чтобы достигнуть этой цели».

Успех первого выпуска, высокая оценка издательской деятельности Отдела на Всероссийской Сельско-Хозяйственной Выставке в Москве, выразившаяся в присуждении диплома первой степени «за энергичную деятельность по изданию материалов, характеризующих жизнь и быт местного населения» еще более укрепили Отдел в мысли превратить издание сборника в постоянный журнал. Ныне Отдел на пути к осуществлению этой мысли.

Нет надобности останавливаться подробно на задачах, которые встают перед подобного рода изданием. Те задачи, которые в свое время были намечены организаторами «Живой Старины», получают более углубленное значение в наши дни. На первой Всероссийской Конференции Краеведческих Организаций этнографические изучения были признаны стоящими в ряду важнейших краеведческих задач. Конференция настойчиво рекомендовала деятелям краеведения в порядке срочной, первоочередной работы собирать материалы по местной этнографии в виду их исключительного значения, как для науки (истории, этнографии, истории искусств), так и для народного хозяйства.

Этому призыву Конференции и стремится ответить наш сборник. Тем более, что поставленные Конференцией вопросы приобретают особую остроту в сибирских условиях. Несмотря на давний период этнографических изучений в Сибири, до сих пор остается неосвещенным целый ряд существенных и важных проблем местной этнографии. В особенности, это относится к изучению русской народности в Сибири. Посильное восполнение этих пробелов в связи с изучением современного быта населения Сибири и являются главнейшими заданиями нашего сборника.

К сожалению, по многим причинам настоящий номер выпущен не в том виде, в каком был первоначально задуман редакцией. Так

напр., не смогла быть доставлена к сроку статья К. Н. Миротворцева «Этнография и экономика», которой предполагалось открыть сборник. Не в том виде вышел номер и с технической стороны. Типография Губвпо, в которой печатались первые листы сборника, прекратила свое существование, издание пришлось спешно переносить в другую типографию—этим объясняется и запоздалый выход журнала, и досадный перебой шрифтов, и некоторые другие технические недочеты.

Наше издание смогло появиться в свет только благодаря тому, что нашлись лица, помогшие преодолеть целый ряд материальных и технических трудностей, неизменно встающих перед каждым научным предприятием. Всем этим лицам мы приносим глубокую благодарность: А. А. Азлецкому, В. П. Денисову, А. Я. Липковскому, И. Ф. Молодых, Н. Н. Смирнову, И. Г. Соловьеву, Я. Н. Ходукину, В. А. Черняку. Особенно признательны мы б. зав. типографией Губвпо, А. Н. Губанову, сумевшему создать в руководимой им типографии исключительно благоприятную для научного издания обстановку, и приложившему максимум усилий для облегчения трудного для редакции момента переброски журнала в новую типографию.

Глубокую благодарность также выражаем всем учреждениям и организациям, предоставившим для сборника объявления, и коллективу Первой Государственной Типографии, в лице П. А. Романова и метранпажа А. М. Веретенникова за неизменно внимательное отношение к нашему изданию.

Этот список лиц и учреждений, перед которыми в долгу редакция, должен быть еще пополнен. В предыдущем выпуске, по непростительной небрежности, среди учреждений, оказавших поддержку журналу, не был назван Дальневосточный Отдел Народного Образования. Пользуемся случаем исправить эту ошибку сейчас, и принести свою глубокую признательность ДАЛЬОНО, в лице его руководителя, М. П. Малышева.

Редакция журнала состояла из действ. гл. ВСОРГО: М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. В первой стадии работ редакционной комиссии деятельное участие принимал Д. А. Болдырев-Казарин.

Д. А. Болдырев-Казарин.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО В СИБИРИ.

(Из очерков по истории русского искусства в Сибири).

„Никто не требует, чтобы наука об искусстве отказалась от изучения высших, наиболее развитых форм, наоборот, эти вершины составляют и будут составлять ее высшую цель. Но на вершину нельзя взлететь, на нее нужно взойти, а всякое восхождение начинается снизу, даже под страхом, что изучение монотонных песен и однообразного орнамента жалких дикарей на первых порах не возбудит общего интереса, на который могут рассчитывать смелые и оригинальные выводы о современном и будущем искусстве".

Эрнст Гроссе. «Происхождение искусства»

Вопрос о народном искусстве в Сибири принадлежит к числу тех, разрешения которых ожидает русская этнографическая наука и русское искусствоведение вот уже много десятков лет. Если только можно говорить о «важном» и «неважном» в науке, то вопрос о народном искусстве всегда был относим к числу «неважных», второстепенных, разрешение которых можно отложить ..до поры, до времени. Немногие этнографические силы края всегда были отвлечены другой работой, «не терпящей отлагательства», заслонявшей затрагиваемый мною вопрос, а тем временем старое нар дное художественное мастерство год за годом уходило все дальше, затеривалось, забывалось и растворялось в новом, наносном и не всегда художественном. Лучшее время для изучения народного искусства уже прошло, то время, когда образ

цы его были всегда под руками, когда малейшей «пустяк» домашнего обихода крестьянина мог служить объектом изучения, когда вся жизнь, и не праздничная, а повседневная, будничная, трудовая—была наполнена дыханием народного художественного вкуса. Теперь исследователю приходится вести изучение народного искусства по тем немногочисленным образцам его, которые какими то судьбами попали в местные музеи и сохранились там, частью по тем осколкам искусства прошлого, которые приходится еще иной раз увидеть на незатейливой кутной[1] заборке, и где нибудь на наличнике окна, на тисненом берестяном туясе.

Это немногое—подлинная сибирская живая художественная старина, исключительная прелесть аромата которой известна лишь немногим счастливцам.

В этом маленьком этюде я постараюсь в самых кратких чертах наметить некоторые из основных характерных черт русского народного искусства в Сибири, поскольку они могут быть выяснены по имеющимся в моем распоряжении материалам. Считаю долгом заметить, что некоторые из приводимых мною заключений не лишены некоторой доли гипотетичности, что обусловливается невозможностью делать широкие обобщения и решительные выводы до времени появления в свет достаточного количества специальных частных исследований.

По разного рода причинам рамки настоящей статьи пришлось значительно сузить против предполагаемых размеров, в силу этого необходимо сузить, только для данной статьи, конечно, и понимание самого термина—„народное искусство“ В дальнейшем мне придется говорить, главным образом, о крестьянской живописи, орнаменте, резьбе по дереву (отчасти—скульптуре в широком смысле слова) и пр., в общем о том, что по старой терминологии объединялось термином «малое» или «прикладное искусство».

Зодчество, которое всегда было народным искусством par excellence, я рассмотрю подробнее в ближайшем будущем, но в другом месте. Равным же образом выделяется и иконопись, знакомство с сибирской школой которой много дало бы для уяснения вопроса о народном искусстве в Сибири, но слишком далеко увело бы за намеченные мною пределы.

---

[1] От слова *кутъ*, кухня в крестьянской избе. Роспись помещается на лицевой стороне заборки (перегородки), выходящей в горницу.

Мастерства резьбы по металлу, черненди и чеканки не придется коснуться, хотя отличные мастера этого дела имелись в свое время в Сибири во множестве, но не сумели оставить после себя чего нибудь, заслуживающего внимания с точки зрения присутствия в них специфически-сибирского.

Понимание термина—«народное искусство» я еще больше сужаю тем, что буду говорить лишь об искусстве *русского* и притом *старожилого населения Сибири*.

Основные черты народного искусства в Сибири в значительной мере определяются составом и происхождением основного ядра русского старожилого населения.

Как известно, первыми русскими насельниками нашего края были выходцы из северных российских губерний—Вологодской, Пермской, Костромской. По Сибири и до сих пор сохранилось достаточно много потомков казаков землепроходцев и простого мирного народа--Каргополовых. Устюжаниных, Воложаниных, Важениных и пр. Эти первые в Сибири русские принесли в нее и привычный им уклад жизни, и нравы, и обычаи и даже привычные запахи[1] и все то, что окружало их на дедовском насиженном месте. Народная жизнь—кусками переносилась за тысячи верст в новый, еще неисследованный, часто враждебный край. Нужно поражаться исключительно-прочной привязанности первых переселенцев к старому укладу их жизни. Они умудрились не только не потерять своих веками - воспитанных художественных навыков, но пронесли их нетронутыми через громаднейшие географические пространства и через столетия времени; не только не дали им заглохнуть, но дали возможность на новом месте, в новых условиях расцвести новым, пышным махровым цветом.

Основной признак русского народного искусства—декоративность—сохранился в Сибири в полной мере. Начиная с декоративной сбработки монументальных церковных стен и кончая тончайшим кружевом на конце полотенца, вы усмотрите этот основной признак. Чувство исключительного декоративного умения, связанного с поразительным художественным тактом—достояние и русского населения Сибири. Достаточно познакомиться с любым

[1] Вспомните гоголевского Петрушку, который умел одним запахом своим любое помещение сделать „жилым".

памятником старинного зодчества, особенно каменного, чтобы убедиться в этом. Широчайшие глади стен, послушный и прочный материал позволяли мастерам в обработке стен дойти до оргиастических безумств, разлить поток узорочья во все многосаженное поле, тем не менее, они удовлетворялись лишь простейшими, элементарными формами, испытанными в течение целых веков в отношении силы художественного воздействия, и ограничивались лишь отверстиями окон да карнизами. Только в самые поздние исторические периоды, и то под влиянием соседей, в Вост. Сибири на некоторых храмах вы найдете орнаментацию стен более буйную, нежели обычно. Впрочем и здесь они смягчены особенным старинным уютом и выдержанностью, секрет которой теперь уже потерян.

Сибиряки не любят украшать весь предмет или все сооружение. Они ограничивают себя лишь наиболее главными его частями, тем самым заставляя зрителя сосредоточить свое внимание лишь на них. Закон строжайшей экономии, доходящей почти до скупости—одна из самых характерных черт народного искусства в Сибири.

Нельзя не отметить, что украшения располагаются обычно на зданиях—по важнейшим архитектурным линиям (карнизы, углы стен, пояски на барабанах куполов и пр.) а на мелких предметах—на важнейших «рабочих» частях, подчеркивая этим их конструкцию. Наряду со строжайшей экономией средств нужно поставить и неизменную логичность и конструктивность декоративного народного искусства. Ясность и уравновешенность композиции отмечает народное искусство в Сибири, повидимому, на всем протяжении его истории. Даже в современных нам орнаментальных композициях бросается в глаза удивительно простое и размеренное распределение линий и красочных пятен (см. рисунки 1 и 2) Растояние между отдельными элементами орнаментной композиции тщательно выискано и всегда строго соответствует степени их графической и красочной напряженности и нагруженности. Таким простым и вместе с тем необычайно трудным приемом, доступным лишь сильнейшим мастерам, достигается непередаваемая насыщенность впечатления. При самых скромных средствах народные мастера умеют достичь впечатления богатства и роскоши орнамента или иного убранства, а порою даже и некоторой торжественности и слегка напыщенного великолепия.

Всегда беспокойный и вечно ищущий народ не любит останавливаться на одних и тех же орнаментных формах, но постоянно варьирует их, оставаясь в то же время верным основным излюбленным мотивам. Нужны целые века для того, чтобы новый орнаментный элемент вошел в обиход деревенского художника после длительной и основательной проверки его художественных качеств. До наших дней в орнаментном народном искусстве в Сибири остаются неизменными многие элементы, вынесенные, несомненно, еще со старой родины Ромбы, кресты, квадраты, расположенные рядами, пересекающиеся или вписанные один в другой. Орнаменты, составленные из вариаций этих простейших элементов—являются в Сибири любимейшими. Эти же черты характеризуют и народный орнамент северных российских областей, начиная уже с Рязанской губернии и, чем севернее, тем сильнее. Преобладание финских влияний в орнаменте сибирского населения неспоримо. Это можно объяснить отчасти происхождением большинства старожилого населения из северных губерний, как это уже было отмечено выше, но главным образом тем, что выходцы из Евр. России на Урале и за Уралом сейчас же натолкнулись на целый ряд народов финской ветви, у которых орнамент, в смысле сохранности старых финских элементов, стоит, конечно, на первом месте Старые финские влияния были усилены новым и сильнейшим воздействием (см. рис. 1) [1].

Кроме того, большинство туземных племен Сибири (исключая племен тюркского происхождения) создали орнамент по преимуществу геометрический; так что русское пришлое население почти везде могло иметь и имело толчки к развитию именно геометрических элементов своего орнамента.

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что русский орнамент в Сибири есть лишь робкая интерпретация туземного орнамента; в русском народе всегда было достаточно собственного художественного вкуса и такта, чтобы, вбирая в себя элементы искусств других народностей,—оставаться до конца самим собой Заслуга не в том, чтобы создать свое искусство, только из своих элементов. а в том, чтобы суметь в полном окружении других

---

[1] Для сравнения полезно познакомиться с остяцким орнаментом. Порядочное количество зарисовок и фотографий предметов с остяцкой орнаментацией приведено в «Ежегоднике Тоб. Гуо. Музея» за 1905 год, вып. XV и за 1908 г., вып. XVIII, за 1906 г., в. XVI и в «Изделиях остяков», издание Тоб. Музея, Тоб. 1911.

художественных культур – сохранить его, и просочившееся извне впитать в порядке своеобразной художественной диффузии или осмоса, «переварить» и сделать своим.

В. В. Стасов, открыв в древне-русском орнаменте элементы финские, персидские и даже индийские, с огорчением назвал русский орнамент «поздним эхом орнаментики азиатской»... и ошибся. Русский орнамент, как и все древне-русское искусство — не приемыш или ученик восточного, или какого-либо иного искусства, а полноправный член в семье художественных культур. После-стасовские исследования уже доказали это. На примере народного искусства в Сибири в этом можно убедиться лишний раз.

Посторонние влияния имеют различную силу, в зависимости от территориального распределения, и различный характер, в зависимости от граничения с туземными племенами. В Западной Сибири сильнейшими влияниями нужно считать остяцкие и татарские (точнее, пожалуй, бухарские, т. к выходцы из Бухары во множестве населяли территорию б Тоб. губернии в период расцвета русского колонизационного движения). Отсюда станет понятным присутствие в орнаменте русского населения З. Сибири финских и тюркских элементов, в особенности же финских[1]. Воздействие финское сказалось не только в отношении элементов орнамента, но и в отношении элементов техники: в З. Сибири наиболее развито тканье и вышивание «крестиками», так хорошо приспособленное для требований геометрического орнамента. Криволинейные тюркские мотивы встречаются часто, однако, значительно реже финских, и более в южных уездах: Ишимском, Ялуторовском, Тарском и на территории теперешней Омской губернии. Как исключительную особенность сибирского орнаментного искусства нужно отметить одновременное присутствие и тех и других элементов на одном и том же предмете: в Тоб. Губ. Музее хранится, в числе других, полотенце, на котором кайма (вышивка) выдержана в типичном финско-русском стиле, а вторая полоса орнамента типично тюркская, при чем нет взаимного проникновения первого и второго мотивов. Несмотря на это, они прекрасно уживаются рядом и полотенце производит удивительно нарядное впечатление.

---

[1] Финские мотивы, характерные особенно для З. Сибири, могут считаться по степени распространения, общими для всей Сибири, включая Забайкалье.

Причина этого одна—сильнейшая руссификация использованных мотивов. (см. рис. 2) [1].

В средне-сибирской зоне на русский орнамент оказали влияние алтайцы и частью кочевники барабинских степей, частью сарты и таджики. Только этими влияниями можно объяснить появление в русском орнаменте свастики и свастикальных элементов, рядов косо поставленных ромбов, часто украшенных на острых концах кокетливыми завитками. [2] Этими же влияниями нужно объяснить и появление в орнаменте этой полосы и желтого и зеленого цвета, который до этого встречается сравнительно не так часто.

Излюбленными цветами сибирских народных художников остаются *красный и синий*. Реже применяется *черный* (вернее, темно-коричневый цвет шерстяных и бумажных ниток домашнего крашенья). Чаще всего сибирский художник умудряется достичь исключительного великолепия и «преизукрашенности» всего лишь двумя красками. другие же применяет очень осторожно, отдавая явное предпочтение зеленому. За зеленым по степени распространенности следует поставить желтый, и уж совсем редко встречается лиловый, и то больше на предметах сравнительно недавнего происхождения. «Равноправие» желтого и зеленого можно отметить лишь в Восточной Сибири и чем дальше, тем чаще встречается желтый цвет, по мере приближения к китайской и монгольской границам.

Как общее правило нужно отметить поразительное умение «мужицких Рафаэлей» оперировать с красочными valeur'ами, везде и всегда строго взвешенными и согласованными. Многие предметы (особенно тканые) часто бывают окрашены в 5—6 различных тонов, но ни на одном вы не найдете раздражающей пестроты

---

[1]) Вышивка фигурная «красной нитью» является одним из любимейших видов „рукоделия" в северных российских губерниях. Старый навык на новом месте нашел новый побудительный толчок к развитию. Характерным для Сибири в шитье „красной нитью" является почти полная „беспредметность" узора. Это просто „игра" кривых линий, лишь иногда напоминающих изгибы фантастических растений. (См. заставку в начале статьи).

[2]) Образцы орнамента, близко напоминающие некоторые орнаментные мотивы средней полосы Сибири, можно найти в приложении к статье И. И. Зарубина „Обувь горных таджиков долины Бартанга" в „Сборнике Музея Антропологии и Этнографии при Академии Наук", т III, Птг. 1916. Эти орнаментальные мотивы встречаются, и довольно часто, и в Восточной Сибири. В Иркутском Музее есть тканые пояски, украшенные подобным орнаментом и происходящие из Н-Удинск. уезда Иркутской губернии

и назойливой яркости. Чаще же всего народ применяет два–три красочных тона, сводя и в этом отношении свои художественные средства к необходимому минимуму Нужно ли этому удивляться если на белом поле церковных стен народ умеет добиться положительно потрясающих эффектов простой игрой белого с черным, белого поля стены и темного узора теней! [1]

В Восточной Сибири сильнейшим влиянием оказалось, как это уже указано, *монгольское*. [2] Да иначе и не могло быть. Азиатский Восток всегда был классической страной орнамента и русские тонкие мастера и любители «узорочья» не могли не поддаться еще раз очарованию изысканной экзотики искусства своих ближайших соседей.

В вышивках, тканье и вязанье монгольское влияние не заметно, эти виды мастерства в Монголии не так уж сильно развиты,—но вот в резьбе по дереву и по камню буддийские „цзураши" [3]) нашли бы множество давно знакомых мотивов. Капризные извилины облаков на буддийских священных изображениях, повидимому пришлись по душе русскому мужику именно своею прихотливостью. Экстатические языки пламени, окружающие Будду и святых, поразили чувство русского, издавна склонного к орнаментному разгулу, сдерживаемому лишь исключительным художественным тактом. По Забайкалью и в южной части Иркутской губернии не мало найдется домов, наличники которых обработаны излюбленной русскими сквозной резьбой, у хороших мастеров доходящей до кружевной нежности —в которой вы сразу же почувствуете заглушенный, но достаточно явственный голос буддийской Азии. Но и здесь, в теснейшем соприкосновении с древнейшей и сильнейшей художественной культурой, русский остался

---

[1] В Западной Сибири, в теперешней Тюменской губернии, очень широко распространено тканье ковров, когда-то имевших известность даже в столицах Я познакомился с этим мастерством в его столице, с. Каменке, Тюменского уезда. Узоры для ковров ткачихи заимствуют обычно из города (приложение к „Ниве" и пр.) и ценят листы их дороже, чем на вес золота. Расцветка почти всегда изменяется „по вкусу", оставляя фон в большинстве случаев черным.

Мне почти не случалось видеть на тюменских коврах узоров не городских. Должно быть потому, что потребитель город диктовал свои вкусы. Ковровое производство не дало ничего специфически сибирского.

[2] Точнее было бы сказать--буддийское, т. к. влияния, испытанные русским искусством на Востоке, характеризуются именно культурным, а не расовым признаком. Оставляем. однако, термин—„монгольский", имея в виду ближайших к русским носителей буддийской культуры.

[3] Художники—монахи.

самим собой. Как часто причудливые изгибы монгольских «облаков» превращаются на иконах (в живописи фонов), в резьбе наличников, узорчатых ворот, перилец,—в так хорошо знакомые прихотливые извивы древнейшего «зелóвого» орнамента. Даже в обработке каменных стен некоторые детали монгольской и китайской архитектуры принимают знакомые формы кокошников и пр [1]

Мариэтта Шагинян в прекрасной статье о Петрове-Водкине (см. „Русское Искусство", 1923, № 1) дает сжатую, но очень полную характеристику „азиатизма". Привожу ее целиком.

„Волевая пластика, передающаяся нам, как головокружительная неподвижность, есть основной и точнейший признак азиатизма. Из себя, усилием воли вызвать образ движения, заставить его течь на поле зрения, когда сам пребываешь в полной неподвижности, как бы концентрически вращать вокруг себя свою мысль о движении, вот одна из типичнейших форм азиатского мышления. Она легла в основу формального построения даже музыкальных и словесных искусств, вызвав в музыке безконечное чередование одних и тех же циклов вокруг той же музыкальной оси, до полного утомления уха (мелодии еврейские, персидские китайские); а в поэзии атомическое следование мелких единиц (одностиший, двустиший) друг за другом, без объединяющей их сюжетной связи, с цикличностью ожерелья—и с кристальной симметрией вместо органического соотношения частей".

Хорошей иллюстрацией к этому определению, местами, правда, несколько туманному, могли бы послужить многие иконы, особенно сибирского письма, отличающиеся в большинстве случаев, строгой симметрией композиции, столь характерной для буддийских религиозных картин. Внешняя симметрия композиции—отражение сосредоточенного эгоцентризма содержания иконы.

[1] Едва ли не лучшим образцом такой явно монголизированной орнаментации—являются стены Иркутской Крестовоздвиженской церкви, особенно южная стена. Даже не «наметанный» глаз сумеет заметить монгольские орнаментные мотивы в пышном каменном кружеве, украшающем с особенным великолепием отверстия окон. Такого изобилия узорочья не знает даже московское барокко, столь склонное к злоупотреблению каменной резьбой. В самом неожиданном и таком пышном расцвете орнаментации стен нельзя не видеть воздействия чисто азиатской, китайской экзотики. Напоминаю: обилие орнаментики—чисто азиатский признак К сожалению, вследствие технических затруднений я не имею возможности познакомить читателя наглядно с этим замечательным памятником художественной старины. Впрочем, фотографии „Крестовской" церкви, правда, не особенно удачные, можно найти в „Изв Археол. Комиссии, вып. 50, стр 109—114 (5 рисунков) и у Игоря Грабаря в „Истории русского искусства", т. II, стр. 146.

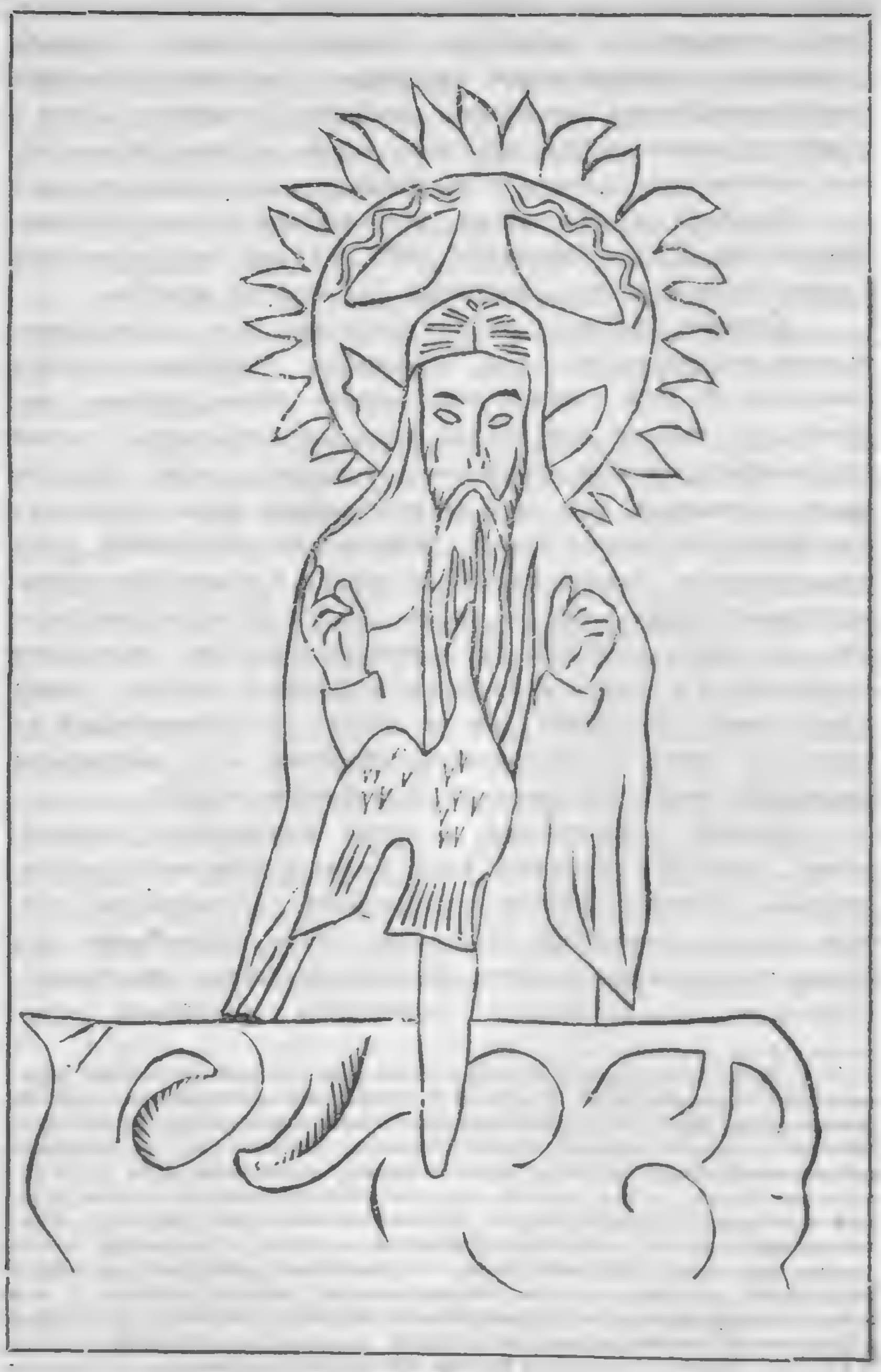


Рис. 3.

Рис. 3, часть резного распятия, может дать кое какое понятие об этом, представляя одновременно пример явной монголизации самого иконографического типа. Но об иконописи подробнее в другой раз[1].

В области архитектуры—восточные влияния отмечены появлением церквей, напоминающих своим силуэтом буддийские ступы и пагоды—архитектурная форма, такая близкая и понятная русскому северянину, создателю шатровых церквей—богатырей и даже москвичу, творцу столпообразных храмов[2].

Из этого примера, как, впрочем, и из приведенных выше, можно вывести то заключение, что русское народное искусство в Сибири подверглось еще раз тем влияниям, которые за несколько веков до заселения Сибири уже составили целую эпоху в истории русского искусства и выполнили свою работу по созданию русского народного стиля. *Влияния, встреченные русскими в Сибири так легко были приняты и усвоены только потому, что они не были новыми и непривычными.* Русское народное искусство вновь нашло в Сибири свой Кастальский источник.

Это помогает нам определить смысл и значение народного искусства Сибири.

Длинный цикл художественных культур, начавшихся на Азиатском Востоке, в сибирском искусстве замыкается в некоторой своей части. Трансформация художественных форм, начавшаяся много веков тому назад, завершается на наших глазах возвращением к своим первоисточникам.

Деревенские ткачихи и плетеи кружев, вышивающие на посиделках девушки—несут на Восток художественные сокровища, взятые оттуда их далекими предками...

Кроме выходцев из северных российских губерний энергичными колонизаторами Сибири были украинцы. Конец XVII века и первая половина XVIII отмечены исключительным усилением этой необыкновенной тяги украинцев на восток. Тобольскую ар-

[1] В музыке русской отмечено неоднократно пристрастие к ритмам очень сложным, иногда даже трудно уловимым: 7, 11, 13. Эти же „счеты" характерны для восточной музыки.

Область музыки в Сибири все еще продолжает пребывать вне сферы внимания ученых специалистов, поэтому сказать что-либо определенное о ней представляется невозможным до поры, до времени.

[2] Примером ступообразного храма может служить упомянутая выше „Крестовская" церковь в Иркутске. Прежде, до переделки, покрытие колокольни было ближе к шатровому типу. По моему мнению, переделка не только не испортила силуэта церкви, но даже улучшила его.

хиепископскую, а затем митрополичью кафедру это время занимают иерархи-украинцы, которые везли с собой, не только, конечно, своих архиерейских певчих и протодиаконов, но и целый штат работников по всем областям церковного управления. Часто архиереи привозили с собой сразу целую колонию духовных и светских лиц.

Культурное воздействие новых пришельцев не могло не оказаться сильным. Большинство из них были, по меньшей мере, людьми хорошо грамотными, некоторые из них были питомцами Киевской славяно-греко латинской академии и могли считаться высоко-образованными по тому времени людьми. Не будем забывать, что духовенство свое, сибирское, в ту пору было сплошь и рядом совершенно неграмотным и даже службу правило по памяти. Историк не сможет обойти молчанием большую и ценную работу украинцев в Сибири. Трудно найти область, в которой не чувствовалось бы хотя бы малая доля работы новых колонизаторов: первыми учителями в Сибири были украинцы, они пробудили у сибиряков интерес к науке и литературе возможно, что они же дали первый толчок к историческому изучению Сибири Первым насадителем театра в Сибири был митрополит-украинец (Филофей Лещинский); даже в манерах и обращении чувствовалось сильнейшее воздействие украинцев Колонизаторство украинцев, не прекратившееся и до самого последнего времени, отметило себя в истории культуры в Сибири, может-быть, одной из лучших страниц.

Несомненно, что украинцы пытались первоначально целиком насадить свои вкусы и в области художественной культуры. Так, напр., Филофей Лещинский даже для росписи Тюменского монастыря и для писания икон в Тобольске выписал мастеров из Киева, очевидно не доверяя мастерству сибиряков, хотя и в Тобольске и в многих других городах Сибири уже были свои местные, и очень не плохие «изографи». Тот же Филофей Лещинский, и его преемники на митрополичьей кафедре пытались строить церкви по своему излюбленному украинскому многоярусному типу. Тем не менее их попытки следует считать не вполне удавшимися. Киевские мастера, правда, расписали стены Тюменского монастыря, выписанные зодчие—украинцы воздвигли ряд церквей в своем стиле, но, под давлением устойчивой в своих вкусах массы сибирского населения—растворились в ней, вкрапив при-

несенное с собою, крепкое, тоже веками испытанное мастерство, —в поток местного, сибирского. Несколькими иконами в Тобольске, да росписями Тюменского монастыря их роль в иконописи закончилась [1]. В области же архитектуры след остался более заметным. В южной полосе Сибири, а частью и в других частях ее — старые архитектурные формы церквей постепенно восприняли украинский принцип ярусности, сократив, правда, число уступов, да в орнаментике стен появилось более чисто-украинских кокетливых мотивов. Украинцы легко привыкли к нечуждой им и ранее столпообразности северных церквей, и сибиряки этим самым компенсировали принятие, под властным давлением сверху, из города, некоторых украинских форм.[2]

Произошло интереснейшее соединение стилей, редкое в истории искусства и характернее только для Сибири.

В первый период истории церковного зодчества Сибири эпохи барокко (вся история его укладывается в этот период, т. к. эпоха классицизма не отметила себя в Сибири сооружениями в чистом стиле, сохраняя преобладание барочных черт),—оно мало еще чем отличается от барочного зодчества российского севера. Теперь же,

[1] Нужно, впрочем, отметить, что в области крестьянской живописи украинские влияния сказались может быть заметнее. В мотивах росписи т. наз. „кутных заборок" можно найти много украинских мотивов. Случалось видеть где-нибудь в Алтайской губернии, в самой обыкновенной крестьянской избе эффектные виноградные (это в Сибири то) гроздья, гирлянды не по сибирски пышных и ярких цветов. На Амуре, в узорах полотенец и др. вышивок украинские типичные мотивы уживаются рядом с северными и иногда даже преобладают над ними. Явление—подобное соединению финских и тюркских мотивов в Западной Сибири.

Кстати, о „кутных заборках". Сюжетами росписи их обычно являются как уже сказано, цветы и гирляндами и в горшках; часто встречаются фантастические кусты или деревья с цветами и плодами. Иногда вводится (обычно, в виде скаймления), узор из треугольников или иных геометрических фигур, обычно пестро окрашенных. Случалось видеть роспись „под мрамор" или „под орех". Это, конечно, несомненное влияние города. Бытовых мотивов во время моих переездов по Сибири я *ни разу* не видел. Но они встречаются на мелких предметах домашнего обихода, на прялках, на туясах. В Иркутском Музее есть берестяный туяс, на котором детски-наивно изображен пароход со всей оснасткой, должно быть впечатление от первого увиденного на своей реке парохода.

Г. С. Виноградову приходилось, впрочем, встречать кутные заборки, расписанные сценами охоты. Мне лично случалось видеть чашки, расписанные этими же сюжетами. Вопрос о бытовых мотивах на кутных заборках пока что приходится оставить открытым, хотя бытовые мотивы вообще сильны в народном искусстве Сибири и проникают даже в неподатливую иконопись.

[2] См. рисунок в конце статьи.

со времени усвоения и переработки украинских мотивов,—начинается второй период его истории. Еще позднее, под воздействием достаточно сильных восточных влияний, в зодчестве вырабатывается третий стиль, уже отмеченный мною, и который можно было бы, пожалуй, назвать (условно) «монгольским».

Из кратко очерченной истории возникновения этих трех стилей или, вернее, манер—становится понятным серьезность и значительность происшедших перевоплощений барокко, поистине международного стиля Наличие многих черт, полных исключительного своеобразия, несомненное и деятельнейшее участие сибирского населения, в переработке стиля при содействии местных климатических и иных условий должны, мне думается, дать вполне достаточное основание на выделение особого *сибирского барокко* которое, после более серьезного изучения и более широкого знакомства с ним,—займет подобающее ему место далеко не в хвосте архитектурных стилей, хотя по времени и является самым поздним[1].

Выше, говоря об орнаменте, я указал место сибирского искусства орнаментики, как последнего, замыкающего звено цепи орнаментальных стилей, родившихся на Востоке, обошедших весь культурный евразийский мир и вернувшихся через Сибирь к своим истокам. Знаю, что беру на себя очень большую смелость и ответственность, но решаюсь заявить, что второе, и самое яркое выражение народного искусства—зодчество—подтверждает высказанную мысль и еще в более наглядных и сильных формах. И в смысле географического направления распространения и проникновения и в смысле богатства чисто экзотических азиатских форм и линий—сибирское барокко является, несомненно, самым «восточным».

Восточные мотивы пришли в Россию частью из Константинополя, частью, как указывает Ф. И. Шмит[2], от «обезов» (абхазцев) с Кавказа, из Персии и еще более отдаленного азиатского востока через Тмутаракань Родственность хозяйственно экономических и политических условий заставила вторично эти мотивы расцвести в Ярославле и Москве Некоторые из элементов во-

---

[1] Проф. Б. П. Денике в одной из журнальных статей применяет термин «Тобольский барокко». К сожалению я не имел возможности лично ознакомиться с этой статьей.

[2] Акад. Ф. И. Шмит. Искусство древней Руси Украины. Харьков. 1923.

сточной декоративности вплелись в северное русское искусство и оттуда уже пришли в Сибирь, чтобы, пройдя почти три столетия времени и тысячи верст пространства, прийти почти к самой своей колыбели. Барокко, стиль по преимуществу декоративный; родившись в Италии, стране полуэкзотической, так много раз подвергавшейся всевозможным прямым и косвенным восточным влияниям. барокко, со дня рождения таивший в себе элемент восточной изнеженности, прихотливости и гибкости,—обошел весь мир и пришел к вратам того же царства, откуда растут его отдаленнейшие корни.

Круг замкнулся.

Недаром еще и раньше барокко в своих крайних проявлениях в рококо так хорошо вязался с рисунками китайских ваз а прихотливым изгибом архитектурных линий заставлял вспомнить своенравный и капризный бег линий на картинах ламайских „цзураши".

Народное искусство Сибири—последнее звено в цепи евразийских художественных культур.

Вот вкратце, значение искусства Сибири во всеобщей истории искусства Вот его место в семье великих искусств всего культурного мира.

Рост и развитие художественного вкуса русского населения Сибири еще не остановились. Процесс усвоения побочных влияний еще не закончился. В некоторых областях искусства сибирский стиль отмечен еще не достаточно ярко и четко, а то и совсем еще не отмечен, но уже и то, что сделано, обеспечивает народному искусству в Сибири почетное место в общей истории искусства русского.

К РИСУНКАМ.

Рис. 1. Тканая кайма полотенца из Нижнеудинского уезда, Иркутской губ. Из собрания автора образец орнаментного узора с преобладанием финских мотивов; имеет почти повсеместное распространение. Оригинал в коллекциях, собранных Восточно-Сибирским Отделом Русск. Географ. Общества; хранится в Иркутском Научном Музее.

Рис. 2. Кайма полотенца из Тюменского уезда б. Тобольской губ. Из собрания автора. Образец соединения двух приемов техники (вышивка крестиком и тамбурным швом) и орнаментных мотивов двух стилей: финского и тюркского. Оригинал хранится в Тобольском Музее.

Рис. 3. Верхняя часть резного распятия (Троицы). Из собрания автора. Зарисовка студ. Г. Леонова. Образец монголизации иконографического типа. Оригинал — в часовне, в дер. Инкиной, Селенгинского уезда, Иркутской губернии.

Застaвка в начале статьи. Из собрания автора. Вышивка тамбурным швом подола мужской рубахи. Из б. Тобольской губ.

Концовка (силуэтный рисунок). Верхоленская Воскресенская церковь (1718 г.). Образец многоярусных сибирских деревянных церквей. По фотографии, любезно предоставленной М. К. Азадовским.

Обложка отдельных оттисков воспроизводит орнаментные мотивы тканых из тканых «поясьев» из Нижнеудинского уезда Иркутской губ. Из собрания Г. С. Виноградова. Оригинал в коллекциях Вост.-Сибирского Отдела Русск. Географическ. Об-ва, хранящихся в Иркутском Научном Музее.

Считаю долгом выразить искреннюю благодарность М. К. Азадовскому, Г. С. Виноградову, Г. Леонову и Н. С. Романову за любезное предоставление некоторых материалов и добрые советы, а также художнику Сергею Бигсс за дружеский подарок — обложку.

Автор.

Иркутск.
Январь 1924 г.

Рис. 1.

Рис.

М. В. Красноженова.

ВЗЯТИЕ «СНЕЖНОГО ГОРОДКА»
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Со времени проведения Сибирской железной дороги на сибирскую территорию хлынула большая волна переселенцев, которые влились в старожильческие селения и рядом с прежним укладом жизни сибиряка начала строиться новая жизнь, совершенно отличная от привычных форм и традиций старо-сибирского быта.

Особенно резко столкнулись разные мировоззрения переселенцев со старожилами там, где к старожильческим селениям приписывались новоселы, пришедшие из разных губерний России. Разные формы хозяйственного и бытового уклада встречались с определенным положением, завоеванным трудом целого ряда сибирских поколений, систематически выработанной хозяйственной укладкой сибиряка.

Сильно всколыхнула сибирскую жизнь русско-японская война 1904—1905 г. и революция 1905—1906 г. г. Масса новых неожиданных переживаний и понятий вклинились в сибирскую среду.

Наконец, последняя война, завершившаяся грандиозной в мире революцией, принесла полное разрушение прежних устоев жизни и воззрений не только городского населения, но и сельского. Появились новые порядки, отрицание всего пережитого, зародилось новое содержание жизни сегодняшнего дня, и старое все куда то отходит и забывается.

Среди этого старого, так быстро уходящего от нас, есть чрезвычайно много интересного в бытовом отношении и важного

для изучения характера населения. А поэтому на нас, свидетелях распада старого уклада народной жизни, лежит обязанность за фиксировать все, что только возможно, из народной жизни, народных верований, обычаев и обрядов недавних дней.

Если мы возьмем воспоминания людей 60—70 г г, то по сравнению с воспоминаниями 80— 90 г г. уже получается большая разница. Это—в городах. Сельская жизнь дольше сохранила традиции прошлого и многое из глубины прожитых столетий донесла до наших дней. Но данный момент —момент решительный, ломка идет громадная, захватившая сильно и деревню. Так под влиянием изменяющейся жизни последних лет у нас на глазах отходит в прошлое один интереснейший и оригинальнейший обычай, связанный с празднованием масляницы—обычай постройки и взятия «снежного городка».

Празднование «широкой масляницы», по церковному, «сырной» недели—во все времена по всей обширной России отличалось широким размахом. В этот праздник русский народ, по старинному выражению, ставил «последний грош и тот ребром», то есть, на масляницу ничего не жалели, ничего не берегли, забывая о нуждах завтрашнего дня, лишь бы в общем, чисто стихийном, разгуле не отстать от других.

Поэтому наши заботливые хозяйки-сибирячки из недостаточных семей еще до масляницы старались сберечь и отложить некоторые продукты, чтобы иметь возможность сделать потом все, «как полагается у добрых людей».

С понедельника начинали приготовлять громадное количество квасов, пива, сусла и бражки. Сусло варилось разное, с ягодами черемухой, калиной и др. Приносили в избу масло, яйца, белую муку и хозяйки не стходили от квашенок и печи круглые сутки, варя «масляную» или «хворосты» целыми бельевыми корзинами; стряпали сдобные калачики; шанежки с творогом, с «належкой» и ягодами, «тарочки» с изюмом и вареньями; пекли вафли, заварные калачи, розочки, масляные орешки и т п. «печенье к чаю». Жарили рыбу, делали большие рыбные пироги, рыбное холодное заливное, драчену, яичницу, стерляжью и других сортов уху и т. п. Все это заготовлялось для приема бесчисленных гостей—кумовьев, сватов и вообще всей многолюдной деревенской родни. Для домашних еще с понедельника к утреннему чаю подавались тонкие яичные блины, а чаще гречневые.

С четверга («перелом масляницы») полным темпом шло взаимное гощение и угощение. Все ездили друг к другу в гости, дома оставляя про случай кого либо из подростков или пожилых женщин, а все остальные семейные разъезжали по гостям не только в своей деревне, но ездили и в другие деревни к родственникам, сватам и кумовьям, где также ходили из дома в дом. Вообще «гуляли» компаниями, заранее сговорившись об очереди В каждом доме угощенье было уже готово, столы накрыты; гостей встречала приветливая хлебосольная хозяйка, усиленно упрашивая «отведать» всякого разносолу, расставленного на столе. Рюмка водки или стакан бражки гуляет из рук в руки, разговор становится все шумнее, говорят заплетающимися языками, не слушая друг друга; кое-кто пьяным голосом затягивает песню, нестройно подхваченную другими, но распеться не удается, так как эта шумная ватага долго не засиживалась в одном доме, а торопилась побывать по очереди и в других домах.

Дольше засиживались за домашними и хозяйственными разговорами, а иногда и оставались ночевать гости—приезжие из других деревень. Чаще всего эти приезжие гости «молодожены», то есть поженившиеся в «этом» году (не больше года) и приехавшие гостить к родителям молодухи. Это называлось «ехать к теще на блины». Обыкновенно вся сговорившаяся компания гуляет вместе и, посидев в одном доме, едет в следующий; но прежде, чем ехать туда, катаются с песнями по всем улицам, чтобы дать возможность очередной хозяйке приготовить все к приему гостей. Разгул был так велик, что, несмотря на крепость сибирского организма, многие от излишка выпитых хмельных напитков сваливались под стол или в другом месте, но компания считала своим долгом возить эти живые трупы с собой по всем домам до их отрезвления, чтобы потом снова начать напиваться [1]

Шумно в домах, шумно и на улицах, где слышны песни, громкий говор, смех, звон колокольцев—в последние дни масляницы В это веселье взрослых на улице вливается еще задорное, праздничное настроение молодежи Молодежь, как и старшие, загодя готовится к широкой масляннце: починяют и чистят сбрую,

---

[1] Для Европейской России картины масляничного угощения и разгула ярко обрисованы в следующих работах: Терещенко. «Быт русского народа». СПБ 1848 г Диакторский. Ведомость о масляничном поведении (1762 г.) Эти. Об. 1895, № 1; для Сибири: Щукин. Народные увеселения в Иркутской губернии. Зап. Р. Г. О. по отд. этногр. т. II стр. 393—395.

налаживают просторные дровни и кошевы, намечают место для общей катушки, устраивают козлы, настилают помост, навозят снег, поливают водой, а по краям ската и дальше ставят ели и пихты «для красоты». С четверга начинается катание молодежи на лошадях большими компаниями, с песнями, шутками, задорным смехом... Лошадей украшали возможно пестрее разноцветными лентами. В некоторых деревнях по улицам катались ряженые и возили столб с колесом; у перекладины столба садили мужика или бабу; в других селениях устраивали на полозьях лодку с гребцами и ряженными, а иногда какая-либо баба садилась в короб с прялкой и ездила по улицам—это была «Госпожа Масляница». (Подобные указания относятся к Канскому и Минусинскому уездам). Компании молодежи ездили с песнями по улицам, потом ехали на катушку, а с катушки катались на санках, телячьих шкурах и лотках, подмороженных снизу льдом. Особенной славой в деревнях, окружающих Красноярск, пользовалась Торгошинская катушка, которая была не очень высока, но раскат ее тянулся около версты Интерес к Торгошинской катушке повышался тем обстоятельством, что сюда съезжались казаки и горожане из Красноярска, приезжала казачья молодежь из Ладеек, Березовки, заимок—Долговой, Зыковой и др. П этому катание здесь было оживленнее и веселее, чем в других местах.[1] Молодежь также гостила и по домам; особенно охотно собирались в те дома, где были взрослые девушки—невесты, которые, приглашая к себе гостей, сами их и угощали, а потом опять все ехали кататься, пока холод снова не загонит в какой-либо гостеприимный дом. Так справлялись последние дни масляницы во всех деревнях. Для Минусинского уезда в эти дни характерными являются конские бега, устраиваемые почти повсеместно. Особенно выделяется последний день—«прощеное воскресенье». С утра этот день пожилые шли к обедне, стараясь попасть потом и к вечерне, после которой выполняли обряд прощения с батюшкой то есть просили прощенья у священника за какие-либо обиды, а он в свою очередь у «мира православного» просил отпущения своих грехов Выполнялось все это торжественно: священник делал на амвоне земной поклон в сторону мирян, а миряне все отвечали земным поклоном

[1] О катушках: 1) Терещенко. Быт русского народа. СПБ. 1848, 2) Сахаров. Сказания русского народа СПБ. 1849, 3) Щукин. Народные увеселения Иркутской губернии (1853 г.) Зап. Р. Г. О. т. II по отд. эти.

ему. Между обедней и вечерней ходили на кладбище «прощаться с родителями».

Более молодое поколение продолжало веселиться; но гости в воскресенье, уходя, тоже прощались с хозяевами, прося забыть взаимные обиды.

К вечеру разгул начинал стихать: ездили и ходили только попрощаться—ходили дети к родителям, крестники к крестным, более молодые к более пожилым... Вечером «семейные» все собирались вместе за последней масляничной трапезой и старались есть как можно больше, помня наступающий великий пост. После ужина приводили дом в относительный порядок, но со стола после ужина ничего не убирали, а только закрывали салфеткой; в других местах на стол, уже прибранный после ужина, клали ковригу хлеба или целую булку и ставили соль, закрыв все это салфеткой. Это делалось для того, чтобы достаток из дома не уходил. Затем все собирались в избе; старший в семье (дед или отец) молился вслух богу, потом все друг у друга просили прощенья,—младшие кланялись старшим в ноги; прощаясь, целовались друг с другом и говорили «Дай, господи, дождаться Светлого Праздника».—«Дай бог о Христе радоваться»[1]. После этого ложились спать. Наступала тишина, прерываемая несколькими забубенными головушками, с пьяными криками еще ездившими по улицам. В Минусинском уезде в прощеный день, когда стемнеет, в двух концах главной улицы жгли солому, для предохранения деревни от дурного—по одним мнениям, и на проводы масляницы—по другим. Таково было празднование масляницы в деревнях, также было и в городах. Красноярск, быть может, как губернский центр, несколько отличался—если не меньшим разгулом, то несколько иной формой уличных и общественных развлечений. Среди уличных развлечений выделялся старинный обычай, занесенный из Европ. России (а в Россию из Зап. Европы), но более сохранившийся в Сибири—устройство масляничного катанья по улицам города на „карабле" [2].

---

[1] По словам Снегирева—„Прощальное воскресенье" в Сибири слывет „целовальником". Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. 1837 г. т. II.

[2] О „карабле", как сибирском обычае, говорится у Терещенко: «В Сибири было в употреблении возить по улицам огромной величины корабль, с парусами и снастями. В нем сидели скоморохи, медведь, и госпожа масляница».

Щукин „Народные увеселения Иркутской губернии": «В прежние года масляница торжествовалась еще особым обрядом: Городская Дума или полиция или какой-нибудь гражданин сооружали „Масляницу". Для этого связы

В Красноярске устраивалось это так: скрепляли полозья нескольких саней, на них ставили «карабль» со всей оснасткой, запрягались лошади цугом. На «карабле» помещались музыканты, песенники, плясуны и приглашенные гости. На виду всего гуляющего на улице люда праздновалась широкая масляница: стояли накрытые столы со всякой снедью, вина и закуски и тут же пекли и подавали горячие блины. Устраивали «карабль» местные золотопромышленники, из которых в народной памяти остались братья Григоровы.

По улицам, главным образом, по Большой, катался много народу в широких кошевах, покрытых богатыми коврами, также возили и колесо на столбе, на котором сидела бойкая и разбитная «Ядришиха», игравшая роль скомороха и живой сатиры, хлестко и остроумно бросавшая смелые насмешки по адресу видных граждан города и его заправил.

У мясных рядов на Каче устраивалась большая общественная катушка; она устраивалась с обоих берегов Качи, одна на встречу другой. У каланчи, на Песочной улице, катушка казачьей молодежи. В Благородном собрании устраивались танцевальные вечера и маскарады, по частным домам званые блины с большими возлияниями и не малым шумом. В последние дни масленицы город шумел, звенел и гудел...

Но «прощеное воскресенье» также отличалось от других дней веселой недели. Также ходили на кладбище прощаться с родителями, также прощались друг с другом. В прощеный день часть красноярской публики, казаки и мещане, уезжали по деревням, с которыми они имели родственную связь. Особенно много горожан в 50—60 г г. в прощеный день уезжало в Торгошино, а в 80—90 г г. в с. Лыдейское. В этих деревнях исполнялась старинная казачья игра «взятие снежного городка». Откуда сюда был занесен этот обычай—установить трудно, но местные старожилы объясняют его, как память покорения Сибири казаками и их боями за стенами

вали несколько древней, образовывалась подвижная площадь. На ней возводили в роде корабля (с мачтой, оснасткой, флагами). На палубе песенники, музыканты, скоморохи, горбатая старуха, хромой и кривой старики и медведь. Цыган водит его на цепи и заставляет проделывать разные штуки. Запрягают 4 лошади и везут по улицам. Народ сопровождает «масляницу» —все шумит и хохочет. «Масляница» разъезжает последние два дня

Адрианов А. «Широкая масляница» (из далекого прошлого) «Сиб Жизнь» 1913 г. № 44.

острожков с осаждавшими их инородцами. Литературных указаний на происхождение «городков» мне найти не удалось[1]. Но в трудах исследователей старинных народных обычаев, как Терещенко, Сахаров, Снегирев и др. встречаются краткие указания на существование этого обычая и в селах Европейской России.

Приведенный в примечаниях литературный материал достаточно ясно говорит, что обычай масляничных городков известен во многих местностях Европейской России. Относительно Сибири найденный материал значительно меньше. Литературные указания

---

[1] Вс. Миллер полагает, что основа этой масляничной игры—символическая: снежный городок представляет собою зиму, которую изгоняют или разрушают силы весны. (Цитир. по ст. Ушакова, Энц. Сл. Брокгауз и Ефрон П. 1896 г., Т. 18а, стр. 756).

Терещенко А. «Быт русского народа». ч. 7: Святки и масляница. СПБ. 1848 г. «В Симбирской, и Пензенской губ. существует обыкновение строить на реке «городок» из снега, с башнями, двумя воротами и прорубью в реке. Мальчики разделяются на две стороны: на конницу—осаждающих и пехоту—защищающих. Конница, предводимая своим начальником, устремляется на приступ. Пешие отражают их помелами и метлами. Наконец, «городок» взят. Победители купают своего предводителя, а отличившихся на приступе угощают вином. Разрушив «городок», возвращаются домой с песнями»... По некоторым местностям Малороссии строят себе снежные холмики и осаждают их. Отличившимся на приступе дарят пряники и орехи...

Сахаров И. «Сказания Русск. Народа» II. 1849 г. «В субботу в губ. Тульской, Пензенской и Симбирской дети строят из снега «городок» с башнями, воротами, и разделяются на две стороны, одна охраняет, а другая отбивает. Охранителей вооруженных метлами, помелами и палками. Взрослые также принимают участие во взятии «городка». На «городок» нападают конные. После взятия «городка» взрослые воеводу купают в проруби».

Снегирев «Русские простонародные праздники и суеверные обряды». Москва 1837 г. в. 2. «В Пензенской и Симбирской губ. в субботу на масленице ребята строят на реке из снега род «городка» с башнями и двумя воротами, между которыми делается прорубь... В воскресенье происходит взятие «городка», в результате победителя купают в проруби, после чего всех участников угощают вином.

Сборник Матер. для опис. местностей и племен Кавказа в. 7. 1889 г. Тифл. Станица Бородинская. Из общественных игр можно отметить следующие: с пятницы на масленице начинают держать и брать «город». Эта игра состоит в следующем: где-нибудь, по большей части, у общественного хлебного магазина, устраивают скамейку насколько возможно длиннее. На нее становятся со всей станицы девушки, с длинными палками в руках—«они держат город». Против них сплачиваются мужчины «брать город» при участии малолетних и дряхлых стариков. Верхом на лошадях мчатся казаки брать «город», но девушки машут палками и бьют подскакивающих к ним всадников без всякой жалости. Взявшие «город» получают право перецеловать всех девушек, находящихся на скамейке».

М. С. Тюнин (очевидец) рассказывает о Воткинском заводе Вятской губернии, где ему в 1906—8 г.г. пришлось видеть «городки». Они устраивались в виде высокой (5—6 аршин) башни, заканчивавшейся площадкой с барьером, на площадке находится человек 6—7 гарнизона, вооруженного тухлыми курицами. На башню лезут нападающие, а защитники стараются их столкнуть и для этого суют им в лицо тухлых куриц.

имеются только в ст. Зобнина (на слободу Усть-Ница, Тюменского округа[1], в случайной корреспонденции из г. Ишима, Тобольской губернии[2] и в ст Адрианова[3] (без определенного указания местности).

---

[1] Зобнин Ф. „Игры". Жив. Ст. 1896 г. в 3—4 „Исстари в слободе Усть-Ницинской, Тюменского округа, утром в последний день „прощеный" масляницы делается „город". На реке Нице или на слободской площади, где побольше простору складывают по круговой линии из снега, иногда изо льда, стены, в которых прокладывают 2 столба. Сверх столбов кладется дугообразная из снега или изо льда перекладина Куски снега обливаются для крепости водой. Предварительно с лицевой стороны перекладину и столбы украшают различными узорами, прикрепляя к рыхлому снегу кусочки угля. В вверху на воротах ставят грубые изображения людей, птиц, зверей из снега В средине города укрепляется столб с новым платком на верхушке Этот городок брали двумя способами—или кто-либо на тройке промчится, не смотря на охранителей, сломает городок, или кто-либо из купцов купит городок и отдаст его на разрушение всем желающим. По разрушении городка охотники лезут на столб за платком, но так как столб облит водой и обледенел, то редко кому удается достать.

[2] Неделя 1883 г. № 14, стр 500—501. Из Ишима (Тобольской губернии).. „Высокий ледяной пьедестал, на котором возвышались сделанные из снега человеческие фигуры. Эти снежные статуи с пьедесталом почему-то назывались „снежным городком". В последний день масляницы кто-нибудь должен влезть на ледяную глыбу и столкнуть снежных болванчиков; это значит взять «городок». Право „взять городок" имеет не всякий, оно покупается за 6 рублей у строителей городка, в нынешнем году с скульпторами снежных статуй были крестьяне подгородной деревни. Желание взять городок возбуждается своеобразным славолюбием: охотник купить это право делается героем дня, о нем говорит вся ишимская публика. Но эта эфемерная слава достигается не без некоторого самопожертвования. Заплатив 6 рублей, охотник начинает приноравливаться, чтоб взобраться на „городок:" стены ледяного пьедестала гладкие, лестниц не полагается Зрители предлагают подсобить. „Давай подсобим. Ну те, братцы!" Героя подсаживают, он поднимает руки, чтобы ухватиться за льдины, но его помощники, масляничные шутники, едва он уцепится за неровность льда и хочет вскарабкаться, его перестают поддерживать и он падает, ломая себе ногти и ругаясь, при торжествующем смехе публики. После некоторых попыток „городок," наконец, берется, снежные болванчики разбиваются и летят с пьедестала, герой доволен и публика тоже.

[3] А. Адрианов. Широкая масленица (из далекого прошлого) „Сиб. Жизнь" 1913 г. № 44. «Самый простой и распространенный тип „городка" представляет высокая мачта с привязанными у самой вершины ее полуштофом, а то четушкой «кабацкой» водки. „Городок" устраивался всегда за деревней на просторе, так как сюда съезжались со всех деревень мужики, бабы, ребятишки. „Взять город" значило взобраться на верхушку мачты, отвязать посудину и там же выпить. Это была мудреная задача (мачта обливалась водой и заледеневала или смазывалась салом). На ряду с этого рода городками устраивались снежные „городки," также за деревней, а иногда и в улице, где нибудь в конце деревни Снежные „городки" в разных местах устраивались по разному. Из реза много кусков уплотненного снега выводился столб в сажень высотой, с балочками на углах Иногда над таким сооружением устраивалась снежная арка на столбах. ворота,—въезд в город и на арке опять укреплялся полуштоф или четушка с водкой. Строители города, „городча-е", представляли его защитников, против которых выступала такая же партия врагов, осаждающих город Зрелище борьбы масс, приведенных в движение, представляло захватывающий интерес для зрителей.. и т. д.

В Енисейской губернии «городки», повидимому, были распространены повсеместно. На это, по крайней мере, указывают те данные, которые мне удалось получить от местных жителей из различных местностей Енисейской губернии и отчасти из литературных данных. Более отдаленные от нас по времени сведения дает Гмелин[1], который так описывает виденный им в 1735 г. Торгошинский «городок». «Когда наступил вечер, (служилые) в последний день масляницы устроили потешный бой. На поле были сооружены из снегу 2 стены и соединены сверху перекладиной тоже из снега. Эта постройка должна была изображать крепость. Вокруг нее несколько служилых встали с длинными дубинами, а другие служилые должны брать крепость верхом. Нельзя описать, в каком беспорядке все это происходило. Никогда не подъезжало к крепости больше 2-3 всадников, большей же частью только один. Это происходило на полном скаку. Но все время их так встречали дубинками, что даже двое из них упали с лошадей и были здорово побиты. Всадники пришли в большую ярость от того, что не могли взять крепость и хотели пустить в гарнизон стрелы, но воевода не позволил этого и крепость осталась в обладании прежних хозяев.» Следующее указание на обычай «брать городок» мы находим у Степанова[2], который кратко отмечает этот обычай: «строят укрепления изо льда с воротами; сажают гарнизон, делают приступ пешие и конные. Первые забираются на стены: последние рвутся в ворота. Метлы и нагайки составляют оружие». (Эти данные относятся к 1822-34 г.г. прошлого столетия, т. е. через сто лет после Гмелина). Несколько подробнее Степанова сообщает А. Терещенко[3]. «В Енисейской губернии парни строят на льду ледяную крепость с воротами; сажают туда охранительную стражу, пешие и конные идут в атаку, пешие лезут на стену, а конные врываются в ворота, осажденные обороняются метлами и нагайками. По взятии крепости победители идут с торжеством, поют песни и кричат радостно. Отличившихся ведут впереди, потом все пируют».

Опросный материал местных жителей дает следующую картину распространения «городка» по губернии:

---

[1] Gmelin. Reise durch Sibirien. B. I s. 385-386.

[2] Степанов. Енисейская губерния. СПБ. 1835 г. ч. II, стр. 114.

[3] Терещенко А. Быт русского народа ч. 7. Святки и масляница. СПБ. 1848. Встречаются упоминания о „снежных городах" и в художественной литературе. Напр. у Георгия Гребенщикова «В просторах Сибири». т. II. П. 1915. стр. 249-250.

Ачинский уезд. С. Балахта „Был устроен «городок» из снега и льда; гор док» этот я видел издали, за многочисленностью народа и экипажей, окружавших его, хода взятия «городка» уследить не мог" Это сведение относится к началу 900-х годов (Н. Г Тарасов) «Городок» в Балахте был в двух местах на р. Чулыме в Балахте и на рч Балахтинке в Куличках. Народу съезжалось очень много, «городок» брали под вечер (Е М. Юдина).

Канский уезд. Гор Канск. «Городок» устраивался за городом лет 45 назад (конец 70 х годов прош. ст) Подробностей не помнит (Г. С Любенецкий). С. с Ирей, Торбыш, Огинское и др. «Городки» устраивались на масляница, при чем в Торбыше «городок» устраивался на берегу р. Тырбылки, а в Огинской и др. деревнях в улице. На воротах «городка» были фигуры, но без особого значения, в зависимости о. фантазии скульптора. «Город» откупали, т. е собирали деньги на вино и приступали к штурму и защите. В ход пускались метлы, хворостины, трещетки, чтобы испугать лошадей. (К. Т. Степанова).

Минусинский уезд. Город Минусинск. «В Минусинске «городок» устраивался в двух местах: на протоке пониже пароходной пристани, и выше города за Пятницкой площадью. Форма «городка»—две стены и между ними ворота, на воротах ставились из снега же разные фигуры животных и людей, особенно часто на верху в рог красовался петух. Защитники были не только пешие но и конные. Во время взятия «городка» играла музыка (гармоники или скрипки).»

С Городок на реке Туба. Также устраивался «город», который пользовался популярностью, а поэтому съезд был много людей.. Приезжало много из города Минусинска (Е. Д. Широкова). Последний «городок» помнят в Минусинске приблизительно в 1884-1886 г.г.

Село Новосёлово. «На масленице всегда устраивались «городки», на верху ворот ставили фигуры казака, петуха, бутылки и рюмки. Прежде чем начинать бой, собирали откуп. Часто местное купечество заранее покупало боченок вина, который и отдавался устроителям. А иногда на собранные деньги всей компанией шли в кабачек, после взятия «городка». Народу «на взятие городка» набиралось много и пешего и конного». (П. К. Жигалов).

Село Каратуз. На маслянице по заведенному издавна обычаю «брали городок». Обычай этот заключается в следующем: каждый год последний день масляницы делается из снега аркадве, на верху небольшая лошадь из снега с таким же всадником. Это называлось «городок». Его должны взять кто-нибудь из молодежи, находящейся верхами, а брать, т. е. разрушать этот «городок», очень трудно, так как его защищают многие с палками, метлами и т. д [1].

Красноярский уезд. Первые сведения об устройстве «городка» в Красноярском уезде, как было сказано выше, мы находим у Гмелина под 1735 г. (следующие данные дает Степанов: 1822-1834 г г.) В средине 19 века в окрестностях Красноярска «городки» были обычным явлением для казачьих селений Базаих», Торгошино, Ладейки, Березовка, Терехина, Есаулова, Частостровские Подсолки, и для заимок – Долговой, Чанчиковой и др.

Самый популярный городок был Торгошинский, куда приезжала чуть не вся красноярская сотня казаков, прочно связанная с торгошинцами родственными узами. Также бывало много горожан.

Торгошинский «городок» строился солидно и на воротах его, кроме обычных аттрибутов, ставились снежные фигуры пеших и верховых казаков, одетых в настоящие казачьи костюмы времен Екатерины II. Но почему-то губернская власть наложила запрещение на Торгошинский «городок» и обычай этот прекратился не позднее, повидимому, 70-х годов, так как в 80-е годы гремела слава только Торгошинской катушки (Е. А. Красноженова и А. И. Суриков) В других селениях этот обычай сохранился до наших дней. Так в Терехиной и Есауловой были устроены последние «городки» в 1908 г., в Базаихе и Березовке в 1912 г., в Ладейках в наши дни, т. е. в 1922 г

В 1908 году я ездила в Ладейки в начале масляной недели, чтобы заранее узнать, будет-ли в этом году устраиваться «городок». Но оказалось, что в эту масляницу «городок» не предполагался, а потому я своей поездкой воспользовалась для собирания материала о «городке» по рассказам местных жителей Меня направили к „городничему", – крестьянину той же деревни Карпу Шахматову. Из беседы с ним выяснилось, что обычай этот вы-

[1] Восточное Обозрение. 1903 г. № 54. Корресподенция.

полнялся преимущественно взрослым населением в 50-60 г.г.— казаками, а позднее крестьянами. При этом оказалось, что существовал особый руководитель «городничий», на обязанности ко орого лежало следить за порядком боя при взятии городка; он же должен был давать знак к началу боя Но так было в прежние годы и последним городничим был Карп Шахматов, со слов которого я и буду описывать Ладейское действо.

«Городок» устраивался так: в начале масляной деревенская молодежь принималась за устройство «городка», делала из снега на льду р. Енисея двое ворот одни против других, на неб льшом расстоянии. Верхняя перекладина на воротах украшалась снежными фигурами казаков пеших и на лошади, с винтовкой за плечами. У ворот ставились снежные пушки и другие аттрибуты крепостной защиты На внутренней стороне других ворот делали из снега стол с полным собранием угощений, тут ставили графины и бутылки, закуски, пироги и т. д., но все из снега и льда.

В „прощеный день" часам к 3 собиралась около городка масса народа, нарочито приезжавшего из ближних деревень и города. Именитые горожане жертвовали устроителям города деньги на „угощение", т е. на водку, это называлось „выкуп или откуп города".

Кроме доброхотных жертвований, устроители еще проходили по рядам всех собравшихся зрителей с медяными тарелками, собирая все на тот же „откуп".

Около ворот города с внешней стороны, по обе стороны, становились защитники с хворостинами и метлами в руках. Часть молодежи имела в руках трещетки. Напротив „защитников", в кошевках и верхом становились на порядочном расстоянии нападающие.

Перед началом боя „городничий" объезжал „город", чаще всего в телеге, чтобы виднее и слышнее было, смотрел, все ли в порядке, затем кланялся собравшимся и читал стихотворное произведение под названием:

Начатие и прибытие прошедшей масляницы.

Говорила я: здравствуйте, любезные мои сибиряки,
Как военные, так и казаки.
Как я была довольна вами,
Вашими блинами, оладьями и пряженниками.

А досидку вашу столь приятно пила,
Что чуть я не умерла.
Сибирское ваше пиво и штаны с гузна сбило.
А жены ваши голубки
Заложили дубасы и юбки.
Столь торжествовали,
Что и друг друга не узнали.
Ходили и бродили по подворьям,
Яко оные курицы и становились прямо средь улицы
Пели, ревели и нелепо кричали,
И меня, честную масляницу, величали.
Когда я не могла на вас наглядеться,
Принуждена была с вами в кабаке раздеться.
Старалась я в стойке все вино выпить
И дно осушить,
Но за стойкой вино не убывает:
„Целовальник" много воды прибавляет.
Милые вы мои други,
Вижу я: доходят до меня крайние услуги.
Оных я за это жаловала „кавалерами".
И разными иными мерами;
На которых драла одёжу и пятнала рожу,
Да еще изволила определить
Между собой волосы и бороду делить.
Сего году навели на меня наглую невзгоду:
Собрались в полночь, скочили
По всем квартирам меня сочили.
Вижу я эту наглую невзгоду,
Бросилась я по всему народу.
Прощайте, мои други и приятели!
А что вы делаете надо мной,
Как над злодейкой над какой?
Я ваша не злодейка и лиходейка,
Я ваша наставница и сибирская забавница.
Набирала я свиней на целый суп,
И отравляла в инший путь;
Приказала свиньям крепко дуть,
Сколько бы свиньи не ревели и не визжали,
На рысях скоро в степь бежали,

Прибежали на показанное место,
Ставили лагери из гольного пшеничного теста,
Большую шаньгу с правого фланга поставили,
Блины и хворосты с обоих концов приставили,
А посредине стола я рыбный пирог призвала,
Ему и приказ отдала:
Чтоб форпоста объезды и караулы
Имели до второй недели великого поста.
Приходит от ставки Лапша с рапортом и орешки
Тогда я приказала зарядить яйца в смятку
В бутарей стрелять – глаза ослеплять.
Сколько было нашей силы потрачено –
О том не известно,
И сколько было в добычу получено.. (пропуск рассказчика)
Капуста да редька, та в службе не крепка,
Когда в полон гонила, много мне зла чинила,
Живот режет, в глаза лезет,
В . . . . стучит, голову ломит.
Неприятель гонит
От всей беды не знаю куда деться ..
Прибыла я в чурбане, валялась в пустой бане.
Находилась в великом страхе
Замарала я не одну рубаху.
Как бы я у вас до святые недели побыла,
То бы сказалась у каждой девки и бабы . . . . . гола.
А если бы все со мной до Святой недели поводились,
То бы все нагие и босые находились.
А теперича я в степи шатаюсь.
Своими пищами питаюсь
И об'ясняю всему народу до предбудущего году
До месяца февраля в год опять буду сюда[1].

---

[1] Только что приведенное мною произведение, так образно рисующее пьяный разгул масляничного веселья-все безобразия и излишества, до нас дошло уже в изуродованном и сокращенном виде и не вполне цензурно. Подобные произведения мне встретились только в двух работах по описанию народных обычаев. Первое-это сообщение Дилакторского, напечат. в Этногр. Обозрении 1895 г. № I стр. 118-122 под названием: «Ведомость о масляничном поведении». (Сия история о масляничном поведении Вологодского уезду церкви царя Константина и матери его Елены, что на коланче попова сына Алексея Петрова А до нея дела нет никому, ни продать ни заложить, ни за какую ману, а писал своею рукою 1762 г. месяца февраля 2 дня). В этом

После прочтения этого произведения, чтения невыразительного и быстрого, временами скандировавшего, городничий на удобной рифме подавал знак и осаждающие стремительно бросались на приступ. Но гарнизон «города» не дремал: трещетки, крики, неистовое стеганье хворостинами и метлами немедленно пускались в дело; лошади нападающих горячились, вставали на дыбы, бросались в сторону зрителей, которые с криками и смехом шарахались от них.

Некоторые из осаждающих довольно скоро отступали, но настойчивые заворачивали своих лошадей, стегали их и опять бросались на «город» снова, встречая ряд ударов и бойких насмешек над неудачей. Этот бой для многих участников оканчивался довольно серьезными ушибами и увечьями.

Битва продолжалась до тех пор, пока какой-нибудь смельчак не продирался сквозь толпу защитников и влетал в ворота, на взлете разрушая верхнюю перекладину. После этого все принимали участие в дальнейшем разрушении «городка». Это был конец. Победителя угощали вином и качали, а затем начиналось общее

произведении в последовательном порядке на протяжении 10-18 февраля описывается движение и приключения масляницы по направлению к Петербургу, торжественное ее ожидание и приготовления к ее встрече массы пива, вина и меда и т. д. В конце же рисуется баталия между торжествующей масляницей с одной стороны и хреном и редькой с другой: «Извелила масляница в Каликине кататься, а над хреном и редькой стала величаться. И нечаянно убежало 8 огурцов, самых поворотных и храбрых молодцев и так сильно на блины и оладьи наступили, что и полон весь без остатку отбили, притом же побито оладий и блинов не малое число, а остальных прогнали неведомо куда. А когда масляница о том известилась, в тот же час с печали больна явилась и приказала себя вести в Янскую, понеже там от печали не так тоскую....»

Вторая работа Терещенко «Быт русского народа» СПБ. 1848 г., в которой автор при описании масленицы в Петербурге приводит целый ряд стихотворных произведений. Между прочим он говорит: между жителями Петербурга сохранилось предание, что масляница приезжает сначала на Охту, которая поэтому именуется первоначальницей масляницы, разумея Охтинку, нагруженную блинами, оладьями и пирогами и говорящую подругам: «Сестрицы. Встречайте масляницу нам любезную

И к веселью нашим быть полезную,
Вот здесь уже раствор-блины и оладьи подрекать,
А вы готовьте более масла подливать.
Не жалейте притом яиц, сметаны и творогов,
Для напечения масляничных пирогов.
А особливо для дородных молодцев
Напечем мы поболее пряженцев.. и т. д.

Приведенные образцы говорят о большей сохранности формы и содержания, нежели Ладейское стихотворение, последнее, повидимому, является не полным остатком подобного рода произведений.

угощение и веселье участников боя. В это время «городок» доламывался и зрители разъезжались.

Заканчивая свое сообщение, считаю необходимым еще раз остановиться на архитектуре «городка» и частностях взятия его. Из рассмотренного материала выясняются следующие формы «городка»:

1) Снежные холмики (Малороссия).
2) Длинная скамья (Кавказ).
3) Столб или мачта (Сибирь) [1].
4) Башня (Воткинский завод, Вятской губ.).
5) Двойные ворота в виде арок (Енис. губ.).
6) Стены с воротами (Минусинск, Енис. губ.).
7) Круговая стена с воротами в „город", с платком на верхушке столба в средине «города» — как бы прежнее крепостное знамя (Усть-Ница, Тюменского у.).

Также не везде одинакова картина взятия «городка»:

1) Холмики—детская забава, соревнование в ловкости.

2) В Усть-Ницe крепость иногда просто откупается — капитулирует и разрушают ее без азарта, ради потехи.

3) В Енисейской губернии бои идут с увлечением и страстью, здесь как бы снова просыпается боевой дух казаков-пионеров.

Возможно, что Тогошинский «городок» потому и окончил давно свое существование, что потеха переходила в серьезное дело, оканчивающееся тяжелыми увечьями. Кроме того, приведенный мною сравнительный материал говорит нам, что Ладейский городок отличался еще одной особенностью, а именно введением в боевое действие стихотворного произведения. На подобное обстоятельство есть краткое указание у Зобнина при описании «городка» в Усть-Нице, где он говорит: «Рассказывают, что в прежнее время один грамотный крестьянин около этого «городка» читал какое-то сказание о масляница, в котором о масляница говорилось как об существе прожорливом, истреблявшем много блинов, масла, рыбы и т. д.» Заметка эта напечатана в 1896 г., материал мог быть записан раньше, а, между, тем, сохранился только рассказ о чтении стихотворения, тогда как в Ладейках, хотя и в извращенном виде, сохранилось до нашего времени самое произведение.

Тот же сравнительный материал, несмотря на местный патриотизм, придающий этому интересному обычаю чисто сибирское

[1] Ст. А. В. Адрианова.

происхождение, указывает нам, что масляничные „городки" в начале 19 века были распространены и в Евр. России. Это обстоятельство дает возможность предполагать, что обычай взятия городка можно отнести к более отдаленным временам русской истории, например, ко времени языческих религиозных воззрений, как предполагает Миллер; или к тому времени, когда русские славяне по своей южной границе должны были охранять рубежи путем постройки городков для защиты от кочевников, а быть может, это эхо петровских потешных крепостей так быстро докатилось до Сибири и здесь прочно осело в виде боевой потехи ратных людей и т. д. Если наше предположение верно, то тем интереснее, что отзвук старинной эпохи сохранился до наших дней в пределах Сибири среди местного казачества, тщательно оберегавшего боевые традиции своих предков. Хочется указать еще на одно обстоятельство: «городки»—напоминание далекой истории—народ соединил с еще более древним обычаем, дошедшим до нас от времени язычества—с празднованием масляницы.

Все литературные данные о „городках", которые мне удалось найти, зафиксированы в 1-й половине 19 в. для Европ. России, у нас же все это—обычай сегодняшнего дня, так как в Ладейках после некоторого перерыва в 1922 г. опять был городок.

Не удивительно, что сибиряк-художник В. И. Суриков, давший в своих картинах самые проникновенные образы прошлого русской истории, приблизив далекое к своему поколению, запечатлел своей кистью и яркую бытовую сценку «Взятие снежного городка», которую он объяснил, как «старинную казачью игру» в Сибири

С этим объяснением можно согласиться лишь с некоторой оговоркой. Снежные „городки"--обычай не местного происхождения, но бережно сохраненный до наших дней только в Сибири.

Красноярск.
22 мая 1923 года.

ствах вы уже не услышите звуков тунгусской речи, чаще встретите бурята, говорящего на родном языке, но господствующими являются русский язык и русский физический тип. Среди двух или трех сот дворян Гантимуровых не найдешь ничего такого, что грубо говорило бы о недавнем тунгусском прошлом,—если, конечно, не относиться слишком подозрительно к кое-где вынырнувшему орлиному носу, который—«как собака на косогоре»—господствует среди широких скул меж черных глаз, поставленных чуть-чуть косее, чем это позволительно. Этнограф, конечно, без труда снимет верхние пласты наносных почв—а их надуло, кажется, решительно со всех концов «Рассеи», которую коренной урульжанин, помнящий в дедах или прадедах тунгуса, все же не забывает еще величать «дикой». Конские бега, о которых ниже речь, дадут хорошую пробу „национальному характеру" жителей Урульгинской волости.

Об Урульге и князьях Гантимуровых можно прочитать у *Андриевича* в „Истории Сибири", гл. 5 ая, ч. I, и гл. 6-ая, ч. II. *Бантыш-Каменский*, Д. Н. Дипломатич собрание дел между Россией и Китаем, Казань 1882, стр. 14-16; у *Потанина* в соч о тунгусах (1906 г.); в материалах *Куломзина*. Некто *Вологжский* в заметке об о. *Баунт* говорит о выселении баунтовских тунгусов в Урульгинскую управу (Известия Вост-Сиб. О. И Р Г. Об-ва, т. XXVIII, 1897 г., стр. 82—85). Также, в моей работе «Орочены в Забайкалье» (Чита, 1923 г.). Из специальной литературы о бегах укажу: газета „Сибирь", 1885 г. № 2—корреспонденция из Нерчинского округа: «Конские бега»; *Кокоев*, В. Я. О бегунцах Забайкалья—„Приамурские Ведомости", 1895 г., № 55.

Джучи сказал: „На мой взгляд, высшее удовольствие—разводить многочисленные табуны лошадей пускать взапуски многочисленных двулеток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами".

Из поучений Чингис-Хана („Восток" 1922. № 3; перев. В. Котвича).

Конские бега устраиваются в течение всего года, но специальный сезон для них—*„масляная"* неделя. В другое время „бегают", сговорившись заранее о дне бега и об условиях состязания, обыкновенно, владельцы двух „славных" по округу бегунцов. На эти бега и собирается вся округа. Тем более, если соперничающие владельцы бегунцов принадлежат к разным селам, напр., один—тапачинец, другой—из Урульги. Съезжаются верст за 40 50, все равно когда: в сенокос, в жатву. Конечно, виновники бегов стараются „приноровить" день состязания ко времени, так сказать, безразличному в сельско-хозяйственном отношении, напр., к затишью работ между началом сенокоса и концом пахоты.

Но можно сказать, что бега до масляной или после нее—событие случайное; они являются отражением бегов на неделе перед „чистым понедельником". Масляная же—это сплошная беговая оргия.

За деревней по „большой дороге", к западу от которой тянутся отроги Яблонового хребта, с раннего утра до „потемок", начиная с пятницы масляной, копошится толпа всадников. Лихорадка длится, захватывая первую неделю поста. Толпа то разделяется на две „стены", пропуская с гиком и гамом пущенных к ней по дороге лошадей; то „свернувшись" в густой пчелиный клуб, колышется, орет, спорит, ругается. Не редкость—драки, заушенья, удары нагайкой. Крики то всей толпы, то отдельных, разгоряченных и опьяненных воодушевлением толпы, субъектов висят в воздухе: „Отпустили! Пошли! Спушшают! Заводят!" А когда бегунцы, действительно, „пошли": Рыжа вперед! Заронила (отсгала)! Вытянулась на узду!? Сади! бура!![1]

Иногда орава увеличивается—это значит „большой бег". Кто-нибудь „заколотился" на большую сумму. Многие заинтере-

---

[1] Вытянуться на узду—уйти на голову вперед; садить, бежать—синонимы.

сованы, как вкладчики. Владельцы лошадей[1] могут начинать бег и на ничтожное пари („заколачиваются"), но „бегущих" поддерживают стороны, „мажут" Обычно, бегунцы собирают вклады своего же села. „Заколачиваются" по корове, по „барафчану" (прошлогодний теленок), по коню, по ямане (коза), по возу сена, на деньги. Есть „горячие" субъекты, про которых говорят: „он, че есть, бабу заложит!" Деньги обеих сторон передаются особому лицу, которое и держит их до тех пор, пока лошади перейдут мету.

„Дают заруки (заклад) честному человеку для всякой правильности. Ешлиф за спором дело—тот человек держит заруки до суда". Если лошади придут вряд—„пирибег". То же самое, если один из бегунцов по какой-либо причине уйдет с дороги в сторону.

Бегунца узнают „через пробу": „пропускают" с другой лошадью, чаще всего с беговой же. Замечают „уском", повадку бежать.—Я приведу отрывок из одного чрезвычайно характерного письма, полученного мною в марте 1923 года. Пишет старый (лет 60-ти) священник, который живет в Урульге 25-й год: „Сегодня пятница св. пасхи—знаменитые бега. У дяди Сергея в 1921 г. родилась кобылка, смесь от нашей игренюхи и персидского жеребца Володи Абедина (Володя в прошлом году умер в Манджурии). Вот эта кобылка и пожинает лавры. На масляной выбежала три бега. Сам дядя живет в Былкэртуе (кочевье бурят верст за 50 от Урульги. Е. Т.), а бегами руководил Сашка. Седоком был Сережка (о них смотри ниже. Е. Т). Все боятся пробежать, но постом нашелся соперник и вот ударились бежать в сегодняшний день.—Заклад: два бычка боровчана, один бычок—кашерик (годовалый теленок), барануха с барашком и 10 руб. золота. Сегодня у Стуковых (фамилия „дяди Сергея") беспокойство. Сашка очень уверен, впрочем. Народ, конечно, все кладут за стуковску кобылу. Я думаю тоже, она убежит. Расстояние небольшое—300 сажен. На это расстояние она и понюхаться не дастся, но и соперник не из последних бегунцов. Ему 5 лет, и он за свою жизнь только раз пробежал на абоне (летние бурятские праздники, когда устраиваются массовые бега. Е. Т.), а то на всех абонах при-

[1] Впрочем, можно бежать и на чужой лошади, тогда договариваются с владельцем и до момента бега держат лошадь у себя во дворе, соответствующим образом ее обихоживая—об этом ниже.

ходил первым. Одна надежда, что ему 5 лет, а персичке 2 года. А известно, что жеребята сначала бегут очень быстро, а пожившие лошади разбегиваются с годами... Персичкой любители конского спорта заинтересовались и даже вымеряли ее ускоки, и оказалось, что она делает по 34 четверти и даже иногда до 36 четвертей ускок. Такие ускоки (до 3-х сажен) редкая лошадь делает....

...После бегов. Спускал свою кобылку рыжую сам Сашка и пустил немного позднее. 15-20 сажен и рыжая была уже впереди, но затем сивый (соперник) начал нагонять, и к мете не догнал только на шею, а за метой был уже впереди. Так что Сашкина рыжуха взяла только шеей. Будь еще на 4 или 5 сажен дальше мета и рыжуха пробежала бы. Дядя Сергей был на верхней мете, и что он, бедный, пережил—страшно сказать. Народу было видимо-невидимо. Сначала голоса гремели: „сивый! сивый! сивый!"—у дяди душа в пятки. Но вот стало слышней: „рыжа! рыжа!" Потом опять: „догонят!".. Наша тетка была на бегах и говорит, что рыжуха красиво бежит".

«Дядя Сергей» Стуков—кровный урульжанин. В предках (прадеды)—буряты (со стороны отца). В описываемый (в письме) момент ему сорок три года. Когда-то в молодости его попробовали учить в Нерчинской бурсе, но ученье не пошло в прок, и свободолюбивый первенец престарелых родителей возвратился на всегда к урульгинским пажитям, где паслися «вольны не хранимы» стада его отца, священника (заступившего в свою очередь отцовский же приход). Дядя Сергей „сел на хозяйство". Тут и начинается его карьера, как ладильщика, коновала, владельца большого табуна, в котором не выводились бегунцы. Лет за 7 до европейской войны Сергей ликвидировал хозяйство, деньги «положил на книжку» и, поступив молотобойцем на железную дорогу, мужественно вплоть до осени 1921 года тянул лямку „железнодорожной кобылки", которая живет от платежного до платежного и не умирает только потому, что некогда. К 40 годам Сергей росту без 4-х вершков три аршина, волос—грязножелтого цвета, глаза—серые, хищные; бороду бреет, в закопченных усах—намертво вросшая трубка (курит «самосядку», которую выращивает в изобилии рядом с другой „овошшю", жена, неграмотная женщина из Талачей, по происхождению тунгуска). Осенью 1921 года

Сергей Стуков, утомленный „легким рублем", рассчитался с кузницей и опять сел на хозяйство—и теперь уж, видимо, надолго. Кстати же подросли дети. Трое сыновей: старший, Сашка, 20-ти лет; средний—17-ти, малый, Сережка, по 12 му году (девчонки как-то умирали). Жена—вечная царица улья и пчела работница—с детьми за одно вырастила 4 коровы. а с коровами как то сами собой появились лошадь, другая... Может быть, даже все и началось-то с «нашей игренюхи», о которой говорится в письме. Словом, дяде Сергею по возвращении с железной дороги пришлось только перекрыть старые отцовские стайки, кое где поправить пошатнувшиеся столбы, и вот вам—картина „большой семьи", которую представил нам сосед Стуковых—мой корреспондент. Хозяйство ведет Сергей, сыновья работают. Собственно, все делает Сашка; „хозяин," самое большее, живет на заимке, покуривая трубку и постреливая белок. Но при холостых сыновьях в доме большак—отец. Сашка еще не женат. Он кончил 3 отделения начальной школы, дальше не пошел, просидев в 3-й группе три года. Зато „на земле" сказался тароватым. Он из „седоков". Лет с 9-ти, пока не „отяжелел"—был возим по хорошим бегам. К 20-ти годам опыт юности и наследственное пристрастие сделали из Сашки «другого дядю Сергея»—энциклопедиста по части познания лошади, а, главное, владельца бегунцов и страстного любителя бегов. Из школы Сашка вынес некоторое уменье писать да слабость к стишкам, которые он и сам сочиняет—в виде частушек, романсов (напр., на мотив „Трансваль, Трансваль, страна родная"), где любовь, ревность, месть и даже убийство безыскуственно варьируют на всевозможные лады. Сашкины песни поют в деревне. Но эта «культура» ничему не помешала: Сашка, позабыв ариометику, добросовестно запомнил все приметы и сбряды, связанные с лошадью, ее привычками, болезнями, возрастом. Он безошибочно „по зубу и так" определит «сколько трав съела лошадь». Любит поменять лошадей—„как цыган".

От сына и отца Стуковых я получил зимой 1921/22 годов и летом 1923 года немало сведений о том, как надо готовить лошадь к бегу, „ладить". Мать Сергея, Сашкина бабушка, Анна Михайловна Стукова (умерла осенью 22 года, 74 лет от роду) „старая попадья", передала мне формы ворожбы и некоторые пословицы. Ворожила она сама, еще в ту раннюю пору жизни

когда дядя Сергей, порвав с бурсой, принял на свои широкие плечи отцовское хозяйство.

Я опросил другого урульгинского ладильщика—«Абдея» (Авдий). К сожалению, мне не удалось подробно выяснить биографию этого интересного человека. Родом он из Байцетуя—селение, лежащее в 35 в. от Урульги. Лет с 8 ми до начала юности был в седоках (обычная карьера ладильщика). Дальнейшее остается неясным, может-быть, и для самого Абдея. Я с детства помню его маленьким мужиченком („замухрыш"), очень сутулым, лицо сморщенное, глаза голубые, ясные—живет бобылем, всегда в «услужении» при каком нибудь суде, волостном правлении и т. д. В 1921/22 г г. я застал Абдея сторожем в канцелярии народного судьи. Он успел пожениться, похоронить жену и сейчас всюду появляется в сопровождении очень здорового мальчика лет 3-х; может-быть, это был его сын. Но «может-быть» совсем не мешает Абдею любить ребенка почти так же страстно, как он привязан к скрипке. Абдей в моей памяти—постоянный музыкант на вечерках, свадьбах. Талант у него природный, несомненный. Абдей один из тех мужичков, которые хранят „национальную музыку" без всякого, впрочем, для себя труда, потому что «благословенны». Ладильщик Абдей тоже не бездарный. К делу этому он относится с уважением и верой. Ниже я приведу точные записи его ладильщицких рецептов. Но к Абдею, как ладильщику, многие сельчане относятся насмешливо. Его признают, но не уважают. А это очень важно: надо, чтобы вокруг бега стояла постоянная атмосфера совершенного доверия и неубывающей серьезности. Абдей же какой-то чудаковатый. Он, как говорят урульжане, «заполошный». По поводу своего отношения к бегам он сам признавался мне: «Это рыск. Я на бегах рыск (риск)». Про человека, который очень уж осторожен, Абдей говорит: «он рыск не смекат».

Зато есть у нас в Урульге другой ладильщик – Яков Митрич Золотухин—этот насмешек возбудить не может. Это единственный по округу ладильщик. „Яков знат", говорят в тех случаях, когда дело идет о какой нибудь темной детали бегов. Ему сейчас 54 года, с 8-ми лет до 16 ти в седоках, потом „бегал сам". В хорошие времена «водил по кругу во близи» (по окрестным ближайшим деревням) 3 4 бегунца. „Я выбегал без шшота", сказал он мне: «а пробегал за шшотом. Убытка па майму не терпел. Не знай, как другие думают». Дело свое он любит до страсти, и хотя сейчас поразорился и

живет незаметно, но, если на очереди хороший громкий бег—поставит последнюю лошадь, корову—все, что есть. К сожалению, должен с грустью признаться, что мне не удалось войти в доверие к Якову Золотухину—очень осторожный человек; может быть, побоялся, что расскажу кому нибудь о „суевериях": время как раз было «антирелигиозное» (22-ой год), в Урульге преследовали заезжих лам и шаманов, даже отдали под суд председателя волревкома, написавшего знакомому ламе удостоверение в том, что лама этот имел успешную врачебную практику среди жителей села Урульги за время тифозной эпидемии тогда-то .. Но все же я воспользовался советами Якова по организации самой системы бегов, за что и приношу ему глубокую благодарность. Надеюсь, что в следующий раз Яков Митрич отнесется к моим расспросам с большим доверием. Золотухин из Талачей: в Урульгу «выкочевал» лет 25 назад, дед у него русский, «правдед»—выкрест; в предках—тунгусы Бальдовы.

«Я бы с них содрал шкуру, выворотил бы... Но мне жизнь дороже всего",—говорил мне Яков Митрич Золотухин про одну компанию мужичков, посуливших ему „ножа" в случае, если Яков будет „ладить" лошадь против их бегунца. – В беге все дело решает ладильщик. «Силу коня поставит на точку ладильщик»,— как совершенно справедливо выразился однажды Абдей в беседе со мной на тему о бегах. Так что, собственно, лошадь в беге как-будто значения не имеет—плохая она или хорошая—важно, чтобы ладильщик был «добрый». А тем более, если с искусным ладильщиком соединился опытный „порчун". Ну, тогда дело совсем хорошее: „Порчун где ударится—убежит. На виноватом коне убежит"... (Абдей).[1]—«На бегунца могут «хомут одеть»—«пуздря опухнет» (Абдей). Мне не удалось собрать более подробных сведений о том—как «надеют хомут». Некоторые признаки дают право думать что хомут на лошадей надевается так же, как на людей. А «людской хомут» описан Г. С. Виноградовым в его работе: „Самоврачевание и скотолечение у русского стар жилого населения Сибири" (1916 г. П.) На стр 30 о хомуте читаем:

---

[1] О роли порчунов в бегах мне не удалось собрать сколько нибудь определенных сведений, а передавать сообщения, полученные из вторых и третьих рук, я не считал возможным. Думаю только. что роль эта крайне характерна и значительна.

Болезнь выражается в опухоли половых органов; иногда опухоль распространяется и на бедра. Хомут набрасывают часто по злобе, а то просто „ради насмешки"; например, девки „подшучивают" над парнями; „бабы редко займуются такими делами", разве по просьбе девок. На конский волос, завитый в кольцо, наговаривают... и бросают его там, где намеченный человек должен пройти. Иной раз бросают так неосторожно, „где попало", что хомут может попасть на невинного, напр., на ребенка.—не всякий, умеющий надеть (набросить) хомут, может снять его. Снимают с помощью наговора, при произнесении которого больное место обводится пальцами и смазывается у животных—дегтем (причем одни знахари берут деготь с колеса, другие—прямо из „логушка"), у человека коровьим маслом. Некоторые знахари больное место натирают какою-то травою".—Этот наговор „от хомута" удалось отыскать тому же Г. С. Виноградову уже после напечатания указанной выше книжки. Текст его любезно сообщил мне собиратель. Он находится в рукописи с заговорами, которая представляет из себя ¼ листа старой бумаги, письма конца XVIII или начала XIX столетия на 36 ненумерованных страничках; подмочена, кой-где закапана воском, тщательно сшита. Вот этот заговор:

«Стану благословясъ пойду перекрестясь издвери вдвери изворотъ въ ворота въ чистое поле подвостошную сторону какияну морю наакияне море стоитъ латыръ каменъ я приду рабъ божіи [имярек] налатыре камене сидитъ пречистая богородица Михаилъ архангелъ грозныхъ силъ воевода я приду помолюся ипоклонюся раба божия имракъ пособи и помоги от ворона воронавича от колдуна колдуновича от бабы колдуньи от девки простоволоски от двоезубсва от троезубова от шепоты от ломоты стану я рабъ божіи пособляетъ и наговариватъ от всякихъ скорбеи иболезней о матушка кака река сколь ты быстро течешъ смываешъ круты берега и желты песка снеси ты у такова то раба божия имрак скорбь иболезнъ и прогони ты скорбь иболезнъ вчистое поле врукавишное море как отъ тела от меня отходитъ псесъ такъ бы от его отходилъ от его от тела хомутъ испо[д] хомутникомъ ключъ замокъ поить трава василишникомъ лапушникомъ.»

В этой же рукописи записаны заговоры „на выбег".

1) В беги бегать.

Какъ гасникъ отъ меня неотходит денъну ниошну полуношну такъ бы отъ меня раба божия имракъ неотходил доброй конь какс[й]

шерьсью[1]) какъ плетью махну такъ бы остался бы какой шерсью[2] стегать поглазам[3]) трижды».

2) «Власіи Медосіи пошелъ я рабъ божиіи имракъ изызбы дверми изворотъ въ ворота вчистое поле подвостошную сторону съ добрымъ конѣмъ поводитца от строешнаго поперешнаго от колдуна от заугольника от рыжева от русова и закрои защити ризою от востоку до западу поставь тынъ отгородъ надо мнои на добрымъ конѣм моим».

3) «Во имя отца и сына и святого духа аминь отрыжева русова от чернова от прекослова от ворога супостата от колдуна от еретика[4]... защитъ сам исус христосъ мать пречистая богородица ризои нѣтлѣн[ной] от земли и донебеси от ста[4]... тынъ огород надомнои надобрым конѣм нар[4]... натъ конѣм над моим какои шерсью и нѣкак[4]... колдуну еретику и немог[4].... он нѣзритъ несмотритъ--наменя раба божия имракъ как от огня и от пламя жъ жетъ и палитъ такъ от меня раба божия имрак жгло и палило и колдуну еретику сучева в зубы лемота въ щеки судорога в ноги железны муки въ глаза невидел бы меня раба божия накругу начерте и сконѣмъ моимъ какои шерсью во имя от отца и сына и святаго духа аминь ключъ замок и возму ету свету молитву запру заключу инѣкому колдуну еретику ключи недостать и замка неотпереть».

Я думаю, что приведенные заговоры можно без особой натяжки относить к практике наших урульгинских беговщиков. Многие совпадения других деталей этнографии старожилого населения восточного Забайкалья, с одной стороны—и русского старожильчества волостей, обследованных Г. С. Виноградовым—с другой, позволяют с большой долей уверенности умозаключать к совпадению и в случае с «хомутом», и с заговорами «на выбег». Эти заговоры, судя по их содержанию, предусматривают как раз те самые детали бегов, которые в моих наблюдениях только зафиксированы Правда, заговоры эти имеют в виду как будто лишь лошадей, а между тем, кроме лошади, могут испортить и седока, которого поэтому опытный ладильщик от себя не отпускает, что-

[1] Имя своего коня?
[2] Имя чужого коня?
[3] Указание наезднику?
[4] Обгорело.

Указания Г. С. Виноградова.

бы не сглазили, а перед самым бегом седоку моют лицо «крешшенской водой[1]». Но об этом подробнее после, а сейчас в подрядке очереди—«про лад».

Дает показания Сергей Стуков. Сашка сидит на скамье рядом; тут же в «куте», случайно забредший товарищ Сергея—Иван Фомин, тоже «спец» по бегам, а главное, верит в «запуки». (Фомин «очень из тунгусов»..) Сергей: «К настоящему бегу ладят коня 12 дней. Можно 6, 4, 3. Хорошего—дольше. В бег коня закармливают: в волю овёс, сено».

Некто Луговской, Сергей Степанович, урульгинский старожил—продиктовал своему сыну, моему ученику (2-ой ступени в 1921/22 г.г.): «На бегунце ездят „добровольно" до Петрова дня, а некоторые и до 20 июля. Потом отпускают его на волю „гулять" до 10 или 20 го октября. Ловят, выдерживают, кормят овсом и сеном—„в волю", месяц или полтора. Перед бегом берутся ладить. Лаженье продолжается, смотря по лошади: если жирная—суток 20. Я свою лошадь ладил 21 сутки».

Лад. Стуков Сергей: „Потяг (от слова потпотить) сначала небольшой. Постель на фсё прясло (корпус лошади), седло, поезжить ступью, погорячить. Сразу не расёдлывать, ослабить подпруги, штоп спину не сдуло. Расседлают, на ветер свяжут, штоп задрожжал, просох. Потом опушшают на вольно сено Ес[т] пока станет на отстой; ведут поить. После вады - авёс. Авёс поес—подойдёт к сену (вольно); вяжут на фсю ночь на стойку. Стоит до свиту. Атзаривать начнёт—апушшают на вольно сено. Наесса—поить в волю. После вады хлеп даёцца. Ставят на весь день. Перед заводом маленькя покормят, попоят. Водят".—„Водить, канешна, смотря по коню, как будет подбираццa" (Фомин).

---

[1] **М. К. Азадовский** напомнил мне подобное же отношение к седоку в „Анне Карениной": Вронский перед скачками собирается ехать к Карениной, Кэрд (жокей) неожиданно спрашивает: „А вы куда едете, милорд?" употребив название my lord, которого он почти никогда не употреблял и т. д. Правда, Кэрд смотрит на свое дело вполне позитивно („первое дело быть спокойным перед ездой") и о „сглазе" как-будто не думает, но его отношение к бегам и отношение к лошади—совершенно в духе наших урульгинских ладильщиков (напр., „пожалуйста, не говорите громко. Лошадь волнуется"...) И вообще, надо предположить, что европейские жокеи подмешивают к своему ремеслу не малую долю „мистического" элемента,—о чем, по крайней мере, свидетельствуют не двусмысленно Толстой, из современных беллетристов—Лидин.

Сашка дополняет: «авса по 3 фунта, сушонава, вытолчинова.“—Свою „рыжуху“ Сашка после пота сразу к воде, и мыл, «пока четыре ноги все вместе не сведёт—всё моишь. Потом обсушивать—водишь горой.» В день бега утр м 6 глотков воды и фунта $1^1/_2$ овса; перед заводом—4 глотка воды.

Из записки Луговского: «для бегунца подковы должны быть ровные, вес одной подковы не больше полфунта, шипы—низкие“.

Абдеевы дополнения: «ладильщик силу поставит на точку Приведёт в рыхму (рифму?). Кавды ездить—знат. Расстоянье много роль играет[1]), ф каком теле, какой конь, какое телосложенье. Конь сырой, тело крепко—два пота, выморэску дас. Выезнова коня надо постоянно держать, а ни так, штобы ел да потел—ета уш ни конь. Сытому коню—распарка. Ежли конь распачёный—у нево шерсь мохната, дыбом. Надо выдерживать. Ежли ж жару накормили—много влият“. Когда идёт лад: «Спит ешли [бегунец]—даже ни тарк; кольда соснёт, будет поедать—вот он иво гладит, даёт ишо больше, дескать будит ли ись. Ешли конь нервничит, злицца—ф то время наднёт узду, водит, разминат—значит, конь сам себя принимаецца ладить.—Брацки строго блюдут за ладом. Вопче кормят, потят, морозят; дён 10—8 ладят. Кольда опустят кормить, штобы нихто ни шаркнул, ни стукнул, сам [ладильщик] осторожно один ходит: смотрит, как спит, как ес. Кавды ладить стали—и тибя [седока] тут же доржат; ежли пробовать — штобы нихто ни знал. У них [у бурят] всичины: Кавды атдыхат — настелят мякка сена, гавёшки убирёт Как спит—ф шэлку глидят. . А у нас чё?—идут оравой. У бурят ешли спит—ни отнюдь“.

Здесь кстати же прибавить некоторые наблюдения урульжан относительно добр тности лошади вообще.—„Кобылья виноходь, что бабья грамота“ (Сергей),—разумеется при этом, что и баба и кобыла—первая в грамоте, вторая в иноходи, тоже и в беге—хороши до первого ребенка и до первого жеребенка.—«Не покупай коня из почты, не бери жену ис стряпок, не ходи по улице бис трости» (Сергей). Потому что лошадь из почты, как жена из стряпок—„худонога, запалёна, загнита“. На коне не бегают, когда у него «зуборон» (зубы падают: передние с 3-х

---

[1] Абдей путает в окончаниях 3-го лица „зет“ и „ат“. Вообще, в моих записях больше попыток точной фонетической передачи урульгинского говора, чем действительно выполненного намерения.

лет, коренные с 4 х)—конь обессиливает и в беге „не так уж" (Сергей).

Бегунца выводят со двора.—Торжественный момент. Кладут «оберечь»—на бегунца и на седока. «До межи бегунца ведет иногда хозяин, иногда ладильщик» (Луговской).

Сергей Стуков: „Обережник свой делат: нальет воды с наговором («если крешшенска вода—без наговору» Фомин)—перед заводом в избу собируцца, посидят. Стают, хозяин скажет—«Господи бласлави», бирёт стакан с водой, чёлку мочит [потом] по фсему пряслу выливат стакан. Новой [иной] ишшо абизательно дымыкурит: угли горячи, какой-то есь каришок таксй»... Оберечь предохраняет от порчи. Еще приемы обережи:

— «Воск от боговой свечки связывают под гриву с наговором» (Сергей Стуков).

— «Мылом, которым мыли покойника, потереть под гривой бегунца» .. (бабушка Анна).

— «Штобы «прафшим» был, привязать к чёлке нательный хрес[т]» (Сергей Стуков).

Я спрашивал Абдея: «какие молитвы читают, когда выводят бегунцы из дома—для обережи?»

Абдей ответил не сразу, потом сказал неопределенно: «вопче, помошница и заступница, из доскреснет бох, живые помощи»...

Но вот повели. До межи ведёт хозяин или ладильшик. Седока не отпускают ни на шаг.

По дороге к мете бегунца может испортить женщина[1]. Поэтому впереди идёт кто нибудь «из своих» и отгоняет всех посторонних.

Абдей: «Я примету кладу: кажнова бегунца просмотрю на нижней черте. Черту чёрти раньше, штобы коня не одерживать. Когда перешагнёт правой ногой—хорошо[2]. Я примечаю: конь в другой раз туманный, невесёлый, как человек, бувает—ладильшик што-нибудь упустил».

(Бабушка Анна говорила мне. «ладильшик не должен ругацца по-матерни»).

---

[1] В Уренкере (соседнем с Урульгой селе) женщинам и девушкам нельзя шагать через конскую сбрую: если шагнет через узду, у лошади будет течь слюна: если через хомут, через седелку—лошади будут потеть.

[2] Вариант: «Если на первую мету правой ногой ступит—прафшой будит, левой—вопче чо-то такое задерживат» (Абдей).

Когда бегунца ведут «на́ мету»—кони ржут на встречу: «в голос начнут перекликацца—значит, будит прафшай. Старики примечали... Иногда на заводе [на „верхней мете"] который конь ни подсильный—на прафшаво наглядецца не может, а етот дажи и не глядит»... (Фомин).

Бегунцов ведут «спускать», а в это время дома заинтересованная семья в большом волнении. Дома, впрочем, остались только «маломочные» женщины да совсем старые старики. Все «могущее» население деревни к моменту большого бега предстоит на „нижней мете". Но оставшиеся дома, говорю, не теряют времени напрасно: все собрались вокруг какой-нибудь старушки, которая ворожит: раскатывает две одинаковых булочки и „нетронутые" садит в печь на «ровный пот»—замечает бегунцово; у которой булочки выйдет длиннее голова—тот конь и «убежит»; раскладывает пасьян: „на четыре туза"; свечи «жгёт» одинаковой величины; лопатку баранью—замечает по трещинам (?); «жгёт» нитки: которая вперед сгорит—замечают на нитку бегунца. На картах ворожат на голодный («натощах») или в то время, когда „ведут" (сообщила о ворожбе Анна Мих. Стукова).

Бегунцов «спускают».— Привели к верхней мете. Выступают новые действующие лица—«спушшенники» и «нуки». Первые это два всадника, которые будут «спускать» бегунцов. Нуки (от слова «ну!»—пошел!) «двоя с своих сторон по человеку на верхней мете (вроде понятых)—те же свидетели гля тово, ежли какая не правильность. Рас сказали: «Ну!»—начить [значит] опустить должен» (Абдей). Тут выясняется необходимость строжайшего контакта спушшенников с нуками. «Ежли неповоротливый спушшенник, нук скажет «ну!»—а он не апустит, другой же апустит—конь две меты дас, у нево уш теряцца... Спушшенник может коня спутать... Коня надо ярить, штоп конь сам себе находил ускок, расшивеливай И в сторону глядеть—за посторонным нуком, штобы впирёт не апустил. Ежли положицца особенно на маленько расстоянье—выбирай как коня же и человека [спушшенника] (Абдей). Плохой спушшенник «сам себе коня держит наоперек» Впрочем, конь на спуску «сам зрит». А тут еще «скукали да зухали, да взади плети две-три—конь пошол с аднаво нука. Ежли противник опоздал, спустил взади—дело мое, удачей взял» (Абдей). «Иногда нук распределяцца по спушшенникам, хто первый скажет: «пошли» (Николай Гантимуров).

Но вот, так да сяк, бегунцов «спустили» («Апустили! Пошли!» —кричит на нижней мете толпа всадников иногда человек тысячи в три) Теперь весь бег зависит от седока.

Я позволю себе привести отрывок из одного моего рассказа, который был напечатан в читинской газете «Фонарь» (1923 г., № 8). Дело идет о переживаниях седока. Они мне знакомы потому еще, что в детстве я сам «сидел».

«Пошли.. Смотри, чтоб не остаться на месте, прижимай ноги в паха, подайся к гриве .. Все исчезает, только ветер в ушах свистит. Во рту сухо, а сердце бьется медленно и тяжело: почти не дышишь. Но сидеть легко, качает, как в зыбке. Кизгины (повод) бросить на гриву, в обеих руках плети.

Очень важно «выскочить» первым. Хороший седок старается это сделать, помогая своему нуку: ударит с меты, вдруг, резко, в обе плети. А если «ушел» вперед и уж не слышно, где отстал противник, все же смотри на дорогу зорко. Седоку, если он уходит вперед, может «почудиться»: например, увидишь, будто по дороге твоему коню под ноги катится бочка или из-под тебя вылететь хочет. Ну, тут опытный седок должен сказать: «во имя отца, аминь» и будто махнуть в право рукой и все исчезнет.

Зато, если подходишь к мете первым —то, доложу я вам, это такая сарана с пирогом, что отдай все да и мало.

Целая деревня народу (иногда 5-6 деревень съезжаются) расступились улицей, ревут. Рев начался с самого спуска:

«Калтары-ый».—затянет деревня, когда ясно, что калтарый (гнедая масть, слово манджуро-тунгусское) с первого «ускока» вылетел вперед. Нукают, ухают, а кто просто орет, как зарезанный, потому что нельзя молчать, все опьянели, стоят бледные с дико остановившимися глазами.

Сажен за сто седока подхватывает этот усиливающийся вой. Мета мелькнет, пройдешь по ней, как по огню. Только теперь подхватишь повод, задернешь.

Окружают возбужденные люди, чуть не целуют и лошадь и седока. Опять подана кошевка, едешь домой, гордо озираясь на товарищей которые скачут за тобой шумной оравой на пузатых клячах до самого дома».

В заключение, не лишним будет сказать, что мой метод собирания материалов о конских бегах кажется мне далеко не совершенным. Я нахожу его слишком *арифметичным*, тогда как почти всякое этнографическое явление требует прежде всего *качественного* к нему отношения: необходимо вживаться и, по возможности, переживать то, что исследуешь—если дело идет не о жуках и кварцитах, а о человеке и его страстях. Я не «сделал бега» *сам*. Следовало бы *самому* «заколотиться», пригласить ладильщика, вместе с ним вставать до зари, выполняя все его советы, замечания. Кроме того, я не сделал снимков, зарисовок. Не осветил роли ведунов.

Материал для этого очерка был первоначально проработан в семинарии по русской этнографии, руководимом Г. С. Виноградовым (Педагогический факультет Ирк. Гос. Университета, 1922-1923 акад. г.)

Георгий Виноградов.

ДЕТСКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

(Из очерков по детской этнографии).

«Не только зрелый возраст, но и юность и детство имеют собственную ценность и совсем не могут быть рассматриваемы только, как переходы и мосты».

В истории каждой науки бывают моменты, когда проблемы и вопросы до сих пор стоявшие в центре внимания, на время как бы затушевываются, отодвигаются на задний план, а на их место выдвигаются и делаются очередными новые проблемы и вопросы. Знает такие моменты и история этнографии. Так, в настоящее время в этнографии целый ряд частных этнографических вопросов, постановка и разработка которых настоятельно диктуется потребностью дня. Например, встает вопрос о создании центрального этнологического института, ставящего задачей подготовку образованных администраторов для работы среди туземных племен и народов [1]. Выдвигаются „новые задачи русской этнографии в политических областях" [2] и т. д. Наконец, к этнографическим изучениям вынуждена обратиться и современная педагогическая мысль, ставя тем самым перед этнографической наукой новые проблемы и задания. И среди многих новых тем, выдвинутых жизнью на первый план, одно из видных и важных мест занимает **изучение детской жизни.**

Наша художественная литература издавна уделяла огромное внимание детской психологии и детскому быту. Нужно ли напоминать Толстого с его „Детством", Тургенева и его „Бежин луг" и всю эту галерею детских образов, вплоть до Чеховской „Дет-

воры" и „Моего современника" Короленко. Еще более обострен этот интерес к детской жизни и детской психологии в современной литературе. И литература предреволюционной поры и литература наших дней настойчиво обращается к воспроизведению детского мира и переживаний ребенка. „Детство" — Горького, „Жизнь Ивана" - Демидова, „Котик Летаев" — Андрея Белого, „Младенчество"—Вяч. Иванова, „Детство Люверс"—Пастернака, „Детство Никиты"—А. Толстого и целый ряд других. В связи с этим, быть может, уместно упомянуть и о недавней попытке сибирского беллетриста, Ис. Гольдберга, отобразить в призме переживаний „деревенского парнишки" события недавних дней партизанской Сибири. Имею в виду рассказ „Человек с ружьем" в сборнике „Закон тайги".

Вслед за художественной литературой большое внимание уделяют вопросам детской жизни психология и лингвистика. Но эти исследования, имея специальные цели и задания, вынуждены оставлять в стороне целый ряд существеннейших сторон детской жизни, и восполнение этих пробелов немыслимо без помощи этнографии. Необходимо полное научное содружество в этой области. Оказывая взаимные услуги, две научные дисциплины — психология и этнография—выиграли бы в своих достижениях. Этнография может воспользоваться психологическими объяснениями многих явлений, подлежащих ее изучению [3], а в свою очередь изыскания специалистов по детской психологии, надо думать, были бы плодотворнее, если бы опирались на данные этнографии. Школьное строительство (в полном и широком смысле этого слова) не может опираться только на психологические исследования. И в педагогической литературе уже неоднократно высказывалась мысль о необходимости более тесной связи с этнографией. Эта связь особенно остро ощущается в наши дни, когда так настойчиво и властно приковывают к себе внимание вопросы социальной педагогики. Педагогика должна опираться на этнографию.

В самом деле, и в теории и в практике, педагогике неизбежно приходится иметь дело с *детским бытом*. В детских мыслях, утверждениях, привычках, действиях, интересах отражаются те *бытовые пласты*, которые создают общую среду, влияющую на ребенка. Элементарный анализ этого понятия указывает на их совместное одновременное существование, а, следовательно, и на

влияние. Есть пласт—страна, и мы утверждаем это, говоря «русские дети», есть близкий пласт—деревня, город, при чем играет роль центр, окраина, фабрика и т. д. и есть, наконец, семья. Только разобравшись в отражениях этих бытовых пластов на ребенке, мы сможем подойти к его индивидуальности [4].

«Разобраться в отражениях бытовых пластов»—это значит, сначала распознать, а затем снять наслоения, закрывающие индивидуальность ребенка. Но такая серьезная операция приведет к нужным результатам при условии, если она будет производиться под непосредственным руководством специалистов по быту—этнографов.

Таким образом, выясняется необходимость обратить внимание на достижения этнографических изучений, в частности на изучения детского быта. Ознакомление с накопленными материалами по данному вопросу убеждает нас в том, что, хотя они собраны далеко еще не полно, но все же их достаточно для того, чтобы можно было поставить вопрос о выяснении их качества и количества, иными словами—вопрос об упорядочении их.

До сих пор эти материалы имели, в сущности, *запасное* значение, так как собирались не планомерно, случайно, без ясно поставленной цели—«про запас». Теперь пора дать отчет в сделанном, свести к некоторому единству накопленное и, в связи с этим, поставить вопрос о планомерном пополнении пробелов.

При выполнении этой задачи оказывается, что отдельные стороны детской жизни освещены достаточно полно, другие едва затронуты, иные даже не намечены. Больше всего проявлено интереса (не говоря об изучении детского языка) к детским играм, игрушкам и забавам. Здесь мы имеем и довольно солидные материалы, имеем и ряд программ для их изучения [5]. Отчетливо выражен интерес и к детскому фольклору: имеется значительное количество записей, опубликованы программы собираний[6]; в частности, предметом особого внимания делается детская песня—в целях использования ее в педагогической практике[7]. Начин ет, наконец, привлекать исследователей—правда, еще не специально, а попутно—и *поэтика* детского словесного творчества[8].

Как видим, только отдельные вопросы и стороны детской жизни являются предметом изучения. Вся же совокупная, в пол

ном объеме, область детского быта еще не стала объектом систематического изучения. Те же материалы по детскому быту, которые имеются в научном обороте, не только не охватывают вопроса в его целом, но скорее разрушают это целое, вырывая из него отдельные части и не связывая их в живое единство. Отсюда и недочеты в изучении частей, привлекших к себе внимание наблюдателей. Детские игры, песни и пр. не могут изучаться без знания *общих условий* детской жизни; их следует изучать не вырванными а в условиях реальной обстановки, реальной жизни со всеми ее элементами, во всех ее проявлениях. Детская жизнь—*не соединение частей, а живое единство*. Без грубого нарушения этого единства невозможно оторвать песню от игры, игру от этики и т. д. и т. д. Нужно целостное изучение детского быта. В целях сосредоточения внимания детский быт должен быть *обособлен* при изучении. На такой мысли необходимо остановиться при сколько-нибудь внимательном подходе к делу.

Ценны и интересны признания Кершенштейнера[9]. Изучая художественное творчество детей, он писал: «Мне казалось, будто я путешествую в новой, неведомой доселе, стране, стране полной бесчисленных красот, в *стране детей*, которые со всей прелестью и обаянием их неподдельной натуры дают все, чем природа их наградила».

Резче подчеркивая высказанную мысль, может быть, несколько утрируя ее, мы можем сказать, что эту „новую", „неведомую страну" населяет недолговечное племя, каждый представитель которого живет 12—14 лет. Оно имеет свой жизненный уклад, свою общественность, определенный круг знаний, довольно своеобразный язык, свое искусство. Это племя—наиболее первобытное из всех, изучением которых этнография занимается и должна заниматься; оно очень мало интересуется отношением к нему соседящих и совместно живущих „народов", которые мнят себя выше стоящими, более культурными и т. д. Как и всякая народность, племя это испытывает на себе влияние других—и добровольно и вследствие того, что слабосильно—поневоле. Отношение к нему „сильного народа" целиком напоминает отношение европейцев к народам не европейских культур: „сильный народ" шлет к нему не всегда понимающих свои задачи проследителей; на этой почве бывали серьезные столкновения (вспомним „кама-чей" и „апахов"), делались грубые вторжения, посылались карательные от-ряды...

В таком виде, или лучше сказать, в такой форме легче всего представит *обособленность* детского быта. Внимательнее присматриваясь к нему, можно убедиться, что в этой форме мы имеем не утрировку, а лишь подчеркнутость обусловленной мысли.

В самом деле. Быт создается различными причинами: среди них значительную роль играет и психика творцов и носителей быта. Не анализируя причин иного порядка, сейчас—имея в виду детский быт—остановимся только на последней. Детская психика имеет много особенностей (потому то и выделена психология детского возраста). Можно сказать a priori, что в силу даже одного этого, быт детей всякого народа будет иметь свои особенности. И здесь говоря о праве детского быта на внимание, быть может, следует напомнить басню о двух зеркалах, которую рассказал Анатоль Франс [10]. Дети воспринимают мир и окружающую жизнь таким образом, как это позволяют им их познавательные средства. Искажена ли картина мира и жизни у детей? Она отлична от картины мира взрослого человека, а искажена ли, кто это скажет...

Вывод из этого тот, что детство—его мир и быт—имеют свои особенности, в силу которых должен быть выделен для особого изучения ряд специальных вопросов, которые можно объединить термином *детская этнография*. Эти априорные положения подтверждаются фактическими наблюдениями над детской жизнью.

Детский быт не только резко отличается или имеет самобытные черты, но детская жизнь резко обособляется от жизни взрослых.

Есть игры взрослых и есть игры детские; те и другие, имея много общего, разнятся друг от друга настолько, что изучаются порознь. Есть песни детские и есть песни взрослых людей; те и другие, имея общее, разнятся настолько, что их при изучении разделяют. Такое сопоставление можно делать, имея ввиду и другие об'екты этнографических изучений. В результате детская этнография отмежевывается от этнографии общей.

Конечно, тесной связи между ними отрицать нельзя: «детская этнография, по словам Gabuay'я, по большей части верное отражение этнографии взрослых». Но детская этнография—не только *сколок*; она имеет вполне самобытные, не встречающиеся у взрослых, особенности и черты, обусловливаемые совокупностью особенностей детского возраста.

Надо иметь в виду, что и *слепок* с жизни взрослых не есть *копия* последней: дети не так воспринимают художественный образ, как его воспринимают взрослые их представление о мире не тождественно с представлением взрослых. Поэтому детский быт нельзя рассматривать только, как отражение или сколок с жизни взрослых. Он создается не только под влиянием взрослых. Некоторые стороны детского быта вырабатываются—мало того, что независимо от взрослых, но в результате противоборства с взрослыми, как это отмечают чуткие художники-бытописатели. Больше того, если детский мир испытывает на себе влияние мира взрослых, то есть факты, указывающие на обратное влияние например, детский язык держит под своим влиянием некоторые элементы языка взрослых (слова, прозвища).

Детская жизнь в народной массе имеет особые моменты Ребята живут и сознают себя «обособленным миром. Играют в игры независимо от участия взрослых; учатся играм, наследуя их не от «больших» непосредственно, а от «св его брата», учатся плясать—и опять таки не у взрослых, но часто в величайшей тайне от них; познание окружающей природы также далеко не всегда совершается под влиянием и руководством «больших».

Жизнь взрослых в сознании детей связана с их собственной жизнью только в отдельные моменты напр., большие их бьют, кормят... Взрослые чаще всего—посторонние этой жизни люди, кот рые иногда даже «мешают». Родители, даже мать, это не столько непосредственно желательные участники детской жизни, сколько «большие маяки» на море детской жизни. Такой отчужденности двух мир в соответствует приметная особенность устно-народного творчества: в народной поэзии детям интересующего нас возраста (когда они имеют свой быт) очень мало уделяется внимания.

«Дети— не у шубы рукав»...

«Чо он понимат—детско дело»..

Правда, в колыбельных песнях говорится о ребятах, но говорится не столько о ребятах в их настоящем, сколько в будущем.

Обособленная многими отличительными чертами, детская жизнь должна, в целях обстоятельного изучения, сделаться отдельной, самостоятельной ветвью этнографической науки. Изу-

чение детского быта достигнет желательных результатов, когда исследователями будут приняты во внимание отличительность и самобытность детского мира.

Не забывая связанности жизни взрослых и жизни детей, мы тем не менее должны в познавательных целях обособить последнюю.

Обособление, как мы видели, не только возможно (материал, подлежащий изучению, легко подвергается такой операции) но неизбежным. Наука возможна благодаря *упрощению* изучаемых явлений: ведь, если не понимать вещи проще, чем они есть, то их, вообще, совсем нельзя понять.

Еще довод: как во всякой науке, в этнографии весьма желательно применение принципа разделения труда. Практически это не только полезно, но и необходимо: один имеет больше данных, чтобы успешнее подойти к изучению хозяйственной жизни народа, другой—религии, третий—детской жизни и т. д. „Внутри себя" этнография имеет достаточно мотивов сбратить внимание на детский быт.

Этнографы, изучая культуру народных масс, мало интереса проявили к *процессу унаследования* культуры одними поколениями от других, уходящих со сцены. Этнографы имеют мало материалов для суждения, каким путем мы *вступаем во владение* культурным богатством, добытым ранее жившими поколениями. Мы изучаем все явления культуры в том, говоря условно законченном виде, в каком они представляются нам у сошедшего со сцены поколения или у поколения, наследовавшего ему. Остается пустое место, не освещенный вопрос: каким путем происходит это унаследование—передача и принятие.

Различные явления культуры передаются из поколения в поколение при их смене. Полный хозяин достояния прошлого, старшее поколение, готовит себе преемника, которым является новое поколение. Когда, как, при каких обстоятельствах наследник входит во владение?

Когда молодые люди „приходят в возраст", они уже многое знают из окружающей жизни, многие в прессы жизни или (или для них разрешены и т. д. Очевидно процесс унаследования (в некоторой, быть может, основной его части) совершился раньше,—в детском возрасте. Нужно изучать этот возраст, чтобы суметь ответить на поставленный в общей форме вопрос

Понятно, поэтому, что детский возраст имеет вполне самодовлеющее значение. Четкую формулу этой мысли дал знаменитый германский философ-поэт, чьи слова поставлены мною в эпиграфе [11].

Может быть, термин *детская этнография* сп собен возбудить возражения, но едва ли что нибудь мешает считать его вполне приемлемым в качестве рабочего термина. Он является расширением уже принятого в специальной литературе термина „детский фольклор". Необходимость в таком расширении чувствуется при всякой попытке наметить программу изучения детской жизни. Можно указать на недавний пример Богораза, который, предлагая программу по изучению детского фольклора, вынужден тут же говорить о фигурах из бичевки на кистях рук, о детских куклах, „хотя они и не относятся к фольклору" [12]. В этнографической литературе этот термин не является непривычным: им пользуется, напр., Gabnay в своей работе Ungarische Kinderspiele.

Пока мы имеем только частичные наблюдения над отдельными сторонами детской жизни; для изучения детского быта в его целом еще не предложено ни методики наблюдений, ни детально разработанных программ собирания материала, ни методов разработки. Да и накопленный материал не приведен в известность, не подвергался оценке. В этом заключается главное препятствие на пути к научной постановке вопроса.

Наиболее полную картину детской жизни мог бы дать обстоятельно составленный неписаный детский календарь. В известных в этнографической литературе народных календарях детский быт буквально тонет, теряется. Будучи выделенным, он открыл бы многие стороны детской жизни. Такой календарь нужен и составление его не представляет незозможной задачи.

Предлагаемый ниже набросок детского народного календаря составлен из материалов, собранных мною в селах и деревнях Тулунского (бывшего Нижнеудинского) уезда, Иркутской губ., главным образом, в Тулуне и его окрестностях. Моей усердной сотрудницей в собирательской работе была Софья Федоровна Гущина. Некоторые из приводимых здесь сведений относятся к Урульге, Забайкальской области (в тексте это оговорено каждый раз особо). Они доставлены мне Е. И. Титовым. Мелодии записаны по моей просьбе в Иркутской области (Тулун. у.)

И. С. Хромовских, воспроизведены для настоящего издания Д. А. Болдыревым-Казариным К сожалению, вследствие технических трудностей пришлось ограничиться воспроизведением только небольшого количества нотных записей. М К. Азадовскому я обязан добрыми советами и ценными указаниями.

Опубликовать календарные сведения *по всему годовому кругу* в данный момент не представляется возможным, как вследствие недостатка места, так и по другим причинам. Поэтому сейчас ограничиваюсь только этим беглым наброском.

Январь. 1-ое число. Еще накануне, 31 декабря, на самом исходе старого года, перед закатом солнца, матери, на вопрос детишек, скоро ли придет новый год и «где он таперичи»[13], говорят:

— Близко, совсем близко... вон тамо-ка, за лесом уж... Вот как узнете, он и придет.

— Скоро уж спать?

— А вот поедим свиные ножки—и спать.

С наступлением глубоких сумерек зажигают в избе огонь. Вытащит мать горшок или «чигунку» из печи, и начнут спрязлять традиционный Васильев вечер. В Васильев вечер, „накану[не] "Нового года, за ужином едят вареные свиные ножки. В иных местах в этот вечер варят и овечьи ножки (с. Гадалей и др.). Из длинных косточек ребяты делают «фурфарки», называемые в разных местах неодинаково: фуркалки, фурфалки, жужжалки

Новый год. Еще заутреня в Новый год не кончится, а ребятишки— вдвоем али втроем—уж бегают по избам „подсевают".

Сею—вею посеваю,
С новым годом проздравляю— .
Со скотом, с животом,
Со пшеничкой, с овсецом.
Ты, хозяин-мужичек,
Полезай в сундучек,
Доставай пятачек—
Нам на орешки.
Вам на потешки.
Здравствуйте, хозяин с хозяюшкой! (с. Шарагул)[14].

Ребятам дают хто копейку, хто две; дают и блин или аладью. Тапери мало бегают, раньше было больше, хошь и не столь, как христославов в Рождество.

В продолжении всех дней до Крещенья „ребятня" гадает и ворожит, подражая молодятнику.

Крешшенье (6-ое число). После ирдани, как попы уйдут, устраиваютца (как и в Новый год) конские бега. Десятидвенадцатилетние мальчуганы принимают живейшее и ответственное участие в качестве наездников; об этом хорошо рассказано в работе Е. И. Титова—„Конские бега в Восточном Забайкалье"[15].

После Иванова дня (7-ое число) „прядут посиденки", на которых девочки—непременные участницы „Кэк опрядем, чай пьем А потом играть примемся всяко. и „в клетки" и „в уголки", а то на улице—«в лягушки». Играли в лягушки: рубашонки рукавам на ноги наденем а у шеи—подвяжем а то и голову в рубаху же.. ну и скачем... А то ноги за уши и опеть как-нибыдь карабкасся, быдто лягушка Другой раз дак и на улицу таким родом выползишь.

В куклы тоже играли. Прежде девчонки как-то долго с куклам играли. Идешь на посиденку, несешь прялку и везешь по возочку с куклам У меня—как сичас помню—чуман был. Веревочку подладишь и везешь"

До наступления теплых весенних дней продолжаются зимние игры. У девочек главным образом, куклы, у мальчиков—уличные забавы.

Предвестницей весны можно считать Масленку. В общем веселье принимают участие и дети. Катаются с катушки на лотках, санках, телячьих шкурах, вениках, возят друг друга по очереди, катаются и на лошадях. Всё кругом поет—поет и детвора частушечный мотив:

Мы на масленке катались
И наделали беды:
Цыганёнка задавили,
Нам надели кандалы.
Кандалы забрякали,
Мать с отцом заплакали.
Ты не плачь, мать-отец:
Нас погонят, как овец.

Гуляют, обильно угощаются „большие", усиленно кормят и ребят, говоря: „Мясоедов ушел, скоро придет Киселев", или: „Мясникова заперли, скоро выпустят Киселева", намекая тем самым на наступление поста.

В прощеный день в иных местах устраиваются конские бега: мальчуганы нужны в качестве седоков.

Как только появятся первые вешины лывы, ребята спускают лодочки (обыкновенно из коры тополя), кораблики, бродят по лывам в обуви и босиком. Попозже, с появлением первых проталин, детвора, вооруженная топоришками, долотами, ножами, идет в ближайший лес *кулупать серу*, добывать из-под снега бруснику

Вербно воскресенье. С „большими" или одни, по их поручению, ребята идут рано утром к церковн-и службе по вербу. Наиболее интересный момент для них--получение вербы и особенно—возвращение домой, когда они ею „хвошшут" друг друга, приговаривая:

Верба крес—
Кверху лезь,
Верба шти—
Кверху расти .. (д. Пьянова)
Или:
Верба хлёс—
Бьет до слез,
Верба бела—
Бьет за дело,
Верба красна—
Бьет напрасно. (Тулун—поселок):

Великий четверг. Этот день ознаменовывается „стоянием" „на двенадцати евангелях," после которого несут огонь из церкви домой. Выходя с горящими свечами, озорные малчуганы тушат огни у прохожих

В этот день ребята красят бабки, спуская их в горшок с распаренным луковичным пером или веничным (березовым) листом: красят их и „куксином" (фуксин), синькой, „сининькой (копировальной) бумажкой".

Паска. „Ребята словно выросли, преобразились. И плохонькие одежонки выглянули новыми и нарядными"[16].

При звоне колоколов ребята высыпают на улицу. Одним из любимейших занятий является в это время *катание пасхальных*

лиц. Вытаскивают с вышки или с пятер, так называемую „катальницу" (желобок), выбирают полянку, покрытую прошлогодней сухой травой; устанавливают катальницу на подпорках под некоторым углом к горизонту и начинают катать яйца. Сначала все „раскатывают" по одному яйцу. По серой травке поползут красные, синие, зеленые, желтые, рябенькие яички—и бесшумно остановятся, „лягут" по два, по три, поодиночке .. Соблюдая очередь, ребята катят затем по второму, по третьему яйцу, стараясь задеть им чье-нибудь яйцо, лежащее на травке Задеть– значит выиграть чужое яйцо. Счастливый игрок, по правилам игры, может катать до тех пор, пока не „промахнется". Случается, хоть и редко, что кто-нибудь выигрывает сразу весь первый «вагон». Такого игрока на следующий раз уже не принимают в игру, говоря: «Ты опять всё выиграешь, не надо тебя". Играют долго иногда до поздней ночи

Если же нет «каталки», то «стукают» об лоб, с таким уговором: если мое яйцо раз бьется, то оно твое, а если нет, то твое мне отдашь Хитрые мальчуганы стараются ударить «носком», (наиболее острым концом яйца), ну а простоватые, бьют чем попало, и чаще всего проигрывают.

В Забайкалье (Урульга) тоже «бьются». Ходят сразы с «битком» В первый день ломают только «носок», во второй — носок и «пугу». Хороший биток можно выбрать из мелких яиц («спаришки»); пробуют, поколачивая о зубы: если звук ровный со всех сторон—биток хороший; бока дребезжат—хуже.

Другим любимым занятием на Пасхе является «качули». Ребятишки побольше сами устраивают качулю, ну а маленькие просят старших: «Повесь качулю, повесь качулю». «Весят» обыкновенно под сараем или на воротах и качаются с утра до вечера, распевая:

Раскачайте, раззыбайте—
Я скажу вам жениха:
Сане—Кузиньку,
Тане—Витиньку.

Если качается одна девочка (в таком случае она стоит на средине доски), то она поет:

Я качаюсь, нарываюсь—
Мне не надо жениха.

На другой и на третий день Пасхи девочки ходят в гости к подругам «на качюлю» и, веселые, целый день распевают на ней. Бывает, что поют не одну песню, а каждая свою, стараясь не спутаться и не «подгянуть» своей подружке. Получается громкая, визгливая разноголосица—и все заливаются хохотом.

Мальчуганы не столько заняты на качелях, сколько играют в бабки.

Ребята постарше стараются держатся подальше от «мелюзги», «валташатся кала больших», которые привлекают их к участью в своих играх— «собирать бабки»;у них же «большие ребята» покупают и бабки

— Кузька, тащи мне бабок на копейку!

— А сколько?

Кузька до семи считать не умеет. Парень его учит:

— На три пальца клади по две бабки, а на четвертый-одну.

На копейку, стало быть, «три пары (или три гнезда) с бабкой» ..

Ребята-*крестошки*, играя сами, стараются привлекать взаимовенную компанию «мелюзги», распоряжаясь ими так же как ими распоряжаются старшие.

Большие ребята и «*средняшки*» играют в бегову лапту, а «мелюзга» и девочки во „всяк свою ручку", чаще всего отдельно, а иногда соединяются в одну компанию.

В продолжении всей пасхальной недели крестники ходят христосоваться со своим крестным или крестной, несут им крашеные яйца. Те „отдаривают" крестника деньгами «на орехи» или дают „на рубаху".

Родительский день Ребята, обыкновенно мальчики, толкутся у кладбищенских ворот среди нищих в ожидании получить от кого-нибудь «на помин души» крашеное яичко, блин или ложечку „панафиды".

М а и. Деревенская детвора не знает месяцев по названию; исключение сделано для апреля и мая—может быть потому, что существует обыкновение 1-го апреля «обманывать»; в этот день говорят: «первый апрель — никому не верь». Название следующего месяца закреплено в детской шутке:

— Скажи: май.

— Май.

— Я п...у, ты поймай!...

Вскоре после Еремея Запрягальника (1 ое мая) начинается пахота. Ребятишки привлекаются к работе в качестве „шишкарей". „Большие" с пашни привозят домой ребятам выпаханные саранки (луковицы лилии). Впрочем, и сами ребята, как только сойдет снег, бегут на пашню или куда нибудь поближе с топорами, косарями и капарулями копать саранки (чаще всего—Lilium Martagon L)[17].

Пьют березовку, выдалбивая топорами на стволе березы „лунки". Если береза сочная и березовка скоро накапливается в лунке, хлебают ее чайными ложками; если притекает медленно, то сосут через соломинку. Набирают ее в котелки или чашки, принесенные из дому, и относят родным. Украдкой озорные мальчуганы „порят" у товарищей лунки, помочившись в них.

Родные, отпуская ребят по березовку, наказывают им, чтобы они не опились ее, иначе у них отнимутся ноги.

Ребята в это время делают свистульки из черемуховых и талиновых (Salix sp.) прутиков, и свист стоит целый день в воздухе.

С наступлением дня Матери Елени (21 мая) или немного раньше сеют репу.

Как узнают или увидят ребяты, што баба пошла репу сечь, и зачнут петь „репку":

Уродися, репка,
Ни густа, ни редка,
С мышый хвос(т),
С тараканний нос...

Делается это с целью испортить посев репы. К концу месяца березовка „застывает". Ребята обдирают кору ножами, стёклами (небольшой обломок фарфоровой посуды) и стеклышками и скоблят „сок". Добывают также лиственичный и сосновый сок. Наевшись досыта, ребята не забывают и родных в бересте приносят наскобленного соку домой.

В мае, даже раньше, появляются цветы: «подснежники» (пострел, Pulsatilla patens Mill.), свинячье молоко или просто-молочко (одуванчики, Taraxacum officinale Wigg.), из которых девочки плетут венки и ходят «разряженные» целыми днями

В с. Худоелани ребята, расщипнув стебелек этого растения, берут его в рот и, упираясь кончиком языка в расщипленное место, говорят:

„Бабка, бабка, завей кудри". По мере повторения этих слов стебелек расщепляется все дальше и дальше, а концы его загибаются спиралью; это и есть просимые *кудри*.. Когда «свинячье молоко» отцветет и превратится в «пушйнчик», ребятишки играют в отгадки Сорвав одуванчик или наклонившись над ним один другого спрашивает: „петух или курица?" или: „поп или попадья?" и дуют на него. Если пушинки от дуновения разлетаются все, это—попадья (или курица); а останется гребешок из пушинок,—поп (или петух) Если спрашиваемый отгадает, то дает „колотушку" спрашивающему; а не отгадает—сам ее получает. Позднее, в июле и августе, то же самое проделывается с метлйкой.

Цветут медунки (Pulmonaria mollis Ledeb). Ребята старательно ищут их и съедают каждый цветок. Корешок тоже очищается и съедается. Предпочитаются голубые цветы, потому что в них, по мнению ребят, больше меду, а в красных, думают они есть отрава.

Цветут черемуха, смородина Ребята «пробуют» молодые листочки смородины, „цвет" черемухи.

Появляются пучки или пикйчы (Archangelica decurrens Ledeb. et Heracleum barbatum Ledeb) Ребята целыми днями ходят по пашням и ищут их. Не распустившиеся еще маковки с «семечками» съедают, а из „дудки" делают брызгйлки, которыми обливают прохожих.

В это время—разгар купанья. Отважные мальчишки начали купаться уже в конце апреля. Теперь купаются все. Многие проводят целый день в воде Замерзнув, выбегают греться на песке или около костра; посидят на корточках, накрыв мокрую спину рубашонкой или штанишками—и снова лезут в воду

Чтобы избавиться от воды, налившейся в уши, прыгают на одной ноге по берегу и, наклоняя голову то в ту, то в другую сторону, и прижимая к уху ладонь руки, приговаривают в такт прыжкам:

Шлюшка, бабка, постигонка,
Дай бох скокнуть—перевыскокнуть.

Или:

Мышка, мышка,
Вылей воду
На свиняччую колоду!.. (с. Гадалей).

Устькадинский вариант:

Мышка, мышка,
Вылей воду
Под горячую колоду—
Ко́ням на болтушку,
Свиньям на кормушку.

Дождей в это время выпадает мало. Каждому дождичку рады „большие", а за ними и ребята. Как только пойдет дождь, они громко кричат:

Дожжык, дожжык, припусти,
Мы поедем за кусты
Богу молиться,
Кресту (или Христу) поклониться.
У креста (Христа) сирота,
Отворяй ворота,
Ключиком, замочком,
Шелковым платочком... (г. Тулун).

Другая песенка:

Дожжык, дожжык, пушше,
Дам тебе гушши.
Выйду на крылечко,
Дам огуречка..
Дам и хлеба каравай—
Сколько хошь понужай.

Вариант:

Дожжык, дожжык, пушше,
Дам тебе я гушши.
Дам тебе и ложку,
Хлебай понемножку.

Ребята никогда не перестают выполнять различные домашние работы и поручения „больших". Теперь они кормят подрастающих цыплят и карауля их от ястребов и коршунов. Завидев коршуна, ребята в голос кричат:

Коршын, коршын колесом,
Твои дети за лесо́м
Серу кулупа́ют,

Нам не дают.. (Пауза; затем, усилив голос):
Мы калачики пикём,
Да имя не дайм... (Куйтун, Ханхта, Барлук, Усть Куда).

Вариант:

Коршын, коршын колесом,
Твои дети за лесо́м,
Курица—в амбаре,
Петух—на базаре (Тулун-поселок).

Еще:

Коршын, коршын,
Ж... сморшил,
Курицу украл,
Петуха потерял

Некоторые умеют отличать коршунов от ястребов: „коршы-ны пестрее и у них глаза горят". Завидя ястреба, кричат:

Ястреб, ястреб яшшычком,
Твои дети горят,
Тебя кричат,
Не таскай цыплят.

Июнь в жизни детворы мало чем отличается от второй половины мая. Ребята заняты щелканьем крупных листьев черемухи, черемши (Allium victoriale L).

Из *куколя* (gittago segetum Desf) делают куклы для „мелюзги". Срезают ровненько у сорванного куколя корешок; иголкой бояришника прикрепляют венчик красивого яркого цветка. это—дамская шляпа. Два боковых листа куколя, тоже украшенные цветами,—руки, а остальные три—платье куклы.

Среди мальчуганов распространено мнение, будто в разгар лета воробьи бывают самые жирные; многие убивают их и добывают жир, которым мажут себе penis'ы: „лучше расти будут".

Часто ребята ловят божьих коровок и, положив на руку распевают:

Божья коровка,
Ты лети на небо,
Принеси нам хлеба.. (Рабочая Слобода в Иркутске).

Или:

Божья коровка,
Ведро-иль ненастье? (Тулун-поселок).

Если жучек полетит—к ведру; если на месте останется—погода в ближайшие дни не изменится; если „коровка" полезет, ненастье будет (из детских примет).

В начале июня ребята бегают в поле и в лес за „свечками" (молодые побеги сосен), полевым луком (Allium prostratum L.) и чесноком.

Начатая весной рыбная ловля (преимущественно „уженье") продолжается.

В приречных поселках можно наблюдать, как дети, отправляясь „рыбачить", составляют артели. Одни члены рыболовной артели „загоняют рыбу", другие удят, третьи собирают рыбу, „наживляют" червяка или насекомого. Добычу делят поровну.

Иногда отправляются „рыбачить" на ночеву (на всю ночь) заранее накопают червей (при этом считается полезным свистеть—для обеспечения улова), и до начала рыбалки держат их, в банке с землею, чтоб не умерли. Девочек с собою не берут, да и, вообще, не любят «с девчонками возиться». Уходят на речку до утра; ночью греются у костра. Озорные мальчуганы часто вытаскивают из морды, поставленной по близости от места их стоянки, рыбу и выдают ее за свою добычу. Попадется такой рыбак—получает крепкую «здуфку» от хозяина морды или от своего отца. Часто «рыбалка» совмещается с пастьбой лошадей. Чаще рыбалка совершается днем; иногда она связывается с пастьбой коров овец. В деревне Зайваль (на Оке, Тулун. у.) ребята проводят дни на приречной лужайке; одни пасут овец и коров, другие удят рыбу, третьи рисуют на береговых скалах кровавиком фигурки птиц змей, человечков [18]...

У девочек своя работа: они заняты поливкой и полотьем в огородах, помогают «ходить за скотом», встречают его из «пасева» и т. д., выполняют обязанности нянек.

Часто, собравшись в кружок на полянке перед домом, девочки-няньки и их подружки рассказывают сказки. Кроме тех сказок, которые они знают от старших, они сами создают сказочные образы и целые сказки. К сожалению, на этот материал мало обращено внимания. В моем распоряжении имеются показания, относящиеся к данному вопросу. Вот один из известных мне случаев. В крестьянской семье две девочки—пяти и семи лет; они придумывают и рассказывают сказки *о живых куколках*, которые образуются под землей из закопанных «сечек». При за-

капывании нужно соблюдать тишину и затем все сохранить в тайне; через год появится живая куколка, которая движется и говорит. Иногда живые куколки находятся в бугорках. Чтоб вызвать их на поверхность, увидеть их нужно потрогать бугорок беленькой палочкой. Девочки верят в существование созданных куколок, сами закапывают в землю ссечки» и ждут...

Играют в клетки, устраивая их около заборов. Клетка отгораживается *скамейками*—досками, положенными на чурбашки. Устраивается *стол* из доски, роль *посуды* играют все те же «сечки», кирпичи делаются *коровами*. Готовят обеды, ходят в гости, делают „кушанки"—печенье из глины, посыпая их семенами белены (Hyoscianus nigor L), начиняя *мясом*—гнилушками и т. п. Обыкновенно *мясо* покупается в *лавке*. Оббитые в кружок сечки или „китаянки" (обертки от «фамильного» чая)—*деньги*, которыми дорожат в особенности. В клетки натаскивается всякая всячина и раскладывается всюду. Старшие, наблюдая это, говорят:

— Ишь, как гуси—линючие осенью: сколь чиво возле их...

Играют в «свадьбы», имитируя отдельные моменты обрядности; *венец* банный ковш и проч.

Кроме игр-импровизаций, в большом употреблении так называемые формальные игры: в городки, в бабки, в бегову лапту и т. д. Это—мальчишеские игры. Девочки играют в них редко и то не самостоятельно, а с парнишками. Охотниц играть бывает немного, потому что подруги, за участие в мальчишеских играх, дают обидное прозвище: „парняшница", „парнишница".

Некоторые „парняччи" игры видоизменяются в зависимости от тех или иных наличных условий. Так и теперь—в разгар лета. Обыкновенная игра—импровизация „в кони" видоизменяется: *кони* теперь питются *сеном*—хвоей.

Любимым занятием ребят в это время можно считать бега. Урульгинцы, по сообщению Е. И Титова, точно воспроизводят всю картину конских бегов, при чем роль денег играют обложки кирпичного чая, обертки от конфет.

Не менее часто ребята бегают „в бегава", то есть просто состязаются в беге

В конце июня и в начале июля в огородах поспевают овощи Ребят в особенности привлекает горох, но добывать его приходится хитростью, так как, не говоря уж о том, что его охраняют хозяева, в горохе живет *полудница* (или „колудница болуз-

ница") — старая, лохматая старуха. Она ловит ребят, берущих овощи, и давит их. Подходя потихоньку к гряде с горохом, ребята зовут ее:

Колудчица-болудьица,
Съешь меня!.

По представлению ребят, она не все время находится в огороде. Если при зове ее ничего, внушающего опасения, незаметно, смело идут к гороху. А если покажется „полудница" или только зашевелятся от ветра листья гороха, — стрелой утекают из огорода.

Ребята — сказать попутно — знают что и подполье не остается без обитателей. Там живут *суседушки-братанушки* — добрые, ласковые звери с серой пушистой шкуркой; они живут в каждом подполье, являются хозяевами дома и покровителями ребят; там же живут *кикиморы* — умершие некрещеными или мертворожденные дети, схороненные в подполье — злые, часто пугающие детей из-под печки или из подполья.

И ю л ь. Поспели ягоды. Детвора целые дни проводит или в лесу и на залежах, собирая клубнику, земляничку, смородину, синие ягоды, или голубицу. Едят ягоды до отвалу „таскают" их домой.

Начинается косьба. Ребята помогают „большим" на покосе: варят обед, помогают грести сено.

Многие начинают (с 10-11 лет) косить.

Работа — не всегда привлекательное времяпрепровождение. Любимое занятие — кувырканье в сене. В промежутке между уповодами ребята ищут грибы и ягоды, ловят лягушек, с которыми проделывают всякие штуки: надувают их через задний проход, пока те не лопнут, отыскивают птичьи гнезда, за которыми охотятся, впрочем, все лето берут из них яйца, птенцов и забавляются ими.

С Ильина дня, 20 июля, рекомендуется бросать купанье но обыкновенно ребята купаются значительно дольше. В течение всего периода купанья, *гдят блины*, т. е. бросают плитки или камни, стараясь, чтобы брошенная плитка или камень, задевая „верхушки" волн, „чикали" по ним. Каждый всплеск воды на гребне волны — *блин*.

В конце этого месяца в описываемой местности настает дождливый период. Когда дождь „зарядит" надолго, ребята по

по избам и шалашам начинают скучать Выйдут на двор и поют (вернее сказать: хором кричат) общераспространенную песню.

Дождик, дождик перестань,
Мы поедим на расстань
(в варианте: за растань)..
Напев и конец те-же что у выше приведенной песни.

Обращаются к солнцу:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко—
Дам тебе веретешечко,
Насыплю горошечка.

Наступ ют дождливые дни поспевают грибы. Дети бегают по лесу в поисках за ними Жарят грибы на кострах, некоторые например, синявки съедаются сырыми Помогают «большим» запасать грибы на зиму.

Август Начинается жатва. Дети и здесь помогают, чем могут: носят воду жнецам, свозят снопы домой или в клади и т. д. Поспевает картошка. Урвав свободную минуту, бегут на картофище отыскивать *балаболки* (плод картофеля), из которых делают игрушки В балаболку втыкают перышко и пускают по воздуху Забава старинная В показаниях стариков встречаются такие заметки: «интересовались кошто-то голубиным перышком: залезешь на пятры (там голуби жили), а то на лету где потерят голубок перышко—возьмем»..

Конец лета, начало осени. Приметные календарные даты для основных работ этого времени---Иваны Гнуты (29 августа) и Семены Нохтодуи (1 сентября) [2] Уборка овощей из огородов, с полей; ребята здесь незаменимые помощники.

В течении всего лета мальчуганы занимаются ловлей птиц,— главным образом, воробьев и голубей. Теперь это занятие—в центре внимания. Способы ловли очень несложны: берется ящик, лукошко, таз, сито, ставится одним краем на подставку, к которой привязана длинная веревочка, проведенная куда-нибудь за угол, чтобы можно было за ним спрятаться наблюдателю. Ловушка „настораживается" днем кверху Под нее насыпается овес, ячмень и т. п. Птички налетают под ловушку. Подставка выдергивается. Дело остается только затем, чтобы умело взять пойманных птиц в руки. Устройство клетки несколько сложнее. На небольшой доске укрепляются четыре колышка, в которые упи-

раются расщепленными концами палочки, образуя четырехстенную клетку. Сверху клетка прикрывается, но не плотно, дощечкой, поставленной на легко вылетающую подставку. На подставку прикрепляют приманки—различные для каждого вида птиц: напр., синички „идут" на сало, зяблики—на хлеб и т. д. Влетит птичка под приподнятую доску, дернет приманку, уронит подставку—и готово: доска запрет клетку

Осенью жизнь ребят едва ли не самая бесцветная. Работ становится меньше (шишкари отборонились в конце лета, картошки, капуста убраны). Идет молотьба. Парнишкам да и девчонкам и тут работа находится: они гоняют лошадей, подтаскивают снопы и пр. В лес ходят только за бояркой и черемухой—да и то редко и не везде; другие ягоды уже выбраны. Обыкновенно стоит ненастье. Изредка „проверглываются" ясные дни; детвора высыпает на улицу—„провожает лето". Многие идут в школу (в училишшу) (обыкновенно с Покрова (1 октября)

Наконец, зима. Зимние игры и забавы заметно отличаются от летних. Далеко от дому ребята не забираются, проводят время на улице и во дворах. Облежится снег, установится зимняя дорога—ребята обзаводятся санками или лотками.

Гоношат „каки-нибыдь некорыстны" коньки, употребляя на них все свое умелье, и катаются целыми днями. Играют большею частью в формальные игры: ключку, гоняш и т. д. Делают катушку. Играют в снежки или просто толкают друг друга в снег, стараясь получше „сняться", т. е. получить лучший отпечаток на снегу; закапывают друг друга в снег. Катают в санках друг друга по очереди, возят младших.

Девочки проводят время больше дома. Играют в куклы, устраивают им дома; укачивая их, поют:

Вот увидели кота
Два солдата из окна,
Оне хлопнули окном,
Побежали за котом.
Кот от видит, что беда.
Ему деться некуда,
Он к Маше под кровать.
Маша ходит—унывает
Да котишку закрывает.

Поется на мотив колыбельной песни

Играют в камешки. Рассказывают сказки. Те сказки-импровизации, о которых я говорил, продолжаются и теперь, только в них включаются изменения: живые куколки живут уже под снегом и вечерами выходят кататься на маленьких санках. Те же девочки: пятилетка и семилетка, рассказывают свои сказки о *Литки*. Она—голубоглазая не то девочка, не то женщина—злой дух девочек, мешающая им хорошо делать игрушки и пр. Собираются вечерами около „огонька" (около топящейся печки, горящей лучины или лампы) шутки шутить, сказки сказывать петь песни...

Ребята делают „балалайки из доски, натягивая на нее „суровые нитки"; играют и напевают:

Трымка, трымка, балалайка,
Не моя жена Паранька,
Моя—Настенька,
Распузатенька,
По печурке лазила,
Титьки сажей мазала

Вариант:

Тринди, бринди балалайка,
Не жена моя Паранька,
Моя—Настенька,
Распузастенька,
В трубу лазила,
Титьки мазала,
Выходила за ворота,
Всем показывала,
Побежала за реку,
Показала старику

Иногда устраиваются своеобразные концерты, в которых роль барабанов выполняет заслонка, а другие музыкальные инструменты заменяются гребешками; если нет гребней—лучинками. „Наяриваются" плясовые мотивы. Мелодия плясовой песенки несложна. В этих концертах даже маленькие ребятишки выказывают умение „подголашивать" (вторить).

Под такую музыку находятся желающие плясать. Танец маленьких ребят очень прост: они или подпрыгивают или, переминаясь с ноги на ногу, речитативом повторяют песенку импровизацию:

Тятьке мамке не скажу,
Что жениться я хочу.

Или:

Гирька пала, гирька пала—
Не п йду я замуж.

В разгар веселья ребята поют:

Дуй, дуй. Дунька,
Поддувай, Акулька!
Ты не будешь поддувать,
Тебя мать будет ругать...

Ребятишки постарше умеют плясать „казачка", „русского". Некоторые девчурки знают „кадрель".

Танцам ребята учатся обыкновенно во время гуляний взрослых, а затем, в большой тайне от них, они упражняются наедине. Чтобы научиться плясать, нужно одной плясать - или в черной бане, или во хлеве. Когда во хлеве плясать, то нужно петь:

Дедушка сарай,
Научи меня плясать!
Здесь никто меня не видит,
Одне овцы глядят.

Вдвоем нельзя плясать, а то толку не будет.

Декабрь. Перед наступлением святок, примерно после Спиридона Солноворота (12 декабря), дети объединяются в немногочисленные артели „христославов" или славельщиков. Собираются в избе, в зимовье или бане у кого-нибудь из участников артели, спеваются. С наступлением праздника, с раннего утра, как только в церкви на утрени запоют тропарь праздника, ребята бегут „христославить". Придут в избу, спросят, можно ли «Христа прославить» и поют известную рождественскую песнь. Отдельные места ее неграмотные ребята переиначивают: напр. вместо: «земля вертеп неприступному приносит» поют: «земля вертепному преступному приносит», или вместо «волсви же со звездою путешествуют»—поют: «волки со звездою патишествают»; или поют: „в неби звиедам служашшыи"... вместо: „з нем бо звездам" и т. д.

Кончают обыкновенно припевом:

Не дадите пятака—
Мы корову за рога,

Не дадите гривну—
Мы коня за гриву.[20]

Иногда поются такие припевы:

Славите, славите,
Сами, люди, знаете—
Я пришел к вам не так,
Дайте мне пятак.

Или:

Маленький вьюнчик,
Сел на стульчик,
В дудочку играет,
Христа прославляет.

Еще:

Были мы в городе,
Видели чудо великое.
Ангелы запели,
Апостолы загремели.
Мы этого чуда испугались,
До вашего дому едва добрались.
Подайте же—большим на орехи,
А маленьким—на потехи.

Наиболее организованные группы ходят со звездой.

Нередко интересы двух или нескольких артелей скрещиваются: возникает, напр., вопрос: кому вперед отславить в таком-то доме?.. В больших селах—из за территории, из-за улицы. Происходят схватки. Каждая артель поэтому заинтересована в том, чтобы в числе участников иметь кого-нибудь посильнее Условия, на которых участники входят в артель, не всегда одинаковы, особенно в пункте, предусматривающем делёжку «выславленного». То же самое можно сказать об артелях «славельщиков, которые в Новый год ходят по избам и «сеют».

Подают деньги, подают и печенье, блины. Не все охотно принимают блины. Озорники, выйдя из избы, кладут на дверную скобку полученный блин. Его подхватывают собаки «до кр ви обрывая языки о холодное железо...

Игры на святках отличаются от игр остального времени.- Куклы, веретешки убираются, потому что во время святок по земле бегают *шуликаны*. Это—очень веселые чертенята. Они утаскивают у ребят куклы, веретешки и пр., могут задавить ре

бятишек, особенно если те будут подшибать ногой шевяки, за которыми шулюканы прячутся (они очень малы ростом), или поздно вечером ходить по деревне.

Ребята «машкаруются» подобно взрослым. Парни и девки «мелюзгу» с собою не берут. В больших населенных пунктах, как Тулун, взрослые идут в «собранье»; мальчуганы пробираются туда же и от скуки там хулиганят, а потом воспевают свои похождения в песенке, которую откуда то «подхватили» на годах:

Наш товарищ был Егорка,
Купил билет на галерку.
Весело было нам (2 раза; повторяется после каждых двух строчек).
Первым делом на галерке
Закурили мы махорки
Мы с галерки полетели,
Лаптем бараню задели.
В каталашку нас погнали,
Только лапти засвирькали...
В каталашку посадили;
Трое суток не кормили.
Трое суток не кормили,
Да по двадцать пять вкатили.
Нам по двадцать пять вкатили
И в больницу положили
Нас в больницу положили.
Калачами нас кормили.
Калачами нас кормили
И на волю отпустили.

Попрежнему катаются с катушек и на коньках. Дома играют в лягушки, бирюльки, поют песни, рассказывают сказки импровизируют, творят сказачные образы. Показывают и зарисовывают („зачерчивают) теневые фигуры; получаются коровы, зайцы, кони, мельницы и др; завязывают мудреные узлы, предлагая их развязать. Говорят «частоговорки» вроде таких.

Туп, туп тупогуб,
У быка-губа-тупа

Колпак на колпаке,
Пол-колпака гороху.

Рыла свинья тупорыла,
Вырыла из под рыла,
Вырыла крынку молока,
Поставила возле старика.

Загадываются загадки:

В небо дыра, в землю дыра посредине огонь, по бокам вода (отгадка: самовар).

Без окон, без дверей полна горница людей (отгадка: огурец),

Стоят вилы, на вилах—мешок, на мешке телега, на телеге привешены грабли, на телеге—мост, на мосту—земля, на земле—лес, а в лесу свиньи роются (отгадка: человек).

Вечер обыкновенно заканчивается какой-нибудь размолвкой. Утомившись загадками, пляской, песнями, кто-нибудь предложит сказку про белого бычка.

Начинающий спрашивает у соседа, «Рассказать тебе сказочку про белого бычка?»—„Ну, расскажи!" согласится кто-нибудь. Тут начинается мучение: что бы ни сказал согласившийся послушать эту сказку, искуситель повторяет его слова. Даже молчание не освобождает беднягу от навойливости рассказчика. «Ты молчишь, я молчу. Рассказать тебе сказочку про беленького бычка?" Только „заклик" взрослых кладет конец этой шутке.

Даже этот, поневоле краткий и поверхностно выполненный, набросок детского народного календаря определяет характер материалов, которые надлежит собрать и изучить.

Всякое этнографическое явление должно изучаться в его природных условиях: вопль при похоронах, украшение с одеждой или убранством, песня—при соответствующей обстановке—словом, наблюдение, констатирование и передача в записи или рисунке должны согласоваться с принципом, который укладывается в народную формулировку: «красна сосна, где выросла»...

Этнограф наблюдает жизнь детей в их „натуральной» обстановке, в большой или малой группе—в массе. Цельность поисков этнографа служит, выражаясь языком биологов, «чистая культура»: он дорожит сведениями, получаемыми от людей, которые менее всего испытали на себе сторонние влияния (в программах этнографических изучений почти всегда рекомендуется обращаться преимущественно к людям неграмотным). Углубляя наши требования в этом направлении, мы естественно обращаем-

ся к источнику, быть может и менее богатому содержанием, зато наиболее чистому, беспримесному. Обращаясь к изучению детского быта с целью выяснить общие вопросы этнографии (напр., вопрос об унаследовании культурных накоплений из поколения в поколение о врастании детворы в обстановку и быт взрослых, мы имеем в виду, что факты и явления детской жизни во многих случаях менее заслонены, проще, *обнажены*. Эта обнаженность этнографических явлений особенно ярка в жизни детей, не обремененных школьной эрудицией. Это же обстоятельство надо иметь ввиду при специальном изучении детской жизни. Исследователю, занятому, подобно Кершенштейнеру, изучением детского рисунка, интересующемуся в частности, вопросом: „как развивается у необученного ребенка способность графического выражения? [21], большую услугу оказали бы наблюдения этнографов; в их распоряжении должны иметься материалы, образцом которых могут служить рисунки на скалах ребятишек из д. Завали, о которых уже было упоминание.

При *этнографическом* изучении детского быта мы имеем дело почти всегда (едва ли не чаще, чем при экспериментировании) с несомненной «духовной самобытственностью» детей.

При изучении детского возраста этнограф фиксирует то, что дети непринужденно свидетельствуют *сами о себе*. Сообщенные здесь отрывочные календарные данные дают возможность судить, какие культурные накопления делаются детьми при прохождении годового цикла повседневных событий, каким опытом они обогащаются в продолжении одного года.

Сделав попытку мысленно схватить по возможности все стороны детской жизни путем составления беглого наброска календаря, мы имели возможность подчеркнуть наиболее заметные элементы детского быта.

Раньше всего обращают на себя внимание детские *песенки*, приурачиваемые к тому или иному случаю затем песенки *плясовые*, *колыбельные*, песенки импровизации, затем—исполнение их, наигрывание мотива и т. д. Здесь переплетаются вопросы изучения детского *фольклора* (в узком значении слова) и детского *музыкального творчества*: построить ткань звучаний, интонировать звучания—это и есть музыкальное творчество[22]. Приводимые здесь *скороговорки*, *приметы*, упоминаемые *загадки* и т. д. допол-

няют фольклорный материал и ставят на очередь разработку детской *поэтики*.

Называемые здесь *игры* основываются на *этических воззрениях* участников, выполняются при соблюдении *уговора* (игры импровизации) или *правил* (так наз. формальные игры)—этих неписаных законов, к которым с уважением относятся и люди взрослые. Здесь мы входим в область вопросов, связанных с изучением *норм обычного права*. Не только игры, но и кратко отмеченные в статье организации детских *артелей* (рыболовы, христославы и пр.) говорят о необходимости ставить вопрос об изучении *общественной жизни и правового быта* детей.

Участие в сезонных работах взрослых, многие из игр импровизаций и другие обстоятельства сталкивают детей с многими явлениями и вещами в природе; в результате получается непрестанное накопление *знаний окружающего мира*. У детей наблюдаем попытки классифицировать наблюдаемых насекомых, растения, птиц. Произвести в известность эти эмпирическим путем полученные знания—задача, произвести которую очень полезно в теоретических и особенно практических целях.

Инвентарь детского внешнего быта содержит *архитектурные* сооружения (дома, церкви), *скульптурные* изображения (деревянные куклы, животные из глины, некоторые виды „кушанок" и пр.), *музыкальные инструменты* („десчатая" балалайка, дудочки): это заставляет нас говорить о *детском искусстве*. Сюда надо прибавить детские рисунки, какие наблюдаем, напр., на Скорописном камне, рисунки, являющиеся несомненной „духовной собственностью" завальских художников-„пастушишек".

Поверхностно обрисованные здесь образы полудницы, кики моры, шулюканов, должны обратить внимание на *детскую мифологию*. Какое-то значение в унаследовании мифологических образов должны оказать раньше всего колыбельные песни. Материнская поэзия говорит о буке, *старике Баби*; ими же пугают ребят и после. Позже под различными влияниями создаются названные выше образы и одновременно вырастают образы *лисички*, которая посылает ребятам покрытые плесенью корочки хлеба, *лисого*, который уводит ребят. Это—образы демонологии взрослых, но здесь они—в детском преломлении. Они слагаются когда приводятся к некоторому единству культурное наследие, полученное от взрослых (по своему, в согласии с детским мыш-

лением переработанное) и накопленные детские восприятия мира. Здесь нужно обратить внимание на *индивидуальное мифотворение* детей.

Неясно воспринятый образ они дорисовывают (вспомним, что Владимира Соловьева деревенская детвора сочла за „боженьку"). Они не только воспринимают и дорисовывают образы но и сами создают их (вспомним детские genius loci, затем Латьку и „живых куколок", о которых упоминается в этой статье).

Дети умеют не только создать свой или дорисовать данный образ; они—поверим Льву Толстому [3]—умеют облечь созданные образы в художественную форму.

Набросок календаря содержит немало обиходных слов и более или менее специальных обозначений, известных только детям (об условном языке не говорю), термины в порядках и правилах игр. Это наталкивает на мысль о составлении *детского словаря* той или другой местности. Вообще помощь, которую этнограф может оказать лингвисту в изучении детского языка, была бы весьма желательной.

Таким образом определяется в самых общих чертах *объем и содержание понятия детской этнографии*, намечается *программа этнографического изучения детей* и темы очередных очерков.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] П. Островских.—Охрана первобытных племен в связи с поднятием экономической жизни окраин. «Жизнь национальностей» 1922, № 6 (135).

[2] Под таким названием напечатал небольшую статью В. Г. Богораз II. 1921.

[3] На возможность взаимных услуг этнографических изучений и исследований психического мира детей этнографы уже обратили внимание См. между прочим, рецензию В. Н. Харузиной на книгу Révész'a—Rassen. und eisteskrankheit, Этнограф. Обозрение 1907. стр. 98—101.

[4] С. Т. Шацкий—Школа для детей или дети для школы. «На путях к новой школе» 1922, № 3, стр. 29.

[5] Укажу в порядке опубликования: 1) Вл. Богданов—К изучению игрушки. Программные заметки. Этнограф. Обозрен. 1912, № 1—2, стр. 222—229. 2) О. П. Семенова-Тян-Шанская—Программа сообщения сведений о быте крестьян (в очерках, напечатанных под заглавием «Жизнь Ивана»). Записки Р. Г. О. по отделению этнографии, т. XXXIX, 1914, стр. 119 и след К сожалению, программа эта, охватывающая многие стороны детской жизни, осталась незаконченной и опубликована в наброске 3) А. Мелков—Несколько указаний для собирания детских народных игр. Живая Старина 1916, приложение № 6, стр. 0103—0103; 4) Н. А Мелкова в статье «Игры киргиз», стр. 44—46. Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края, вып. 1, 1921; 5) Программа изучения кукол (по статье Холла). Л. Оршанский—«Игрушки», М. П. 1923, стр 150—155.

Для полноты списка более или менее разработанных программ укажу свою небольшую работу—«К изучению народных детских игр у бурят». Иркутск, 1922.

[6] Тан-Богораз—Программа наблюдений над бытом местного населения. «Сборник программ школьных наблюдений над природой» П. 1922. стр. 123—126 и сл.

[7] Кроме нескольких сборников, указываемых А. Финагиным в «Русской песне», П. 1923, назову Я. Мексина, который составил, под редакцией А. Е Грузинского, сборник для детей младшего возраста—«Русские народные песни». М. 1919. В 1923 г. этот изборник вышел вторым изданием. Покойный Н. А. Янчук составил для детей (к сожалению, до сих пор не вышедший из печати) обширный сборник русских народных песен (тексты и мелодии).

[8] Имею в виду книжку Р. Якобсона. Новейшая русская поэзия. 1291.

[9] Развитие художественного творчества ребенка. М. 1914. стр. 14—15.

[10] «Книги и люди», М. П., 1923, стр. 51—52.

[11] Menschliches, Allzumenschliches. I. Aphor. 207.

[12] См. уже названную программу Богораза, стр. 126.

[13] Передача особенностей местного говора в настоящей статье проведена далеко не безукоризненно. Интересующихся этой стороной моих записей отсылаю к работе Виноградова и Черных—«Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губернии». изд. Иркутского Научного Музея Иркутск, 1924. Там читатель найдет и объяснение местных и малоупотребительных слов.

[14] Вариант приводится в моих «Материалах для народного календаря» (Иркутск, 1918), стр. 6. Из них делаю здесь, в этой статье, некоторые позаимствования. См. также примечание 20-е.

[15] Сибирская Живая Старина, вып. II, 1924.

[16] «Пруд» Алексея Ремизова. Пятая глава первой части этого произведения натолкнула меня на мысль собрать материалы по детскому народному календарю.

[17] В Забайкалье это происходит, по словам поэта-сибиряка, ранней осенью. В. Михеев—Песни о Сибири (М. 1884), стихотворение «На уругонах».

[18] О Скорописном Камне (д. Заваль) см. в «Этногр. Бюллет.» В.-Сиб. Отд. Р.Г.О. 1923, № 3, стр 16 17.

[19] Эти два обозначения календарных дат записаны в Кежме на Ангаре.

[20] Этот же припевок исполняется и при новогоднем «подсевании».

[21] Керш е н ш т е й н е р—назв. сочинение, стр. 8.

[22] Ф и н а г и н—назв соч., стр. 68.

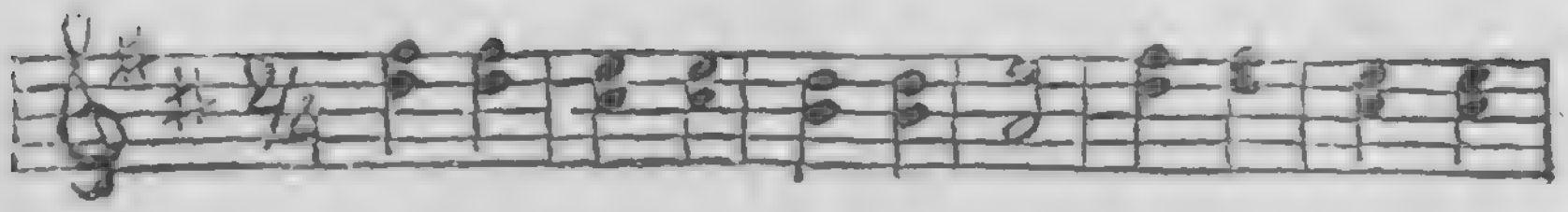
[23] Педагогические статьи. «Кому у кого учиться писать» etc.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

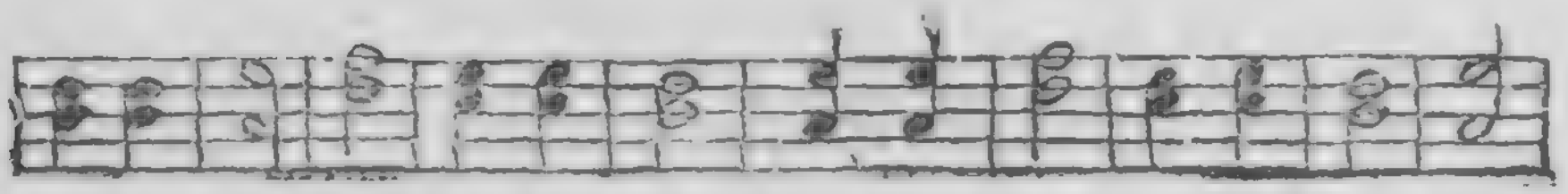
Образцы детских мелодий.

1. Дождик, припусти.

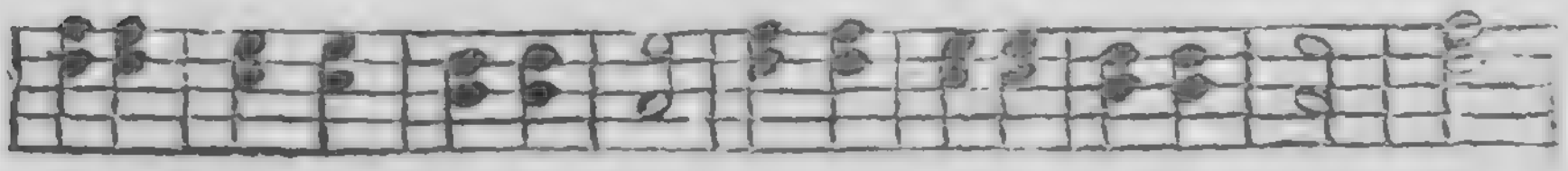
Громко



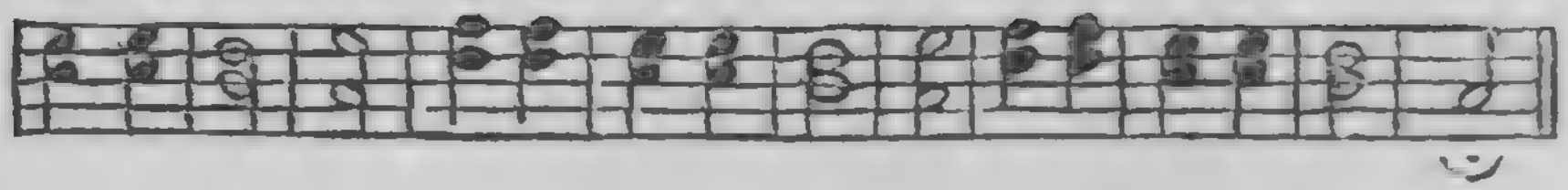
Дож—жик, дож-жик, при -пус—ти, мы па — е — дем



за ку — сты, Бо — гу ма — лит — ца, Хри—сту па кла—нит ца,



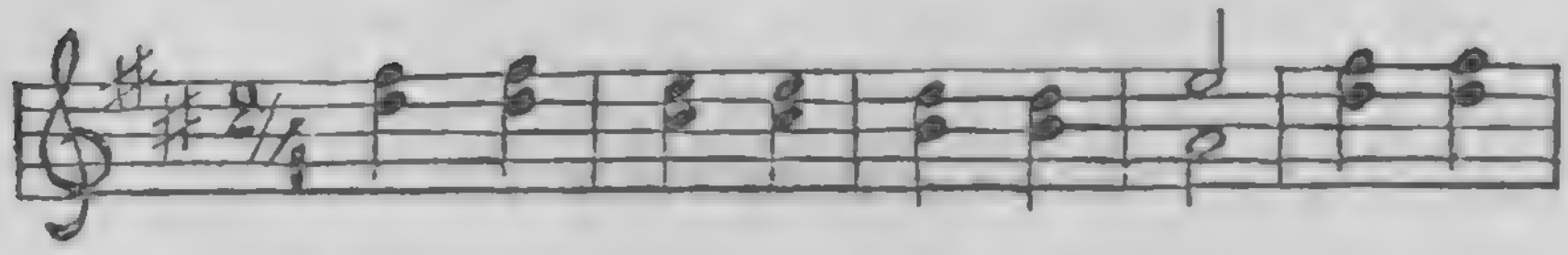
у Хри—ста—то си—ра — та от -ва — ря-ла ва—ра — та ключ—



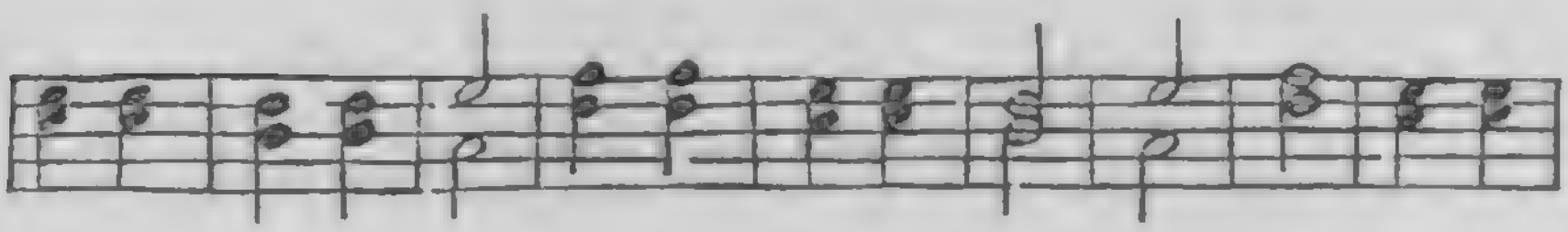
кам, за — моч - кам, шэл-ка - вым пла--точ—хам а-линь-ким сви--точ — кам.

2. Коршун.

Громко.



Кор—шын, кор—шин ка—ли — сом, тэ— и

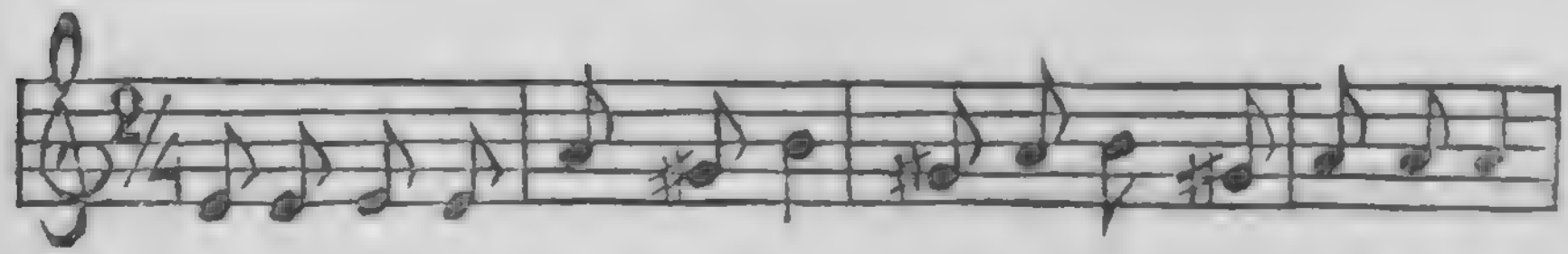


де—ти за ли с м се ру ку лу па ют. нам ни да-

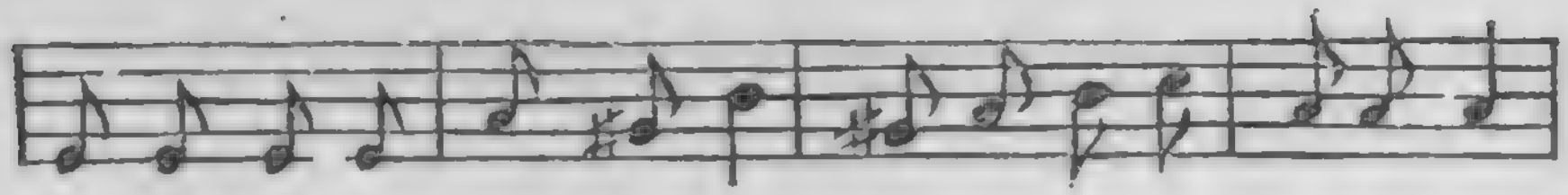
ют. Мы ка ля чи -ки и дим, а и тя ни да — дим

3. Колыбельная.

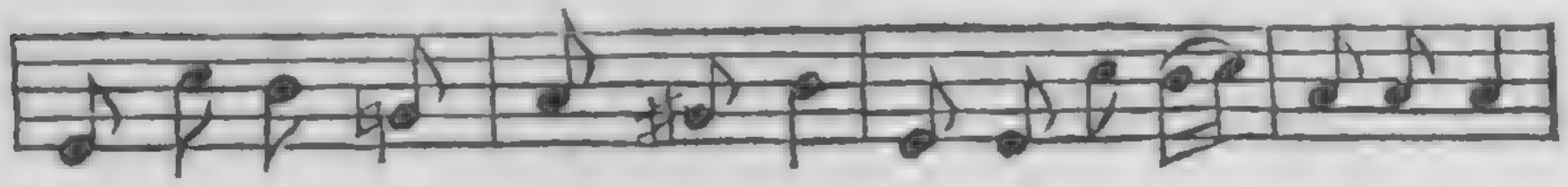
Медленно, тихо.



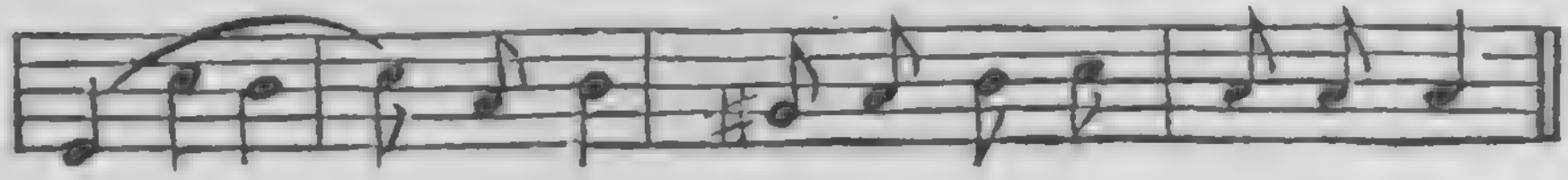
Ба - ю ба- юш- ки ба— ю. ба ю ди тит -ку ма - ю.



Ба— ю ба юш – ки ба ю. ка ла—ту—шак на—да— ю,



ка ла—ту— шак два— дцать пять, бу дит Ка тя креп ка спать.



Ба — — ю бай. па - ди. бу ка, на са-- раи.

П. Черных.

Посвящается
Георгию Семеновичу
Виноградову.

Несколько сибирских диалектизмов

в «Коньке Горбунке» П. П. Ершова.

«Конек Горбунок» П. П. Ершова первым изданием вышел в 1834 г. При жизни автора (умершего в 1869 году) сказка переиздавалась шесть раз (седьмое издание вышло в 1868 году). С самым сказом современники познакомились до выхода ее в свет: оно было напечатано в том же году в 3-м томе журнала «Библиотека для чтения».

Несмотря на восторженное предисловие редактора «Библиотеки для чтения» к отрывку, напечатанному в этом журнале, «Конек Горбунок» был встречен в печати в общем далеко не радушно.

Среди немногочисленных отзывов о сказке (к ним относится и отзыв Белинского в «Молве» за 1835 г., № 9, особенной обстоятельностью отличается статья, напечатанная в «Отечественных записках» за 1839 год, в 8-м томе (отдел «Русская литература», с. с. 57—59, без подписи; по поводу второго издания «Конька Горбунка» М. 1840 г.)[1]. Рассматривая произведение Ершова, как неудачный опыт подражания Пушкину, автор рецензии приходит к выводу, что у Ершова «рифма является неожиданно и развивает перед нами все прелести». Но к несчастью, она не всегда разбирает, правильно или неправильно она ставится: «ходил» вместо «ходил» и «кйту» вместо «киту» для нее ничего не значит. Впрочем, вот один из лучших примеров изящности языка:

Месяц ровно тоже *светил*,
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам
С бородою и с *усам*.
Рожа словно как у кошки,
А глаза так что те ложки. (Курсив автора 58)».

Это место рецензии (заключающей в себе, по нашему мнению, вообще не мало дельных замечаний о «Коньке-Горбунке» Ершова, как и

[1] Перепечатана вместе с другими отзывами и рецензиями в книге А. К. Ярославцева: П. П. Ершов, автор сказки Конек-Горбунок. СПБ 1872 (с незначительными пропусками, без указания страниц журнала).

замечание рецензента о «рифмованных нелепостях, выезжающих на площадных выражениях» (57) и риторический вопрос его «неужели народность состоит в том, чтобы говорить по-мужицки?» (57) собственно говоря, и послужили побудительным моментом предпринятого нами обследования сказки со стороны ее языка.

В самом деле, если действительно сказка Ершова, «как откровенно говорил сам автор, почти слово в слово взята из уст рассказчиков, от которых он ее слышал, только он привел ее в более стройный вид и местами дополнил» (Ярославцев, 3), в ней *должны* оказаться особенности речи сибирского старожилого населения Тобольской губернии: здесь — в Ишимском округе, в селении Безруково, в 1815 году — Ершов родился и учился говорить; в г. Тобольске он вырос и провел почти всю свою жизнь. И если можно чему удивляться, то разве тому, что более или менее несомненных сибирских диалектизмов в «Коньке-Горбунке» оказывается так немного.

Выделение сибирских диалектизмов в языке сказки Ершова встречается с целым рядом затруднений. Прежде всего, вследствие недостаточной разработки сибирской диалектологии, в частности вследствие отсутствия подробных диалектологических описаний по Тобольской губернии. Затем, вследствие не вполне удовлетворительного состояния наших сведений о русском литературном языке начала прошлого столетия. Несомненно, что ряд северновеликорусизмов, характерных для старинного народного языка города Москвы, не успел еще исчезнуть в речи образованных русских людей (в Москве и Петербурге) и литературы этого времени. Не освещен и вопрос о характере и приемах стилизации народного языка в современных Ершову литературных произведениях народного жанра.

Для наших замечаний мы пользуемся последним «российским» (были и сибирские) изданием «Конька-Горбунка» Государственного Издательства (Москва. 1920). Как и предшествующие издания, оно восходит к четвертому изданию «Конька-Горбунка» (СПБ. 1856), переработанному автором сравнительно с первым (СПБ. 1834), повторенным во втором (М. 1840) и третьем (М. 1843) изданиях. Переработка эта коснулась отдельных стихов сказки, из которых одни были заменены другими или изменены частично; кроме того в этом (четвертом) издании были напечатаны стихи, ранее выпускавшиеся по цензурным условиям. Издание Гос. Изд-ва не является, однако, точной передачей четвертого издания, но в свою очередь «переработанного» последними издателями сказки.

Не имеем возможности теперь же обосновать эти положения. Делаем это лишь по стольку, по скольку различия между изданиями «Конька-Горбунка» касаются «сибиризмов» сказки.

Должны оговориться, что не ставим себе целью рассмотрение всех особенностей языка сказки, но только тех из них, которые, по нашему мнению, представляют диалектологический или исторический интерес. Мы оставляем без внимания, между прочим, особенности, которые объясняем, как случаи явной стилизации народной речи; напр.

Эх, их дряни привалило,
Чай, их *тут* десятков с пять.
Кабы всех переимать,
То-то, было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы и т. п. (1920. 48).

По большей части рассматриваемые нами особенности относятся к прямой речи различных персонажей сказки (Иван, Конек-Горбунок, царь и пр.). Едва ли это обстоятельство не стоит в связи с пристрастием автора к диалогической форме сказа. Впрочем, и в языке автора встречаются эти особенности. Случаи прямой речи мы всюду отмечаем.

Выше мы уже пожаловались на трудность выделения сибиризмов «Конька-Горбунка» Ершова. Многие особенности этого произведения можно было бы истолковать, как сибирские диалектизмы, потому что и в наши дни они бытуют еще в говорах русского Севера. Но такое их объяснение встречает препятствие в факте употребления этих особенностей в языке современных Ершову литературных произведений и в речи образованных людей Москвы и Петербурга этого времени: молодой автор сказки мог усвоить их именно из этого источника в период своего пребывания в петербургском университете (1831—1836 г.г.).

Рассмотрение *сомнительных* сибиризмов сказки мы позволим себе начать со следующих стихов:

Напевая громко песню:
«*Ходил* молодец на Пресню». 1920. 10. 1856. 14.
Сидит ворон на дубу
Он играет во трубу. 1920. 67. 1856. 83.

Нам, правда, известно, что многие сибирские в том числе и западно-сибирские говоры характеризуются употреблением таких глаголов с ударением на глагольной основе в формах настоящ. вр. и инфинитива, как: лечу, летишь, хочу; летил и т. п. (Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири В. 1, Иркутск 1921, 137—138). Но все-таки мы более склонны объяснять эти случаи, как факты стихотворной техники Ершова, но не языка. Ср. еще:

На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады; 1920. 74. 1856. 94.

Едва ли сюда относятся в четвертом издании стихи:

Двух рожу тебе коней,
Еще третьего конька
Ростом только в три вершка. 13. (1920: Да еще рожу конька... 9).

Двух коней золотогривых
Еще третьего конька
Ростом только в три вершка 16. (1920: Да игрушечку конька. 12).

Повидимому, с ударением на первом слоге; ср. у Крылова:

«Но время еще не уйдет».
— «Как вас, а нас оно не очень ждет». Огородник и философ. IV 181[1] и др.

Собственно к языку сказки из области ударения слов относятся следующие факты.

Что наделал наш Иван...
...Как он в солнцевом селеньи
Киту выпросил прощенье. 1920. 31. 1856. 40[2]
Вот конек бежит *по киту*
По костям стучит копытом. 31. 40.
Двое белых осетров
К *киту* медленно подплыли. 83. 106.

Относительно употребления этого слова с таким ударением в народной речи мы вообще не располагаем данными.

Но ср. у Крылова, в одном из ранних стихотворений:

Он в небесах орлу опасен
И киту в безднах вод ужасен. Блаженство. IV. 105.

Царь не мог тут усидеть.
«Надо *ко́ней* поглядеть» 27 (с ударением). 35.
Чи́стить *коней* начинает,
Умывает, убирает. 36. 46.

Ср. по Тобольск. губ.: ко́ней, на ко́нях (Селищев, 282). Характерная вообще для северно-русских говоров постановка ударения.

У Пушкина в «Цыганах»:

И слышно в тишине степной
Лишь лай собак, да коней ржанье III, 215[3]).

В «Бесах»:

Эй, пошел, ямщик: «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело... II, 1830.

(См. также у Чернышева, В. Законы и правила русск. произношения. СПБ. 1908. с. 50: «Пушкин употребляет некоторые слова с северными ударениями:... ко́ней, ко́ням...». Примеров не указано).

Далее:

Но лукавство сокрывая,
Он для всякого *случая*... 34. 43.
(Царь) Ну, для первого *случаю*
Я вину тебе прощаю. 42. 54.

---

[1] Пользуемся изданием: Полн. собр. соч. И. А. Крылова под ред. В. В. Каллаша К-ва «Просвещение» СПБ.

[2] В дальнейшем первая цифра обозначает страницу издания 1920 года, а вторая—страницу четвертого (1856 г.) издания.

[3] Пользуемся изд-м: Соч. и. и. А. С. Пушкина под ред. П. О. Морозова. К-ва «Просвещение» СПБ. 1903—1906.

Встречается в народной речи: сев. великорусск. случай (В. Манекка, О говоре Шенкурск. у. Архангельск. губ. Изв. О. Р-яз. и Сл. И. Ак. Н., 1912, кн. 2, 127. О нек. говорах по течению р.р. Луги и Оредежа. Н. Каринского, Р. Фил. В., т. XL, 102. Материалы для изуч. влкр. говоров., в IX. 100 и др. цифра здесь и ниже обозначает номер сообщения). Сб. О. Р-яз. и Сл., т. 87, СПБ 110 и др.; средне великорусск. случ.ай. Н. Н. Дурново, Описание говора д. Парфенок Р. у М. г., В. 1903., 112 и др.; по Сибири случай Тулунск. у. Иркутск. г. (по сообщению Г. С. Виноградова) и др. Но ср. у Крылова, в баснях, хотя и с другим значением:

И выбравши случáй, без сожаленья
Свернули девушки головку петуху (Госпожа и две служанки. IV 224.

Иль после на себя ропщи не на случáй,
Когда оно тебя застигнет невзначай. Охотник IV. 253.

Сюда же мы относим:

Мужики на *губе* пашут,
Между глаз мальчишки пляшут... 71. 90.

Губа[1] встречается по Тобольск. губ. (Материалы для изучения влрк. говоров, II, 21,[2] Изв. О. Р. яз. и Сл., I, кн. 2.; значение не указано; «губа» по Сибири известно и как название гриба). Но ср. у Пушкина:

Уж я не мальчик, уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубый... Паж. 1830. II, 139.

Поговорка: губа не дура.

Еще из области ударения слов:

(Братья) Да к тому ж старик неможет
Работать уже не сможет. 18. (не может) 25.

По Тобольск. губ.: работáть (Селищев, 282). Но ср. и у Крылова в баснях:

Поработáли, погуляли
И путь теперь домой на родину держали.
Три мужика IV. 319. и др.

Тот в затылке почесал,
«Эх, как *тёмно*!» он сказал... 19. 27.

С ударением на первом слоге это слово встречается во многих сев. великорусских говорах; также по Тобольск. губ. (Материалы, II, 21; III, 27. Изв. О. Р. яз. и Сл. I, кн. 4). Но и у Пушкина:

Ужь тёмно; в санки он садится;
«Поди! поди!» раздался крик... Евг. Он., I гл., XVI; IV, 36.

[1] В виду отсутствия в типографии достаточного количества знаков под ударением, ударные гласные в дальнейших цитатах в некоторых случаях набраны курсивом.

[2] Номер сообщения.

Также:

Едут близко ли, *далеко*,
Едут низко ли, *высоко*... 72. 92.

И в начале сказки в первом издании:

Знать, столица-то была
Не *далеко* от села. 5. (Не далече от села. 1920. 3. 1856. 6).

Далёко, высоко и пр. - преимущественно северно-русское произношение: для Тобольск. губ. см. Материалы, III, 27. Но ср. у Пушкина. В Сказке о царе Салтане:

Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко... II, 263.
Лебедь тут. вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко»!.. 283.

Из области словообразования:
(Иван) Все цари начнут смеяться:

«Дед-то, скажут, *внуку* взял!» 93. 118. В первых трех изданиях опускалось, заменялось точками.

Ср. в Тулунск.у.: внука—внучка (по сообщению Г. С. Виноградова). У Жуковского:

...был внукою Петровой
По царски угощен в той хижине простой. Поэту Леннепсу, 1839. I, 407[1]):

К числу сомнительных сибиризмов относим мы и такие формы, как в четвертом издании: «тоё» винительн. ед. ж. р. (в изд. 1920 г. тою):

И поехал на восток
Доставать *тоё* Жар-Птицу. 1856. 59.
И поехал на восток
По *тоё* ли Царь-Девицу. 1856. 75.

Ср. по Тобольской губ.: тоё вм. ту. Г. Я. Маляревский. Особ. говора крест.-сторожилов Тобольск. губ. Ежегодник Тобольск. Музея, 1917. XXII. 29; проехали тоё деревню. Материалы, III, 27. Конечно, и в других сибирских говорах. Но ср. и у Крылова, в баснях:

Но Лев велел стеречь. Кого ж подстерегли?
Тое ж Лису-Злодейку. Лиса-строитель.
(В. Чернышев. Правильн. и чистота русской речи, в 2. Пр. 1915, с 216).

«С усáм»:

Вдруг приходит дьявол сам
С бородою и с *усам*. 11. 16.

---

[1] Пользуемся изд-м: В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. под р. А. С. Архангельского. II. 1918.

Очень распространенная в северно-великорусских и собственно сибирских говорах форма творительн. мн. на-м. В данном случае возможно под влиянием поговорки: сам с усáм (северного происхождения; ср. еще диалектизмы в поговорках: «у голодной куме все хлеб на уме»; южн. «дело не мéдведь—в лес не уйдеть» и т. п.).

Сюда же относятся и такие особенности, как «вчерась» и др.

(Ерш) Распроклятый тот карась
Поносил меня *вчерась*. 86. 110.

«Вчерась» особенность народного языка и общерусской «вульгарной» речи, м. пр., и в Сибири. Но ср. также в письмах Пушкина: «Был всего вчерась... у Карамзиной...» (к жене, 28 апр. 1834 г., VIII, 322).

Межь собой перемигнулись,
И *в другорядь* растянулись. 39. (вдругоредь) 51. 1834. 49.

(Иван) «Ты *вдругорядь* не уйдешь
И меня не проведешь». 62. 1834: вдругоредь 74. (1856: в другой раз. 80).

Употребляется по Сибири: вдругоредь (Селищев, 121); тобольск. вдругоредь (Маляревский, 8). С другой стороны, ср. известные стихи у Грибоедова, в «Горе от ума», II, 2[1].

Привстал, опомнился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь -уж нарочно. 26.

(Конек Горбунок). Вот *теперя* ты узнал
Правду ль я тебе сказал. 44 (Для чего я запрещал). 57.
(тоже) Служба вся, брат, впереди.
Ты *теперя* спать поди. 1856. 86 (1920: Ты к царю теперь поди. 56).

Ср. сибирск. тапери, ча (Селищев, 120; тобольск. тепери (Маляревский, 29). С другой стороны, у Крылова, в баснях:

Теперя все соседи скажут:
«Кот Васька плут! и т. д.». Кот и Повар. IV. 178.
«Ну»! Мýха говорит:—«теперя слава Богу!.. Муха и дорожный. IV. 192.

(Иван) «Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить.
Знашь, чтоб темень сотворить. 1920. 51.) Знашь, чтобы не светил свет. 1856. 65.

(Иван) Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой девице. 66. 78.

Это вводное словечко из: «знаешь» со стяженным ае в:а можно было бы счесть за сибиризм: стяженные формы глаголов характерны и

[1] Пользуемся академич. изд-м: Поли. собр. соч., II, СПБ. 1913.

для тобольских говоров: знашь, думашь (Материалы, III, 27; Малиевский 6 и др.), как и вообще для большинства северно-русских говоров. Но оно попадается и у Крылова:

(Вакула) Так, знашь, нельзя ль самим с него содрать нам кожу.
Трумф, 1-е д., I. 418.

(Антроп) Я, знашь, и догадался. Модная лавка, 3-е д., II, 73.

Более или менее несомненными сибирскими диалектизмами в «Коньке-Горбунке» Ершова мы считаем следующие.

Из области фонетики: случаи необычной акцентовки слов:

(Конек-Горбунок) Вот как я хвостом махну,
В те котлы *мордой* макну. 1856. 125 (1920: Мордой в те котлы макну. 97).
Вот Конек хвостом махнул,
В те котлы *мордой* макнул. 1856. 128 (1920: Мордой в те котлы макнул. 101).

Вероятно, сибиризм; ср. с другим значением тоболъск. морда́ (при морде) инструмент для ловли рыб. (Список Тоболъск. слов и выражений, записанных Паткановым и Зобинским. Ж. Сл. 1899, IV, 487); в Мамырск. вол.: морда́ в значении рыболовного снаряда; наше «Русские говоры Мамырск. вол. Тулунск. у. Ирк. губ.», отд. оттиск, Ирк. 1923, 23).

Месяц, ровно, тоже *светил*,
Я порядком не приметил. 10. 26.
Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали *засветил*. 10 (Огонек вдали засве́тил. 26).
Знашь, чтобы не *светил* свет. 1856. 65.

См. выше на стр. 89 наши замечания о сибирских глаголах с ударением на основе.

Вот в холодной, так оно
Искупаться бы *можно́*. 96 (с ударением). 122.

Несомненно сибиризм: ср. по Тобольск. губ. можно́ (Материалы, III, 27; и мошно, Селищев, 182; можно́ на Камчатке (Селищев, 285); также в Тулунск. у. Ирк. г. по сообщению Г. С. Виноградова. С ударением на конечном слоге это наречие произносится и на севере Европ. России.

Из области грамматики: форма сравнительн. степени «тужее»:

Да завязывай *тужее*,
А мешок привесь на шею. 50. 65.

Такое образование сравнительн. степени знают и сибирские говоры подобно северно-великорусским в Европ. России: якутск., колымск. ближее (Селищев, 95); на Алтае: сушее (Цинг, 279); в Мамырск. вол.: ужэй, ближэя (наше описание, 27) [1].

[1] Впрочем, в литературной речи начала прошлого столетия встречается форма сравн. ст. на-ее после мягкой шипящей аффрикаты ч : громчее, звончее. См. Чернышов, уп. соч., 188—189.

Как пущусь да побегу,
Так и беса *настигу*. 16. 23.

Глаголы с основой—стиг—(без суффиксального и) в формах наст. вр. широко употребляются и по Тобольск. губ., как и вообще по Сибири: сустигу, достигу, застигёт (Селищев, 107).

Может-быть, сюда же относятся в первом издании стихи:

Чтоб тебя от ней спрошать,
После ей переказать 91 (нет в издании 1920 г.).
Он бедняк меня прошал,
Чтобы я тебе сказал. 94 (1920: Чтобы я тебя спрошал. 77).

Спрошать, прошать вм. спросить, просить употребляется в народной речи: по Моск. губ.: не спроша нас (Чернышев, В. Кр. свед. о нек. гов. Двин. р., Богородск. и Егорьевск. у.у. Материалы. VII, с. 6. Изв. О. Р. яз. и Сл. V т., кн. II.): про все спрошала (в песне. Дурново, уп. оп., 176; там же другие указания; ср. забайкальск. езжай поезжал. Г. М. Осокин. На границе Монголии. СПБ. 1906, 292.).

Он *учнет* тебя *просить*,
Чтоб ты в солнцевом селеньи
Испросил ему *прощенье*. 71. 86.

Повидимому, сибиризм. Правда, случаев образования форм сложного будущего вр. с учну,—ешь и т. д. для Сибири до сих пор не было отмечено. Но они не редкость в северно-великорусских говорах Европ России: учну реветь (Селищев, 294).

(Отец) Говорит ему: Послушай,
Побегай в дозор Ванюша... 7.
(Данило) Чудо было б! А, послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша! 19.

Подобное образование формы второго л. повелительн. н. было отмечено по Тобольск. губ.: понесай, принесай (Материалы, III, 27). Встречается в сев.-великорусск говорах. Европ. России: владим. понёсай. Материалы, XI, 100. Сб. О. Р. яз. и Сл., т. 99, П. 1923.

Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить. 11. 16.
Обещался до зарницы
Вынесть мне перо Жар-птицы. 89. 114.
И признавшись в преступленьи
Он *молился* о прощеньи. 86. 111.

Повидимому, сибиризм. В Сибири широко распространено употребление глагольных форм на -ся: висеться (висеть), спориться (спорить) вопися (пишу) и т. п. (Селищев, 119). Еще аналогичный случай, если не просто шалость:

Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился. 27. 35.

Сюда же относим мы в четвертом издании:

Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал
Я уж *трожды* подымал. 116. (1920: трижды 91).

Ср. сев. и средне-великорусск.: олонец. двожды (Материалы, IV, 34); владим. двожжы (Материалы, IX, 247. Сб. О. Р. яз. и Сл., т. 87.); двожди, трожди и двожжи, трожжи Рузск. у. (Дурново. Описание говора д. Парфенок Рузск. у. Моск. г. В. 1903, 225). Для Сибири указаний пока не имеется.

С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне... 53. 69.

Ср. сибирск. ни́коли (Селищев, 121; никогда).

(Иван) Месяц, ровно, тоже светил
Я поряком не приметил 10. 15.
(тоже) Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведал? 41. 53.

Северно-великорусское вводное слово (кажется, как будто): шенкурск. ровно (Мансикка, уп. опис., 426); в Сибири: тобольск. ровно точно, как будто (Маляревский, 26); тулунск. ровно как будто (по сообщению Г. С. Виноградова).

Из области сочетания слов:

А посыльные дворяна
Побежали *по Ивана*.. 39. 51.
И поехал на восток
По тоё ли Царь Девицу. 1856. 75 (1920: По тою ли Царь-Девицу. 58).

Крикнул он со всех сердцов
И нырнул *по осетров*. 88. 112.

Употребление предлога *по* с винительн. в значении *за* кем—н., *за* чем—н. со времен Даля (см. его статью «О наречиях русского яз.») считается особенностью «сибирского наречия» (хотя широко вообще распространено в русской народной речи). Эту особенность мы относим к числу вероятных сибиризмов сказки, так как не располагаем примерами такого употребления предлога *по* в литературном языке начала прошлого столетия.

Может быть, сибирского происхождения некоторые народные слова, встречающиеся у Ершова:

Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в *буераке!* 16. 22.

Постучали *ендовой*
И отправились домой. 30. 39.

(Иван) Но и я ведь сам не промах,
Все держал его в *жомах*. 11. 16.
Тут Иван с печи слезает
Малахай свой надевает. 7. 11.
А Иван наш не снимая
Ни лаптей, ни *малахая*. 10. 15 и др.
Нет рогов, ни бороды
Ражий парень хоть куды. 1920. 36. (1856: Рижий парень. 47; кажется, опечатка).
И увидя, что дурак
Спит так крепко, как *хомяк*. 1834. 46 (И услыша, что Иван Так храпит, как Еруслан. 1920. 37. 1856. 48).
Диву дался тут Иван.
«Что», сказал он, «за *шайтан*»! 20. 28. и др.
(Конек-Горбунок). И скажи: «Ведь, для поимки
Надо, царь, мне две *ширинки*. 57. 74.
(Конек) Ну, раскидывай шатер,
На *ширинки* ставь прибор. 58. (На ширинку) 76 и др.

Буерак южн. татр. сухой овраг, водороина. Даль. Толк. словарь. I, 121 (пользуемся изданием 1863—1867 г.); тобольск. боерак реже буерак овраг, узкая долина с крутыми боками (Малиновский, 7); боерак лог (Список Тобольск. сл. и выражений, 488).

Ендова́ широкий сосуд с отливом или носком. *Ендо́вочник* пск. охочий до пива, брагн. Даль, I, 403. Ендова с черпаком имеется в Тюменском музее, в собрании И. Я. Словцова. Сообщение Д. А. Болдырева Казарина. Тулунск. индава́—большая глиняная чашка для стряпни или для хранения скоромного масла. Киренск. индова́ черпак для пива (по сообщению Г. С. Виноградова).

Жо́лы—тиски. Даль. I. 470. Известно в Тулунск. у. (по сообщению Г. С. Виноградова).

Малахай вост. кафтан в накидку. Даль, II, 891; забайкальск. малахай—верхняя одежда. Осокин, уп. соч., 286; в Тулунск. у. (по сообщ. Г. С. Виноградова).

Ражий влгд., ол. ярсл. и др.; вост. *ражо́й* дюжий, хороший, красивый и др. Даль, IV. 7.

Хомяк лентяй, вялый соня, лежебок т. д. Даль. IV, 513.

Шайта́н. татр. черт, дьявол. Даль, IV, 565; обдорск. шайтан—идол (О русск. яз. в Обдорск. крае. В. Бартенева. Ж. Ст., 1894, в 1, 129); тулунск. шайтан (по сообщению Г. С. Виноградова).

Ширинка полотнище, отрезок цельной ткани во всю ширину ее. Даль. IV, 579. Известно в Тулунск. у. в этом значении и других, напр.: полотенце (по сообщению Г. С. Виноградова).

Более подробными сведениями относительно распространения этих слов в сибирских говорах мы не располагаем.
6—II—1924.

Б. Э. Петри.

Элементы родовой связи у северных бурят.

Настоящая работа является первой главой моего труда «Семья и род у северных бурят». Сборы материалов я производил среди кудинских, ольхонских, верхоленских, балаганских и аларских бурят в 1912, 1913 и 1916 г.г., будучи командирован Российской Академией Наук. Кроме того я состоял в живейшей переписке с рядом лиц, близко знакомых с бытом бурят; от них я получал в Петроград исчерпывающие ответы на свои запросы, являвшиеся в процессе обработки материала. Считаю своим приятным долгом выразить всем своим корреспондентам глубокую благодарность, а также всем лицам, оказавшим мне на местах помощь. На особицу считаю долгом благодарить А. М. Михайлова (Ханхасаевский улус), А. А. Ангапова (р. Анга) Ц. А. Алсахарова (улус Харазаргай), А. Х. Хонгорова (Ольхон), Н. А. Ханхасаева (ул. Шоктой) Ш. Б. Боркинова (Ольхон), И. У. Дурхиханова (Балтайский улус) и С. В. Шарыпова (Аларь).

Зимою 1917—1918 года мой труд был вполне закончен, а 29 мая 1918 года доложен в заседании Отделения Исторических наук и Филологии Российской Академии наук. Положено: печатать в Сборнике Музея Антропологии и Этнографии». На рукописи поставлен штемпель «в на[illegible]... но развернувшиеся события остановили исполнение этого постановления книгопечатание временно приостановилось. В настоящее время я выписал свою рукопись в Иркутск. Обширные размеры моего исследования вынуждают меня печатать его в разных изданиях, разбив по главам. Этим путем, я надеюсь, мне удастся опубликовать собранные мною материалы.

Бурятский род представляет собой строго экзогамную общину, связанную в одно целое единым наследственным старшим в роде, единой территорией, одним улусом, общими кочевками, общими местными богами, общим отправлением тайлаганов и еще многими элементами, которые будут разобраны дальше. Эта община живет одной большой патриархальной семьей, тесно сплоченной не только общностью происхождения и кровным родством, но и общностью материальных интересов. Такие родовые единицы могут быть или совсем самостоятельными или же могут быть связаны с подобными им единицами в экзогамный союз. Союз последнего рода может образоваться или от того, что несколько братьев, поселившись в различных местах, дали начало каждый особому роду или оттого, что один из членов рода, по одной из причин, заставляющих бурят мигрировать[1], переселился со своим скотом, женой и детьми за много верст от своего рода и тем начало новому роду с самостоятельной организацией. Новый род постепенно множится и увеличивается и получает совершенно такое же устройство, какое имел основной род в момент выделения нового рода[2].

Наконец, могут быть связаны в один экзогамный союз два или больше рода, не имеющие кровного родства, родством территориальным, которое образуется в том случае, если различные по происхождению роды поселяются на одной территории.

Первые два случая представляют собой как бы момент неполного разделения родов, и расходящиеся роды можно даже назвать ветвями одного и того же рода, которые уже разделились, и остались связанными лишь общностью происхождения, запрещением браков между членами обоих ветвей и обычаем родственного гостеприимства.

Если члены подобных двух или больше родов найдут, что достаточно прошло поколений после разделения ветвей родов, что ветви родов достаточно размножились и, что в видах интересов ветвей родов следует окончательно разделиться, чтобы можно было брать друг у друга жен, то происходит *обряд разделения родов*. Предварительно съезжаются старики и старшие в роде в ветвях рода, обсуждают предстоящее событие и назначают день для торжественной церемонии. В назначенный день все опять все съезжаются, молятся богам и предкам и на границе земли родов

---

[1] Воспоминание о переселениях и их причинах в каждом отдельном случае так еще свежо в умах стариков, что они мне всегда могли указать, что заставило их предка такого-то переселиться в данную местность. Этих причин не много. Главная из них: тесно стало, скота много сделалось—переселился на новое место, Это заставляло людей переселяться по мирскому приказу степей, не оставляя скотоводства. Другая причина—неудача в скотоводстве, падежи, холодная зима с отсутствием корма заставляла людей бросать родные места и отправляться с остатком скота искать счастья на богатых рыбою и пушниною берегах Байкала. И, наконец, третья причина—преступление, вследствие которого какому-нибудь из членов рода приходилось бежать и селиться там, где его не могла уже настичь рука мстителя.

[2] Сравни аналогичное: Щапов А. Бурятская улусно-родовая община. Известия Сибирского Отд. Р. Г. О., 1875 г., т. V, № 3 и 4, стр. 129.

(на меже) ломают на двое котел и лук. При этом говорят, что как две половины котла и две половины лука никогда больше не составят один целый предмет, так и две ветви рода никогда больше не составят одного рода. Обряд этот называется яхи халахо (что дословно значит разделение костей)[1].

Такое разделение произошло и с родом Шоно (потомки Ихирита), 7 поколений тому назад он состоял из двух ветвей: старшей, которая жила в пределах нынешнего Кутульского ведомства и в которой старшим в роде был Манхе (сын Тобоя), и младшей, жившей на юго-запад от них, в которой старшим в роде был Боозе, сын Мухедея.

Обе эти ветви испытывали неудобство оттого, что за женами приходилось ездить далеко; кроме того обе ветви уже настолько размножились и отдалились, что не представлялось нужным поддерживать близость родства. Поэтому решено было окончательно разделиться и обе ветви по совершении обряда разделения родов образовали два самостоятельных рода «Большие Шоной» (Ехе-Шоно) и «Малые Шоной» (Бысыгын-Шоно), которые по сейчас обмениваются женами.

Большинство бурятских родов Предбайкалья ведут свои родословные от двух братьев Булгата и Ихирита, но есть роды, происшедшие от выходцев из Монголии. О происхождении Булгата и Ихирита рассказывает легенда, записанная мною в Степно-Балтайском улусе Ленского ведомства и несколько дополненная рассказчиками из других мест. (См. прил. 1 к этой главе). Потомки Булгата и Ихирита образовали многочисленные роды, которые или связаны между собой общностью происхождения и представляют как бы стадию неполного разделения или же не связаны общностью происхождения или же, наконец, связь эта существовала, но после совершения обряда разделения родов она больше не признается[2].

В первом случае браки между членами родов воспрещены, во втором и третьем браки разрешены. К первому случаю относится и связь по родству территориальному, которому посвящена специальная глава моего исследования. Отдельный род связан во едино рядом установлений и положений, к последовательному разбору которых и перехожу.

Общее происхождение кровная связь и старший в роде. Каждый род ведет свое начало от одного предка родоначальника (Узур утха) —и потому состоит из группы людей, связанных между собою самыми тесными узами кровного по мужской (отцовской) линии родства: он состоит из дядей, племянников, внуков, братьев и кузенов всех степеней. Женщины, как элемент преходящий, в образовании рода участия не принимают. Во главе каждого рода стоит старший в роде, который наследовал это высокое звание от основателя рода по прямой

[1] По типографским условиям все термины пришлось передавать не в академической транскрипции, а русскими буквами, что, конечно, очень не точно передает истинное произношение слова.

[2] О родоразделении у киргиз, представляющем некоторую аналогию таковому у бурят, сравни: Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Записки Р. Г. О. по отд. этнографии, т. XXIX, 1904, стр. 286.

линии и передаст его своему старшему сыну. О значении старшего в роде и его прерогативах, равно как и о прочих членах рода, подробно будет сказано в специальной статье, посвященной этому вопросу. Род называется табен или яхан (кость), а люди одного рода ныгын яхане одной кости.

Родовые земля и улус. Каждый род живет в особом улусе (Ээл), в котором кроме членов данного рода жить никто не может, и владеет особой территорией—землей рода. Земля—общеродовое достояние. Сохранилось еще воспоминание о тех временах когда земли было много, и никто ее не мерил; теперь бурятские земли вклинены среди русских, и земля каждого отдельного рода отмежевана. Родовая земля разделена на четыре части: утуги, пашня, пустоши и летние степи. По границам родовой земли и по границам утугов (кроме летних степей) поставлены изгороди поскотины, отделяющие как родовые земли, так и одни участки от других.

С проведением границ, постройкой поскотины и размежеванием никаких религиозных обрядов не связано; поскотина не имеет никакого религиозного значения, и ни под нее ни у углов ее ничего не закапывают; ни знаков собственности ни каких либо священных знаков на утугах и пашнях нет; каждый сам знает свою пашню. Утуги это низкие луга, хорошо удобренные и орошаемые посредством оросительных сооружений. Каждый отец семьи имеет свой утуг, который он тщательно удобряет и поливает, и сеном с которого кормится его скот и дает ему значительную часть его годового заработка. Переделы бывают в большие промежутки времени, обычно раз в 20—25 лет. Кроме того, если при новом переделе оказалось, что у бурята семья уменьшилась, и часть его земли должна отойти, он сам имеет право отобрать худшую часть утуга и отдать ее, оставив себе ту, которая дает ему больше травы, и за которой он тщательнее ухаживает. Это, конечно, еще крепче привязывает хозяина к своему клочку земли и заставляет с большою тщательностью его обрабатывать.

Делят утуги так, чтобы у всех было одно количество травы; если кому нибудь попадается участок похуже, то вместо одной десятины ему дают 1½ или 2. Для того, чтобы у всех была одинаковая по качеству земля, каждый член получает несколько участков, разбросанных по всему родовому владению. Это влечет за собой чересполосицу, но зато при этом соблюдается справедливость. Если один из членов общины расчистит сам под утуг пустопорожний поросший березняком или ивняком луг, то он владеет этим утугом до нового передела. Таким образом наиболее энергичные и предприимчивые члены общины увеличивают площадь удобной земли рода.

Пашни пока еще в надел не вошли; так как хлебопашество началось сравнительно недавно (лет 60 тому назад, после большого падежа скота), то буряты еще не успели распахать настолько большие пространства, чтобы начать разговоры о равномерном разделении земли. Всякий отправляется в пустошь, принадлежащую его роду, и распахивает себе где-нибудь на высоком склоне, обращенном на юг, тот участок земли, который ему покажется более благоприятным для хлебопашества. Обычно выбирают красноватую почву, поросшую березняком.

Низкие места, как подверженные туманам и инеям, не распахиваются. Система полеводства как у бурят, так и у русских в этом крае залежная. Где бурят распахал, там и его заимка. Пустоши (покосы) принадлежат всему роду и, когда наступает время сенокоса, ежегодно распределяются между всеми членами общины сообразно силе семьи и ее потребностям. Выгон, где летом пасется скот общий для всего рода, хотя участки других родов не ограничены, и скотина гуляет свободно по всей степи; коней, однако, предпочитают пасти не слишком далеко от улуса. Рогатый же скот целый день ходит, предоставленный самому себе, и лишь определенные часы днем и вечером приходит к юртам для удоя.

Родовой скот. Скот в старину был общий родовой; старики это помнят еще хорошо, хотя на их памяти этого и не было, но им «так деды сказывали». Теперь уже каждая семья имеет свой собственный скот, который делится опять таки при выделе сенокоса или братьев.

Родовая ирригация. Каналы обще-родовые; раньше, когда кругом было много леса, канавы были короткие и брали свое начало в пределах одного рода где нибудь на горе в пади, среди леса, и сооружались всем родом сообща. Теперь, когда леса кругом расчищены, приходится запружать небольшие реки, что не под силу одному роду; в таком случае для этой цели соединяются несколько родов, которые сообща прорывают канал, сооружают плотину и устраивают пруд. Для этой работы соединяются два, три, четыре, а иногда и пять улусов, могущих в силу своего стратиграфического положения пользоваться водою одного канала. Раскладка расходов по прорытию составляется из двух частей: 1) расходы по прорытию магистрали и 2) по прорытию боковых каналов, орошающих территорию улуса. 1-е раскладывается по улусам; здесь в расчет принимается количество десятин, потребное для орошения в каждом отдельном улусе, пропорционально которому и раскладывают. Эта сумма делится поровну на число работников в улусе. 2-е раскладывается внутри улуса. Так как каждый работник в улусе получает равный надел, то все должны исполнить равную работу. В какой-нибудь определенный день назначается рытье канала. На работу, конечно, выходят не все члены рода, а менее состоятельные и более прилежные. Каждый из вышедших получает свою часть, которую он должен исполнить в этот день, принимают до тонкости в расчет твердость грунта, заболоченность и прочие технические затруднения в работе. Устанавливается определенная заработная плата, которую получает каждый работник лишь при осеннем расчете. Тогда составляется сумма денег, в которую обошлось прорытие канала и раскладывается на число наделов. Каждый, не работавший по прорытию канала, уплачивает полную сумму, приходящуюся на него. Работавший получает разницу от вычитания его заработка из долга по прорытию канала.

Каналы постоянно заболачиваются и требуют ремонта. Стоимость и работа по ремонту ежегодно раскладывается по тому же плану, что и прорытие. Каждый оросительный канал (Бохол-та-угуй) берет свое начало или из реки или из какого-нибудь ключа. Он течет вначале в виде

широкого канала (магистрали), а затем, приходя на утуги, разветвляется на массу рукавов, которые заканчиваются маленькими канавками на утугах отдельных хозяев. Каждый хозяин имеет право воспользоваться лишь определенным количеством воды из общественной магистрали и лишь определенное количество дней орошать свой утуг, и с тем рассчетом, чтобы на каждую поливную десятину утуга пришлось одинаковое количество воды. Для этого в каналах делаются маленькие плотины, при помощи которых воду пускают попеременно то по одним, то по другим боковым рукавам. Каждый год перед началом орошения собирается родовое совещание, на котором определяют по особым приметам сколько можно ожидать воды и сообразно с этим определяют, сколько суток каждый хозяин может орошать свой утуг.

В верховье канала живет его хозяин, т. е. тот дух-эжин, который дает воду в канал, и от благоусмотрения которого зависит количество воды попавшее на утуг и рост трав. Когда весною пускают воду, то ему всем родом устраивается жертвоприношение. Обычно отправляются на это жертвоприношение лишь старики; придя к истоку канала, они «брызгают» тарасуном и просят духа, чтобы он хорошо поливал и смотрел, чтобы вода не утекала куда нибудь мимо. В случае, если от какого нибудь ключа орошается земля не всего рода, а лишь нескольких его членов, то хозяину этого ключа молятся лишь эти члены, так как остальных этот хозяин не касается. В случае неудачи, если вода не пошла по каналу, или ее идет слишком мало, приглашается шаман, который ворожит по бараньей лопатке или на варгане (хур) и узнает, какую жертву род должен принести хозяину ключа, чтобы тот опять пустил воду.

Перед прокладкой нового канала особых установленных обрядов нет. Иногда зовут шамана и просят его узнать, удачно ли будет новое предприятие, но обычно обходятся без этого и просто молятся, совершая от всего рода жертвоприношение хозяину ключа, прося его давать воду.[1]

Родовые боги и родовые жертвы. Помимо общебурятских богов, у каждого рода есть свои боги, *родовые*. Это боги территориальные, какие нибудь люди—полубоги, обитавшие раньше в тех местах, где теперь живет данный род, или это дух, живущий в данной горе или местности, или, наконец, какой нибудь шаман-предок, шаман данного рода.[2] Каждая долина, каждая гора или ложбина имеет своего духа. В большинстве случаев это «монголы». По бурятским преданиям, по всему Предбайкалью до бурят жили монголы (Харá-монголы); однажды

---

[1] Сравни: Затопляев Н. Н. Об аршанах или целебных ключах. Записки Вост. Сиб. Отд. Р. Г. О., по этнографии т. II, вып. 2, стр. 4.

Евсевий Иван. К этнографии бурят. Живая старина, т. XXV, вып. II—III, 1916, стр. 062.

[2] Хангалов. М. Н. Новые материалы о шаманстве у бурят. Записки Вост. Сиб. Отд. Р. Г. О. по этнографии, т. II, вып. I, стр. 81 (о горных старцах) и Потанин Г. Н. Очерки Сев. Зап. Монголии ч. IV, стр. 125 (о «местных духах»).

один из монголов привязал на ночь жеребенка к какому то пеньку, торчавшему из земли. Проснувшись утром, он увидел, что из пенька выросло большое белоствольное дерево, никогда не виданное в этих краях, и жеребенок, который был привязан к верхушке пенька, очутился повешенным и удавленным на вершине дерева. Тогда собрались все монголы и стали совет держать, что значит это предзнаменование. И порешили так: «Белое дерево выросло белый царь придет, не хотим быть под властью белого царя». После этого поднялись все и укочевали на юг за Байкал в Монголию, а местность, дотоле степная, покрылась лесами. Потом уже появились здесь буряты.

Все умершие в Предбайкалье монголы, как первые насельники этого края, являются «хозяевами» тех мест, на которых стояли их юрты. Души этих монголов здесь постоянно витают и требуют себе жертв. В случае получения их благосклонности, они являются покровителями тех бурят, которые живут на их земле.

В бывшей Ольхонской Степной Думе мне пришлось присутствовать на трех тайлага, посвященных местным территориальным богам. Лето 1913 г. было засушливое, и скот сильно страдал от отсутствия травы. Был устроен тайлага монголу Кучулген-Тологою монголу, жившему в вершине долины Кучулга; ему принесли в жертву барана и просили охранить утуги и пастбища для скота от засухи. Далее был устроен тайлага Хурсагани-Монголу, тоже бывшему обитателю, а ныне «хозяину» этих мест. Ежегодно ему отправляют тайлага. Один год ему приносят двух баранов, а на другой год лишь «брызгают» тарасуном. Наконец, был устроен тайлага шаману Танхын, дух которого живет в горе того же имени. Сам он некогда обитал у подножья этой горы и был помощником у великаго шамана острова Ольхона (Ольхони эжин). Эта гора господствует над высокими горными степями, где летом пасется скот. Танхына просили, чтобы он хорошенько скот караулил, пока тот пасется на подведомственных ему степях. Кучулген-Тологой, Хурсагани-Монгол и Танхын являются для бурят, населяющих долину Кучулга, родовыми территориальными богами и почитаются лишь ими. Другие роды имеют опять таки своих родовых территориальных богов. Кроме того каждый род может иметь и своего родового не территориального духа (напр., шамана-сородича), покровительством и заступничеством которого этот род пользуется и которого лишь этот род ублаготворяет и умилостивляет жертвами. Так в Хандатском роде (кудинские степи) был знаменитый и сильный шаман (Тыхше), ему ежегодно устраивают тайлага как Хандатский род, так и территориально родственные ему Боройский и Базайский роды, покровителем которых он также считается. Кроме того каждый род устраивает тайлага и обще-бурятским богам, почитаемым всеми бурятами.

Тайлага это общественное жертвоприношение. Каждый бог имеет свой собственный день, и в течение всего лета тайлага отправляются каждый пятый день. В жертву божеству приносят столько скота, сколько ему положено по ритуалу: одному божеству двух баранов и козу,

другому лошадь, а иным божествам и лошадей и баранов и обязательно тарасун от каждой юрты. Животное закалывается, душа его отправляется к божеству в потустороннее царство и там приобщается к его стаду, состоящему из душ животных; кости складываются на костре в том порядке, в котором они расположены в животном, и сжигаются, а мясо немного приносится в жертву божеству, а остальное делится между сородичами. Стоимость всех животных за лето составляет довольно крупную сумму и, если бы ее разложить на всех членов поровну, то многим было бы не под силу. Поэтому раскладка делается по паям. Богатый человек берет себе 3—4 пая; среднего достатка 1—2 пая, а бедный может взять ½ или ¼ пая. По количеству паев раскладывается стоимость жертвенной скотины и каждый пай обходится от 4 до 6 рублей в год. Таким образом бедняк внесет всего 1 рубль, но зато он и жертвенного мяса получит меньше. После того, как жертвенное мясо сварено в котле, его вынимают на доски и крошат. Затем выставляют тарасунные чашки в количестве, находящемся в простом кратном отношении к комплекту паев; эти чашки наполняются крошеным мясом, причем стараются, чтобы от каждой части печени, ляжки, и сердца и т. д.) в каждую чашку попало по куску. Каждый хозяин возьмет себе столько чашек мяса, сколько полагается ему по количеству его паев. Таким образом, тому, кто вносит в родовую религиозную кассу мало денег, приходится довольствоваться и малым количеством мяса.

Выплата повинности за тайлага облегчается еще тем, что жертвенное животное покупают у своего же сородича, который и получает за него плату при осеннем расчете. Таким образом у каждого члена рода, если он продал скотину, осенью образуется прибыль за проданную скотину и расход его доля в родовом расходе за тайлага; ему приходится уплачивать лишь разницу. Тайлага являются одним из существенных элементов в жизни бурят, которые сплачивают их род в единое целое. Помимо сознания того, что жертвоприношение совершается от всего рода и милость богов будет ниспослана всему роду, тайлага приносит сильное нравственное удовлетворение, как общественное развлечение, так как после усердного «брызгания» богам весь род сплачивается в дружную и непринужденную компанию, проводящую время в задушевной беседе. Наконец, тайлага играет роль общественного снабжения рода мясом летом. В течение лета, особенно в первой его половине, когда буряты из соображений экономических скотины не колят, они все-таки, благодаря тайлага, время от времени получают мясо, что для народа, привыкшего к мясной пище, чрезвычайно важно.

Родовой шаман. Как есть общеродовые боги и общеродовое им жертвоприношение, так и у каждого рода есть свои родовые шаманы. Шаманское избранничество не бывает благоприобретенным, а всегда наследственным; оно является как бы присущим данному роду достоянием, которое каждый род стремится сохранить за собой. Для этого при похоронах шамана между прочими обрядами совершается и следующий:

когда процессия с трупом шамана, сидящего в полном облачении на коне, отойдет на некоторое расстояние от своего улуса, в направлении к улусу выпускают одну из стрел (утхе) шамана. После трупосожжения на обратном пути домой, стрелу эту отыскивают, приносят в улус и прячут в юрте умершего шамана. Делается это для того, чтобы утхе (шаманское наследие, шаманский корень, шаманское происхождение, шаманский род) в этом роду не прекращался. Со стрелой, как объясняли мне буряты, возвращается в род и свойство шаманить; в роду снова народится шаман, и род не останется без своего шамана[1].

Кроме того шаман—родовой, так как он член рода и его посвящение в шаманы дело не его личное, а дело всего рода. Для получения звания шамана нужно пройти известные стадии (избранничество, учение, посвящение). Каждое посвящение обходится роду очень дорого, и церемония эта производится на счет рода шамана и связанных с его родом территориально родственных родов. Сородичи платят сообразно с силами и своею близостью к шаману. Территориальные родственники дают меньше. Деньги эти идут на покрытие расходов по празднеству. Кроме денежной помощи, которую приносит каждый член рода в отдельности, есть еще помощь скотом. Для шаманского посвящения требуется много жертвенных животных. Каждый улус дает для этой цели одного или нескольких баранов в зависимости от близости к роду шамана. Животное покупается у одного из членов рода, которому осенью выплачивают стоимость животного. Стоимость тоже раскладывается на паи точно так же, как и при расплате за жертвенных животных, купленных для тайлага.

(См. приложение II).

Родовой огонь. Огонь общий родовой. Он (его хозяин Тали-Эжин) живет в очаге посреди юрты. Огонь хранитель дома и семейства, хранитель детей, защищает дом и домашних от злых духов и болезней. Он всегда живет в юрте бурята, заботится обо всем и хлопотливо вникает во все мелочи хозяйства. Злые духи стараются обмануть бдительность огня и проникнут в юрту с несчастливым («нефартовым») человеком (косым, придурковатым, уродом) или с женщиной (за женщинами духи очень часто «увязываются»). Огонь все время зорко наблюдает в двери, чтобы духи не пробрались в юрту. Лучшим местом считается «за огнем», т. е. на противоположной от входа стороне юрты; сюда, под защиту огня и его жены ставят зыбку с грудным ребенком, с тем расчетом, чтобы между ребенком и дверью находился огонь. Через дымовое отверстие духи никогда не входят, т. к. огонь их не пускает, пугая дымом и искрами. Поэтому нет надобности что-либо класть на дымовое отверстие, чего боятся духи (напр. боярку или литовку). С огнем нужно обращаться очень почтительно. Даже, когда женщина садится перед огнем, она должна обдернуть подол, «чтобы огонь колена не видел», как бурятки делают пе-

[1] Г. Н. Потанин [Очерки Сев. Зап. Монголии, ч. IV, стр. 123], говорит о «невыясненном им понятии утхе» у аларских бурят. Собранные мною сведения вполне подтверждают полученное Г. Н. Потаниным объяснение «родство по шаманству». Правильнее было бы сказать: «шаманское наследие».

ред своим хадымом (отцом мужа). Нельзя плевать в очаг, бросать в него мусор, подобно тому, как это делают русские женщины, выметая сор из избы. Нельзя бросать в огонь какие нибудь плохие, грязные вещи, чадящие или издающие дурной запах; воду в огонь нельзя лить: «грех» огонь не любит». Нельзя ковырять в огне острыми предметами, т. к. можно повредить хозяину огня, например, выколоть ему глаз; по той же причине даже мясо из котла нельзя вынимать ножом или чем-нибудь острым: «хозяин огня не позволяет». В старину полагалось вынимать деревянным тычком; теперь употребляют деревянный черен, у которого на конце насажен железный крючек; но это является новшеством. Нельзя шалить с огнем или мешать в огне для забавы, небрежно толкать ногами поленья, которые горят [1] или без толку их передвигать. Через костер никогда не прыгают, даже случаев таких не было. Нельзя с размаху бросать новые дрова в огонь, но следует их осторожно подкладывать, т. к. иначе можно ушибить хозяина огня [2]. С огнем делятся едой; ему всегда брызгают после каждого тайлага и во время каждого домашнего молебствия. Когда приезжает гость и ему подносят тарасун, он прежде всего брызгает предкам и огню. Когда почетному гостю подносят баранью голову, он прежде всего посылает огню его пай. Огонь получает всегда первый пай, когда перегонят свежий котел тарасуна.

Огонь все очищает: посуду перед жертвоприношением проносят над огнем [3]; после родов или менструаций женщина очищается перед огнем, равно как и предметы, которые приходили с ней в соприкосновение.

Женщина во время менструаций или после родов может разводить свой огонь. Через огонь происходит принятие новой женщины в род; через него же путем прикосновения к огню оповещает женщина, что ее период нечистоты закончился. Если упал на землю кусок мяса или съестного, и есть его уже нельзя, но выбросить грех—надо бросить в огонь.

Вот что рассказывает легенда о появлении огня. У первых людей огня не было и им было очень плохо. Но однажды ласточка, сжалившись над людьми, украла искру у небожителя Сумбыр-Улла-Тенгери, хранившего огонь. Она ее взяла в клюв и хотела вылететь с нею через дымовое отверстие. Тенгери, спасая огонь, который был достоянием лишь богов, схватил щипцы, замахнулся на ласточку и ударил по ней, желая ее убить,

[1] Буряты топят обычно длинными березовыми палками вершка в два толщиною и длиною около двух аршин. Покладывают со стороны входа так, что горят концы, лежащие на очаге. Когда конец догорит, палку пододвигают в глубь очага. Холодные же концы горчат веером; вот эти концы «грех» толкать ногами.

[2] Сравни то же у монголов. Лама Галсан Гомбоев. «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини». Труды Вост. Отд. Русского Археологич. Об-ва, 1857, ч. IV, стр. 239 и 248.

[3] Для этого рядом с очагом раскладывают маленький очаг. Его строят из трех камешков, величиною с большой грецкий орех, которые всегда хранятся на полке под онгонами; в очаг кладут уголья, а на них богородскую траву (*ханха*). Уголья должны быть взяты непременно из очага родового огня.

но промахнулся и попал птичке по хвосту и рассек его пополам. С тех пор у ласточки раздвоенный хвост [1].

Ласточка принесла огонь людям и отдала его женщине, по имени Ильхе-тоде; где жила эта женщина неизвестно, но известно, что она была простой смертной и что она распространила огонь среди людей. Мужа ее звали Сахяде. Оба они почитаются бурятами, как хранители огня. Огонь вполне антропоморфен, как и все прочие боги. Его еще называют Сахяде-нойон или Сайхале-Хатын-Ильхе, или Сайхале. Огонь был одним из трех сыновей Сумбыр-Улла-Тенгери. Два другие его сына — солнце и месяц остались на небе. Огонь же, оставшись духом, низспустился на землю и стал ее обитателем.

Но тот же огонь существует и теперь на небе. Буряты в понятии «Гал» видят одного духа — огонь (Гал), который отделяет от себя много совершенно тождественных себе других огней, могущих быть родовыми. Родовой огонь в свою очередь отделяет от себя огни совершенно такие же антропоморфные, как и он сам, которые поселяются в юртах отдельных бурят. Эти последние в свою очередь будут отделять от себя новые огни при выделении сыновей и т. д. Огонь будет делиться, но в то же время он сохраняет свое единство.

В каждом роду есть свой собственный родовой огонь, тот самый огонь, который имел родоначальник. Когда строят новую юрту для сына, в нее переносят огонь, взяв его из очага отцовской юрты; таким образом огонь, горящий в каждой юрте, действительно происходит от огня родоначальника.

При перекочевках огонь нельзя бросать на старом месте; нужно подождать, пока он не войдет в пару больших головешек, и тогда эти головешки осторожно в золе перевезти на новое место. Здесь первым долгом надо раздуть огонь, сварить саламат и накормить огонь. Обрядов очищения очага нет, равно как и с золой нет никаких обрядов. Ее нужно только высыпать в укромное место, где не испражняются и где не ходит скот. Пеплом хорошо посыпать вокруг дома, чтобы не проникли злые духи. М. Н. Хангалов (Балаганский сборник стр. 196—197) описывает интересный обряд «Тарим Даха» — изгнание злого духа раскаленным пеплом. Огонь — это такой же член рода, как и любой бурят, и его нельзя отдавать в чужой род, как нельзя отдать сына или сородича. Поэтому ни одному буряту и в голову не придет попросить головешку, чтобы унести ее в свой род. Даже больше: когда чужеродец входит в юрту, ему подносит хозяйка трубку, зажженную от родового огня, которую он выкуривает, но если он хочет выйти из юрты наружу, он должен непременно выколотить пепел из трубки, чтобы не вынести родового огня (Сырте). Вообще, если чужеродец закурил у огня в юрте, он не должен выносить трубку с огнем

---

[1] По другим верениям огонь хранил Ыныге-Малан-Тенгери, в ласточку стреляли из лука и промахнувшись рассекли ей хвост.

Интересная легенда о происхождении огня записана мною у кудинских бурят (см. приложение III.).

из юрты. Даже женщина, выданная в чужой род, не может выносить огонь из юрты того рода, из которого она происходит. Свои же могут выносить огонь из юрт своего рода. Впрочем, в некоторых улусах за этим не смотрят уже так строго, и лишь в том случае строго воспрещается выносить огонь, если в доме есть ребенок моложе года от рождения. Огонь — радушен и гостеприимен. Всякий, кто подсел к нему, может у него греться, всякий чужеродец может его раздувать в родовом очаге. Наконец, огонь принимает большое участие в отправлении домашнего молебствия частного жертвоприношения (кырык). Если в доме заболевает кто-нибудь и нужно принести искупительную жертву или, если нужно принести жертву от данного дома одному из божеств, чтобы оно было вообще милостиво по отношению к этому дому, то устраивается кырык, во время которого шаман приносит в жертву потребное количество животных (лошадей или баранов быков и коров в жертву никогда не приносят. После того как животные освежеваны, мясо их варят в котле, а кости сжигают. В варке мяса и сжигании костей обязательно должен принять участие семейный огонь, для чего его переносят на место отправления кырык'а в двух головешках или в сухом навозе из той юрты, от которой совершается жертвоприношение.

Несколько удивительным является то обстоятельство, что на общественное родовое жертвоприношение «тайлага» огонь не приносят, а высекают тут же из огнива или, за последнее время, зажигают даже спичками. Возможно, что в данном случае обычай уже забыт, а ранние и на тайлага приносился родовой огонь [1].

Родовая курунга. Курунга также является общеродовым достоянием и как огонь, так и ее нельзя передавать в чужой род. Но курунгой можно поить каждого чужеродного гостя; он даже самостоятельно может ее брать из большой кадушки.

Курунга, это кислое молоко, подвергнутое действию особого бродильного грибка. Молоко после дойки сливается в плоские кадушки, где оно превращается в простоквашу. С нее снимают сметану, а простоквашу сливают в бочку с курунгой. Каждая порция курунги происходит от той курунги, которую имел родоначальник и, переливаясь из бочки в бочку, от отца к сыну, дошла до наших дней. Бурятские коровы дают зимой очень мало молока, а у бедных людей, имеющих одну-две коровы, молока не хватает для поддержания курунги в течение зимы. Когда весною коровы снова начинают усиленно давать молоко, жена сородича, оставшегося без курунги, берет кадушку простокваши и идет к богатому сородичу, у которого всю зиму было молоко и сберегласъ курунга, и отдает простоквашу его жене. Последняя выливает простоквашу в бочку с курунгой и наполняет кадушку родовой курунгой. Просительница выливает полученную курунгу в свою бочку, грибок начинает функционировать, и ее хозяйство вновь действует по раз навсегда заведенному порядку.

---

[1] Сравн: Хангалов М. Н. Загэтэ-аба. Известия Восточно Сибирского Отдела Р. Г. О. XIX, № 3, стр. 10.

Но если бы в силу каких либо несчастных случайностей род остался бы к весне без своей курунги—его бы положение было безъисходное, так как никакой другой род не даст ему своей курунги. К счастью, еще таких случаев не было.

Курунга употребляется, как напиток. Содержа в себе небольшое количество спирта и будучи очень питательна курунга является одним из важнейших пищевых продуктов бурят. Ею поят детей, ее берут с собой в поле на работу, ее подносят гостю, когда он усталый приехал с дороги. Это один из излюбленных напитков богов. Курунгу подвергают перегонке; она дает веселящий напиток орхи (молочная водка—тарасун) и особый сыр арса представляющий собой консервированное молоко, которым бурятская семья питается всю зиму. Таким образом, курунга играет важную роль в жизни бурят и не удивительно, что с ней связан особый культ, и что она стала родовым достоянием. О происхождении курунги существует легенда. Этот напиток создала жадная жена Чингис-хана. Для этого она подмешала к молоку: 1. Сок девяти различных цветов. 2. От бешеных животных немного мяса. 3. Немного от копыта быстрого коня. 4. Немного от огня 5. Немного от сердца умного человека. От этой примеси молоко обратилось в курунгу, которая потом распространилась среди бурят. Сам Чингис-хан, будучи великим шаманом, узнал тайну, как из курунги выкуривать тарасун, и научил этому бурят. Тарасунокурение собственно женское дело, но и мужчина может им заниматься, если его жена больна или умерла [1].

Родовая честь.

Каждый проступок, совершенный одним из членов рода, бросает тень на весь род. Если кто украл, он опозорил свой род; если девушка родила, всякий может смеяться над ее сородичами. В своем роду можно болтать о чем угодно и сообщать друг другу обо всем, что произошло у сородича в юрте: поссорился ли он с женой, вышел ли какой забавный случай, у кого какие сердечные тайны. Между своими говорить обо всем можно свободно; но если едешь в чужой род, или если чужеродец-гость приехал, здесь уже никто словом не обмолвится. Как бы тарасунные пары ни действовали на умы, располагая их к откровенности, и как бы ни развязывались языки для свободной болтовни, бурят никогда не выдаст то, что должно храниться лишь в роду.

С родовой честью тесно связана и родовая гордость. На всех состязаниях род выходит на род, и победитель приносит честь роду. Среди бурят очень распространены всевозможные состязания, которые устраиваются при всяких подходящих случаях, как тайлага, надан, весенние военные состязания и т. д., на которых обязательно входят в программу борьба, скачки, а на весенних играх и стрельба из луков по мишеням [2].

[1]. В этой легенде о создании курунги характерно отразились воззрения бурят на курунгу и тарасун. Если пьянеешь от, становишь бодрым, как быстрый конь, если выпьешь много тарасуна, потеряешь разум, станешь, как бешеное животное. Тарасун опасен, как огонь и, если его пить умеренно никакого ума не потеряешь—не то, что от водки, объясняли мне буряты.

[2] Сравни у Агинских бурят: Шагдаров С. Д. и Очиров Б. Д. Игры и увеселения агинских бурят. Записки Р. Г. О. по отдел. этнографии т. XXXIV стр. 174—179.

Во время этих любимейших развлечений бурят, с особой яркостью пробуждается родовая гордость, и в движениях и возгласах присутствующих слышатся отзвуки прежних более воинственных времен. Впрочем, иногда для выполнения этикета, приходится поплатиться и родовой гордостью: так во время надана, т. е. когда в род невесты приезжают члены рода жениха и устраивается борьба, считается необходимым, чтобы гости остались победителями, и, если хозяева оказываются сильнее, то они поддаются, чтобы сделать приятное гостям.

Честь родовая поддерживает и сохраняет порядок внутри рода. Если сородич вел себя безобразно, он бросил тень на весь род, а потому и порядок и дисциплина в роду общеродовые. Все друг за дружкой следят и друг друга останавливают. Если кто начнет слишком шуметь, безобразничать, драться, свои тотчас его примутся успокаивать и уговорят угомониться. Конечно, эта дисциплина продиктована отчасти складом бурятского характера, вежливого, обходительного, учтиво-церемонного и благодушного, но она касается лишь мелочей повседневных. Крупные же дела решает обще-родовой суд стариков.

Родовой суд. В каждом роду есть особое сословие стариков. Старики (Убугут, Эзди Убугут) это умные люди, которых уважают, которые знают порядки и старые обычаи, умеют хорошо говорить[1], ведут хороший образ жизни, сами работали, воспитали сыновей хороших, не пьянствуют, никого не обижают, со всеми справедливы. «Старик» это понятие вполне ясное для бурята, и он сразу может сказать кто «старик», а кто нет. Может быть и не старый человек, а словно «старик». Старик много видел, много знает. Старший в роде тоже причисляется к «старикам», если даже он еще молод. Богатые тоже обычно считаются «стариками». Но если богатый не умен, то его в число стариков, не включают. Вот из этих то «стариков» и составляется родовой суд. Если старший в роде уже в преклонных годах, он является доминирующим лицом в судилище, если же еще молод, все являются равнозначущими. Таким образом, постоянного состава суда не существует. Этот суд решает разделы братьев, выделы сыновей, разбирает столкновение между супругами, а также, и уголовные преступления. На судьбище выслушивают показания сторон и свидетелей, допрашивают, затем все высказывают свое мнение и, наконец, выносится резолюция, которая является обязательной для судящихся.

Преступления. Все преступления делятся на два разряда: на преступления совершенные по отношению к чужеродцу, и на таковые же, совершенные по отношению к сородичу. Вторые по отношению к первым являются квалифицированными. Далее преступления делятся на кражу имущества и кражу скота. Кража имущества является преступлением более позорным, чем кража скота, но наказуется менее строго. За кражу имущества [illegible] и, если он оказывается чужеродцем, передают его сородичам и

[1] Умение плавно, долго, внятно и дельно говорить очень импонирует бурятам.

там уже старики судят. Обычно подвергают телесному наказанию и заставляют возместить по возможности причиненные убытки.

Исключение из рода. Кража у своего сородича—грех. Кто у своего украл—тот последний человек, и к нему прилагают самое суровое наказание—отлучение от родовых жертвоприношений: он не допускается больше на тайлага, и ему не дается пай с тайлага; это является исключением из рода, так как никто не может выдержать всеобщего отчуждения и презрения, и исключенные духовно сами убегают в чужие земли. Поэтому многие северо байкальские буряты основали свои рода «за морем» (за Байкалом) и в разных местах, но связи со своим родом не теряют и помнят свое происхождение и связь с основным родом. Точно также и среди северо-байкальских бурят живут отдельные рода, обязанные своим происхождением преступникам-беглецам из за Байкала.

Исключение из рода это единственное наказание, налагаемое за крупный проступок против рода. Отцовского проклятия у бурят не существует. Исключает из рода опять таки суд стариков. Бывают случаи, что исправившегося члена опять принимают обратно в тайлага, а, следовательно и в род, что имело место в Кудинских степях в Боровском улусе три поколения тому назад, где за буйство и озорство был исключен из тайлага один бурят. От него все отшатнулись, и ему предстояло покинуть свой род. Но наказание так подействовало, что бурят исправился и усмирился, а потом начал просить стариков, чтобы его приняли обратно. Старики судили его снова и простили, после чего он стал примерным членом рода.

Но обычно бывает, особенно за кражу, что исключенный оставляет навсегда свой род и семейство и скитается по чужим краям, пока где-нибудь обоснуется. Его жена считается на положении вдовы и может вторично выйти замуж, а дети считаются сиротами.

Кроме вышеприведенных случаев изгнания и бегства из рода, есть еще один случай отторжения от рода за неотправление родовых обязанностей. Если какой-нибудь бурят не работает, не обрабатывает своих утугов, пьянствует и не платит подушных податей, то у такого человека отбирают его надел и передают его сородичу или, если никто не хочет взять,—его надел поступает в передел всей общины. Первое право на получение надела имеет ближайший родственник, затем следующий по близости родства к исключенному. Взявший себе надел уплачивает и все повинности исключенного. Не работать, стать последним человеком бурят может лишь в исключительных случаях, и случается это обычно после каких-нибудь больших несчастий.

Мне пришлось узнать одного, когда-то зажиточного, бурята, который потерял жену и двух сыновей, остался бобылем и запил горькую. Он спустил все состояние, у него отобрали надел и передали ближайшему (из желавших взять) родственнику, а сам он теперь ходит из юрты в юрту, где его из гостеприимства кормят, напивается на праздниках в тайлага и оказывает иногда кое-какие мелкия услуги своим сородичам.

Женатый и имеющий детей бурят почти никогда не опускается до такого состояния. Однако, мне удалось узнать о двух случаях: в одном — родственник, взявший надел, кормил и отторженного и его двух детей; в другом — жене был выделен небольшой участок из надела мужа, который она сама обрабатывает и кормит детей. Ей помогает во многом община (уборка сена и хлеба делается всеми членами рода, не говоря уже о мелких услугах). Когда же дети подростут, они должны будут получить обратно отцовский надел, которым будут владеть до нового передела. Таким образом родственник берет надел во временное пользование, в течение которого он уплачивает повинности отторженного члена и кормит его детей, но с того момента, как дети предъявят права на отцовское достояние, оно им возвращается, и уплачивать подати должны будут они.

Безпутная жизнь мужа и исключение его из рода может служить поводом к разводу и дает право его жене выйти замуж за члена другого рода без необходимости возвращения калыма или даже части его.

Кража скота. Что касается до кражи скота, то здесь вопрос о краже у своих отпадает, конечно. При сплоченности рода каждое животное известно всем сородичам, и присвоить его себе — дело немыслимое. Кража скота в чужих родах дело самое обычное, и все старинные легенды наполнены рассказами о похищении лошадей и рогатого скота. Это были молодецкие набеги, и они не только не позорили похитителей, но наоборот, их герои всегда окружены ореолом удальства. Свой род вместо того, чтобы порицать похитителя, как это бывает при краже имущества, всячески старается скрыть следы преступления.

В старину за кражу скота полагалось убийство похитителя (ялга), и этот суровый закон действовал очень долго. Если в роду пропадала скотина, сородичи отправлялись искать пропажу. Найдя похитителя, они убивали его, и месть считалась совершенной. Если же род не хотел выдавать похитителя, а прятал его, то убивали кого-нибудь из его рода, иногда даже малого ребенка, как повествуется в одной легенде о совершении ялга. Так было до того времени, пока один очень умный бурят по имени Бубе из Абогнатского рода, подчинивший своему авторитету всех кудинских бурят, не уговорил их требовать за похищение одной головы скотины не человека, а 30 голов той же скотины. Он был очень мудрый человек, и буряты послушались его, с тои поры и пошел новый закон. Через много лет после смерти Бубе жил еще один мудрый человек, по имени Буда, сын Монхойя. Он был Абогнатского рода, Баязанского улуса. Несмотря на то, что он был мудрый, справедливый человек и его слушалось много народу, он сам украл скотину из чужого рода. Потерпевший род отправился на розыски, и у Буда нашли мясо. Ему надо было платить 30 голов той же породы скота. Но Буда отказался уплатить. Тогда истцы пожаловались на него в суд, который устроили русские (сыхей-зургаи). Там судьи думали и порешили, что за одну скотину надо платить три. С этих пор пошел этот новый закон и он действует и до сих пор[1].

[1] Смотри приложение IV.

Убийство. Из всех родов преступления нам осталось еще рассмотреть убийство. Родовая кровавая месть у бурят очень древний институт: за голову надо платить головою, за убийство убийством (ялá). Убийцу ловил род убитого, и его убивали по тому же способу, как и жертвенное животное. В отмщении принимал участие весь род убитого и до тех пор не складывал оружия, пока убийство не было отомщено.

Таким образом, дело кровавой мести является делом общеродовым.

Кровавая месть. Но кровавая месть вылилась у бурят в несколько смягченную форму. Смертью наказывался лишь виновный в убийстве. Если он был известен, но успел скрыться, бежать месть оставалась невыполненной. В случае же, если виновный оставался неизвестным и его скрывали свои, не желая выдавать объявлялась война всему роду убийцы и кто-нибудь из его рода должен был платиться жизнью. Но обычно убийцы, не желая подвергать опасности свой род, бежали в далекие страны. Это последнее обстоятельство служило также поводом для расселения бурят и образования новых родов.

Вообще родовая месть у бурят считалась необязательной, а лишь желательной во всех отношениях. Если род мстителей оказывался слишком слабым по отношению к роду убийцы, то он, вместо того, чтобы мстить, укочевывал куда-нибудь подальше. Кроме того, иногда можно было и откупиться. Для этого род убийцы посылал в род убитого стариков, которые являлись примирителями и условливались с пострадавшими относительно выкупа. К сожалению, мне не удалось собрать сведений относительно величины выкупа, но рассказчики всегда утверждали, что выкуп был большой.

Интересно отметить, что кровавая месть у бурят не носит религиозного характера, как у большинства народов. Неотомщенная душа не взывает к возмездию и боги к нему не понуждают. Это скорее акт самозащиты рода.

В настоящее время кровавая месть исчезла окончательно, но воспоминания о ней еще живы в памяти стариков. Относительно убийства внутри рода удалось собрать очень мало сведений. Мои рассказчики почти всегда говорили мне, что ни о чем подобном они не слыхали, и в прежнее боевое время сородичи жили между собой дружно, так как каждый человек был дорог, и убийства внутри рода не случались.

Тем не менее один старик припомнил случай, когда муж убил своего близкого сородича, застав его в недозволенном по близости родства сожитии со своей женой. Наказания за это убийство не полагалось никакого, так как он тут отомстил за преступление против богов, за великий грех.

Родовая помощь. Помощь родовая развита в широких размерах. Помогают рабочей слабым и больным; помогают вдовам; помогают безвозмездно всем родом, если кто не успел справиться с своей работой. Помогают возить из тайги бревна для построек и строить юрту. Помогают деньгами при свадьбе, при рождении детей и т. д. Помогают в повседневной работе: если кто идет мимо и видит за-

трудненье своего сородича в работе, должен подойти и помочь ему. Если кому нужно поймать лошадь в степи, он заходит в две—три юрты и набирает для этого дела необходимое количество людей. Если кто-либо не управляется с сенокосом он созывает родовую помощь, и весь род идет ему помогать, за что хозяин устраивает угощение. Та же взаимопомощь развита и среди женщин одноулусниц. Живя среди бурятского улуса, постоянно приходится наблюдать, как женщины, у которых мало работы, помогают многосемейным или присмотреть за детьми или управиться со скотом; помогают всецело по собственной инициативе без всякой просьбы со стороны обремененной женщины.

Широко развита помощь мукой, печеным хлебом, сахаром и т. д. При этом никогда не спрашивается о дне возврата, т. к. хорошо известно, что при первой возможности долг будет возвращен. Помощь оказывается так просто и охотно, и бескорыстно, что всегда чувствуется, что одноулусники связаны не только своей артельно-общинной жизнью, но представляют собой в целом как бы одну большую семью [1]. Эта взаимная помощь, впрочем не абсолютно бескорыстна: она в основе своей имеет ту мысль, что, если я помогаю сейчас, то мне помогут в другой раз. Принцип равномерного и пропорционального деления играет здесь большую роль и. если один из членов рода приобрел что нибудь с помощью других, он не преминӗт поделиться с помогавшими. Этим буряты и объясняют торговлю и ростовщичество внутри рода. Вообще отдавание денег под краткосрочные ссуды (30%) очень развито среди бурят. Но внутри рода ростовщичество и торговля принимает несколько более смягченные формы, чем в том случае, если дело ведется с другим дальним родом или с русскими. Если бурят берет с сородича деньги за проданную вещь, то лишь в силу того принципа, что справедливо возвратить владельцу стоимость предмета и вознаградить его за труд привести предмет издалека. Точно также и с процентами. Если бурят занял у сородича деньги для торгового оборота, то, ведь, он должен возместить чем-либо заимодавцу за оказанную услугу. [2].

В случае неудачи в торговом обороте, и заимодавец рискует не получить свои деньги в срок и ждать неопределенно долгое время. Характерною чертою является то обстоятельство, что за ссуду для торгового предприятия % берутся, так как считается, что заимодавец входит в компанию с должником. Единственным исключением является ссуда при отправлении свадьбы; заем делается у сородича и за ссуду этого рода % не берут.

---

[1] Сравни тоже у русских и карымов: Щапов А. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинско-Ленском крае. Известия Сибирского отдела Р. Г. О. 1875, т. VI, № 3, стр. 128 и 129. А также: Щапов А. Бурятская улусно-родовая община. Известия Сибирского отдела Р. Г. О. 1875 г. т. V, № 3 и 4 стр. 135

[2] Златопольев Н. Н. Об аршанах или целебных ключах. Записки Вост. Сиб. отд. Р. Г. О. по этнографии т. II, вып. 2; стр. 4.

Родовые расходы. Род, как и всякая община, имеет, конечно, свои расходы: всевозможные налоги и повинности, как государственные, так и по самоуправлению; эти расходы раскладываются лишь между работниками-мужчинами, т. е. между теми, которые имеют свой надел из общеродового имущества (земли), и раскладываются всегда по принципу справедливого и пропорционального деления. Этот принцип проходит всегда, когда дело коснется дележа.

Родовая помощь. Нищие, безсемейные, калеки и старики, слабосильные содержатся всегда всем родом. Собственно говоря, у бурят нищих, неимущих в полном смысле этого слова, нет. Если бурят состарился и работать не может, то он отправляется к одному из своих сыновей, который его и кормит, и почтительно с ним обращается. Если сына нет, он отправляется к ближайшему своему родственнику, который его содержит. Если же он представитель какой-нибудь вымершей ветки, то род решает сам, кому его содержать.

Собственно, своего обедневшего члена содержит не одно лицо, а весь род. Бедняк, как и всякий член рода, имеет свой надел, который и поступает лицу, взявшему на себя прокормление. Надел дается родом из родового имущества, как плата за стол и дом. Кроме того бедняк расхаживает «по гостям», по своим сородичам из юрты в юрту, где его охотно прикармливают, не видя в этом никакого попрошайничества[1], но считая это в порядке вещей. Не даром буряты с гордостью говорят: «Это наш старик: мы его кормим.»

К старикам буряты относятся с большим почтением, и смерть их встречается с сожалением. Наряду с этим имеется совершенно необъяснимый факт, описанный М. Н. Хангаловым об удушении стариков длинными полосами жира у балаганских бурят (см. Свадебные обряды унгинских бурят, Этногр. Обозрение т. XXXVI, № 1, стр. 63.). Все мои расспросы на эту тему у кудинских бурят убедили меня в невозможности существования среди них когда либо такого явления. По моей просьбе О. А. Монастырева предприняла поиски этого явления. Розыскивая его среди кудинских бурят она пришла к тому же заключению, что и я, но у балаганских бурят ей удалось найти еще свежую о нем память. В виду высокого интереса привожу ее разсказ целиком.

«Когда старику исполнялось 70 лет, а детей и внуков у него не было, то все сородичи собирались и обсуждали дело сообща. Затем несколько человек залезало на юрту и в дымовое отверстие лило из ведер воду на огонь.

Это означало, что дому этому конец: огонь не будет никогда гореть. Затем сородичи входили в юрту с длинными полосами жира, которые вталкивали насильно в рот старика, не давая ему ни жевать ни

[1] Тоже самое отмечает и А. Щапов: физическое и этнолого-генеалогическое развитие кудинского и верхоленского населения Известия Сибирского Отдела Р. Г. О., 1875, т. VI, № 5—5 стр. 197. Его-же: Бурятская улусно родовая община. Ibid., т. V, № 31 стр. 131.

глотать, и тем душили его. После его смерти оставшееся имущество делили между собой».

Обряд удушения стариков у балаганских бурят следует отнести к разряду явлений, происхождение которых нужно искать или в далеком прошлом бурятского народа, в связи с кочевым бытом, или в области заимствований от соседей или административных мер правителей; этот обряд находится в полном противоречии с трогательно заботливым отношением к сирым и почтительным к старикам, а также с религиозным страхом к умершим насильственной смерью. Такое предположение является тем более вероятным, что Я. С. Смолев в своем описании селенгинских бурят [1] приводит аналогичную легенду, где умерщвление семидесятилетних стариков производится сыновьями по приказанию жестокого хана. Герой легенды скрывает своего отца, которого он должен был задушить, а потом благодаря своей ловкости добивается отмены этого закона. Об этом же обычае у монголов мы находим указания у Плано-Карпини, в китайских источниках и у Ламы-Гомбоева[2]. Б. Барадийн сообщает о существовании обычая изгнания старух в Тибете и об отрицательном отношении к нему бурятских паломников.

Нивелирующее действие рода-общины. Еще в 1872 г. А. Щапов «во время своей короткой экскурсии[3], изучая бурятскую общину, отметил ее нивелирующее действие на всех членов. Действительно, бурятская родовая община является с одной стороны гарантией бурят от нищенства, с другой она способствует равномерному распределению имущества и налагает обязанность дружно и равномерно работать по раз навсегда установившейся программе, нивелируя имущественные положения всех родовичей. Поэтому, приезжая в род, не видишь большого смешения состояний; в одном роду все как бы зажиточнее, а в другом беднее.

Богачи. Если бы буряты были исключительно земледельцами, из их среды не выделялись бы по всей вероятности, богачи; при равномерном распределении земельных угодий, разницу составляло бы лишь количество рабочих рук в каждой семье. Но их полускотоводческое хозяйство в связи с характером подвижным, предприимчивым и энергичным, и склонность к торговле, дает возможность некоторым лицам выдвигаться из общей массы и достичь значительного личного благосостояния.

[1] Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отд. Приамурского Отдела Р. Г. О. 1898 г. т. I вып. 3 стр. 106.

[2] Лама Галсан-Гамбоев. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини. Тр. Вост. Отд. Русск. Арх. Об-ва, 1857, ч. IV, стр. 251.

[3] Барадийн Б. Из устной славянской литературы бурят. Живая Старина, т. XXV, вып. II—III, 1916 г. стр. 058.

[4] Щапов А. Бурятская улусо-родовая община. Известия Сибирского Отд. Р.Г.О., 1875. т. V, №№ 3—4 стр. 129.

Но и здесь проявляется прочность родовых основ. Выдвинувшаяся личность тянет за собой и своих сородичей. Один у него служит поголовщиком или приемщиком, другой приказчиком или помощником, иной исполняет обязанности посредника, словом все места в предприятии выдвинувшегося человека получают его же сородичи. Таким образом, они, хотя и косвенно, участвуют в прибылях своего богатого сородича, дело которого является до известной степени делом общеродовым. Здесь кстати будет заметить, что выдвинувшимися богачами являются обычно старшие в роде, что вполне понятно при исключительности положения самого старшего в роде и его семьи. Конечно, нельзя сказать, чтобы богач (баин) не эксплуатировал своих сородичей. Обычно он держит их крепко в руках, но будучи участниками его предприятий, они не остаются без выгоды. Страдают же больше всего от богачей-кулаков чужеродцы.

Люди среднего достатка. Богатство достигается торговлею, арендой мельниц, поставкой скота или сена в город, открытием лавки, шинкарством и т. п. Упорный труд полу-земледельца и полу-скотовода дает лишь средний достаток. Если буряту удается выхаживать скот, то это хотя и подымает его благосостояние, но не на много.

Бедняки. Наконец, третий разряд составляют бедняки, разорившиеся вследствие семейных несчастий, которые одни и те же—смерть и болезни членов семьи. При болезнях бурятам приходится прибегать к бесконечным кырык'ам о выздоровлении, на которых закалывается в жертву требуемое количество скота. Смерть члена семьи и связанный с ней обряд похорон влечет тоже большие расходы. И то и другое изводит скотину, поглощает небольшие денежные сбережения и, в конце концов, разоряет хозяйство.

Родовые батраки. Обычно такие разорившиеся хозяева нанимаются в чужой род в рабочие. Они еще в силе, могут работать и не желают жить на счет рода, но они знают, что на старости лет они всегда найдут приют среди родных юрт. Буряты никогда не берут в работники своеродца, а всегда чужеродца. Это понятно: своему не прикажешь, не прикрикнешь на него, если он заленится, пожалеешь послать на тяжелую работу, что можно сделать с чужим. Кроме того свой будет ходить на все родовые тайлага, которые бывают каждый пятый день[1], и некому будет сторожить дом и работать. Между тем чужой в праздничные дни работает. В работники нанимали буряты и ссыльных поселенцев и обедневших русских. Жалованье платят им, раскладывая на все податные души поровну. Кормятся работники по очереди то у одного, то у другого бурята пропорционально количеству скота хозяина. Возьмем, например, пастуха-овчара. За каждые три овцы хозяин их должен его кормить

[1] У бурят пятидневная неделя.

1 день. Таким образом хозяин, имеющий 15 овец, будет кормить 5 дней; затем он перейдет к следующему в нахлебники и т. д., пока не обойдет всех, а затем начинает круг сызнова[1].

Кроме чужеродцев, работников в роду имеются и работники сородичи; это наблюдатели за оросительными каналами и за поскотинами. Род им платит годовую плату, раскладываемую по надельным душам; живут они каждый в своей юрте, имеют свое хозяйство и собственно работниками в полном смысле этого слова названы быть не могут.

Общеродовые гости. Наконец связующим элементом для рода служат гости, которые приезжают не к тому или иному лицу, а в род и поэтому являются общеродовыми.

Когда приезжает гость и останавливается у одного какого-нибудь бурята, это не значит, что он только к нему приехал, но лишь остановился в его юрте потому, что надо было у кого нибудь остановиться, и хозяин юрты ему ближе других. Каждый хозяин считает своим долгом пригласить гостя к себе и устроить ему угощение сообразно с силами. У одного он должен выпить чай, у другого закусить мясом, третий колет барана в его честь, четвертый поднесет тарасуна и так продолжается до тех пор, пока гость не обойдет все юрты; тогда только считается, что долг гостеприимства исполнен.

Церемония приема гостя совершается очень торжественно. Когда по улусу разнесется весть о приезде гостя, в ту юрту, где он остановился, приходят с приветствием члены рода. После первого угощения, в котором принимают участие все присутствующие, кто нибудь из них приглашает гостя к себе. Гость в сопровождении пришедших сородичей отправляется к пригласившему. Если приглашает зажиточный бурят, и имеются сведения, что он приготовил большое угощение, желающих сопутствовать оказывается много; но к бедному сородичу заходят в малом числе, боясь обременить его. Таким образом, гостя угощают в присутствии всего рода. В случае большого рода, большого почета гостю и наличности всех хозяев и хозяек в улусе, процедура продолжается дня два подряд. Это бывает утомительно гостю, но зато у него не остается сомнения, что он приехал не к отдельному члену рода, а «в род».

---

[1] Здесь, как и всюду при дележе, основным принципом является справедливое и пропорциональное деление. Там, где земля может быть принята, как основание для раскладки, налог распределяется пропорционально земле, где имеется имущество, пропорционально имуществу, а где нет ни того, ни другого там пропорционально «силе». Последнее особенно рельефно выступает при раскладке расходов по тайлага.

Предание о первых бурятах.

В Монголии жил царь Хартаге-хан (по другим версиям Аю-хан); у него была очень красивая дочь. Эту дочь полюбил сын Северного Огненно-Красного Неба и девушка полюбила его. Чтобы чаще с ней видаться сын Северного Огненно-Красного Неба превратился в синего борова (с этих пор он называется Буха-нойон) и пришел в землю Хартаге-хан'а. Там он днем жил в стаде царя, как настоящий боров, рыл землю ногами, мычал и крыл коров, это он делал, чтобы никто не догадался, кто он. Ночью он превращался в человека и ходил спать к дочери Хартаге-хан'а. От этой связи девушка забеременела. Увидав ее бесчестье, отец очень рассердился и запер ее в отдельной юрте с семидесятилетней старухой. Здесь она родила сына. После родов дочь Хартаге-хан'а взмолилась к сыну Северного Огненно-Красного Неба, чтобы он пришел и взял ребенка. Тот явился, взял мальчика и, заказав железную зыбку у семи священных кузнецов (*Шингин-долон-дархат*), положил туда ребенка и унес с собой. Найдя бычью борозду, он спрятал в ней мальчика и приставил сторожить Тенгерин-Тумир-Хухе-Буха (небесный боров). Мальчик остался лежать в зыбке; он сосал мочу Тенгерин-Тумир-Хухе-Буха и рос большим и сильным. Между тем Буха-нойон продолжал жить в стаде Хартаге-хана, а по ночам навещал его дочь. Опять девушка забеременела и отец опять запер ее со старухой в отдельной юрте, где она родила дочь. Взмолилась она Буха-нойону; тот пришел, взял девочку, сплел из камыша зыбку и пустил ее плыть вниз по реке в море Байкал[1]. Когда корзинка приплыла в море, то он поручил девочку Дален-эжину, хозяину моря, а сам вновь отправился жить в стадо Хартаге-хана. Опять девушка забеременела, опять ее отец запер с той же старухой, опять она родила, но на этот раз мальчика, и опять призвала Буха-нойона. Буха-нойон явился, сплел из камыша зыбку и препроводил тем же путем зыбку в море на попечение Дален-эжина.

Далеко на западе жил бурят Зоонхе; у него было 7 сыновей; старший из них Шодо был шаманом и женат был на шаманке по имени Шопто. У них не было детей, но оба очень хотели иметь их. Однажды они стали шаманить и ворожить по бараньей лопатке и узнали, что существует ребенок, которого сторожит боров. Шодо и Шопто отыскали этого ребенка и долго старались прогнать Тенгерин-Тумир-Хухе-Буха, но безуспешно. Тогда они достали Тегын-Тааже-Ерен-Буха (таежный боров) и пустили его бодаться с небесным борозом. Оба борова стали бодаться и таежный боров ранил небесного. Небесный боров убежал тогда на Тункинские горы, где превратился в каменного борова;

---

[1]. Буряты называют Байкал морем—Далэ. Сибиряки тоже говорят о Байкале: «море шумит», «вышли в море», «поеду на море рыбу промышлять».

таежный пороз не заметил превращения и с разбега ударил рогами о камень и очень повредил себя. Тогда он ушел обратно в тайгу, а небесный пороз так и остался на вершине горы камнем. (Буряты мне говорили, что и по сей час его там можно видеть). Пока порозы бодались, шаман и шаманка украли зыбку с мальчиком, но как они ни старались, не могли открыть ее. Тогда шаман принялся шаманить; 3 дня шаманил и ничего не добился; потом шаманка шаманила 3 дня. Окончив шаманить, она сказала, что эту зыбку сделали 7 священных кузнецов и для того, чтобы открыть ее, надо исполнить следующий обряд: заколоть кочерика (годовалого теленка) взять его бедряную кость семгеи и соединить с ножем мадáга и затем задать 4 вопроса и дать 4 ответа.

I вопрос: «Что в зыбку положить—нож или ребенка»?
Ответ: «Ребенка.»
II вопрос: «Что в зыбку положить—кость или ребенка»?
Ответ: «ребенка».
III вопрос: «Как положить—вверх головой или вниз головой»?
Ответ: «Вверх головой».
IV вопрос: »Пегого коня и золотое одеяние отдашь»?
Ответ: «Отдам».

Так и поступили: кочерика закололи, богам—даятелям жизни—сделали жертвоприношение и обрызгали им вином, 4 вопроса задали. Тогда люлька открылась[1]. Ребенка вынули из люльки и воспитали. Назвали его Булгат, взятый из бычьей борозды Буханн-молтур-сохон-гархан-Булгат-нерте-болок.

Шаман и шаманка жили на берегу моря в том месте, где Ангара вытекает из Байкала. Булгат подрос и стал бегать по берегу моря; здесь к нему часто выходили из моря его брат и сестра, и дети играли вместе. Узнав это, шаман и шаманка решили похитить детей. Шаманка подоила свои груди и из этого молока приготовила тарык, хурунга и орхи[2]. Орхи она сделала очень крепкий 10 раз перегнанный. Все это угощение она разложила на только что приготовленном войлоке на берегу моря и, послав Булгата играть с детьми, велела ему хорошенько их угостить. Когда дети вышли из моря, Булгат принялся их угощать. Девочка пила тарык и хурунга, но Орхи пить не захотела. Мальчики же напились, завернулись в войлок и уснули. Этого лишь ждали Шэдо и Шэпото и начали подкрадываться к детям. Девочка их заметила и стала будить брата, но не могла добудиться и шаман с шаманкой схватили детей. Только тогда мальчик проснулся; он очень испугался и закричал: «Отец море, прими меня». Море поднялось и затопило похитителей до грудей. Тогда шаманка стали молиться всем богам, своим покровителям, и обещали

[1] Теперь при обряде положения ребенка в зыбку и давании имени всегда повторяется этот обряд с вопросами и к зыбке всегда привешивают в знак того, что обряд исполнен, кость семгеи и нож мадáга.

[2] Тарык—бурятская простокваша; хурунга—напиток из молока в роде кефира; орхи—молочная водка—тарасун.

воспитать детей. Море отступило опять в свои берега, но девочка превратилась в нерпу[1] и ушла в море, а мальчик остался у шаманки. Уплывая девочка сказала на прощание брату: «Мне суждено было превратиться в нерпу, а тебе суждено жить среди людей. Зовись Ихирит, что значит найденный в воде, и давай мне сметану, молоко и тарык. Ихирит же взамен просил давать ему рыбу[2]. Шаман и шаманка воспитали детей и от них пошли две ветви бурят: Булга́ты (потомки Булга́т'а) и Ихириты (потомки Ихирита)[3].

Эту легенду я слышал во многих вариациях и среди простора кудинских степей, и среди скал Ольхона, и в лесах верхней Лены. Она является излюбленной темой рассказов по вечерам, когда после дневных трудов сородичи сходятся в юрте и отдыхают вокруг огня. Тогда старики начинают свои рассказы о старине, о прежней жизни, вспоминают, какой род откуда пришел и родословныя разных родов. Молодежь слушает и поучается, а старики нередко расходятся во мнениях и начинают горячий спор. Тот, кто победит в этом споре, является чем то вроде героя дня. Он продолжает дальше рассказы; побежденный, по старинному обычаю, должен пасть ничком и лежать до тех пор, пока не кончатся рассказы победителя. Среди стариков имеются знаменитые знатоки старины[4], к которым обращаются за разрешением споров о родословных и преданиях. Они составляют как бы гордость рода, и меня часто буряты спрашивали: «Ну как тебе наш старик рассказывал? Кто лучше говорил: наш старик или в других местах лучше сказывали?» и всегда очень бывали польщены, когда я говорил, что их старик лучше знает, чем другие. Эта любовь к своему прошлому сохранила в полной неприкосновенности, как предания о переселениях, так и родословные родов. Собирая их, я с одной стороны напал на мысль составить по ним историю расселения бурят, с другой же стороны мне ясно представилась картина образования родов и причины расселения бурят.

---

[1] Phoca baicalensis—тюлень.

[2] С этой легендой тесно связано: 1) жертвоприношение морю перед отправлением на рыбной промысел приносят в жертву лишь молочные продукты, барсуки же лить нельзя. 2) Когда убивают тюленя, то глаза его, связанные нервными пучками бросают обратно в море, так как этим самым не уничтожают тюленя. Душа его, вернувшись к хозяину моря, вновь получает шкуру и тулово и опять становится тюленем.

[3] Эта легенда, но в ином, менее полном виде, записана у балаганских и кудинских бурят М. Н. Хангаловым и С. А. Широкогоровым.

Хангалов М. Н. Новые материалы о шаманстве у бурят. Записки Вост. Сиб. Отд. Р. Г. О. по этнографии т. II. вып. I, стр. 19 и Сказания бурят. записанные разными собирателями ibid. вып. II, стр. 94.

[4] О таких знатоках у киргиз рассказывает Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. Зап. Р. Г. О. по отд. этнографии, т. XXIX, 1904, стр. 295.

Сбор денег на обряд посвящения.

За несколько дней до празднества совершения обряда посвящения шаман запрягает лошадь в телегу, водружает на нее зеленую березу, к которой подвешены платки; на этой телеге шаман в сопровождении одного из почтенных стариков объезжает всех сородичей, как единокровных, так и территориальных. Старик все время звонит в большой колоколец (этот колоколец впоследствии входит в состав шаманского облачения). Подъехав к юрте, старик слезает с телеги и привязывает коня к забору или к столбу; шаман идет в юрту и садится к огню; сюда же приходит и старик; обоим подносят тарасун; обмениваются несколькими фразами. Шаману дают деньги, которые он передает старику; старик их кладет в сумочку, привешенную у него на шее. Затем встают и едут к следующей юрте, где повторяется та же церемония. Денег в кошеле все прибавляется. Так продолжается до тех пор, пока не объедут всех кровных и территориальных сородичей.

Приложение III.

Предание о происхождении огня.

В далекие времена при первых людях на земле не было огня, и люди сильно мерзли. Но вот, однажды на Тункинских гольцах молния ударила в дерево и дерево загорелось. Люди подошли к месту пожара и увидели огонь. Почувствовав, что от него идет приятное тепло, живительно согревающее их члены, они расположили вокруг огня свое стойбище: но люди еще не умели добывать огонь и поэтому, чтобы не утратить чудесный дар, им все время приходилось его поддерживать, подкладывая новые и новые дрова и сучья. Для этого дела они решили приставить особого караульного, на обязанности которого было сторожить огонь и наблюдать, чтобы он не погас. Назначение пало на старика Сахяда (Сахяда Убугун, сына первого кузнеца. Боржинтоя. Сахяда Убугун со своей женой Сахале-иби сели караулить огонь. Они выстроили вокруг огня из глины круглую загородку (стенку) с двумя проходами с северо-запада и юго-запада. Против северо-западного прохода села жена, а против юго-западного—сам старик.

В это время у людей еще не было домашних животных, жили только охотой; не было и оружия. Зверей ловили ловчими ямами: выкопав глубокую яму, ее закрывали сучьями, ветвями, травой и сухими ли-

стьями. Зверей загоняли облавой в то место, где были выкопаны ямы и провалившихся убивали камнями. Добычу разрезали каменными ножами, т. к. железо тогда еще не было известно людям. Во время одной трапезы люди собрались вокруг огня и в благодарность за тепло бросили огню, видя в нем своего покровителя, кусок мяса. Жирное мясо стало в огне жариться, издавая приятный запах. Люди достали мясо из огня, попробовали его, убедились, что оно вкуснее сырого и с этих пор стали всегда жарить мясо. Спустя некоторое время Сахяда, сидя около огня и карауля его, сделал первый глиняный котел (он увидел, как глина от вастроенной им загородки обгорела от огня и стала похожа на камень). Изобретенный котел поставили на таган, который сделали из трех камней и начали варить в нем пищу. Сахяда доставал из котла мясо заостренной палочкой-тычком. В воспоминание об этом и теперь буряты имеют особый инструмент для вынимания мяса из котла, состоящий из деревянного черена с железным крючком на конце. «Ножем или острым предметом в котел нельзя лезть, говорят старики, хозяин огня не позволит». Со времени изобретения глиняного котла люди стали разносить огонь при помощи головешек из очелия в очелие и распределять там по жилищам. В это время люди жили в пещерах и шалашах из ветвей. Сидя у огня, Сахяда додумался до способа добывать огонь при помощи двух камней-кремень, а трут взял из растения Сага Ула. Тогда еще железо не было изобретено. После этого огонь стали хранить, т. к. не было надобности его постоянно поддерживать.

Около этого времени отец Боржинтоя, небожитель Эсеге-Малан, выучил своего сына (т. е. Боржинтоя) кузнечить. Боржинтой взял себе в помощники своего сына Сахяда. При помощи огня они добыли из камней железо. Вначале они ковали каменным молотом на каменной наковальне. Мехи Боржинтой сделал из шкуры сохатого сосун. Первое, что они сделали, это был железный нож и топор. Далее они выделали железный котел, затем конские удила и принадлежности конской сбруи. После этого они занялись выделкой привесок к шаманскому костюму, а когда с этим делом покончили, то сделали первый железный наконечник стрелы; этот наконечник был трехлопастный. Все свои изобретения они распространили между людьми. Сахале-хатун первая выделала кожу зверей во время карауления огня. Она мочила ее водой, грела на огне и размягчала при помощи камней.

У Сахяда и Сахале было три сына. Имя старшего забыто; средний назывался Тенгерин-теле-хубун (небесный средний сын); младшего звали Охторгын-Отхон-хубун (Охторгын — название горы; Отхон собственное имя мальчика). Старший сын ушел от родителей и пропал без вести; поэтому его имя забыли. Он был грубый и непослушный и ненавидел занятия своих родителей. После смерти он превратился в бродячего духа-бохолдой, шингхыр) и причиняет людям всякие неприятности. Зато старику Сахяду с женой и обоими сыновьями после их смерти благодарные потомки начали воздавать почет, равный богам, каковой и воздается до настоящего времени. Их считают хозяевами огня

(Гали-эжин). В юрте им вешают изображение (онгон); на войлоке изображаются эти четыре лица. Кроме того, им делают ежегодно специальное жертвоприношение, которое совершается в юрте. На шире (стол, престол, жертвенник) кладется войлок, на войлок укладывают изображение четырех упомянутых лиц. В их честь закалывается овца. Им подносят два котла тарасуна («один котел пьют старики, другой сыновья»); мясо варится, кладется в корытце; на мясо кладут овечью голову; голова направляется в сторону изображения. Мясной отвар выливается около каждого из трех камней очага (тагана). Кроме того, варят саламат, подносят молочные пенки и тарак. В воспоминание о старике Сахяда при этом обряде вокруг трех камней очага строят глиняную стенку с двумя дверями — на юго-запад и на северо-запад. В настоящее время буряты делятся с огнем всем, что сами едят и пьют. Когда закалывают скотину, то сам хозяин дает первый пай мяса огню, а если сварят саламат или «высидят» тарасун, то подносит ему сама хозяйка. Зыбку с ребенком ставят всегда в северо-западном углу юрты «около огневой бабушки, под ее попечение».

Эта легенда, переданная мне кудинским шаманом М. Степановым, и приводимая здесь в почти дословном переводе, интересна в том отношении, что она совершенно не сходится с другими легендами на ту же тему, записанными мною и М. Н. Хангаловым. В моей записи Сахяда является вполне антропоморфным существом, младшим сыном небожителя Эсеге-Малан-Тенгери, братом солнца и месяца и похищается ласточкой; т. обр. это низведенное на землю божество. У. М. Степанова огонь — это дар небожителей, стихия, низведенная посредством грома. Сам Сахяда земной человек, которому после смерти воздают божественный культ. Интересны также эволюционные подходы к вопросам о происхождении изобретений и ремесел, совпадающие с их местом в действительной эволюции культуры. Сначала огонь поддерживали, а потом добывали; сначала был период камня, а потом железа; сначала изобрели глиняный котел, потом железный; сначала был период охоты, а потом скотоводства, сначала ловили зверей ловчими ямами, а потом сделали железные стрелы и т. д. Интересны и объяснения, как люди научились пользоваться огнем: сначала грелись, а потом научились благодаря случаю варить пищу.

Следует ли все это приписать природной наблюдательности бурят, любви к исканию причинной связи и глубокому наблюдению окружающего в стране, которая так богата остатками доисторических эпох, как Прибайкалье, или проникновению научно-популярных идей, сейчас невозможно сказать. Но даже в последнем случае самый факт внедрения в народную легенду школьного элемента очень интересен; интересен тем более, что легенда записана со слов совершенно неграмотного шамана, славящегося своими знаниями религиозных традиций и старинных преданий. Биографические сведения о нем см. мою статью «К вопросу об изучении шаманства» Красный Монголо-Бурят, № 4 за 1923 год.

Случай похищения скотины.

Мне посчастливилось быть самому свидетелем похищения скотины, ее розысков родом пострадавшего и укрывательства преступников своим родом. У одного скупого, но богатого бурята было несколько человек работников - батраков. Летом, а тем более вначале, буряты вообще неохотно колют скот, а особенно для работников [1]. Работники стосковались по мясу; они отправились ночью в соседний улус, где убили первую попавшуюся корову. Скот у бурят лежит всегда около улуса на свободе. Наскоро освежевали тушу, увезли в свой улус и спрятали.

Утром потерпевшие обнаружили пропажу, и по следам отправились к похитителям. Однако искавшие поступили несколько опрометчиво и в количестве всего двух человек сразу подняли тревогу и шум. Все работники (5 человек) дружно начали их уверять, что они здесь не причем. Сородичи их хозяина, знавшие о ночном походе, не только не подавали вида, что знают, но, наоборот, деятельно защищали работников и, принимая оскорбленный вид, не допускали обыска. Шум и разговоры продолжались целый день. Сородичи потерпевшего приезжали верхом целыми группами и пререкались с местными жителями. Так продолжалось до глубокой ночи, когда темнота успокоила расходившиеся страсти. Той же ночью мясо увезли на зимники, где его хорошо спрятали. Когда же на следующее утро потерпевшие, уже организовавшись хорошо, приехали с обыском в большом количестве, они ничего не нашли: все концы преступления были хорошо скрыты. Многие из рода, в котором производился обыск, так хорошо и красноречиво ораторествовали, что по крайней мере часть обвинителей ушла в убеждении, что поиски были направлены неверно. Во всей этой истории с необычайной ясностью выявилась дружность и единство родовых интересов, а также покровительство краже скота. Вообще же, надо сказать, что буряты отличаются поразительной честностью. Все у них лежит открыто, ничто не запирается и ничто не пропадет. За все время моего пребывания в их гостеприимных улусах у меня не пропало ни одной вещи, хотя вокруг меня толклось всегда много народу, пришедшего из самых различных мест. Я даже для пробы оставлял деньги где-нибудь на виду, и они валялись иногда по неделям, и никому в голову не приходило положить их себе в карман.

---

[1]. Напомню, что работники были чужих родов.

Г. П. Сосновский.

Палеолитические находки в Минусинском крае.

Летом 1923 года по поручению Музея Приенисейского края в г. Красноярске мною была совершена поездка в Минусинский у. Енисейской губ. с археологической целью для пополнения коллекций музея новыми материалами по палеолиту и для сбора сведений о геологических условиях залегания культурных остатков этого периода. Изыскания эти явились непосредственным продолжением исследований д-ра Г. Мергарта по древнейшему прошлому края.[1] Мною были осмотрены местонахождения палеолита у д. Бузуновой, д. Лепешкиной и у с. Батеней.

Добытые при разведке 1923 г. данные излагаются ниже.

Бузунова. Наиболее интересной из палеолитических стоянок в Минусинском крае является стоянка у д. Бузуновой Абаканской волости. Находится она в 55 верстах ниже г. Минусинска на правой стороне р. Енисея. В этом месте русло реки разбивается на ряд проток и образует несколько крупных и мелких островов, поросших тальником и лиственным лесом. Фарватер реки проходит у противоположного левого скалистого берега (горы Оглахты). Д. Бузунова расположена у берега небольшой протоки в долине, окаймленной горами: с севера Тураном, с юга Тепсеем, а с востока такими же красноцветными возвышенностями с крутыми скалистыми склонами, обрывающимися в сторону реки. Местность у деревни имеет степной характер. Выше и ниже селения находятся развеянные ветром дюнные пески. На этих песках часто попадаются предметы и керамика железного периода. Ближе к горам имеются обставленные камнями курганы, весьма многочисленные в этом районе. Палеолитические находки были сделаны в 1½ верстах к северу от селения. Чтобы найти это место, нужно выйти за окраину деревни и направиться по дороге в д. Бирю к виднеющимся ниже селения пескам, расположенным на надлуговой террасе, возвышающейся среди низменной части речной долины. Пройдя пойменную террасу и первый мостик через глубокую рытвину, нужно свернуть налево и, держась ССЗ направления, итти в сторону реки к высокой песчаной дюне, заметной по растущим около нее деревьям. Близ этой дюны находится глубокая ложбина с крутыми стенками, прорезывающая надлуговую террасу. Между этой террасой и рекой тянется узкая полоса галечника. Своим устьем ложбина выходит к Енисею.

---

[1] В 1920 г. д-ром Г. Мергартом при участии пишущего эти строки были обнаружены следы пребывания палеолитического человека на берегах р. Енисея у д. Бузуновой, д. Лепешкиной, д. Аешки и д. Кокоревой. Результаты своих наблюдений и описание сделанных находок д-р. Мергарт опубликовал в Америке на английском языке (American Antropologist, Vol. 25. № 1, 1923).

Здесь левый борт ложбины засыпан песком дюны, правый же обнажен и дает следующий геологический разрез напластований, слагающих террасу (сверху вниз):

1) Мелкий дюнный песок (до 1 м. толщиною).

2) Древний почвенный слой черного цвета с остатками культуры железного века (3/4—1 м.).

3) Серый суглинок (2 м.).

4) Серо-желтый слоистый песок (1½ м.).

5) Желтый песчано-глинистый слой (5 м.) с буро-ржавыми разводами и линзовидными включениями чистого песка, обладающий ясно заметной волнистой слоистостью при выветривании. В этом слое на различной глубине попадаются кости животных (северного оленя) и на расстоянии 15 см. и 50 см. от верхнего его края, кусочки древесного угля, каменные осколки и орудия, обломки костей и пр.

6) Древняя речная галька с отдельными крупными валунами и остатками плитами красного песчанника.

В 1923 г. мною в описанном месте была произведена небольшая разведочная раскопка песчано-глинистого слоя, содержащего палеолитические остатки. Настоящего культурного слоя на стоянке не найдено. Культурные остатки встречаются гнездами, преимущественно там, где попадаются вкрапления древесных угольков. В таких пунктах слоя, содержащий культурные остатки (каменные осколки и орудия, обломки расколотых костей животных и пережженные кусочки костей и пр.), имеет черневатую окраску и достигает 1—1½ см. толщины. Кухонные отбросы не составляют больших скоплений. Замечено, что каменные осколки большей частью группируются друг около друга. Костяные изделия попадаются редко, и сохранность их бывает очень плохая. Среди предметов, найденных мною лично в песчано-глинистом слое, заслуживают внимания два типично афонтовских скребла, сделанные из зеленой и темно-коричневой кремнистой породы. У одного из них рабочий край прямой, у другого выпуклый. Интересен также маленький полукруглый скребочек из серого, почти прозрачного камня и фрагмент плохо сохранившегося костяного наконечника копья.

На обнаженной поверхности глинистого слоя поднят грубый массивный скребок из кварцита.[1]

Лепешкина. Деревня эта находится на правом берегу р. Енисея, в 140 верстах ниже г. Минусинска, против пристани с. Батени, у небольшой протоки в гористой местности. Постройки селения расположены на высокой речной террасе, ограниченной ниже деревни крутыми склонами долины р. Осиновки, впадающей в р. Енисей. К юго-востоку от деревни на упомянутой террасе расположены развеянные ветром пески с глубокими котловинами. На «выдувах» часто попадаются остатки железного периода. В 1923 г. находки палеолита были сделаны пре-

[1] В 1921 г. Г. Мергартом при осмотре стоянки было собрано 5 каменных скребков, осколки камня с ретушью и из остатков фауны—кости Bos specnov.

де всего по правую сторону р. Осиновки на склоне горы Ирджи, к северу от деревни. В этом месте возвышается небольшая каменистая вершина, а к востоку от нее—рытвина.

Склон возвышенности здесь покрыт «пыльными песками», частью уже разрушенными, которые, соответственно рельефу местности, лежат на выходах горной породы слагающей возвышенность. Почвенного слоя не имеется. В 20—25 шагах от упомянутой рытвины, если итти вверх по речке, и находится то место, где велись мною разведочные раскопки. В «пыльных песках», у внешней их границы, в соответствии с уклоном почвы залегают культурные остатки палеолита[1]. Слой, содержащий культурные остатки, местами имеет ярко-черную окраску (следы кострищ) и достигает толщины 5—6 см. Но он не везде резко заметен так как часто прерывается.

Мною было разрыто 2—3 частично сохранившихся огнища[2]. В этих кострищах и около них попадаются в большом числе каменные осколки вместе с *каменными орудиями*, реже *обломки* расколотых трубчатых костей животных плохой сохранности, зубы и мелкие кусочки пережженной кости. В одном из *огнищ был найден* большой зазубренный камень и несколько кусков горной породы. На стоянке попадаются также и крупные куски гальки со следами обтесывания. Замечено, что культурные остатки становятся многочисленнее к месту кострищ.

Из найденных в «пыльных песках» in situ каменных изделий необходимо отметить: клиновую проколку с тонким острием, трехгранные вогнутые осколки с режущим краем, подправленным сколами, мелкие призматические lames, осколки с ретушью, несколько небольших конических и односторонних нуклеусов, а также нуклеусы-скребки. Следует еще упомянуть о *большом* и широком грубо-обитом скребке из валуна, найденном на обнаженной поверхности «пыльных песков». На всех перечисленных предметах *каменной индустрии* заметны налеты извести. Кроме описанного места остатки палеолитической культуры были мною обнаружены к юго-востоку от деревни, в ¼ вер. на надпойменной террасе, где имеются дюнные пески.

Геологическое строение надпойменной террасы представляется в следующем виде:

1) Дерновый слой небольшой толщины.

2) Пласт песка с культурным слоем железного века в верхней части и краснобурыми глинистыми прослойками в нижней.

3) Речная галька.

---

[1] На глубине 20 см. от поверхности и в нескольких сантим. выше горной породы.

[2] В 1920 г. д-ром Г. Мерхартом был раскопан один такой очаг, имевший черную окраску и содержавший уголь. Вокруг очага и в нем находилось довольно большое число каменных осколков, раскопанные кости животных (напр. Bison priscus) и несколько каменных орудий: остроконечник мустьерского типа, осколки с ретушью, нуклеусы—скребки, lames и т. д.

На юго-восточном склоне большого дюнного холма расположенного у самого берега протоки, ниже обнажений красно-бурого глинистого прослоя, среди крупных кусков галек было найдено скопление каменных осколков и орудий с характерным жирным блеском. Здесь было собрано 10 широких палеолитических скребел односторонней обработки с выпуклым и прямым рабочим краем, их обломки и одно дисковидное орудие. Среди указанной серии скребков выделяется один массивный скребок и несколько экземпляров меньшего размера, прекрасно обработанные ретушью по рабочему краю. Дисковидное орудие имеет в длину 7¼ см., шир. 6½ см., толщ. до 1 см. Материал коричневая яшмовидная порода. С обоих сторон оно плоско-выпуклое и обделано сколами, а по краям подправлено ретушью. Один конец у орудия тупой, благодаря оставленной естественной поверхности гальки. Если смотреть на край орудия с боку, то он имеет вид неровной, извилистой линии. Условия нахождения палеолитических орудий указывают на связь их с красно-бурым прослойком.

Батени. К северу от села вдоль берега протоки тянутся развеянные ветром пески, расположенные на надпойменной террасе. Приблизительно 1 – 1½ вер. от селения у восточного края дюнных песков на галечнике залегают остатки разрушенного красно-бурого глинистого слоя. На его обнаженной поверхности и ниже в 1923 г. мною было найдено несколько каменных орудий палеолитического облика, покрытых жирной патиной: широкие скребла, небольшой трехгранный осколок с режущим краем, обломки камня со следами обработки, lames и т. д.[1]

Список местонахождений палеолита в Минусинском крае оказался бы неполным, если бы не было упомянуто о следующих находках:

1) *о. Улазы*[2]. В ⅔ вер. выше деревни у протоки р. Енисея на надпойменной террасе, против курганного могильника, есть песчаные «выдейки» с обнажениями красно-бурого глинистого слоя, подстилающего дюнные пески, местами размытого дождевыми водами.

В этом глинистом слое и на его поверхности попадаются грубо обтесанные куски камней, примитивные каменные орудия, обломки от бивня мамонта, кости северного оленя и других животных, а также в большом числе каменные осколки.

Здесь было собрано около 12 каменных палеолитических орудий: широкие скребла афонтовского типа, маленький толстый скребочек,

[1] Первое сообщение о находке у с. Батеней палеолитических орудий принадлежит Н. Т. Савенкову, описавшему в 1891 г. в работе «Каменный век в Минус. крае» на стр. 31 широкий каменный скребок. В 1920 г. д-р. Мергарт на стоянке собрал около 20 примитивных каменных орудий. Значительное число предметов каменной индустрии палеолита было также найдено С. А. Теплоуховым в 1921 г.

[2] В 10 вер. выше с. Новоселова на правой стороне р. Енисея.

трехгранный резец, скребок на конце пластинки, lames с ретушью от работы и пр. Предметы каменной индустрии имеют характерную жирную патину. Кости животных окрашены в темно-коричневый цвет[1].

2) *с. Анаш* (в 170 вер. ниже г. Минусинска). Остатки палеолита были найдены на дне глубокой песчаной котловины в 2—3 вер. выше селения у протоки р. Енисея. В этом месте имеются обнажения сильно разрушенного красно-бурого суглинка, залегающего на древней речной гальке. В непосредственной близости с этим глинистым слоем, на его поверхности было найдено около 15 экземпляров грубо-оббитых каменных орудий (главным образом широкие скребла), обделанные куски камня неопределенной формы, иногда со следами ретуши, каменные осколки и обломки костей животных (мамонта, северного оленя)[2].

3) *д. Кокарева* (Новоселовской вол). К северо-востоку от деревни в лессовидном суглинке, обнаженном по берегу р. Енисея, найдены мелкие расколотые и обожженные кости, образующие брекчию. Каменных и костяных орудий не найдено[3].

4) *д. Асмка* (Новоселовской вол.). К югу от селения на склоне первой речной террасы у р. Енисея в красноватом глинистом слое обнаружены каменные отщепы, осколок с ретушью и грубое скребло палеолитического типа. В этом же глинистом слое встречаются зубы и обломки костей животных[4].

5) *с. Тесь*, на р. Тубе. В 1885 г. И. Т. Савенковым на дюнной стоянке у села было поднято несколько каменных орудий грубых по оббивке, одно типа Мустье[5].

6) *д. Борки* (Ново-Михайловской вол.) Близ деревни у озера есть песчаные выдувы с обнажениями глинистого слоя. Здесь было собрано несколько экземпляров каменных орудий палеолитического облика, преимущественно широкие скребла[6].

7) *гора Изых*, на правом берегу р. Абакана. На дюнных песках у юго-западного склона горы найдено широкое палеолитическое скребло из валуна[7].

8) В золотосодержащих песках по р. *Узунжулу*, в которых попадается много костей четвертичных животных (мамонта, носорога и др.) были найдены и изделия древней техники: молоток из рога северного оленя, кость со следами рубки и широкий каменный скребок.

По р. *Чаглолу* в золотоносном пласту на глубине 14 футов обнаружен крупный ножевидный осколок палеолитической обработки, сделанный из зеленого камня[8].

[1] Находки были сделаны участниками археологической экспедиции С. А Теплоухова в 1923 г.
[2] Находки участников той же экспедиции.
[3] Мерчарт (American Antroplogist Vol. 25, № 1, стр. 29).
[4] там же.
[5] Изв. ВСОРГО т. XVII № 3—4, стр. 43.
[6] Коллекции Красноярского музея.
[7] Савенков «Каменный век в Минусинском крае», стр. 32 и 11.
[8] Там же, стр. 17, 50—52.

Заканчивая настоящее сообщение, считаю необходимым отметить исключительное богатство Минусинского края и вообще Енисейской губернии остатками палеолитической эпохи. На основании вышеизложенных сведений можно говорить, что степная часть Минусинского у. была густо населена в палеолитический период.

Среди местонахождений Минусинского палеолита выделяются стоянки: у д. Бузуновой и на склоне г. Ирджи у д. Лепешкиной, с находками in situ, принадлежность которых к палеолитическому периоду определяется также и геологическими условиями их залегания. Остальные находки датируются типологическим сравнением.

Палеолитические находки Минусинского края обнаруживают большое сходство с предметами, найденными на стоянках древне-каменного века в окр. г. Красноярска, и относятся к одной и той же культуре Енисейского палеолита, для которой характерно смешение различных элементов палеолитических эпох запада. В Енисейском палеолите наблюдается преобладание форм каменной индустрии раннего древне-каменного века (широкие скребла, мустьерские остроконечники, дисковидные орудия, coup de poing, ручные орудия, заостренные к одному концу и пр.) над типами орудий позднего палеолита (мелкие скребки, узкие пережевидные клинки и призматические тонкие lames, небольшие нуклеусы, нуклеусы—скребки, изящные проколки, резцы и т. д.).

Костяная индустрия Енисейского палеолита дает меньше материала для сопоставления с находками на западе и больше походит на Ориньяк, чем на Мадлен (Мергарт). Смешение разнородных элементов имеется и в культуре палеолитической стоянки у г. Иркутска (Верхоленская гора) [1]. Если мы сравним предметы, найденные на Верхоленской стоянке с культурными остатками этого периода, обнаруженными на берегах Енисея, то кроме элементов сходства между ними найдем и черты различия, которые считаю необходимым указать:

1. На Верхоленской горе не были обнаружены каменные остроконечники мустьерского типа, coup de poing, ручные орудия с острием и из фауны—кости мамонта и пр.

2. На Енисейских палеолитических стоянках не найдены типичные для Верхоленской горы орудия: каменные скребки с двухсторонней обработкой и резаки, лавролистные наконечники копий селютрейского типа, костяные горбуны, некоторые виды резцов, кулачные сверла и пр.

Затруднительность датировки сибирского палеолита и в частности минусинских находок делениями французской классификации указывает на необходимость выделения палеолита Северной Азии в особую провинцию. Исходя из этого положения, я отношу культурные остатки первых насельников Енисейской губ. к новому палеолитическому периоду Сибири [2], не предрешая пока вопроса об определении их одной из эпох этого периода, установленных для Европы.

---

[1] Проф. В. Д. Петри «Сибирский палеолит». Сборник трудов проф. и препод. Иркутского Государств. Университ. в V, 1923 г.

[2] Возможно, что стоянки древне-каменного века в Енисейской губ. относятся к более ранней стадии, чем культура Верхоленской горы.

О. И. Толстихина.

ДЮННАЯ СТОЯНКА

у деревни Творогово-Шигаева, Кабанской волости, Селенгинского округа (Забайкалье).

В июле 1921 года мне пришлось исследовать дюнную стоянку у деревни Творогово-Шигаево, в 20 верстах от г. Кабанска Селенгинского округа. Творогово довольно большое село; оно находится в 2-х верстах от деревни Шигаевой и в ½ в. от реки Селенги. Если бы не пески, которые простираются по обе стороны дороги, соединяющей эти села, оба они—Творогово и Шигаево давно слились бы в одно большое село. Эти подвижные пески, простирающиеся с запада на восток на расстоянии 4-х верст, наступают постепенно на селения, засыпая пашни и огороды, заставляя население время от времени переменять место жительства. Такие средства, как постройка плетней, засаживание сосняком, пока совершенно безрезультатны. Если не будут предприняты более действительные меры, то селам грозит опасность оказаться засыпанными наступающими песками. Остатки небольшой сосновой рощи из типичных низкорослых серебристых сосен указывают на то, что когда то эта местность была вся покрыта лесом и при том густым и могучим: толстые корни лиственницы и по сейчас попадаются в песке. О существовании леса, впоследствии вырубленного населением, говорят и старожилы. По уничтожении голого растительный слой разрушился, благодаря часто дующим ветрам с озера Байкала с юго-запада на юго-восток, и пески пришли в движение. Образовавшиеся песчаные дюны располагаются правильными удлиненными валами параллельно деревне Шигаевой (главным образом) и селу Творогову, находясь к югу от последних. Главная стоянка расположена против Шигаевской школы и немного восточнее ее. Мимо школы проходит на пески дорога в село Степно-Дворецкое. Следуя по ней до небольшого безименного озера (налево от дороги), мы заметим по правую сторону ее старые дюны, сохранившиеся в виде останцев выветривания. Последние, пересекая дорогу с севера на юг, окаймляют западный берег озера. Исследуя эти останцы выветривания, удалось найти весьма немного предметов неолитической эпохи. Керамики данной эпохи не обнаружено. Культурный слой остался невыясненным, так как дюны сильно разрушены и, вообще, надо сказать, неолитические находки очень редки. В большом количестве встречаются предметы и керамика железного века. К востоку и юго-востоку от озера, кроме сильно разрушенных ветром останцев, выветривания, простираются дюны более нового происхождения. Расположены они довольно правильными шестью валами с запада на восток.

За ними к юго-востоку находится небольшая сосновая роща, которую пересекает дорога, идущая в село Творогово. Здесь, как в котловинах выдувания, так и на склонах дюн, встречается много сильно разрушенных костяков. То там то сям белеются на песке отдельные кости конечностей, позвонки, нижние и верхние челюсти, обломки черепов и прочее. Еще не очень давно можно было найти целый костяк с предметами из бронзы и железа. В прошлом году, по словам местного крестьянина, около сосновой рощи виднелся в песке «здоровый» череп, завернутый в бересту. Проезжая некоторое время спустя мимо того же места, крестьянин черепа там уже не нашел. Возможно, что он был засыпан песком или же уничтожен крестьянскими ребятишками, которые бегают по пескам целыми ватагами. Мне пришлось побывать там, но поиски мои были также безуспешны. Целого костяка также не удалось найти. На одном из песчаных склонов обнаружены были части 2-х костяков, но без черепов. Культурный слой, на котором они покоились раньше, засыпан, видимо, новым довольно мощным слоем песку и обнаружить его не удалось. Установить направление костяков также оказалось невозможным, так как кости обоих скелетов были перепутаны. При одном из костяков были найдены черепки с орнаментом, типичным для железного века и сильно выветрившаяся голубая бусинка. Других предметов не найдено. В котловинах выдувания восточного берега озера, как и западного, встречаются, главным образом, орудия и керамика железного века. Из орудий неолитической эпохи найдено было несколько lames, каменный наконечник стрелы, нуклеус, из бронзовых предметов две небольших пряжки овальной формы. Из предметов железной эпохи: железный нож с насадом, трехгранный наконечник стрелы, стремя, подкова с шипом узкой своеобразной формы, характерная для железного века Прибайкалья и не употребляемая в настоящее время, много железных шлаков и кузнечного нагара и образцы керамики железной эпохи, подобные изображенным у Н. Н. Бортвина; кроме того несколько мелких раковинок (cyprea moneta) со срезанной верхней поверхностью, служившие, видимо, для украшения одежды и чепраков, куда они надо полагать, нашивались. Аналогичные современные украшения имеются у бурят Балаганского округа.

Описываемую стоянку можно отнести к типу смешанных. На смену обитателям неолитического периода пришли люди железного века. Место для поселения было весьма благоприятно. Сосновый лес, полный дичи, близость воды, обилие рыбы. В описанном озере и по сейчас, несмотря на сильное обмеление, водится рыба. В более отдаленные времена река Селенга протекала несомненно ближе, возможно, что и сливалась с ним, так как и теперь во время сильных разливов она соединяется с озером. Следовательно, недостатка в рыбе не было, так как и теперь этот район по реке Селенге славится рыбными промыслами. Люди железного века сменили обитателей неолитической эпохи. Судя по строению черепов, это были выраженные брахицефалы.

Пав. Хороших.

Михаил Павлович Овчинников,

КАК КРАЕВЕД

(1844—1921).

(Библиографический очерк).

Два года тому назад в Иркутске скончался известный сибирский археолог, этнограф и архивовед—Михаил Павлович Овчинников. Его значительные заслуги в области археологии, этнографии и архивоведения Сибири еще мало отмечены в литературе. Память покойного была отмечена только рядом небольших журнальных статей, газетных заметок, да несколькими докладами, прочитанными в различных ученых обществах и кружках [1].

— Михаил Павлович родился 5 ноября 1844 г. в Архангельской губ., в семье протопопа Усть-Двинской церкви [2]. Образование М. П. получил в Архангельской Духовной Семинарии и Петербургской Медико-хирургической Академии, но в последней он пробыл всего один год [3]. По уходе из Академии М. П. некоторое время служил писарем в Главном Штабе, а весною 1873 г., в самый разгар увлечения в народе молодежи, он оставляет службу и, заражаясь детом времени, идет в народную толщу [4], поступив молотобойцем на Механический завод Федосьева, за Московской заставой [5]. А через некоторое время мы уже видим М. П. с котомкой за плечами среди сел и деревень Московской, Калужской, Тверской, Орловской, Тульской и других губерний [6], где он, изучая крестьянский быт, вел попутно пропаганду народовольческих идей.

---

[1] Перечень статей, заметок и докладов см. в приложении к данной работе.

[2] Биографических очерков М. П-а в литературе не имеется. В данной работе приводятся лишь главные этапы жизни М. П. при чем в качестве материала использованы: протоколы заседаний Вост. Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, Иркутской Ученой Архивной Комиссии, протоколы других ученых обществ, воспоминания друзей М. П., статьи, писанные самими М. П. и, наконец, доклады, приводимые [illegible]. [illegible] из доклада, прочитанного в семинарии по ист. русск. этнографии Г. С. Виноградова (1922 г.). Автор приносит благодарность за ряд указаний проф. М. К. Азадовскому, проф. В. Э. Петри, Г. С. Виноградову, Н. С. Романову и др.

[3] Хороших П. «Памяти М. П. Овчинникова» («Университет Клич», 1923, № 6.).

[4] Из доклада Б. Г. Кубалова «Ветеран народной воли—М. П. Овчинников», зачитан. 17 сент. 1922 г. в заседании В. С. О. Р. Г. Об-ва, посвящен. памяти М. П. Овчинникова.

[5] «Сибирск. Архив.» 1916, № 6—8, стр. 260.

[6] Там-же, ст. 269.

ГПБ Сф.-Ф.

В 1875 г. М. П. совместно с 50 другими товарищами народовольцами («Процесс 50-ти») был арестован, привлечен к суду и, по лишении всех прав[1] и преимуществ, сослан в Сибирь в Енисейскую губернию. К сожалению, в нашем распоряжении нет каких-либо данных о жизни М. П. в этом крае; не имеем мы и газеты «Енисейский Листок», в которой сотрудничал М. П. И только в некоторых статьях, писанных им самим, встречаются кой-какие указания о его подневольной жизни. Через некоторое время М. П. был поселен в Канск, а затем переведен в Ирбейскую волость Канского округа, где про него сложилась интересная легенда, как «про царева брата»[2]. В 1881 г. М. П. бежал с места ссылки в Россию[3] и с этого момента в жизни его наступает третий и самый важный момент его деятельности, как активного народовольца.

В 1887 г. М. П. вновь был арестован и выслан на поселение на крайний север Сибири. Он был отправлен в Верхоянск, Якутской обл., но по пути заболел и был оставлен в городе Олекминске, где и прожил несколько лет. В Олекминске М. П. занимался изучением русского старожилого и туземного населения и собрал ценнейшие материалы по истории, этнографии, шаманству и фольклору. Здесь же он начал свои первые **шаги на поприще археологии.**

В 1891 г. М. П. получил разрешение на переезд в г. Иркутск. По прибытии в Иркутск он принял деятельное участие в общественной жизни и в делах Вост. Сибир. Отдела Русского Географического Об-ва. Конец 80-х годов и начало 90-х были лучшей страницей исследовательской деятельности В. Сиб. Отдела. В это время в работах Отдела принимали живое участие такие видные исследователи как Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, А. Обручев, И. Д. Черский, Н. Виташевский, Н. Н. Агапитов и др. С 1900 г., с момента избрания М. П. действительным членом устанавливается окончательная, тесная связь его с Отделом. В 1904 г. он избирается членом Распорядительного Комитета, а в 1908 г. назначается консерватором Музея. Вместе с тем он несет обязанности библиотекаря и одно время правителя дел Отдела. В начале 1909 г. М. П. выступает на новом поприще: как археограф. При его непосредственном участии в Иркутске была образована в 1911 г. Иркутская Ученая Архивная Комиссия, в которой все время он является одним из деятельнейших членов. В 1917 г. учреждается Губернский Архив и опять таки во главе его в течение ряда лет находится М. П.

1919—1920 г. были тяжелыми годами в жизни М. П. За это время М. П., не будучи обеспечен хорошей службой, от холода и недоедания часто прихварывал, но однако, скрывая это от своих друзей, попрежнему продолжал работу в холодном здании Губернского Архива. В начале лета 1921 г. М. П. ослаб настолько, что был своими друзьями положен в Уни-

---

[1] «Процесс 50-ти», Изд. В. М. Саблина. Москва 1906; стр. 10, 41-162. О показаниях М. П. на суде см. там-же стр. 26, 31, 37, 43, 109, 111, 135, 140, 156, 159, 161—163.

[2] Сиб. Архив. 1913, № 9—11; стр. 407—109.

[3] Сиб. Летопись, 1916, № 6—8; стр. 277.

верситетскую клинику, где 11 июня 1921 г. и скончался на 77 году от роду. Его похороны были также скромны, как скромна и неприхотлива вся жизнь этого неустанного труженника.

Переходя к характеристике М. П., как научного работника, прежде всего необходимо отметить исключительное разнообразие научных интересов М. П. Его научные занятия затрагивали различные области сибиреведения: археологию, туземную и русскую этнографию, историю русскую и туземную (преимущественно якутов), историю общественных движений Сибири, историю сектанства и т. д. Особо выделяется М. П., как архивовед и музейный деятель.

Значение работ М. П. для археологии Сибири чрезвычайно велико. Он *первый произвел подробное обследование Иркутского края в археологическом отношении*. «Можно сказать, что М. П. сделал за будущих археологов, которым предстоит работать в Прибайкалье, всю черновую работу и тем дал возможность теперь приступить к систематическим исследованиям[1]. Без его предварительных работ мы стояли бы теперь все еще перед необходимостью производства разведок и нащупывания основных элементов сложного комплекса напластований различнейших культур оставивших вещественные памятники на площади края. Теперь-же, благодаря работам М. П., мы можем избрать ту или иную определенную проблему доисторического прошлого края, и повести исследования по заранее выработанному плану[2].

Большой научной заслугой М. П. является масса открытых им доисторических стоянок, из которых первое место занимает палеолитическая стоянка «Верхоленская гора», расположенная в 7 верстах от города Иркутска, на обоих мысах Жарниковой пади. Эта замечательная стоянка представляет собой большой научный интерес. Дело в том, что «из всех периодов сибирской преистории наиболее неясным представляется палеолит. Невзрачность грубо обитых кремневых орудий мало привлекала к себе внимание исследователей, а трудность их нахождения и раскопок в слоях лесса не сулила богатых результатов. А между тем, каждая новая палеолитическая стоянка, как бы бедна она ни была, как бы ни были неясны и сбивчивы данные ее исследования все же имеет исключи-

---

[1] Авторы приводимых ниже трудов по археологии в значительной степени пользовались открытиями М. П.: Проф. Б. Э. Петри. «Сибирский палеолит» Он-же. «Первые следы доисторического человека в Сибири» стр. 2, 5, 11; Он-же «Далекое прошлое бурятского края», стр. 5 и 15; Спицын. «Русский палеолит» стр.; Бортвин «Из области древней сибир. керамики»; Хороших «К палеонтологии Прибайкалья» ст. 1—2; Подгорбунский «К вопросу об изучении стоянок Тарской и Тункинской котловины» стр. 9; Проф. В. И. Огородников «Очерк истории Сибири» Часть I, стр. ; Проф. С. Лаптев «Следы пребывания доисторического человека в окрестностях с. Усолья»; Линьков А. «Археологические экскурсии» стр. 13—19; Сосновский Г. П. «К археологии Ангарского края» стр. 4—15—16—18, Б. Э. Петри. «Отчет Б. Петри о командировке на Байкал для археол. раскопок». Он-же «Вторая поездка в Предбайкалье». стр. 90. и др.

[2] Проф. Б. Э. Петри «М. П. Овчинников, как археолог». (Сиб. Огни, 1922, кн. 4; стр. 103).

тельно большой научный интерес, как памятник древнейшей культуры Для сибирского палеолита интерес приобретает тем большее значение, что стоянки этой эпохи пока еще чрезвычайно малочисленны[1] и, кроме того, вопрос о сибирском палеолите имеет не только местный, исключительно сибирский интерес, но разрешение его именно в Сибири дает чрезвычайно ценный материал для истории развития человечества вообще[2]. М. П. были обнаружены еще два местонахождения палеолитических остатков в пади «Горюнова» и «Убочный», находящиеся в расстоянии ½—¾ версты от пади Жариковой. К сожалению, М. П. при жизни не успел показать эти стоянки и их теперь найти очень трудно. Между тем, в одной из этих стоянок, по словам М. П. найден им эолит[3].

Из других открытий М. П. отметим: некрополи в Глазковском предместье г. Иркутска, неолитические стоянки «Царь-Девица», у с. Ерши, и стоянки смешанного типа (неолит., железо) у д. Кузьмина, в пади Малая и Большая Межовка, у д. Михалево (все эти стоянки расположены по левому берегу р. Ангары по линии железной дороги, в сторону Байкала). Ряд стоянок открыл М. П. и по правому берегу реки Ангары у д. Разводная, Крыжановщина, Щукина, Лисиха и др. места. Наконец, М. П. открыт ряд памятников глубокой древности в долине р. Лены и р. Ангары около Балаганска[4].

Многолетние археологические исследования М. П. дали возможность собрать ему богатейший археологический материал, который и лег в основу Археологического Отдела Музея в Иркутске. «Исключительное значение для сибирской археологии вообще и для областной в частности имеет обширнейшее собрание предметов по неолиту с берегов р. Ангары. Коллекции эти настолько значительны—что по ним одним можно составить исчерпывающее монографическое описание неолитической культуры края»[5].

---

[1] До наст. времени нам определенно известны три палеолитических стоянки на территории Сибири: 1. *Томская стоянка*, открытая в 1896 г. проф. Н. Ф. Кащенко; 2. *Красноярская стоянка* («Афонтова гора»), откр. в 1884 г. И. Т. Савенковым и 3. *Верхоленская гора*, откр. в 1897 г. М. П. Овчинниковым.

[2] Б. Петри, «Сибирский палеолит» стр. 7. Коллекция предметов собранных М. П. Овчинниковым, на Верхоленской горе, хранится в археологическом отделе Иркутского Научного Музея (б. В.-Сибирского Отдела Русского Геогр. Об-ва). Материал исключительно подъемный, так как М. П. не имел достаточно средств, чтобы организовать правильные раскопки в большом размере.

[3] Проф. Б. Э. Петри «М. П. Овчинников, как археолог». («Сибир. Огни» 1922, 4 стр. 104).

[4] С Балаганских песков М. П. кроме значительной археологической коллекции добывал антропологическую коллекцию (бурятские черепа). См. Инв. книгу Музея.

[5] Проф. Б. Э. Петри «М. П. Овчинников, как археолог» (Сиб. Огни, 1922, № 4. стр. 103).

После смерти М. П. в музей В. Сиб. Отдела поступила дополнительная археологическая коллекция, которую в данное время предполагается выделить в особую категорию имени М. П. Овчинникова. Значительная археологическая коллекция была передана М. П. в Русский Исторический Музей в Москве (См. Краткий Путеводитель по Государств. Российск. Историч. Музею. 1923. стр. 31).

Наконец, к научным заслугам М. П. следует отнести и взгляд его на существование медного и бронзового веков в Иркутской губернии. М. П. считал, что после неолита был краткий медный век, когда основным материалом был по прежнему камень, но уже употреблялись медные орудия.

Подтверждение этого М. П. видел, как в нахождении отдельных медных орудий, так и погребений (глазковский некрополь, где вместе с каменными орудиями погребению были положены тонкие листовидные медные пластинки. Медный век был сменен бронзовым периодом, когда, по мнению М. П., по прежнему в Иркутской губернии употреблялись и каменные орудия. Образ жизни в этот период нисколько не изменился, сравнительно с неолитическим периодом. Богатая коллекция М. П. особенно бронзовых копий ангарского типа, вполне подтверждает, что Минусинская бронзовая культура распространялась и на Иркутскую губ. Положение, высказанное М. П., относительно медного и бронзового веков, конечно, смелое, но, как ни странно, все дальнейшие изыскания в этом направлении[1] дают новые подтверждения его гипотезе.

Исследовательская деятельность довольно связала М. П. с деятельностью Музея В. Сиб. Отдела Русского Географического О-ва. М. П. сразу же по приезде в Иркутск останавливается в Музее, знакомится с правителем дел Отдела Д. А. Клеменцем, и с Н. И. Витковским и дарит в Музей интересную археологическую коллекцию с берегов р. Лены.[2]

С назначением М. П. в 1908 г. Консерватором Музея, он еще ближе подходит к музею и много любви вкладывает в свое новое детище-археологический отдел гордость Иркутского Музея. До этого времени археологический отдел представлял собой небольшое собрание доисторических предметов. Поразителен энтузиазм М. П., с которым он отдался любимому делу археологии. Своим энтузиазмом он заражал даже посетителей Музея, не говоря о музейных работниках. Знакомя иркутян с целей Музея, М. П. приобрел не мало единомышленников. Деятельное участие принимал он и в Комиссии по устройству воскресных объяснений в Музее, однако сам с лекциями не выступал. По его предложению при Музее В. Сиб. Отдела была образована особая комиссия для проверки музейных экспонатов и составления инвентарных списков. К сожалению, столкновения М. П. с некоторыми из членов Отдела мешали развитию его деятельности в этом направлении, почему в 1910 г. М. П. оставляет должность Консерватора и уходит из Музея.[3] Деятельное участие принимал М. П. и в работах «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта», где он в 1912 г. состоял руководителем археологической секции, устраивая экскурсии с археологическими целями в окрестности города и

---

[1] Проф. Б. Петри. М. П. Овчинников—как археолог (Сиб. Огни: 1922, № 4, стр. 103).

[2] «Сиб. Архив». 1915, № 11, стр. 491—195.

[3] Отчет В. Сиб. Отд. за 1911 г., стр. 107, 113, 185. Сиб. Арх. 1913. № 6—8, стр. 353.

вниз по р. Ангаре. В том же году М. П. руководил подсекцией по народной медицине при том же обществе.[1] При непосредственном же участии М. П. были основаны Отделы этого О-ва в Братске и Киренске.

Интересовался М. П. и исторической археологией, доставив в 1906 г. и в последующие годы в Музей В. Сиб. Отд. нумизматические коллекции, предметы старинного вооружения и прочие предметы.[2]

Печатных работ специально по археологии у М. П. мало (см. библиограф. обзор). Наибольший интерес из таких работ представляет: «Материалы, для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска». Работа эта является сводкой археологических исследований М. П. в окрестностях г. Иркутска; в ней-же развиваются мысли о пребывании якутов на территории Прибайкалья и указываются задачи археологических исследований Иркутской губернии.

Большой интерес представляет работа М. П. «Н. И. Витковский», где дается характеристика Н. Витковского, как археолога и указывается значение его археологических исследований.

Кроме того археологический материал разбросан в работах М. П. по этнографии, истории, архивоведению и др. (см. библ. обзор его работ).

В общем же, небольшое число печатных работ М. П. объясняется тем, что он «не любил публиковать свои наблюдения» и только по просьбе или настоянию своих друзей давал в печать ту или иную работу. Поэтому, и нельзя измерять научные заслуги М. П. его печатными трудами.

М. П. и так сделал многое—«своим энтузиазмом, своей горячей любовью к сибирской археологии зажег исследовательский дух в сердцах юных сибирских археологов, и то, что не доделал М. П., сделают те, кому он завещал продолжение своих работ».[3]

И хотя М. П. не был сибиряком, но все же правы те, кто называют М. П. «дедушкой сибирской археологии».[4]

Этнографические исследования М. П. были направлены в сторону изучения русского старожилого и туземного населения Сибири. Интерес к этнографии М. П., вероятно, приобрел еще в России, во время его хождения в народ. Ссылка же в Сибирь еще более приблизила его к этнографическим исследованиям.

Одно из первых мест среди трудов М. П. по этнографии русского старожилого населения Сибири занимают труды по народной медицине, собранные им в различных местах Иркутской губ. В этой области мы видим М. П. как знатока—специалиста. М. П. не на спех, не мимоходом ведет свои записи, но добросовестно, вдумчиво, строго, полно и точно

---

[1] Отчет Иркутск. Отд. О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта за 1912 г.

[2] См. Инв. Книгу Музея В. Сиб. Отд. Р. Г. О-ва за 1906—1907 гг.

[3] Проф. Б. Э. Петри «М. Н. Овчинников, как археолог». «Сиб. Огни», 1922, № 4, стр. 104 и др.

[4] Совет Иркутского Научного Музея на одном из своих заседаний, принимая во внимание заслуги М. П., как археолога постановил: «Назвать археологический отдел Иркутского Музея—отделом Михаила Павловича Овчинникова».

подбирал новые материалы[1]. О своем исключительном интересе к народной медицине свидетельствует сам М. П. «В течении 39 лет я интересуюсь сибирской народной медициной. За это время мной собрана огромная масса материалов по интересующему меня вопросу». М. П. указывал, что «считает долгом совести высказать, что главное значение своих материалов он будет полагать в том единственно, если сможет заинтересовать этим вопросом более широкие слои общества и тем дать возможность глубже изучить многовековый опыт народа страдальца»[2].

Из работ по народной медицине наибольшего внимания заслуживают: «Материалы для изучения народного знахарства и отреченной литературы славян в частности Сибири», а также «Заговоры, молитвы и заклинания».

В первой работе М. П., отыскивая остатки языческих преданий и поверий в массах населения и указания, как записывается отреченная или апокрифическая литература устанавливает вместе с тем происхождение и распространение этой литературы с X века (ереси богомилов). Здесь же он говорит о занесении апокрифической литературы в Сибирь через посредство старообрядцев и др. путем. В небольших «заметках по медицине русского населения Иркут. губ.», М. П. приводятся ценные сведения о способах лечения крестьян от разных болезней, говорится о причинах болезней по поверьям населения, об употреблении «ката», о народных средствах при собачьем бешенстве, о лекарственных растениях, о «заговорах ото всех болезней, от пуль, от 77 лихорадок» и т. д.

Ценность этих сведений заключается в том, что они взяты в значительной степени из рукописей XVIII стол., рецепты же записаны непосредственно от знахарей, тем более, что материалов по изучению народного знахарства и отреченной литературы в Сибири, вообще, собрано очень мало. Необходимость же изучения народной медицины вызывается не только теоретическими, но и практическими интересами.

Много времени и труда уделил М. П. изучению фольклора русского старожилого населения Сибири. Среди работ по фольклору необходимо выделить работу: «Старинная свадьба в с. Рыбинском Канского уезда». В этой работе М. П. дается полная картина свадебного обряда (сватовство, рукобитие, смотрины, песни, вечерка, проводы жениха с вечерки, приглашенный стол, отпуск, поседка невесте, девичник, свадьба, начальный стол, подарный и прощальный стол, дружки и т. д.). Также нельзя обойти молчанием и «вечерошних песен», записанных в Балаганском уезде.

---

[1] По приезде в Иркутск М. П. некоторые из своих рукописей, в том числе и рукопись по народной медицине, передал в В. Сибир. Отдел Географическ. О-ва для просмотра. Доктор Макавецкий, которому, видимо, было поручено просмотреть рукопись М. П. по народной медицине, дал такой отзыв: «Рукопись не представляет никакого интереса. Она является плодом досужего человека. Через некоторое время эту же рукопись просматривал Г. Н. Потанин, который дал о ней М. П. такой отзыв: «Доктор Макавецкий ошибся. Рукопись очень интересна. Хотите, мы ее напечатаем в таком виде, в каком она сейчас, как материал?» («Сибир. Студент». 1915, № 1—2, стр. 100).

[2] «Сиб. Арх.». 1913, № 2, стр. 101.

Наконец, в работе «Олекминские скопцы», М. П. приводятся весьма ценные сведения по истории скопцов, об их богослужебном культе, радении, общем суде, песнях и т. д.

В области туземной этнографии М. П. написал ряд небольших работ по фольклору, шаманству и народной медицине якутов. Из них следует отметить работы по шаманству, ценные тем, что в них приводятся многие древние якутские шаманские заклинания, поверья и обряды: древний обряд перед началом рыбной ловли, обращение к водяному духу, обряд похорон шамана, сведения о некоторых исчезнувших формах погребений и т. д.

Интересные сведения о просхождении якутов, о рабстве, умыкании приводятся в работах: «Из материалов по этнографии»[1], «Материалы по истории народного образования в Олекминском округе» и др.

Древний якутский всенародный суд с участием шамана подробно описан в работе «К истории третейского суда у якутов». Эта работа написана М. П. в 1880 г. в г. Олекминске, по делам Олекминского Полицейского Управления за XVII и XIX стол.[2] и по его словам «главным образом от старых якутов, преклонявшихся пред жизнью своих отцов и дедов».

Однако не весь, собранный М. П., материал по туземной этнографии и истории мог быть опубликован: М. П., опасаясь «промахов» в своих материалах давал их для просмотра тому или иному лицу, и рукописи часто терялись. Так исчезли материалы по этнографии и истории якутов, переданные П. Н. К-ову, заключающие в себе статьи: «Якутские сказки» «История земледелия в Якутской области, охота, рыболовство, звероловство», «Юридические обычаи» и др.[3] (последняя работа писалась М. П. по программе О-ва Естествознания, Антропологии и Этнографии).[4]

Наконец, перу М. П. принадлежит ряд работ по истории декабристов, воспоминания из эпохи народовольчества, воспоминания о канской ссылке и ряд биографических статей и заметок о Н. Г. Чернышевском, Г. Н. Потанине, А. И. Кириллове, И. Н. Мышкине, А. Кучевском, М. А. Зензинове и Витковском. Им же опубликованы письма Черского к Витковскому.

[1] Вторая часть этой работы «Очерки общественной жизни якутов» (1. «Рабство у якутов») написана М. П., как по рассказам якутов, так и по архивному материалу Олекминского Окружного Полицейского Управления и по «Житию св. Иннокентия» изд. 1879 г. М. П. между прочим, указывает, что «рабство, существовавшее у якутов до завоевания русскими, привилось не только к классам привилегированным, но и к приленским крестьянам, поселившимся здесь не много ранее 5-й переписи в Олекминском округе и при Алексее Михайловиче в Якутском» (стр. 83). Говоря об «умыкании» (древней форме брака у якутов), М. П. приводит интересное описание обряда, связанное с похищением невесты и с вызыванием духов. (стр. 85—88).

[2] К сожалению М. П. не приводится более подробное описание использованных им дел.

[3] Спб. Архив. 1915, № 10, стр. 413.

[4] Ссылка на работы М. П. по истории и этнографии якутов, мы находим в других Э. Пекарского «Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими» (Записки Русск. Геогр. О-ва по отд. этнографии 1909 года Т. XXXIV, стр. 146). В. Михайловского «Доклад о новых материалах по этнографии якутов, собранных М. П. Овчинниковым» (Русск. Вед. 1890, № 301) и др.

Интерес к архивоведению у М. П. также пробудился и развился на почве ссылки. Разъезжая «по воле судеб» по территории Сибири, М. П. видел гибель архивов и тотчас же стремился принять меры к их спасению и изучению. По переезде же в Иркутск М. П. горячо призывал местное общество к спасению и охране провинциальных архивов и к организации в Иркутске Центрального Архивохранилища.

Старания М. П. в этой области не остались бесплодными В 1911 г. в Иркутске была основана Иркутская Ученая Архивная Комиссия, в которой он и состоял в течении многих лет товарищем председателя и позднее председателем. В 1913 г. вышел первый том «Трудов Иркутской Ученой Архивной Комиссии», где М. П. принимал живейшее участие, как ближайший помощник редактора, как издатель и сотрудник.

За время 1912—1914 г.г. М. П. совершил ряд поездок с целью изучения и доставки в Иркутск архивов из различных мест губернии. Из этих поездок особенную ценность представляет поездка в Киренский уезд, куда он был командирован для руководства по разбору и доставке в Иркутск старинных архивов. Из поездки М. П. доставлено более 500 пудов ценнейшего архивного материала. Тогда же им собран был интересный материал по истории, этнографии и археологии края[1]. Впоследствии его стараниями был спасен еще ряд провинциальных и местных архивов.

В первые же годы по образовании Иркутской Ученой Архивной Комиссии при ней был устроен Музей старины и в нем М. П. принимал живейшее участие. В 1912 г. той-же Комиссией была устроена «Выставка иркутской старины», привлекшая большое внимание местного общества. М. П. принимал непосредственное участие в устройстве этой выставки, так писал о ее значении: «пусть мы потерпим материально, но за то будем пропагандировать идею о бережном отношении обывателей к старине; задача Архивной Комиссии не только хранить архивы и их разрабатывать, но и воспитывать исторически наших сибиряков».[2] В 1913 г., когда «Выставка старины» была повторена, М. П. был избран председателем выставочной комиссии и ему было поручено составление каталога по отделу археологии.[3]

Организация Иркутского Губернского Архивохранилища — также дело рук М. П. В 1918 г. в Иркутске открывается Университет и М. П. сразу же вступает в тесный контакт с его научными силами. В это же время, в здании Университета, М. П. открыл действие руководимой им Иркутской Ученой Архивн. Комиссии. При ближайшем же участии М. П. в 1920 г. был образован Исторический Отдел при Иркутском Научном Музее и при нем же «Отделение войны и революции». За многие годы работ в губернских и уездных архивах Иркутской губ. М. П. было собрано большое количество материала по истории революционного движения в Сибири. Этот-

---

[1] Отчет об этой командировке напечатан в «Трудах Иркут. Учен. Архив. Комиссии». Т. 3. 1916, стр. 333—389.

[2] «Сиб. Арх. 1913, № 6—8, стр. 375—376.

[3] Труды Иркутск. Учен. Арх. Комиссии, 1914, № 2, стр. 16.

то материал, состоящий из газет, журналов, портретов и фотографий революционных деятелей, их биографий и т. п. и послужил фондом для образования Исторического Отдела[1].

Говоря об утрате М. П., как научного работника, нужно сказать о нем, как и о человеке — он слишком выделялся своими душевными качествами. М. П. может быть примером удивительной доброты и сердечности. Скромность, чуткость, внимание ко всем начинающим в областях археологии, музееведения, архивоведения и др. — вот основные черты личности М. П. На первый взгляд М. П. мог казаться несколько холодным, он как бы не любил разговоров, однако это только так казалось достаточно было поднять вопрос о чем-либо по специальности М. П., как он уже внимательно выслушивал и давал свои советы или указания.

Однако порой в М. П., при встрече с незнакомыми ему лицами, проявлялась большая осторожность — возможно, отпечатки долгих лет ссылки. Другая сторона М. П. — он был необычайно мягок и осторожен в своих суждениях о работах и выводах других. Он не любил высказываться публично и только дома у себя делился впечатлениями со своими друзьями. Наконец, еще одной особенностью М. П. было нежелание публиковать свои материалы и наблюдения, или же по скромности подписываться псевдонимом[2]. После его смерти остался целый ряд работ в рукописях[3].

Научно-литературное наследство

М. П. Овчинникова.

При указании работ приняты сокращения:

ИВСОРГО — Извест. Вост. Сиб. Отдела Русского Географич. О-ва.
СА — Сибирский Архив.
СЛ — Сибирская Летопись.
ТрИУАК — Труды Иркутск. Ученой Архивной Комиссии.
ЭО — Этнографическое Обозрение.
ЖС — Живая Старина.

1. Труды по русской этнографии:

1. Чем лечатся иркутские крестьяне. ЭО, 1893, № 3; стр. 157—160.
2. Заметки по народной медицине. ЭО, 1898, кн. XXXVII; стр. 120—122.
3. Материалы для изучения народного знахарства и отреченной литературы Ирк. губ. ИВСОРГО, 1908, т. XXXIX; стр. 24—35.
4. Олекминские скопцы. СА, 1911, № 2; стр. 75—91.
5. Вечерние песни. СА, 1912, № 5, стр. 377—384.
6. Свадебные песни. СА, 1912, № 10; стр. 778—806.
7. Старинная свадьба в с. Рыбинском, Канского уезда. СА, 1912, № 11; стр. 888—898; 1912, № 12; стр. 939—962.

---

[1] Из отчета Зав. Историч. Отд. Ирк. Музея Д. Ф. Котова.

[2] Нам известно два псевдонима М. П.: «М. Варенгский» и «М. Архангельский».

[3] Есть сведения, что, незадолго до своей смерти, М. П. в больнице диктовал продолжение своих народовольческих воспоминаний действ. члену В. Сиб. Отдела Ивану Афанасьевичу Евсевину. Хочется верить, что эти записи когда-либо увидят свет. Оставшаяся после смерти М. П. библиотека пожертвована вдовой умершего в Кабинет русской истории при Иркут. Государств. Университете.

8. Народные средства при собачьем бешенстве. СА, 1913. № 2.
9. Материалы по народной медицине. ТрИАУК, 1913, В. I. стр. 125—138.
10. Материалы по народной медицине. ТрИУАК, 1914, в. 2, стр. 77—96.
11. О злате (продолжение материалов по народной медицине). ТрИУАК, 1914; в. 2; стр. 97—98.
12. Заговоры. ТрИУАК, 1914, в. 2; стр. 99—108.
13. Несколько слов об отреченной литературе славян и в частности Сибири. ТрИУАК, 1914, в. 2; стр. 225—233.
14. Заметки. Из сибирских пословиц. СА, 1914, № 3—4; стр. 183.
15. Заметки. Пословицы. СА, 1914, № 2; стр. 71.
16. Материалы по отреченной сибирской литературе. СА, 1916, № 2; стр, 74—78.
17. Заговоры от змей. Присушки любимого. Сказание о 12 лихорадках. СА, 1916, № 3—4; стр. 187—192.
18. Заговоры для присушки девицы или парня. СА, 1916, кн. 5; стр. 218.
19. Заговоры от лихорадки. СА. 1916, № 5; стр. 239.

2. Труды по туземной этнографии.

20. К народной медицине Якутск. обл. ЭО, 1892, 1; стр. 183—187.
21. Из материалов по этнографии якутов. ЭО. 1897, № 3 и 1897, № 1; стр. 77—88.
22. Сордохай—богатырь. ИВСОРГО. 1904, т. XXXV, № 2; стр. 1—8. *Отзыв* Э. Некарского (Живая Стар., 1908, в. IV, стр. 507).
23. Исчезнувшая форма погребения у якутов. ЭО, 1905, № 1; стр. 172—177.
24. Из якутских поверий. СА, 1912, № 5; стр. 413—416.
25. Оюн Кэрэкэн Мохсоху. СА, 1912, № 3; стр. 190—193.
26. Оюн уга Кохсогон. СА, 1912, № 5; стр. 407—409.
27. Кюнней и Юрякин. СА, 1912. № 5; стр. 363—372.
28. Обряд Арчи у якутов. СА. 1912, № 5; стр. 404—406. (Там же о каменных рыбах).
29. К истории третейского суда у якутов. СА, 1915, № 10.
30. Материалы по истории народного образования в Олекминске. СА, 1912, № 3; стр. 152—166.
31. Бурятская легенда о лебеде. СА, 1916, № 1, стр. 41—43.

3. Труды по археологии.

32. Пояснительная записка, к вещам, найденным у города Олекминска, Якутской обл. и присланным в Антропол. Отдел. (Изв. О-ва Любит. Естеств. Антропол. и Эти. при Московск. Университете. 1890. т. XVIII. Труды Антропол. Отд. Т. XII. Дневник Антр. Отд. в. 3; стр. 93—94).
33. Материалы для изучения памятников древности г. Иркутска. ИВСОРГО, 1904. Т. XXXV, № 3; стр. 62—77.
34. Н. Н. Витковский. СА, 1911, № 1; стр. 1—11.
35. Заметки по археологии. СА, 1912. № 5; стр. 400.
36. Следы городища в окрест. села Мальты по р. Белой. (Прибавл. к № 46, Изв. Археолог. Комиссии за 1912; стр. 182).
37. О большом камне со следами надписи у деревни Усть-Тальцинской. (Прибавл. к № 48 Изв. Археол. Комис. за 1913, стр. 148).

4. Труды по архивоведению.

38. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов, от Иркутска до Киренска. ТрИАУК, 1916, в. 3; стр. 333—389. (Там же приводятся сведения об открытии М. П. ряда доисторических стоянок).

39. Письма П. Д. Черского к И. П. Витковскому. СА. 1912. № 1; стр. 40—53; 1912, № 3. стр. 193—198. (Там же приводятся сведения о находке бронзовых вещей по р. Лене).
40. Материалы по истории декабристов. СА. 1912, № 4; стр. 230—237. (Статья подписана М. Варенгский).
41. Из жизни Н. Г. Чернышевского. СА, 1912, № 4; стр. 243—252.
42. На моей памяти. СА. 1912, № 11; стр. 855—879. (Там же приводятся сведения о якутских шаманских богах, стр. 867—873).
43. Из воспоминаний моей Канской ссылки. СА, 1913, № 4; стр. 191—198; 1913, № 5; стр. 248—266; № 9—11, стр. 398—412.
44. Материалы для биографии А. П. Кириллова. СА, 1913, № 6—8; стр. 347—358.
45. Несколько слов о майоре А. Кучевском. ТрИАУК, 1914, в. 2; стр. 59—61.
46. Из моих встреч с Д. А. Клеменц. СА, 1915, № 11; стр. 193—506. (Там же приводятся сведения о находке костей гигантского оленя и черепков по р. Кае).
47. Михаил Андреевич Зензинов. СЛ. 1917. № 1—2; стр. 76—77.
48. Из моих народовольческих воспоминаний. СЛ. 1916, № 6—8; стр. 258—286; 1916, № 9—10, стр. 149—158; № 11—12, стр. 516—527.
49. Из моих народовольческих воспоминаний (П. П. Мышкин). СЛ, 1917. № 1—2; стр. 1—15.
50. Из жизни Г. Н. Потанина. Сибирск. Студент. 1915, №1—2; стр. 95—101.
51. Элементарные занятия по географии. Педагогический листок. № 2: стр. 100—118. (Год у Межова не указан).
52. Из путевых заметок по России. (Финляндия). Год не указан.
53. Письмо в редакцию. «Сибирские Вопросы» (по поводу обыска в Музее) Сибир. Вопросы, 1909, № 31; стр. 43—44.
54. Из истории декабристов. СА, 1912. № 3; стр. 200—203.
55. Дневник П. П. Витковского, веденный им во время поездки по р. Ангаре в 1882 г. СА, 1912. № № 5—10.

Статьи и заметки о М. П. Овчинникове.

1. Петри Б. Э. проф. М. П. Овчинников, как археолог. Сибирские Огни. 1922, № 4, стр. 99—104).
2. Лаптев С. П. проф. Следы пребывания доисторического человека в окрестностях с. Усолья. (Памяти М. П. Овчинникова) Сборн. Трудов проф. и прен. Государств. Иркутск. Университ. 1923, в. 5, стр. 251—260.
3. Михайловский В. В. Доклад о новых материалах по этнографии якутов, собран. М. П. Овчинниковым. Русские Ведомости, 1890—1891, № 301.
4. Овчинников М. П. Сибир. Жив. Старина, 1923, № 1. стр. 142, «Утраты».
5. Стож. Словарь сибирских ученых и писателей. Год не указан.
6. Хороших П. П. Памяти М. П. Овчинникова. Университетский Клич. Еженед. Ирк. Госуд. Университета 1922, № 6.
7. Хороших П. П. Памяти дедушки сибирской археологии. Власть Труда, Ирк. 1922, № 76—715.
8. *В Научном кружке Народоведения.* (Заседание, посвященное памяти М. П. Овчинникова. Доклады проф. Б. Э. Петри Г. С. Виноградова, П. П. Хороших) Власть Труда, Ирк. 1922, № 79—718.
9. *Пятнадцать лет крамолы.* Современные Известия за 1881—1882 г. г.

23 декабря 1923 г.

Иркутский Научный Музей.

УТРАТЫ.

К именам, перечисленным в № 1 «Сиб. Живой Старины», следует добавить:

Воротников И. И. Скончался глубоким старцем в 1918 (?) г. В бытность свою народным учителем составил описание Братской волости (1897 г.) — первый опыт пособия по родиноведению. Ему же принадлежит «Описание древних башен в с. Братском», изд. в 1881 г., и ряд газетных статей, весьма интересных и ценных для краеведа.

Каргополов Д. С. Скончался в начале 1923 г. Один из культурных деятелей глухой провинции. В 80-х годах им был основан музей в Ачинске, а в последние годы с переездом на жительство в Канск в этом городе.

Лопарев Хрисанф Мефодьевич (род. в 1862, сконч. в 1918 г.) уроженец с. Самарова, Тобол. губ. Известный исследователь древне-русской письменности, знаток византийской литературы, впервые нашедший и опубликовавший ряд интереснейших памятников. Среди его работ имеются и весьма важные для сибирских краеведов. Таковы его заметки о говоре Тобол. губ. («Жив. Стар.» 1891), и, в особенности, его описание с. Самарова. Последняя может быть названа образцом глубокой, всесторонней краеведческой работы.

Пигнатти В. П. (сконч. в 1920 г.) — один из активнейших деятелей Тобольского губернского музея, автор описания Кучумова городища Искер и др. раб.

Симонов Е. И. (покончил самоубийством в 1923 г.) — один из активнейших краеведов в Тобольске. Его энергии и энтузиазму в значительной степени обязано своей интенсивной работой в последние годы Общ. изучения Тобольского Севера. По его инициативе основан кабинет изучения Ермака. Им же был прочитан и подготовлен к печати ряд докладов по теории и практике экскурс. дела.

Тюшняков И. В. (сконч. в 1921 г.) ассистент Казан. У-та, красноярский уроженец, в 1918 году заведывал этнографическим отделом Музея и состоял правителем дел Красноярского Отдела РГО; энергично работал по изучению края, совершил поездку в низовья Енисея.

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

I.

Деятельность Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества.

В отчетном, 72-ом г. существования деятельность Отдела выразилась в научных докладах, в издательстве, в работах секций, в исполнении отдельных исследовательских поручений по заданиям Распорядительного Комитета, в работе астрономической обсерватории, библиотеки и пр. Деятельность в этом направлении выразилась в следующем:

Научные командировки. Б. Э. Петри: в район ст. Косого для археологических раскопок. В. И. Подгорбунского: в пределы аларского аймака для археологических и этнографических изысканий. И. Ф. Молодых: в Северо-Западную Монголию для производства географических исследований. Г. Г. Федорова: По реке Лене и приленские города и села до г. Бодайбо для производства регистрации, осмотра, обмера, зарисовки и съемки планов, фотографирования памятников старины и искусства, а также собирания для доставки в отдел предметов, имеющих историческое или музейное значение. С. И. Лаптева: в район ст. Слюдянки на предмет физико-географических и археологических изысканий. Веселова: в устье р. Селенги на предмет собирания этнографического материала и изучения особенностей местных говоров. П. П. Хороших на о. Ольхон для археологических и этнографических изысканий (см. в отд. «работа секций»). Г. П. Сосновского в пределы Енисейской губ. (Афонтова гора, р. Кан и Красноярск) для археологических исследований. Последняя экспедиция была особенно значительной по результатам; ниже даны о ней более подробные сведения.

Связь с научными обществами и участие на Всерос. с.-хоз. выставке. В отчетном году удалось завести связь с целым рядом научных организаций, а также принять участие во Всероссийской сельско-хозяйственной выставке. Последнее выразилось в устройстве на выставке витрины ВСОРГО и выставки этнографических коллекций, фотографий и изданий Отдела. За последнее время установлена живая связь с Центральным Бюро Краеведения Академии Наук, с Центральным Отделом Географического Общества и целым рядом краеведческих обществ и музеев. Эта связь особенно закрепилась благодаря налаживающемуся обмену изданий.

В 1923 году Отдел обменивался с 95 научными организациями и учреждениями, преимущественно краевед. характера.

На Всероссийской с.-хоз. выставке Отделу присужден диплом первой степени «за альбом бурятских орнаментов, подбор фотографий по быту туземцев и энергичную деятельность по изданию материалов, характеризующих жизнь и быт местного населения».

Издательская деятельность. Издательское дело Отдела за последнее время несомненно улучшилось. В 1923 году вышли следующие издания: *„Этнографический Бюллетень"* №№ 2, 3, 4; первые два под редакцией А. Н. Турунова, последний Д. А. Болдырева-Казарина. *„Опыт программы для изучения охоты у тунгусов и якутов"*, сост. В. И. Подгорбунским (выдержало два издания в течении 1923 г.) *«Известия ВСОРГО»* т. XLVI, вып. 2; работа Г. С. Виноградова *«К изучению народной женщины у русского населения Сибири. Инструкция и программа»*; Б. Э. Петри *Задачи этнографической секции ВСОРГО*. *„Сибирская Живая Старина"* № 1. В печати находится *„Известия ВСОРГО"* т. XLVI, в. 2, со статьей А. В. Львова. *„Геологическая история долины р. Иркута"*.

Публичные доклады исследователей. За вторую половину 1923 г. состоялись доклады М. М. Тетяева: *«Ангаро-байкальский бассейн в его недавнем геологическом прошлом.* И. Ф. Молодых *„Исследования судоходного состояния р. Селенги в пределах Монголии"*. Б. Г. Кубалова *„Новые материалы о декабристах. Декабристы и майор Кучевский"*. В. И. Подгорбунского *„Представления о детских болезнях у бурят"*. Кроме того по вторую годовщину смерти В. Г. Короленко был устроен вечер докладов на тему *„Короленко и Сибирь"*. Были прочитаны доклады П. К. Казариновым: *„Короленко в Сибири"* и М. К. Азадовским: *«Сибирь в творчестве Короленко»*.

В этом же году приступлено к осуществлению идеи об организации цикла *популярных лекций*. Первая была прочитана лекция А. В. Львовым *„Япония на катастрофа в освещении современной геологической науки"*. Члены отдела принимают живое участие в организованных Научным Музеем воскресных популярных лекциях и чтениях.

Работа секций. Историческая секция имела ряд заседаний, на которых были заслушаны доклады: В. И. Веселова *„К истории села Голоустного"*, Н. С. Романова *„О сибирском библиофиле, Г. Юдине"*. Б. Кубалова *«О самозванцах в Сибири»*, М. П. Горлова *„О нождже в Братский Острог"*. В порядке осуществления одной из очередных задач секция намерена приступить к регистрации и изучению памятников древности Селенгинского края и к устройству выставки «Иркутск в старину».

Во второй половине 1923 г. организовалась секция землеведения. Работы секции начались с доклада С. Н. Лаптева *„Донный лед и его образование на р. Ангаре"*. В ближайшее время намечены доклады И. Ф. Молодых «Ано-Майский район в этнографическом и экономическом отношении»; Г. А. Арцыбашева «Об исследовании радиоактивности минеральных источников Вост. Сибири».

Наиболее продуктивной была деятельность в отч. году этнологической секции. Работами членов секции удалось осветить многие вопросы в области изучения доисторического прошлого края. *Археологические обследования* производились членами секции: Г. П. Сосновским, Б. Э. Петри, П. П. Хороших, О. И. Толстихиной, Г. Ф. Дебец.

Б. Э. Петри—в долине реки Лены, где им выяснялся вопрос о распространении байкальской культуры по долине этой реки; им же в Монголии, в Прикосоголеском районе, где впервые были открыты стоянки каменного периода, а также производились исследования в области изучения памятников железного века. П. П. Хороших на острове Ольхоне и на северо-западном побережье озера Байкала, где им производились археологические исследования, начатые еще в 1921 году: открыты новые доисторические стоянки и другие памятники глубокой древности. В. И. Подгорбунским в районе Аларской степи были открыты новые доисторические стоянки. В. И. Сосновским в долине реки Ангары, у села Сухожского была открыта стоянка ново-каменного века. О. И. Толстихиной производилась раскопка доисторической стоянки у деревни Ерши. Членом-сотрудником ВСОРГО Г. Ф. Дебец были осмотрены доные стоянки в долине р. Селенги; им же установлены следы неолита по р. Убукуну. По Селенге найдено три новых неолитических стоянки.

Этнографические исследования были направлены в область изучения русского старожилого и туземного населения Прибайкалья. Изучение русского населения производилось М. К. Азадовским, Г. С. Виноградовым, А. М. Поповой; по диалектологии работает Н. Я. Черных. Последним приготовлена к печати работа «Житие протопопа Аввакума, как памятник сев.-велик. речи». А. М. Поповой было совершено две поездки в с. Распутино (по р. Ангаре) для собирания фольклорных материалов, в частности по народной медицине. Б. Э. Петри во время археологической поездки в Прикосогольский район, попутно производились наблюдения над экономическим бытом монголов.

Над изучением бурятского населения работали П. П. Хороших, В. И. Подгорбунский и О. А. Зеленкина. По тунгусам работал Е. И. Титов. Б. К. Пашков работал над изучением японских сказок.

Кроме того, секцией велась работа по изучению и собиранию образцов народного искусства руского старожилого населения и туземцев Прибайкалья (Работы Б. Э. Петри, П. П. Хороших, А. Н. Турунова, Д. А. Болдырев-Казарина, Г. С. Виноградова. Д. А. Болдырев-Казарин и П. П. Хороших готовят к печати работу об орнаменте северных бурят.

Антропологические обследования за отсутствием у секции необходимых антропологических инструментов не могли быть проведены в достаточной степени.

О результатах поездок членов секции за 1923 год докладывалось на очередных заседаниях секции.

Работа отдельных членов ВСОРГО по поручениям Расп. Комитета.

Поручений было дано значительное количество. Из наиболее выдающихся работ, имеющих литературное

значение, следует указать: работу В. Н. Флоренсова, уже приготовленную окончательно к печати, *«Обзор монгольских ксилографов библиотеки ВСОРГО»* и П. Баторова по редактированию трудов покойного М. Н. Хангалова; А. Н. Турунов по поручению Отдела подбирает материалы для составления словаря научных деятелей Сибири.

Астрономическая обсерватория ВСОРГО. Научные наблюдения ведутся несколькими лицами из числа членов Отдела. Для посетителей Обсерватория открыта с 11 апреля. Посетило ее свыше 900 человек. Заведующим состоит Р. С. Пророков.

Библиотека ВСОРГО. В связи с оживлением деятельности ВСОРГО и усилением обмена изданий библиотека за отчетный период значительно пополнилась. До 1 января 1923 года поступило 2658 книг и 94 книги период. изданий, в том числе несколько иностранных изданий.

Работа Распорядительного Комитета. Эта работа сводилась, главным образом, к административно-организационной, к участию в музейном совете и т. п. Распоряд. Комитет в текущем году работал в составе: председ.—П. К. Казаринов, тов. пред.—А. В. Попов, правит. дел—С. Н. Лаптев, члены: М. К. Азадовский, Б. Н. Артемьев, М. В. Муратов, А. Н. Турунов, И. Ф. Молодых, В. И. Подгорбунский.

Средства Отдела помимо правит. ассигнований состояли из ряда пожертвований в виде постоянных ассигнований. Такие ассигнования делались: Губисполкомом до октября (25 р.), Сельсоюзом (10 р.), Лесоюзом (10 р.), Буркопсоюзом (10 р.), Якутреспубликой (25 р.; с января 1924 г. ассигнование прекратилось); кроме того единовременно было получено от Бурревкома 100 руб.

В связи с получением нового устава Отдел в ближайшее время переходит на нормальный устав краеведческих организаций.

Расп. Ком. совместно с другими общественными и научными организациями принимал участие в торжественной встрече знаменитого путешественника Свен Гедина. От имени Расп. Комит. было произнесено следующее приветствие (на немецком языке):

«Ваше имя пользуется всемирной известностью и именно нам—представителям географической и геологической науки должно быть в особенности близко имя исследователя—пионера Центральной Азии.

Благодаря Вашей энергии стали нам известны огромные пространства малодоступных пустынь Гоби и Такла-Макана, а также бесконечные площади Тибетского плоскогорья, остававшиеся до Вашего путешествия совершенно не исследованными, и пестревшие на картах Евразии белыми пятнами—подобно крайним полярным областям.

Ваше имя тесно связано с проблемой Лоб-Нора, исследованием бассейна Тарима. Кто из нас не разделял Вашего огорчения, которое Вы должны были испытывать, повернув в Ладак, не доходя всего лишь 2 миль до Тенгри-Нор, почти у ворот священной и загадочной Лхассы.

Только Вам мы обязаны своими знаниями о богатстве и разнообразии природы Центральной Азии, о рельефе ее поверхности, знакомством с культурой, религией и историей ее обитателей.

И мы глубоко убеждены, что не одной только Вашей «счастливой звезде» обязаны Вы своими исключительно плодотворными достижениями, как путешественник исследователь. Нет, Вы обязаны в своих достижениях Вашему прирожденному таланту, Вашей энергии, Вашей настойчивости. Вот почему Вашим девизом были: Qui ne risque ne gagne.

И только «вперед» слышалось Вам в порывах ветра в пустыне. только «вперед» говорил Вам звон караванных колокольчиков. «Лучше тысячу и тысячу медленных, тяжелых шагов вперед к цели, чем один лишь шаг назад».

Непреклонная воля, терпение, настойчивость, непоколебимая вера в счастливый исход, редкое самообладание в минуты опасности, жизнерадостность вот Ваши единственные сотоварищи в Ваших тяжелых и опасных экспедициях, и только эти спутники были Вашими верными помощниками в летучих песках пустыни, Памире и на гигантских плоскогорьях Тибета.

И если, по Вашим словам, Пржевальский является самым выдающимся исследователем Азии со времен Марко Поло, то разрешите нам, представителям Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества и Российского Геологического Комитета, присоединить к этим именам также имя Свен Гедина, имя всемирно известного путешественника исследователя.

Представителями Расп. Кол-а в торжественной встрече Свен Гедина были С. Н. Лаптев и Б. Н. Артемьев.

II.

Иркутский Научный Музей в 1923 г.

Вторая половина 1923 года и начало 1924 г. в жизни Иркутского Научного Музея отмечается укреплением организационно-хозяйственной стороны и расширением научно-исследовательской и культурно-просветительной работы.

Организационно-хозяйственная деятельность выразилась в создании Музейного Совета где ВСОРГО имеет расширенное представительство руководящего научной жизнью Музея и Коллегии Музея, ведающей собственно хозяйственную часть.

Работники Музея имели ряд научно-исследовательских поездок: Г. П. Сосновский для обследования палеолитических стоянок в окрестностях г. Красноярска (Военный Городок, Переселенч. Пункт, по р. Бугач и др.); К. И. Померанцев для зарисовки этнограф. материалов на о. Ольхон; П. П. Хороших для археолог. и этнограф. исследований на о. Ольхон; В. И. Подгорбунский с теми же целями в Аларскую степь. Две последние командировки совместно с Вост.-Сиб. Отд. РГО.

Кроме того Музеем были даны поручения сотрудникам: О. И. Толстихиной—по сбору археологич. материала в окрестностях Иркутска и студ. Леонову по сбору этнограф. материалов в Прибайкалье.

Стационарно вели работу в Музее: А. М. Попова по обработке этнограф. материала Балаганск. уезда; В. С. Буров и Т. С. Симонова по определению и приведению в порядок энтомологических коллекций; М. М. Устьянцев—по прикладной энтомологии.

За этот период Музей пополнился значит. археол. коллекциями (результат поездок П. Хороших и В. Подгорбунского) и этнографическими (переданными Монголо-бурятским выстком). Произведены некоторые изменения в расстановке этнограф. коллекций: распределение по народностям (а не по этнограф. категориям, как было до сих пор).

Музеем выпускается I-й том «Записок Иркутского Научного Музея» с работами: М. М. Устьянцев «Краеведческая работа и Иркутский Музей»; Г. П. Сосновский «Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска»; он же «Остатки доистор. прошлого в с. Распутине»; Г. Виноградов и П. Черных «Русские говоры средней части Тулунского уезда»; Е. И. Титов «Очерк звероромышленности у тунгусов Киренгирского рода промысел соболя»; С. Н. Лаптев «Балаганский Острог»; А. Попова «Крашение тканей у кр. с. Распутина»; В. И. Подгорбунский «Клеменс, как археолог».

Музеем развита и культурно-просветительная работа, выразившаяся в руководстве экскурсиями и чтении научно-популярных лекций. Всего Музей посетило в 1923 г. 125 экскурсий в картин. галлереи 80. Отмечается внимание к Музею деревни.

В целях объединения краеведческой работы, созыва и объединения молодых краеведов из учащейся рабочей и крестьянской молодежи, популяризации и выпуска в обиход научно-исследовательского материала работников Музея, организовано чтение лекций с демонстрацией коллекций в стенах Музея. Наиболее удачные лекции постановлено повторить в рабочих дворцах и клубах, как в целях просветительных, так, главн. обр. для привлечения интереса рабочих масс к созданию дела музеев и краеведческой работе.

Намечены и частично прочитаны следующие лекции: «Следы доисторического человека в Сибири», «Железный век Прибайкалья», «Происхождение оз. Байкал», «Природа и люди Сибири», «История Иркутска и его экономическое значение», «Народная медицина в Иркутской губ.», «Фауна Байкала», «Электрификация Иркут. губ.», «Методы краеведческой работы» и др.

Иркутский Губпрофсовет пошел навстречу культурно-просветительной работе Музея и ассигновал некоторую сумму на постановку научно-популярных лекций в рабочих клубах.

В настоящее время поднят вопрос о подыскании более подходящего помещения для картинной галлереи и естеств.-истор. музея. Для первой предполагается известный дом Бутиных.

III.

Раскопки Г. П. Сосновского и Н. К. Ауэрбаха.

Летом 1923 г. в окрестностях г. Красноярска действ. членами Географического о-ва: Красноярского отдела Н. К. Ауэрбахом и Восточно-Сибирского Г. П. Сосновским при участии палеонтолога В. И. Громова были произведены раскопки палеолитической стоянки на склоне Афонто-

вой горы у дачи быв. Юдина. Остатки древне-каменного века залегали в лессовидном суглинке на глубине 5 метров от поверхности земли и образовали мощный культурный слой (до 50 см. толщиною) черной окраски, который весь был переполнен расколотыми костями животных и птиц, каменными осколками и орудиями, костяными изделиями, золою, древесными угольками, обожженными камнями и пр. Раскопками был обнажен участок стоянки в 38 кв. метров. Особенное скопление культурных остатков наблюдалось в том месте, где группировались кости мамонта: вокруг их были обнаружены кострища, предметы технической деятельности человека и масса кухонных отбросов. На указанной площади стоянки было найдено 12 цельных коренных зубов мамонта, некоторые из них находились в челюстях, много обломков бивней (два по 1 метру длины) 8 позвонков, тазовая кость, расколотые трубчатые кости этого животного, и другие.

Всего костей и зубов животных убитых первобытными охотниками собрано свыше 10 пудов.

Кроме мамонта определены остатки северного оленя, лошади, бизона, волка, исполинского оленя, сайги, росомахи, грызунов, а также кости птиц. Каменных орудий и костяных изделий при раскопках найдено свыше 250, не считая нуклеусов и ножевидных пластинок. Каменные осколки и вообще отбросы производства исчисляются тысячами. Среди предметов каменной индустрии имеются: широкие скребла, скребки различного типа, остроконечники листовидной формы, нуклеусы-скребки, листовидное орудие, массивные ручные орудия с острием, мелкие и изящные проколки, шилья, резцы, ножи, клиновидные грубо оббитые топоры и проч. Техника обработки орудий односторонняя. Костяных изделий на стоянке обнаружено меньше, чем каменных. Из костяных орудий необходимо отметить: продолговатые наконечники копий, долото, разнообразные шилья, скребки и пр. Интересны украшения. К числу их относятся просверленные зубы мелкого хищника, бусины цилиндрической и круглой формы, пластинка из мамонтовой кости с тремя отверстиями и пр. Самой замечательной находкой являются два обломка костей человека (лучевой и локтевой), залегавших вместе с костями мамонта, северного оленя и других животных, среди общей массы кухонных отбросов.

Общее значение работ Г. П. Сосновского и Н. К. Ауэрбаха, таким образом, сводится к следующему:

1. Найден на стоянке мощный культурный слой.

2. Обнаружены совместно с остатками технической деятельности человека обожженные и обработанные кости мамонта, что дает возможность говорить об одновременности существования человека с мамонтом на берегу р. Енисея.

3. Богатые находки в области палеолитической фауны позволят при дальнейшем исследовании установить физико-географическую среду, окружавшую первых насельников края.

4. Сделана первая находка костей четвертичного человека в Северной Азии.

5. Констатируются впервые для Енисейского палеолита украшения.

6. Найдены в большом числе при точно установленных геологических условиях залегания разнообразные каменные и костяные орудия, которые являются надежным материалом для характеристики красноярского палеолита.

IV.

Работа на местах.

О деятельности на местах мы располагаем весьма скудными сведениями. Несмотря на то, что редакцией был разослан целый ряд обращений к различным лицам и учреждениям, ответы с мест были крайне скудны; их почти что не было. Нужно сознаться, что о деятельности Костромского или Рыбинского краеведческого общества мы осведомлены гораздо больше, чем, напр., о Владивостоке. Между тем в связи с развитием Владивостокского Университета естественно надеяться на усиление там краеведческой, в частности, этнографической работы.

Отсутствуют также сведения и из Читы. Впрочем, по частным источникам, можно судить о некотором затишье в научной работе Читы[1]. Образовалось новое научное общество в Верхнеудинске: «Бурято-монгольское научное общество». Благодаря наличию в нем таких деятелей, как Б. Барадийн, Н. Н. Кольмин, В. Гирченко, можно ожидать большого оживления в деле этнографического изучения Прибайкалья.

В Благовещенске действует «Научно-экономическое О-во» под председательством А. Н. Лагутина. Уже самое название говорит об основных задачах О-ва: о специально-этнографических изучениях в сфере деятельности этого общества пока нам ничего неизвестно.

В Красноярске в тек. году вышел очередной том «*Известий Красноярского Отдела Русского Географического Общества*», т. III в. 2. Благодаря помещенному в нем отчету о деятельности Отдела за 1911—1922 года, имеем возможность судить об этнографических и смежных изучениях последних лет. Работа Отдела, интенсивно ведущаяся еще в 1919 г., совершенно замерла в 1920 г. и только с 1921 г. вновь начинаются научные доклады, ведется работа по музею и т. д. В 1921 г. на общих собраниях были заслушаны доклады: В. М. Крутовского *о Г. Н. Потанине*; А. Я. Тугаринова: 1) об *А. П. Ермолаеве*, 2) *о деятельности Р. Г. О-ва в деле изучения Сибири*. И. В. Тюшнякова *Памяти С. Д. Майнашева*, А. А. Савельева «*Поездка на р. Кеть в 1920 г.*; В. В. Головни *об Енисейском крае 100 лет тому назад (по путешествию проф. Ганстена)*; Н. И. Воробьева *о поездке на р. Чуну в 1920 г.*; А. Н. Соболева «*В краю юраков летом 1921 г.*»; В. А. Смирнова: 1) *Памяти А. Гневушева* и 2) *К истории г. Красноярска*. В том же году состоялся доклад известного путешественника П. К. Козлова «*Монголо-сычуанская экспедиция и мертвый город Хара-Хото*».

В 1922 г. состоялись доклады А. Тугаринова: 1) *о Каратской экспедиции* и 2) *История изучения Приенисейского края*; И. И. Дра-

[1] В последнюю минуту получено известие о подготовке Читинским музеем краеведческого сборника.

нишникова *«Северный морской путь и его значение»*; В. А. Смирнова *«Енисейский край в XVIII в. по Гмелину»*; Д. Е. Лаппо *«Культурное развитие и революционные тенденции населения Енисейской губ.»*

Экспедиций и научных поездок, судя по отчету, за период 1920—1922 г. не было. Издательская деятельность, прерванная в 1915 году, возобновилась только в 1923 г.

В этом же №-е рассказывается подробно история музея. Как известно в 1915 г. было вчерне достроено новое здание музея. Но по условиям военного времени здание сразу же было приспособлено сначала под казарму, а потом под лазарет. Революция и последовавшая за ней гражданская война, казалось, уничтожила все возможности довести постройку до желанного конца. Но все же, в 1919 г. некоторый почин был сделан Енисейским земским самоуправлением и поддержан Енисейским союзом кооперативов.

В 1920 г. с приходом Советской власти в план государственного строительства были включены работы по окончанию здания музея, но, в связи с общим кризисом, постройка оставалась только проектом. В мае 1920 года по роковой случайности здание подверглось пожару.

Между тем потребность в новом здании громадна. С 1911 года количество коллекций музея увеличилось в три раза, не считая библиотеки. Музей Приенисейского края по современному масштабу работы, числу объектов и подбору их является одним из крупнейших в Сибири и тяжелое его положение больно чувствуется всеми работниками краеведения в Сибири.

За свои фотографические коллекции, экспонированные на с.-х. выставке в Москве музей получил диплом первой степени.

В 1923 г. Музей сумел все же частично развернуть свои коллекции. Уже выставлены отделы археологии, русского старожильческого населения, палеонтологии и зоологии. По инициативе Красноярск. Отд. Р. Г. О. в центре поднят вопрос об объявлении знаменитых красноярских «столбов» заповедником.

На общих собраниях в 1923 г. читались доклады: С. А. Теплоуховым о результатах своих работ в Минусинск. крае и Обручевым по геологии.

В Минусинске в 1923 г. выпущены два научных издания: *Сборник Минусинского музея* с работами В. И. и И. В. Кожанчиковых по энтомологии и ихтиологии и работа В. А. Ватина: *Город Минусинск в XVIII веке*. Богатые археол. коллекции музея этим летом частично разрабатывались и приведены в академический порядок С. А. Теплоуховым.

По сведениям, полученным из Томска,[1] этнографическая работа там почти отсутствует. Правда, существует Отделение Этнографии при Томском Доме Просвещения, но оно проявляет жизнь лишь в особо исключительных случаях: напр., в годовщину смерти Г. Н. Потанина, по случаю смерти Д. Н. Анучина. В начале 1923 года была организована

[1] Сведения из Томска сообщены М. А. Слободским.

выставка «Памятники архитектурной старины Западной Сибири», где было выставлено более 550 экспонатов. Крупной новостью является полное приведение в порядок Археологического Музея при Университете. Заведующим состоит в настоящее время проф. А. К. Иванов. Огромное значение имеет для всех научных деятелей недавнее постановление Томского Губисполкома. Губисполком обратил внимание на бедственное положение кузнецких инородцев и образовал комиссию для изыскания мер помощи.

В настоящее время поднят вопрос об организации в Томске областного Бюро Краеведения.

Буквально героическую борьбу за существование вело Общество Изучения Края при Музее Тобольского Севера. Несмотря на исключительно трудные условия, Музей ожил уже в 1920 году.

С 1921 года возродилась и исследовательская работа. Особенно нужно отметить отношение к Обществу и Музею местного Исполкома и Экономсовещания, выделивших на содержание его известную часть местных налогов.

К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений о работе О-ва в 1923 г., но в 1922 г. состоялось семь научных заседаний, организован ряд научных поездок и возродилась работа секций при музее.

При Музее организован Кабинет изучения Ермака. Из секций наиболее энергично действовали орнитологическая секция и секция по охране памятников старины и культурных ценностей. К сожалению, отсутствие средств мешает последней практически закрепить результаты своей деятельности. Основные задачи: сохранение разваливающегося Искера место столицы сибирского царства Кучума ценнейший исторический памятник древней татарской культуры; сохранение могил декабристов (Вольфа, Муравьева, Кюхельбекера, Барятинского); поставлен вопрос о сохранении памятников русской революции, которых в Тобольске одном из центров сибирской политической каторги не мало.

В Якутске, в 1920—21 г. существовал подотдел исследования Сибири. С объявлением Автономной Якутской Республики при НКП открыт Научный Отдел, функции которого в настоящее время выполняет Якутское Краевое Географическое Общество. (О выпущенных в 1923 г. изданиях—см. в статье П. К. Казаринова). Якутский Музей расширен, открыт для посещений и доступен для работ.

В 1920—21 г. возник окружной музей в Вилюйске.

В качестве особенно отрадных фактов краеведческого движения необходимо отметить открытие ряда новых очагов и в других небольших и глухих уголках Сибири. Организован Кружок изучения местного края в Тайшете. Организуется небольшой местный музей при курорте Шира. В Тулуне просуществовавший десять лет отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта преобразован летом 1923 г. в *Общество изучения Тулунского уезда*. В ближайшее время О-вом выпускается ряд программ и инструкций этнографического характера. Приступлено к организации при обществе собрания картин сибирских художников.

V.

Сибирские изучения в центре.

Работы по изучению этнографии Сибири в центре велись почти исключительно в Ленинграде, группируясь вокруг Русского Музея и Академии Наук. Северным Отделом Постоянной Комиссии по изучению производительных сил России (КЕПС) подготавливается под руководством А. Ф. Шидловского «Указатель всех библиографических трудов, касающихся севера России и Сибири». Там же ведется разбор алфавитного картонного материала, собранного Г. Е. Грум-Гржимайло, с разделением его на отделы: Север Европейский и Сибирь. Главным образом работа по изучению Сибири ведется в Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС). Сибирским отделом КИПСА руководит Л. Я. Штернберг. В тек. году деятельность отдела сводилась по преимуществу к составлению племенных карт. С. И. Швецовым закончена работы по составлению племенной карты Кузнецкого Алтая; С. А. Теплоуховым составлена карта племен Минусинского края; А. А. Макаренко такая же карта Енисейской губ. В дальнейшем намечены работы по составлению племенной карты самоедов, остяков и вогулов Томской и Тобольской губ. под руков. Д. А. Золотарева; А. Н. Самоловичем составляется карта турецких племен южной части Тобольской и Енисейской губ. Карты для племен севера составляются И. И. Мальковым и В. Г. Богоразом.

Этнографическим Отделом Русского Музея был организован ряд археологических и этнографических поездок в Сибирь: С. И. Руденко и А. А. Макаренко в Забайкалье и С. А. Теплоухова в Минусинский край. Последними произведены большие раскопки погребений каменного, бронзового и железного век.; всего раскрыто 75 могил.

В «Трудах КИПСА» напечатана работа покойного С. К. Патканова «Список народностей Сибири».

В Москве при Русском Библиографическом Обществе при Моск. Унив., организована комиссия сибирской библиографии. Основной своей задачей комиссия ставит научно-библиографическое описание произведений печати с 1917 г., относящихся по содержанию к Сибири, Киргизскому краю, Уралу и Приуралью, а также и описание библиографических материалов, изданных за тот же период времени и относящихся по содержанию к писателям, деятелям и уроженцам названных территорий.

В настоящее время комиссией составлено уже свыше 1000 карточек на произведения, помещенные в главнейших сибирских и столичных журналах, повремен. издан. ученых учреждений. Кроме того, в распоряжении комиссии имеются два карточных каталога повремен. изданий Сибири и Киргизского Края за 1917—1923, составленные Е. Г. Кисляцыной (не советские издания) и К. П. Протопоповым (советские издания).

П. К. Казаринов.

VI.

СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Краткий библиографический обзор последних лет.
1920—1923.

Краеведческая работа характеризуется целым рядом отличительных и ей одной присущих признаков.

Прежде всего она является сложением весьма различных и разнородных исследовательских сил. В этой работе объединяется исследовательский труд и историка, и этнографа, и археолога, и зоолога, и ботаника, и художника...

Что общего между ними и что объединяет их? Во-первых, объединяющим является предмет приложения этих сил край, область. Во-вторых, объединяет попутность, связность и взаимозависимость процессов работы, т. е. единство методологического достижения поставленных задач.

Нетрудно видеть, что понятие края с научной точки зрения должно бы являться конгломератом явлений самого различного порядка, но разнородность их связана, сцеплена и слита. Эта связность локального характера. Она закреплена фактом сосуществования явлений в условиях места, времени и взаимоотношения. От географических условий зависят естественные границы края, характер его флоры и фауны, характер и расселенность населения, экономика населения и пр. Экономика обусловливает культуру этого населения и обратно воздействует на природные условия края: приспособляет их и приспособляется. Исторически-длительное сосуществование различных национальных типов дает новый этнографический (областной, краевой) тип.

Край, область—сила творческая, организующая.

Это указанное локальное единство разнообразных явлений определяет и обособленность края, как предмета научного изучения.

Для представителя каждой исследующей край науки он интересен, конечно, по своему, но представители всех исследовательских дисциплин глубоко заинтересованы в продукции друг друга и точном ее учете. Эту органическую связность работы краеведи чувствуют весьма глубоко. Отсюда необходимость объединения краеведов и согласованность их работ.

Еще имеется отличительный для краеведной работы признак: это непосредственность, приближенность исследователя к предмету его изучения. Краеведная работа особенно сильна своим низовым аппаратом, распределенным в гуще населения края, в непосредственном соприкосновении с его живой и мертвой природой.

Краевед—это чернорабочий науки. Он роется в пыли архивов, он работает в поле по сборам, плавает на душегубке, цепляется по горным отвесам, мерзнет среди льдов севера, голодает в безлюдных переходах, коптится у очага юрты, копает землю...

Он может и не быть местным жителем, может и не быть «патриотом» края и радетелем изучения его быта. Это необязательно. Разве мы не знаем пришлых и чужих краю, в частности Сибири, исследователей, которые своею жизнью запечатлели преданность делу краеведения? Здесь, на страницах издания В.-С. Отдела Р. Г. О-ва, будет уместно вспомнить имя несибиряка А. П. Дегтярева и обстоятельства его смерти. А целая вереница значительных, известных, не только в сибирском, но даже во всероссийском масштабе, имен политических ссыльных времен царизма! Именно они были пионерами краеведения в далеких дебрях сибирского севера, они заронили искру изучения края среди безынициативных и косных аборигенов, они влили в краеведческую литературу свои ценные вклады, они оживляли работу местных краеведческих центров. Семидесятилетняя история ВСОРГО может представить многочисленные иллюстрации всему этому. И это сделали невольные пришельцы-изгнанники.

...Влюбленные в Россию, мы не могли уже разлюбить и Сибирь, по настоящему и всегда заглядывали в очи скудной якутской красавице, вздыхая о другой, и все обращали глаза свои на запад. С падением царской власти Сибирь перестала быть страной изгнания. Вместе с тем русская революция создала новые условия: культура края передана в руки трудящихся. На глухих окраинах культурным оплотом встали автономные республики, задача которых не ждать культурных приношений, а призвать к деятельной работе собственные силы.

Вместе с этим мы должны вступить и в новую эру краеведения. Если в прежнее время Сибирь изучалась учеными, приезжавшими сюда из столиц с многолюдными экспедициями, на которые население смотрело, как на лишнюю тяжелую гоньбовую повинность, если в прежнее время Сибирь изучалась ее невольниками ссыльными, то в наши дни познание края должно стать делом самого края, делом его населения.

Каждый значительно населенный пункт (нечего говорить о городах), не имеющий краеведческой организации или хотя бы надлежаще поставленной краеведческой корреспондентуры, похож на село без школы. Здесь не изучают края и как будто нет живых сил к познанию его... А силы эти, несомненно, есть, они должны быть, их не может не быть, так как *нет ничего демократичнее в науке, чем краеведение*.

Для рядового работника в краеведении нужна только простая образованность. Внешкольное образование может быть верным и деятельным союзником краеведческого движения, мобилизуя на местах кадр краеведов-наблюдателей и корреспондентов. А далее уже необходима инициатива и инструктаж со стороны краеведческих организаций.

---

[1] Таш. «Короленко и сибирская школа писателей». Петерб. сборник памяти Короленко. II. 1922.

Представьте себе такого первичного работника—краеведа без связи с инструктирующей, обслуживающей и одушевляющей его организацией. Он потеряет нить работы, забросит свои промеры, записи, снимки, изыскания... Укрепите эту связь и обслуживание и маленький работник вырастет в большого. Назовем любого из краеведов-аборигенов, напр., М. Н. Ханталова. Его биография четко и определенно укажет нам на значение краеведных организаций для развития и углубления работ отдельных деятелей.

Наличность краеведных организаций дает инициативу, темп, четкость и полноту для работ отдельных исследователей. Одна работа порождает другую, возникает психологическое внушение работы и соревнование в выполнении ее. Возможно, что мы сказали старую истину, но она нова и злободневна в наших сегодняшних условиях.

После длительного затишья наступили дни, когда голоса краеведов громко начинают звенеть о наличии разрастающейся работы. Краеведное движение повсюду становится движением общественным и обещает дать бурные всходы. Учет этому движению делает Центральное Бюро Краеведения при Рос. Академии Наук. Доказательством наличности интенсивного нарастания краеведной работы служит многолюдность и исключительная оживленность только что закончившейся 5 сессии Центр. Бюро Краеведения, многочисленность вновь возникших краеведных организаций, возрождение и расцвет старых организаций этого же порядка, обилие повсеместно издающейся краеведческой литературы и повременных краеведческих изданий. Наличность данного движения—есть симптом здоровья и присутствия сил на местах. Необходимо воспользоваться этим и принять всякие меры к учету, к сохранению этих сил, и к привлечению новых.

В прошлом нам нечем гордиться в краеведном деле, хотя и были большие труды, большие имена: сделано еще мало, во всяком случае в Сибири. На эту тему много писалось, говорилось, не раз подводились скудные итоги. Наиболее отчетливо и полно суммировал весь прошлый путь сибирского краеведения съезд по организации института по исследованию Сибири, происходивший в 1919 году в Томске. Отсылаем к «Трудам» этого съезда, изданным в том же году в Томске под ред. проф. Б. П. Вейнберга[1].

С тех пор прошло немного времени и накопилось немного краеведных достижений, но за этот период сибирское краеведение должно было выдержать экзамен своей общественной зрелости и жизнеспособности. Между 1919 годом и нашими днями залегла целая эпоха. Годы революционного строительства, многим осложненные в Сибири, поставили в очередной проработке в порядке ударности другие насущные вопросы нашей общественности и экономики. Было не до краеведения, не до будничной научной работы, характеризующейся планомерным, спокойным

[1] «Труды Съезда по организации Института исследования Сибири». Т. 1919.

и медленно-поступательным движением. Никто, никогда и нигде не оспаривал необходимости и полезности краеведческой работы, но эта работа одиночек и разбросанных ячеек была изолирована, мало сочеталась и не поощрялась.

Длительный период былой и пережитой экономической разрухи убил слабые бюджеты поместных краеведческих организаций, надолго приостановил их издательскую деятельность, но самые организации выжили и при первой же оттепели пустили свои свежие побеги.

Этот факт жизнеспособности констатирован в минувшем году Ц.Б.К. в письме ко всем краеведным организациям Сибири. «Московское отделение Ц.Б.К. заслушало в очередных своих заседаниях целый ряд докладов и сообщений представителей краеведческих учреждений Сибири о работе, ведущейся названными учреждениями. Целый ряд письменных отчетов, полученных отделением, значительно дополнил нарисованную картину. Учитывая указанное, отделение с большим удовлетворением отмечает ту часто энергичную и плодотворную работу, которая при самых неблагоприятных условиях ведется многими краеведческими учреждениями Сибири».

Сибирское краеведение в наши дни еще не вступило в полосу творческого развития вширь и вглубь, но зарекомендовало и свою жизнеспособность, и наличие своих сил, способных к росту и неустанной работе. Было бы ошибкой видеть отмеченное нами движение лишь в росте интенсивности работ краеведческих обществ, кружков и других свободных ассоциаций краеведов. Считаем нужным по поводу этого оговориться. Краеведная деятельность выявляется преимущественно в трех организационных формах: государственно-ведомственной, академической и в свободных ассоциациях. Каждая из этих форм имеет свои признаки и свои достоинства и недостатки.

Государственно-ведомственная форма краеведной работы имеет под собой наиболее выгодный фундамент обеспеченности средствами, материалами, инструментарием и пр. Государству легко бросить силы и устранить всякие препятствия. В тоже время следует иметь ввиду, что эта форма касается лишь тех отраслей краеведения, которые государству практически необходимы и способствуют осуществлению его производственных или финансовых программ (горное дело, статистика, пути сообщения, сельское хозяйство). Далее эта форма объединяет лишь данных специалистов в процессе сотрудничества, но не создает связности между всякими исследованиями этой же специальности. Нужна междуведомственная и даже вневедомственная связь. Наконец, выполнение ведомственных задач большею частью не связано с организационным вовлечением краеведной работы в массы населения.

Академическая форма краеведной работы, как таковая, есть учебная, лабораторная и замкнутая в себе работа. Очень характерно, что академические краеведы всегда стремятся создать при университетах или академиях краевые общества (о-во естествоиспытателей при..., о-во этнографии и археологии при... и т. д.) и, таким образом, все осуще-

ствления своих академических задач по краеведению, влекутся к форме свободной ассоциации.

Третья форма краеведных организаций — свободная ассоциация — является автономно самобытной и наиболее эластичной формой, которая не только не может быть отрицаема при наличии ведомственного и академического краеизучения, но сама поддерживает, оживляет и укрепляет их. Понятно, что краеведное движение проявляется главным образом в усилении и нарастании свободных ассоциаций краеведов. Эти ассоциации способны к проникновению в глухие закоулки края. В эти ассоциации открыт доступ каждому недипломированному краеведу и в них получает он первое приобщение к практической работе познания края.

Обзор сибирского краеведения за последние годы мы должны бы произвести в полной его продукции, т. е. по всем его формам. Сделать это всесторонне и исчерпывающе в данное время нет возможности, так как не установилась еще необходимая связь и результаты работ не выявлены в распубликованных отчетах. Ввиду этого приходится ограничиться обзором лишь внешней продукции сибирских краеведных организаций, а также учесть и те издания краеведного характера, которые заслуживают упоминания, хотя и происходят не от специальных краеведческих организаций. Примером последних может служить сибирская кооперация.

Настоящий краткий библиографический обзор дается по материалам, имеющимся в библиотеке Вост. Сиб. отдела Р. Г. О-ва, и уже в силу одного этого не может претендовать на полноту, но это лишний раз подчеркнет необходимость деятельного и тщательного книгообмена между краеведами. Этот обмен изданиями, к сожалению, еще не вполне налажен и чувствуется недостаток связи, который должен быть без промедления изжит.

Начнем обзор с бывшего и старейшего сибирского центра Тобольска. Всякий сибирский краевед живо интересуется и дорожит *Музеем Тобольского Севера*. Всякому памятны и ценны «Ежегодники» этого музея, приостановившиеся своим выходом с 1918 года. С большим удовлетворением поэтому следует отметить наличные признаки оживления работ тобольских краеведов в 1922—1923 г.г. До 1922 г. местные краеведы ограничивались некоторым участием своими статьями и заметками по краеведению в газете «Тобольский Север», подготовляя в то же время материал к очередному выпуску «Ежегодника» музея, и, по собственному заявлению в прессе, потеряли всякую связь с краеведными организациями Республики.

В 1922 году выходит в Тобольске целая серия маленьких серых листков своеобразных краеведческих подснежников. Содержание их таково: Е. Симонов. *«Что сделано по библиографии музея Тоб. севера до 1921 г.* и *Опыт б—фии музея за 1921 г.»* (листовка); его же — *«Опыт биб-фии общества изучения края при музее Тоб. севера за 1921 г.»* (4 стр.); М. Тарунин — *«Отчет о деятельности и состоянии музея Тоб. севера и его неотложных нуждах за 1921 г.»* (4 стр.); Е. Симонов —

«*Отчет о-ва изучения края при музее Тоб. Севера*» (30 стр.) и, наконец, несколько листовок того же Симонова, посвященных П. Ершову- автору «Конька-Горбунка» (часть их пришлось издать в Омске).

Выход брошюры-отчета был целым событием и нелегким предприятием. Осуществление этого было обязано субсидии местного экономсоветания. Выпуская отчет, общество выразило надежду «восстановить былую тесную связь» музея Тобольского Севера с краеведными организациями Европ. России и Сибири и оповестило их о собственных работах (собраниях, докладах, работе секции, комиссий, работе отд. членов, об условиях работы и нуждах).

В следующем 1923 году о-во выпускает свой отчет за 1922 год (43 стр.) значительно лучшей внешности при материальном содействии местных продучреждений и кооперации (даже серая обложка пожертвование Тобоно). Здесь же помещен и отчет Тоб. музея за 1922 год, тридцатипятилетний юбилей которого был скромно отмечен в этом году, и даны сведения о состоянии Обдорского музея.

«Не изменилось, к сожалению», говорится в отчете, «материальное положение о-ва, попрежнему не обладает оно совершенно никакими средствами, не считая грошевых поступлений членских взносов. Несмотря на такие чрезвычайно неблагоприятные условия, о-во не только продолжало жить, но, что особенно важно, продолжало расширять и углублять свою работу».

Чтобы понять трагизм работы краеведов, сплотившихся вокруг своего очага музея при всеобщем равнодушии нужно прочесть эти отчеты. Местные власти поддерживают: дают средства на издание брошюры, уездо даже выносит постановление об обложении местных хозорганов на нужды музея, разверстав суммы к внесению, но... средств все-таки нет. И все-таки краеведная работа не глохнет.

Перейдем к Омску. *Западно-Сибир. Отдел Рус. Геогр. О-ва* после перерыва в своей высокопродуктивной издательности с 1919 года, когда вышел том «Известий» отдела, проявил издательское оживление в 1922 году. В этом году вышел интересно задуманный журнал «*Сибирская природа*» (№№ 1—3). Журнал посвящен вопросам естествознания и назван «популярным», хотя таковым и не является. На сибирскую почву был пересажен общеизвестный журнал «Природа». Судя по вышедшим №№. журнал имел бы значение и должный успех. Содержание журнала преимущественно краеведческое. Разнообразию в подборе статей обязана своим появлением на страницах этого органа естествоиспытателей даже самоедская сказка «Ямал-евуле» Теплоухова. Отметим некоторые краеведческие статьи в журнале: К. П. Горшенин «*Схема почвообразовательных условий лесостепной и черноземностепной полосы Зап. Сибири*»; проф. Г. Г. Петров «*Очерк растительности окрестностей г. Омска*»; М. Д. Спиридонов—«*Киргизские пустынные степи*»; проф. С. Д. Лавров—«*Естественные районы Зап. Сибири с точки зрения зоогеографа*»,

П. Л. Драверт—«*Аширит*». В. И. Верещагин—*По Чулымшану и его истокам*»; проф. С. Д. Лавров—«*По оз. Зайсану и окрестным степям*»; А. Ф. Теплоухов—«*По Ямалу*». В. В. Птицын «*Месторождение вольфрамита в Забайкалье*; проф. С. Д. Лавров «*Наблюдения над жизнью природы окрестностей Омска*»; проф. В. Д. Дудецкий—«*Температура воздуха в Омске*» и др.

Кроме журнала Отдел издал в 1922 году пять выпусков «трудов», посвященных вопросам: ботаники (Б. С. Семенов. «*Листостебельные мхи Западной Сибири*»), энтомологии (С. Д. Лавров.—«*Бабочки и гусеницы*»; он же—«*Определитель бабочек средней полосы Евр. России и Зап. Сибири*»), минералогии (П. Л. Драверт—*Определитель важнейших минералов Сибири*»).

Нельзя не сожалеть о дальнейшей приостановке издательской деятельности в следующем 1923 году, вызванной временными причинами. ЗСОРГО должен продолжать свою былую многолетнюю книжную продукцию, отражавшую творческие достижения Зап.-Сибирских краеведов.

За отчетный период наблюдается оживленная издательская деятельность *Омской сел.-хозяйственной высшей школы* в вопросах краеведения. В 1921 году вышел «*Научный Сборник Сибир. Института С. Х. и Пр.*» (стр. 63), содержащей пять статей: В. И. Баранова—«*К изучению ковылей окрестностей Омска*». В. Р. Берг—«*Меры борьбы с засухой в засушливых районах Сибири*» К. П. Горшенина—«*К вопросу об эволюции почвенного покрова Зап.-Сиб. низменности*» и др.

С 1922 года издаются «*Труды Сибир. сел.-хоз. Академии*». В томе 1-ом (стр. 95) этих «трудов» напечатаны работы: В. Берга и О. Сухотина—«*К характеристике пшениц Зап. Сибири*», В. Корш—«*Кр. очерк типов насаждений Екатерининской лесной дачи*», В. Дудецкий—«*Актинометрические наблюдения в г. Омске*»; В. Ф. Семенов—«*От Омска до Перовска через Акмолинскую область (к материалам по фитогеографии Киргизского края)*». 2-й том «*Трудов*» *Академии* вышел в 1923 г. (стр. 87+135). В этом томе отметим работы о крае: проф. Н. И. Грибанова—«*Подгородная лесная дача Сиб. с.-х. Академии*», К. П. Горшенина—«*Почвы Калачинского уезда Омской губ.*» и В. И. Баранова «*Очерк растительности Калачинского уезда, Омской губ.*» Кроме этих сборников Сиб. С.-Х. высш. школа издала еще обзор «*Учебная и научно-общественная деятельность профессоров и преподавателей Сибинститута С.-Х. и пр.* (1922 г.) и «*Сиб. С.-Х. Академия, 1918—1923 г. г.*» (1923 г. 126 стр.).

Сибирский Ветеринарный Институт издал в течение 1922—1923 г.г. пять выпусков своих *ученых трудов*. Содержанием их являются работы преимущественно по общей ветеринарии. Краеведческое значение имеют немногие отдельные работы, наприм., А. И. Акаевского—«*К изучению анатомического строения марала*» и др.

Из изданий *Сибцентросоюза* для краеведов имеет большое значение книга проф. Н. П. Огановского—«*Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на кооперативных курсах г. Омска*

в 1920 г.» (с диагр. и картограм. Ом. 1921 г., IV+175 стр. [1]. В этом же издательстве (уже в Н.-Николаевске) отметим появление труда В. Махова «*Потребительская кооперация Сибири* в процессе ее развития. Материалы по истории кооперации (1898—1920 г. г.)». Н.-Ник., стр. 241+1. За краеведно-кооперативной литературой следует признать значение исключительной важности. Экономика края должна изучаться при самом деятельном участии кооперации, а отсюда возникает естественный и дружественный союз краеведных организаций с кооперативными. Данные Центральной Книжной Палаты свидетельствуют о том, что по всей Республике (и в Сибири), в каждом губернском или областном (или и в уездном) центре издаются и регулярно выходят кооперативные [illegible]. Имея возможность издавать, кооперация уделяет весьма незначительное внимание (а иногда и вовсе не уделяет его) вопросам краеведения и не связывается в своей работе с местными краеведными организациями. Как следствие разобщенности краеведных и кооперативных организаций, является и отсутствие обмена изданиями между ними. В Вост. Сибири— это печальный факт. Все сказанное оправдывается на одном из многих примеров: на издающемся в Омске «*[illegible]*» (1922— 1923 г. г.).

Говоря об Омских краеведных изданиях, нельзя не отметить появление книг о курортах Сибири, а именно: М. П. Мультановский— «*Лечебные местности Сибири*» (Изд. Управл. курорт. Сибири, Ом. 1921 г., 42 стр.), его же—«*Три года работы курортов Сибири 1921—1923 г.: Краткий Обзор*» (Изд. Н. К. Зд., отдел леч. местн. Ом. 1923 г., 15 стр.), его же—«*Курорт Боровое, его прошлое и настоящее*» (Изд. Управл. Курорта. Ом. 1923 г. стр. 86+4 вк. л.).

Далее Омский Губзем (и др. организации) выпустили ряд изданий прикладного характера. Назовем книги [illegible]—«*[illegible] в Зап. Сибири*» (Ом. 130 стр.), «*Сибирская язва [illegible] и способы борьбы с нею*» (19 стр.), Спиридонов М. Д., «*Схема естественно-историч. образований западной половины Омской губ.*» (Ом. 1923, стр. [illegible]). П. Драверт «*Об использовании [illegible] в качестве суррогата хлеба*». (Ом. 1921, 17 стр.) и др. Среди этих вышеупомянутых работ особое место по своей своевременности занимает издание того же Губзема совместно с Зап.-Сиб. областным управлен. по опытному делу: «*Сельско-хозяйственное экономическое районирование Западной Сибири по зонально-генетическим признакам. Вып. I. Опыт обоснования районирования и районирование Омской губернии*» (Ом. 1923 г., стр. 96+8 н. с.+10 карт и диаграмм). Насколько нам известно, В. Сибирь не имеет такой работы по вопросам экономического районирования.

Омское Губэкономсовещание в 1923 году издало сборник: «*Омская губерния. 1 Здравоохранение. 2 Народное образование*» (Ом.

[1] Попутно отметим выход в издат. Ц.-Союза книги того же проф. Огановского—«*Южный Алтай (как можно использовать его богатства)*» с прил. карты. Этой книги мы не имеем в руках, а потому даем лишь ссылочные сведения.

1923, стр. 104+1). В сборнике помещены статьи К. М. Гречищева и Юрцовского.

Омская Губплановая Комиссия в том же 1923 году издала «Краткое описание Омской губернии. Предварит. описание округов Зап.-Сибрской—Омской—области» (Ом.. 1923, стр. 122+1).

Наконец Омское Губстатбюро по 1923 г. включительно издало свои краеведные работы: *«Итоги с.-х. переписи 1920 г. по Омской губернии»* (вып. 1-й) *«Итоги демографической переписи 1920 г.»* (вып. 2-й, 107 стр) и *«Бюллетень»* № 1—2.

Обозревая полевую краеведческую продукцию Омска в целом, приходится отметить, что здесь свили себе прочное гнездо интересы преимущественно сельскохозяйственные, чего нельзя сказать о других городах. Даже научные изучения края в естественно-научном отношении (минералогия, ботаника и др.). Такое направление исследовательских интересов объясняется главным образом наличием в Омске Высшей Сельско-Хозяйственной школы, Центр. Сельскохозяйств. Общества [1] и др.

Новониколаевск оказался преемником Омска по перенесении сюда сибирского администрат. центра. В связи с этим здесь свило себе гнездо ведомственное краеведение. Здесь же развернулись работы Сибгосиздата, собиравшего литературную продукцию краеведов вне зависимости от места проживания соответственно Н.-Николаевска. О жизни и деятельности здесь краеведческих организаций мы ничего до сего времени не слышали. Из ведомственных краеведческих изданий отметим *«Сборник Сибирского Статистического Управления»*. Мы имеем два сборника, вышедших в 1922 году. Отмечаем для характеристики содержания некоторые статьи из них. В сборнике 1-ом: Мерхалев Д. — *«Предвар. итоги урожая 1921 года по Сибири»*, Ирвинов Н. — *«Итоги с.-х. переписи по Сибири»*, Фомин А. — *«Питание рабоч. и сельск. населения Сибири зимой 1920 года»*. В сборнике II-ом: Киргель и Красильников *«Товарное потребление в Сибири»*, Мельников *«Предвар. итоги пром. переписи 1920 г.»*, Фомин *«Товарн. перевозки по жел.-дор. Сибири в 1913—1916 г.»*, Мерхалев *«Рождаемость за время войны и революции в Сибири»*, Киргель *«Потреб. кооперация в Сибири накануне новой эконом. политики»* и др.

В издательстве Сибстатуправления, кроме того, вышли: *«Население Сибири (по материалам Всероссийск. демограф. переписи 1920 г.)»* (Н.-Николаевск, 1921 г., стр. 163) и *«Новониколаевская губерния (статист. очерк)»* (Н.-Ник., 1921 г., стр. 40). Позже в 1923 г. вышел в изд. объединенного бюро статистики труда при Сиббюро ВЦСПС, Сибстатуправлении и Сибтруде вып. 1-й — *«Материалов по бюджетному обследованию рабочих и служащих Сибири в 1923 г.»* (Н.-Ник., 1923 г., стр. 55).

[1] Укажем на выход в 1928 г. *«Трудов»* этого об-ва, посвященных деятельности учреждений об-ва за 1920—22 г. г. (Ом., 68 стр.).

Наряду с этим и Н.-Николаевское Губстатбюро проявило небольшую издательскую деятельность: нам известна брошюра С. Гензеля— «*Сельское хозяйство в Н.-Николаев. губ. в 1917—1923 гг.*, краткий очерк под ред. Пушкарева» (Н.-Ник. 1924 г. 27 стр.).

Далее отметим книги выпущенные Сиббюро ЦКРКП (Истпарт), имеющие значение для краевой истории. Такова, во-первых, книга Н. Баранского (Н. Большой) *В рядах сибирской соц.-демократ. союза*. Сибгосиздат, Н.-Ник., 1923 г. стр. 89. В ней содержатся воспоминания автора о подпольной работе 1897—1903 гг. и о первых движениях рабочих и студенчества Сибири. Таков. во-вторых. *Сборник Истпарта № 1*, (Н.-Ник. 1923 г., 138 стр.). Сборник заключает в себе ряд материалов и статей, распределенных по трем отделам: ссылка и каторга в Сибири, партийная работа в Сибири до 1917 года и Сибирь после 1917 года.

Сибревком с сентября 1922 г. издает еженедельный журнал *Жизнь Сибири*. На протяжении двух лет весьма заметен рост этого журнала и вместе с тем увеличивающееся его краеведное значение. Задача была поставлена: «всестороннее освещение экономической и админ. хозяйственной жизни области» и эта задача выполняется удовлетворительно. Краеведу-экономисту журнал этот нужен, желательно вовлечение в него краеведных сил из разных мест Сибири. Впрочем, отмеченное Восточной Сибири и Дальнему Востоку следовало бы создать свои экономические временники, более приближенные к их районам. Новониколаевский еженедельник слабо отражает экономическую жизнь этих районов. В 1923 г. в «Жизни Сибири» мы находим длинный ряд небольших работ, освещающих насущные вопросы экономики, напр. *Состояние мелиоративных работ в прошлом и настоящее время Сибири* (Петрова), *Перспективы маслодельной промышленности Сибири* (М. М.), *Основные задачи развития кожевенной промышленности Сибири* (Рудаков), *К вопросу кооперативного строительства Сибири* (Махов), *Местные бюджеты Сибири на 1922—1923 год* (Юрцовский), *Областное районирование Сибири* (Васильев), *Сельское хоз. Томской губ.* (Шляндаев) и др. Ломая рамки строго экономических вопросов, журнал ушел в обзоры и по вопросам народн. образования. Мы видим наличие в нем таких статей, как: *Высшее образование в Сибири* (Самодаров. *Состояние народн. образования в Алтайской губернии* (Чудинов) и др.

К числу интересных для краеведа изданий этого же ведомственного порядка относится изданная в 1923 году Сибпромбюро ВСНХ книга: *Сибирская промышленность в 1921—1922 производственном году* (Н.-Ник., 1923 г., 105+117+10 в. с.). Особенно важна вторая часть книги, где описывается и статистически освещается состояние отдельных отраслей промышленности Сибири: каменноугольной, золотопромышленной, лесной, металлодобывающей, текстильной, кустарной и др.

Некоторый нужный для краеведа материал содержится и в другом издании того же Сибпромбюро, а именно в *Отчете Сибпромбюро ВСНХ за 1-ю половину 1922—1923 (окт.—апр.) производственного года* (Н.-Ник., 1922, стр. 101+7+1 вк. л.).

К Всероссийской сел.-хозяйствен. и кустарно-пром. выставка Сибвысткомом издан «*Спутник сибирского крестьянина*». Н. Ник., 1923, стр. 294 + 3 + II + 4 вк. л. с портр.). Для той же цели Новониколаевское Губвыстбюро издало работу Б. Кошкарова «Пчеловодство в Ново-Николаев. губернии» (Н.-Никол., 1923, 8 стр.).

Сибирское Областное Государ. Издательство, находящееся в Н.-Николаевске, дало еще немного научно-краеведной литературы, развивая свою деятельность преимущественно в области изящной литературы и учебников, но все-таки положительные достижения на лицо.

Отметим краеведный уклон в некоторой части издающегося Сибгосиздатом журнала «*Сибирские Огни*». Журнал приобрел популярность и окреп. В 1922 году мы читали в нем ряд статьевых краеведных работ, наприм., Шиша А. «*Роль иностранного капитала в экономич. жизни Сибири*», Евсенин И. «*К вопросу о сохранении сибирских инородцев*», Обросов П. Н. «*Сибирские курорты*», Фабрикант «*Первое сибирское объединение профсоюзов*», В. «*Кузнецкий угольный бассейн*», Козынчаков «*Культурно-историч. очерк об алтайцах*», и ряд исторических статей в отделе «Былое». В 1923 году: К. Рычков «*К вопросу о вымирании северных народностей Сибири*», Ауэрбах и Сосновский «*Древнейшие следы человека в Сибири*», Сапожников «*Обский север*», Махов «*Потребит. кооперация в Сибири в прошлом и настоящем*», Киржниц «*Вост.-Сибирская политическая ссылка накануне первой революции*», Драверт «*Драгоценные камни Сибири*», Солбонэ-Туя «*О бурят-монг. эпосе и шаманской поэзии*» и др.

В том же издательстве следует отметить вышедший в 1923 году «*Сибирский Педагогический Журнал*» (№№ 1—3). Облик журнала, как сибирского периодич. издания, еще не окончательно выявлен, но уже чувствуется наличность подхода, важного для краеведа. Сибирская школа, ее организация, статистика, практика, а равно и внешкольное дело в Сибири, отражаются в журнале преимущественно в отделах «практика просвещения» и «организационные вопросы». Такой журнал давно необходим. Пожелаем большей его связи с вопросами краеведения.

Из отдельных изданий (книжных) Сибгосиздата отметим историко-исследовательскую и давно необходимую работу Н. С. Юрцовского «*Очерки по истории народного просвещения в Сибири*» вып. I-й 1703—1917 г. г., Н.-Ник. 1923 г., стр. 246. История народного просвещения школьного и внешкольного, истории книготорговли, библиотек, театра являются почти нетронутой областью в сибир. краеведении. Появление за отчетный период книги Юрцовского является залогом призвания в эту область краеведного интереса и труда.

Попутно заметим, что в 1923 г. вышла брошюра по истории Сибирской книготорговли П. И. Макушин — *К пятидесятилетию книготорговли в Сибири* (из воспоминаний)», (Н.-Ник., тип. «Советское Издательство», 22 стр.).

О Семипалатинске и Барнауле мы знаем очень мало и книгообмен с ними совершенно расстроен. Семипалатинский подотдел Р. Г. О. последний (XII) выпуск своих «Записок» издал в 1918 году. После этого нам известно только одно выпущенное литографским способом издание подотдела, а именно: Масальский А. «*Материалы к изучению сорной растительности Семипалатинской губернии*», вып. I, Сем., 1922 г., стр. 14.

Губэкономсовещание этой же губернии в 1923 году опубликовало свой «*Отчет за 1922 год*» (стр. 112 + 12 табл.), где имеются краткие очерки по географии и экономике края.

Об издательской продукции Барнаульских краеведных ассоциаций нет никаких вестей. Из местных же ведомственных изданий, имеющих краеведное значение, нам известны следующие: «*Алтайский ежегодник за 1921—1922 год*», изд. Алтайск. Губэкономсовещания, «*Бюллетени Алтайского Губстатбюро*» (до октября 1923 г. вышло 18 номеров), «*Сельско-хоз. справочник по Алтайской губернии*», вв. 1 и 2, изд. Алтайск. Губисполкома, Бийск, 1923 г.

Кооперативная пресса («*Алтгубсоюз с 1920 по 1923 г.*», изд. Алтайск. Губсоюза кооперативов, Барнаул 1923, стр. 175, и «*Алтайский кооператор*», издаваем. им же с октября 1923 г.) имеет весьма слабое отношение к краеведению и представляет обычную литературу на ее кооперат. темы и статьи об японской катастрофе.

Книжно-краеведческая продукция Томска носит характер по преимуществу академический и ведомственный. Издания свободных ассоциаций краеведов лишь слабо вкраплены в нее.

В 1920 году «*Общество этнографии, истории и археологии при Томском университете*» издало выпуск I (и единственный) своих трудов. Содержанием его явилась весьма нужная для сибирского краеведения работа М. Азадовского. «*Обзор библиографии Сибири*» (16 стран.). Со времен Межова мы крайне скудны библиографическими работами о Сибири и поэтому должны быть весьма обязаны появлению названного краткого обзора (библиография библиографии Сибири).

К 1920—1921 г. относится период кратковременной издательской деятельности «Института исследования Сибири», издававшего свои «*Известия*». Эти «Известия», вышедшие в небольшом количестве экземпляров, не получили значительного распространения, к тому же в 1921 году книгообмен был слабо развит. В виду этого «Известия» стали почти библиографической редкостью. По этим соображениям мы приводим содержание всех шести выпусков «Известий», подчеркивая находящийся в них краеведный материал.

— Выпуск 1-й содержит труды географического отдела института. Здесь мы должны отметить: Б. П. Вейнберг. «*Сводка магнитных определений, сделанных в Сибири с 1820 по 1918 г. ч. 1-ая.* Незначитель-

ные определения. Его же *«Предварит. данные о распределении магнитного склонения Сибири за 1920 г.»* С. И. Шубин *«Результаты магнитных определений по Оби и Обской губернии летом 1912 г.»*.

Выпуск 2-й посвящен трудам естественно-исторического отдела. Содержание его полностью таково: В. В. Сапожников и Е. В. Никитина *«Поездка в низовья Оби и Обскую губернию в 1919 году»*. А. Г. Лени *«Саянский охотничий район в Канском и Минусинском уездах Енисейск. губ. и Саянский охотничий заповедник»*. Г. Ф. Киселева. *«Отчет о командировке для фаунистич. обследования бассейна р. Оби»*. М. Д. Рузский. *«Рыбы реки Томи»*. П. В. Сюзев. *Растения восточного склона северного Урала, собранные экспедицией геолога П. Я. Низковского*. Г. Э. Иоганзен. *«Из жизни Томской природы. Фенологическ. заметки»*. М. Д. Рузский. *«Муравьи Камчатки»*.

Выпуск 3-й заключает в себе труды бальнеологического отдела. Все статьи имеют краеведный характер: М. Г. Курлов *«Отчет по командировке для исследования курортов Северного Алтая (Чемал, Черга, Новая Белокуриха)»*. П. П. Орлов *«К вопросу о радиактивности сибирских минеральных вод»*. А. А. Белов *«О некоторых минеральных источниках Баргузинского уезда, Забайкальск. губ.»*. Н. А. Валединский *«Озеро Карачи, его природные и лечебные свойства»*.

Выпуск 4-й состоит из трудов промышленно-технического отдела. Здесь мы отметим одну статью: В. И. Минаева *«О русской льняной промышленности и о мерах для поднятия ее в Сибири»*.

Выпуск 5-й снова посвящен трудам географического отдела. Содержанием его являются три работы: Б. П. Вейнберг *«Нормальное распределение земного магнитизма в Сибири на 1910 г.»*. Он-же: *Предварит. результаты магнитных определений, произведенных в Обско-Тазовской экспедиции 1921 г.»*. Он-же и К. Б. Вейнберг *«Картографические работы Обско-Тазовск. экспедиции Института исследования Сибири»*.

Выпуск 6-й является трудами историко-этнографического отдела. В нем напечатана работа проф. А. Д. Григорьева *«Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров»*.

На этом и закончились труды и бытие Института исследования Сибири.

Томский Государственный Университет пополнил библиотеку своих «Известий» выпуском т. LXXII. (Т. 1923 г., слож. пагинация). Содержанием этого тома являются работы (преимущественно по фауне Сибири. Назовем из них: проф. Г. Э. Иоганзен *«По Чулыму. Отчет о зоологических экскурсиях»*, проф. М. Рузский *«Муравьи оз. Челекеня»*, В. Иоганзен *«Описание яиц и гнезд птиц Сибири и прилегающих к ней стран»*, Зарудный и Иоганзен *«О барабинском ремезе»*, Н. М. Лавров—*«Фауна оз. Карачи»* и др.

Томский Технологический Институт выпустил в 1922—1923 г.г. свои *«Известия»* тома 42, 43 и 44. В первом из них (т. 42,

Том. 1922 г., сл. паг.) краеведное значение имеют работы: проф. Н. И. Боборыков – «*Материалы по испытанию строительных камней Западной Сибири*» и проф. В. Я. Мостович -«*Медеплавильные заводы Енисейской губернии*». В т. 43-м (Том. 1923, сл. паг.) отметим: В. И. Марков – «*Исследование дубильных растений Центральн. Алтая*» и ряд статей проф. Б. П. Вейнберга и В. Д. Дудецкого -*о магнитных изучениях в Сибири.*

Общество Сибирских Инженеров издало в 1922—1923 г. том IV (вып. 1– 6) и 1-й вып. тома V своего «*Вестника*». В этих выпусках мы находим ряд статей по краеведению, например, *о полезных ископаемых Сибири* (о залежах мирабилита, о перегонке бурого угля Режецкого месторождения и пр.).

Томское Орнитологическое О-во в 1921 году выпустило кн. I своего «*Вестника*». Ее мы не имеем в своем распоряжении.

Томский Губисполком и Губэкосо издают с 1923 г. свои «*Записки*»; нам известен только № 2 этих «Записок» (август 1923 г., Том., 102 стр.). Издание задумано интересно.

Этим ведомственным изданием предполагалось, повидимому, восполнить для Томска в 1923 году отсутствие временников, принятых в краеведческих ассоциациях. Обращает на себя внимание небольшая статья Б. Ю. под заглавием «*Краеведение*». Автор посвящает в ней две страницы краеведению в Европейской России и 1½ страницы сибирскому краеведению. В этой последней части упоминается об Иркутске, Минусинске и Томске. Позволю себе привести выдержку о Томске: «В Томске краеведческое дело до последнего момента совершенно не поставлено, несмотря на большое количество сил, могущих развернуть большую исследовательскую работу. Существует при Университете библиографическое бюро, но более о нем ничего не известно. Если «Сибгеолком» и «Промразведку» считать не Томскими, а общесибирскими учреждениями, то можно безошибочно сказать, что Томск никакой исследовательской работы по изучению местного края совершенно не ведет. И это старейший и крупнейший в Сибири университетский центр» (стр. 55).

Это, конечно, неправильно: в Томске есть деятельная исследовательская работа, но она носит ведомственный и академический характер, а потому и не удовлетворяет общественной потребности в изучении края. Сам автор упомянутой статьи чувствует себя в обозрении сибирского краеведения, как в лесу: об иркутских работах он знает лишь из заметки в «Наука и ее работники», а о Минусинске по слухам. Томск остался вне связи с живой краеведческой работой страны и этому мы привели живую иллюстрацию.

Возвращаясь к «Запискам» Губисполкома, отметим в наличном № сл. статьи: *Денежные налоги и их значение в соврем. условиях Том. губернии* (Кунин). *Питание населения Том. губ.* (Нагнибеда); *Лесное хоз-во в Том. губ.* (Седов и Кузнецов: *Вопросы колонизации в связи с переселением в Том. губ.* (Рубинский) и др. Есть библиография, есть список томских изданий.

С большим вниманием следует отметить выход в 1923 году пятистраничного тома: «*Народное хозяйство Томской губерний. Отчет Том. губ. экономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 г.*». Т. 1923 г. 440+492+110 стр. Здесь мы находим новейший и разнообразный статистич. материал о населении, о сел-хозяйстве, о землепользовании, о промышленности, о школах, о населенных пунктах и пр. и обширную описательную часть. Приложен атлас график и карта.

Далее отметим издания: Том. губзема (Шилдаев. С.-*х. районирование Том. губ.*, 1923 г. 164 стр. и др.) и Томского губсоюза «*Кооперативное дело*» (выходит 2 раза в месяц и содержит некоторый краеведный материал). Краеведный уклон последнего издания выражен весьма слабо.

Центральное место в книжно-краеведной продукции Томска по справедливости занимает Сибирский Геологический Комитет Сибгеолком, начиная с 1919 года, выпускает свои «*Известия*». В 1920—1921 году появились выпуск 3—6 первого тома. В них мы отметим работы: К. Е. Габуния. *Материалы к изучению фауны кораллов из нижне-каменноугольных отложений около дер. Ройки по р. Томи*, М. А. Усов «*Тектоника Анжерского каменноугольного месторождения*». А. И. Турутанов. «*Материалы к изучению ископаемой флоры Черемховского угленосного бассейна. Юрские папоротники*». М. А. Усов. «*Тектоника Судженского каменноугольного месторождения*».

В 1922 году появились шесть выпусков второго тома «*Известий*» того же Сибгеолкома. Эти выпуски до нас не дошли полностью. Из наличных же отметим работы: М. К. Коровин «*Черемховский каменноугольный район*» и В. А. Хахлов *Верхне-девонская флора с юго-западного побережья оз. Балхаша*». Урванцев Н. Н. «*Норильский каменноугольный район*». М. Ф. Нейбург «*Материалы к изучению ископаемой флоры Анжеро-Судженского каменноугольного района*». К. Е. Габуния «*Касьяново-Гришевское месторождение Черемховского угленосного бассейна*». Выпуск 1-й третьего тома «Известий» вышел в конце 1922 года (отчет Сибгеолкома за 1921 год и вып. 2-ой в 1923 г. (содержит работу Н. Н. Горностаева «*Предв. отчет о геологических исследованиях в Присемипалатинском районе Киргизской степени с 1920—1921 г.г.*».

Б 1923 году в издании управления гос. объед. Кузнецкого бассейна появилась работа председателя Сибгеолкома М. А. Усова: «*Элементы тектоники Ленинского района Кузнецкого каменноугольного бассейна.* (Томск стр. 43+13 вкл. лист. и черт).

Горно-техническое отделение Сибпромразведки издавало в 1922 году (продолжалось ли издание позже нет сведений) свой орган: «*Горно-разведочное дело Сибири*». Мы имеем № 2 (стр. 86 + 2 прил.) этого органа ежемесячника, где укажем след. работы: В. Блохин «*Угли Харайской месторождения Иркутской губернии*», В. А. Буштедт. «*Полезные ископаемые Минусинского края и отчеты о разведках графита и угля по р. Фатьянихе и графито-антрацитовых месторождений по р. Курейке в Туруханском крае*».

Бюро по исследованию и использованию водных сил Сибири (Сибисполвод) выпустило в 1921–22 г. в Томске свои *«Бюллетени»*. Из них мы имеем также случайный экземпляр. Отметим статью инж. Балакшина *«О запасе и возможности использования водных сил Сибири»*.

Томское Губстатбюро за обозреваемый период издавало свои небольшие *бюллетени* и отдельные статистические труды (напр., *«Томская губерния и ее производ. силы»*. Статист. очерк, в. 1 и 2, изд. 2-ое, под ред. В. Я. Нагнибеда).

Из отдельных краеведных книг, вышедших в ассоциации г. Томска, укажем. Крылов П. Н., Ревердатто В. Л. и Штейнберг Е. *«Ключ к определению семейств растений Зап. сибирской флоры.* Т., 1922, стр. 20; Курлов М. Г. и Собкевич А. И. *«Опыт классификации сибирских целебных минеральных вод»*. Т., госизд., 30 стр; Лебедев С. В., проф. *«О мерах к развитию сахарной промышленности в Сибири»*, Т., госизд., 1921, стр. 36.

В *Минусинске* центром и, кажется, единственным очагом краеведения является заслуженное учреждение государственный музей имени Н. М. Мартьянова.

Научно-исследовательская жизнь в нем шла непрерывно за весь обозреваемый нами период, хотя музей пережил многие тяжелые дни. С 1916 года он предпринял издание большой работы В. А. Ватина *«г. Минусинск, исторический очерк»*. До 1919 года удалось напечатать 388 страниц 1-ой части этого очерка и лишь в 1922 году—к 100 летней годовщине Минусинска, удалось допечатать остальные несколько страниц этого тома частью на личные средства сотрудников музея, частью на пожертвованные средства и выпустить издание[1]. 2-ая часть работы В. А. Ватина еще ждет своего опубликования.

В 1923 году вышел выпуск 1-й тома 1-го *«Ежегодника»* Государственного Мартьяновского музея, посвященный краеведческим исследованиям по биологии, зоологии и ботанике. Небольшой том «Ежегодника» (стр. VII+69) содержит статьи Кожанчиковых, Герасимова и Морачинского. К сожалению до нас не дошло еще это издание и мы лишены возможности точнее охарактеризовать его.

Интересующие нас издания *г. Енисейска* за отчетный период были весьма немногочисленны. Мы можем указать на выход книги И. Архангельского *«г. Енисейск. 1618–1921»*, 1923, Ен. стр., 72. Этим изданием отмечено исполнившееся 300-летие Енисейска.

---

[1] В. А. Ватин. «Город Минусинск. Ч. I-ая, Историч. очерк. К 100-летнему юбилею Минусинска 1822—1922 г.» Мин. 1916–1922. стр. 391.

В *Красноярске* возродилась издательская деятельность местного *отдела Р. Геогр. о-ва*, приостановившаяся с 1915 года, хотя деятельность отдела и не прерывалась. В 1923 году вышел выпуск 1-й тома III-го *«Известий»* отдела (в. в. 90 стр.) Содержание его таково: Ермолаев А. П. *«Тодоса» (Очерк Тоджинского хошуна Урянхайского края)*, Мергарт *«Результаты археолог. исследований в Енисейском крае»*. Смирнов Н. А. *«Крат. обзор истории г. Красноярска за 300 лет»*, Косованов В. П. *«Хорография золотоносных районов Енисейской губ.»*.

Издание «Известий» продолжается и в 1924 году. Это засвидетельствовано выходом вып. 2-го III тома, в котором помещен кр. отчет о деятельности отдела з 1911—1922 г. и, кроме того, три работы: Тугаринова. *«Предв. отчет экспедиции на р. Подкамен. Тунгуску»*, Соболев А. Н. *«Палеонтологические заметки»* и Миклашевская Г. П. Betula microphylla Bnge в Урянхайском крае».

Здесь же, в Красноярске, выходит *«Енисейский Кооператор»* орган Губсоюза. Наличие краеведных работ (напр., Окушко Б. В. *«Крестьянское хозяйство в Енисейской губернии* в 1917—1920 г. и др.) делает это издание интересным с краеведной точки зрения и несколько отличает его от типичных периодик других сибирских губсоюзов.

В самое последнее время, как мы слышали, вышел один том фундаментальной работы В. П. Косованова *по библиографии Приенисейского края*. Выход этот ожидался давно и подготовлялся в течении нескольких лет. Появление таких широко поставленных и потребовавших многолетнего и тяжелого библиографич. труда изданий надлежит отмечать с исключительным вниманием.

Из краеведно-ведомственных изданий Красноярска нам известны только издания Енисейского Губисполкома (по отделу Управления) а именно: *«Туруханский край. 1. Туруханский край, как особая административная единица. 2. Управление туземных племен. 3. Северный инспекторат. (Доклады и протоколы Губ. адм. комиссии, представл. ВЦИК'у)*. Красноярск, 1923, 52 стр. *«Хакасский уезд (Доклады и протоколы Губ. адм. комиссии, представленные ВЦИК'у)»*. Кр., 1923, 30 стр.

Обозрение книжно-краеведческой продукции Иркутска начнем с старейшего сибирского научного о-ва: с В.-С Отдела РГО.

Последний «толстый» (359 стр.) XLV том «Известий» Отдела (посвящен. памяти Д. А. Клеменца) вышел в 1917 году. Он был прекрасно издан и иллюстрирован фототипиями, изготовленными в Москве и Петербурге. Следующему XLVI тому суждено было рождаться в муках. В 1921 г. появился 1-ый его выпуск (работа В. П. Никитенко *«Минеральные источники Тункинского края»*). Второй выпуск вышел в 1922 году (работа С. С. Турова *«О Байкальском соболинном заповеднике»*). Третий выпуск до сего дня в типографии (работа А. В. Львова— *«Геологическая история долины р. Иркута»*).

Рядом с этим Отдел, стремясь к информационной связи с краеведами Республики, стал издавать с 1922 года «*Этнографические бюллетени*». Небольшие (1–2 печ. листа) выпуски «бюллетеней» были лаконичным выражением текущих интересов ВСОРГО и его работ. Небольшие статьи, краеведная хроника, справочник сибиреведа. «Бюллетеней» вышло четыре номера, из них третий посвящен бурятскому этнографу Хангалову с (потретом последнего). Почти все выпуски украшены образцами бурятского и якутского орнамента с наиболее удачных оригиналов, экспонировавшихся на устроенной Отделом выставке изобразит. искусств туземцев В.-Сибири. Бюллетени быстро разошлись, вызвав обильный книгообмен с краеведными организациями, но еще долгое время поступали на них требования из разных мест.

Вместе с тем Отдел издал целую серию небольших работ, преимущественно исследоват. программ. Изданий эти следующие: 1) Г. Виноградов «*К изучению народной медицины у русского населения Сибири*», Ир. 1923 г., 56 стр.. 2) В. И. Подгорбунский «*Опыт программы для изучения охоты у тунгусов и якутов*», Ир. 1923. стр. 8. (в этом же году программа была выпущена 2 м изданием). 3) Б. Э. Петри «*Программа исследования стоянок под открытым небом*», Ир. 1923 г., стр. 15, 4) его же «*Задачи Этнографической Секции ВСОРГО*».

В 1923 году все издательские устремления Отдела сосредоточились на выпуске «Сибирской живой старины», организованной по прототипу «Живой старины» РГО. Выпуск 1-й (Ирк. 1923 г. 178 стр.) был расчитан на больший объем, но пришлось ограничиться 11½ печатными листами. Издание разошлось полностью и остался неудовлетворенным ряд требований.

Само собой разумеется, что В.-С. Отдел не может ограничиться изданиями лишь в области этнографии и археологии. Идут подготовительные работы к выпуску исследовательских трудов по экономике, физической географии и др.

Все это делается при весьма скудных средствах. Субсидия Наркомпроса не покрывает и половины текущих нужд Отдела даже по содержанию необходимого рабочего аппарата, библиотеки, астрономической обсерватории и пр. Большой нравственной поддержкой Отделу было премирование его на Всероссийской Сельск.-Хозяйст. выставке 1923 года дипломом 1-й степени за издательскую деятельность в прошлом и настоящем.

Кроме ВСОРГО в Иркутске работает недавно возникшее Иркутское Об-во естествоиспытателей. В 1923 году им издан 1-й выпуск «*Трудов*» (Ирк. 1923 г.. 81 стр.). Содержание выпуска посвящено фауне оз. Байкал и заключается в сл. работах: Б. А. Скорчевский «*Спонгиологические очерки*», В. Ясницкий «*Материалы к познанию планктона озера Байкала*». В. Ч. Дорогостайский «*К систематике харпусов Байкальского бассейна*».

Переходя к издательской продукции академического краеведения в Иркутске, мы должны отметить плодотворную деятельность в изучении края Иркут. Государст. Университета. С 1921 года им издаются

«*Сборники трудов профессоров и преподавателей Иркут. Государст. Университета*». Вып. 1-й (1921 г. 171 стр.) и 2-й (1921 г. 164 стр.) посвящены наукам гуманитарным, 3-й вып. 4-й (1923 г., стр. 239 +1) наукам физико-математическим и вып. 5-й (1923 г., стр. 448) наукам гуманитарным. Содержание этих пяти сборников уже отмечалось в хронике предыдущего № «Сибирской Живой Старины», а поэтому повторяться не будем. В октябре 1923 г. вышел 6-й выпуск (стр. 266). Он содержит работы по наукам общественно-правовым. Из этих работ имеют краеведное значение следующие: Ц. Жамцарано и А. Турунов «*Халха Джирум*» (описание памятника обычного права монгольских племен), А. Черных «*Железнодорожные перевозки хлебных грузов в Иркутской губернии*» (статистико-экономическ. очерк), Г. Магульяно «*К вопросу о детской преступности и мерах борьбы с ней за годы революции*» (очерк деятельности Иркутской Комиссии по делам несовершеннолетних).

Медицинский факультет Иркутского Государственного Университета выпустил в 1922 году первый том «*Сборника трудов профессоров и преподавателей*» (Ир. 1922 г., стр. 365). И здесь имеется краеведческий материал, а именно: М. П. Михайлов «*Опыт организации курортов Иркутской губ. в условиях соврем. действительности*», В. В. Сукачев «*Чумные вспышки осенью 1921 г. в Забайкалье*», М. П. Михайлов «*К вопросу о возможности применения кумысолечения при условий степных местностей, в частности Иркутской губ.*», И. А. Обергард «*Лекарственные растения Иркутской губернии*».

В качестве отдельных изданий Иркутским Государственным Университетом выпущены исключительно важные для диалектологии и этнографии Сибири книги проф. А. М. Селищева «*Забайкальские старообрядцы семейские*» (Ирк. 1920 г. 81 стр. + 7 лист. гравюр) и «*Диалектологический очерк Сибири*» вып. 1 (Ирк. 1921 г., стр. 294). Сюда же примыкает издание труда по истории Сибири проф. В. И. Огородникова «*Очерк истории Сибири до начала XIX стол. в. 1 введение. История до русской Сибири*», Ирк. тип. Штаба В. О. 1920 г., 289 стр.+1 карта. Этой работой открывается целый ряд исследований того же автора в области истории Сибири.

Состоящий при Иркутском Университете Биолого-Географический исследовательский Институт издал в 1923 г. вып. 1-й своих «Записок», содержанием его является работа П. П. Хороших «*Исследования каменного и железного века Иркутского края. Остров Ольхон*».

Такова книжно-краеведческая продукция Иркутского Государственного Университета. Для пяти лет его существования сделано много. Поредение за последние годы рядов профессуры заставляет тревожиться по поводу дальнейшего темпа краеведной работы Университета, но будем думать, что это явление временное.

Перейдем к краткому обзору ведомственно-краеведных изданий Иркутска за взятое нами трехлетие.

Весьма ценны для краеведа и выпущены любящей рукой специалистов-гидрографов издания Иркутского Руповода партии по исследованию рек ленского бассейна. Это издательство началось с 1912 года и

имеет длинный список своей продукции. Назовем некоторые издания с 1920 года.

— *«Краткий отчет о работах монгольской экспедиции 1919 г.* под начальством И. Ф. Молодых» (Ирк., 1920, 176 стр. и карта). Этот отчет представляет весьма ценный исследов. вклад в гидрографию нашего Байкальского бассейна. Отчет касается не только исследований р. Селенги в Халхасском районе, но и содержит материалы о фауне бассейна реки, о геологическом его характере, даны результаты барометрической нивеллировки и, наконец, дана библиография края, а также сведения об его картографии.

Матиссен Ф. А.—*«Экспедиция к устью р. Лены в связи с использованием север.-морского пути»* (Ирк., 1921, стр. 58 и 3 карты). Это краткий отчет начальника экспедиции, ныне покойного исследователя арктического севера, зачитанный на общем собрании ВСОРГО. Кроме этих книг, партия по исследованию рек Лен. бассейна, издала в последние годы ряд картографических работ. Из них назовем: план р. Ангары, навигац. карты рр. Лены, Витима, Селенги, Маи, оз. Байкала и др.

Далее надлежит указать большую издательскую производительность Иркут. губ. Статистического Бюро. Это бюро начало выпускать свои разнообразно составленные «материалы» с 1920 года, т. е. с первого же года Совет. власти в Сибири. В 1920—1921 годах вышло 6 выпуско. Из них отметим 4-й, содержащий стат. описание Черемховского района в 1921 году. В 1922 году вышло 3 выпуска (VII—IX). Последний из них содержит капитальную работу *сводку по демографической переписи в 1920 года Иркутской губ.*

Наконец, в 1923 году вышли выпуски X—XVIII. Каждый из них представляет отдельную работу. Назовем некоторые: проф. Миротворцев — *Иркутские «ясачные» в освещении статист. цифр*, его же — *Сельское хозяйство в Иркутской губ. в связи с естественно-географ. условиями*, его же — *Географич. очерк Иркут. губернии*, А. В. Черных — *Земледелие и зерновое хозяйство в Ирк. губ.*, Г. И. Решетников и А. И. Черных—*«Торговля и рынок в Ирк. губернии»*, Я. Кац—*Обзор положения труда в Ирк. губернии*, он же — *Иркут. рабочий и его бюджет* и др. Отдельно от «материалов» статист. бюро издало работу М. Н. Соколова — *Якутская губерния по переписи 1917 г.*, вып. 1-й, Ирк. 1922 и специальное издание для Всер. Сел.-Хоз. выставки: *«Иркут. губерния на Всерос. с.-х. выставке»* (Ирк. 1923).

Далее нельзя не указать на полезные для краеведа издания В.-Сиб. Управления по сел.-хоз. опытному делу и труды В.-Сиб. сел.-хоз. опытной станции. Из них привлекла наше внимание книга В. Е. Писарева: *Пшеница в Иркутск. губернии* (сводка работ) (Ирк., 1922, стр. 71) и *Очерк истории и современ. положения сел. хоз. опытного дела в Вост.-Сибирской области* (Ирк., 1923, стр. 38). В этом же издательстве вышли и некоторые другие небольшие работы по опытному сельскому хозяйству.

Значительная в до военное время издательская продукция Иркутской метеорологической обсерватории в обозреваемый период ограни-

чена выпуском в 1920 году работы директора обсерватории В. Б. Шостакович—«*Климат Иркутска*».

Отчет Иркут. Губэкономсовещания (1-й издан в 1921 году под заголовком «*Народное хозяйство Иркутской губернии*», стр. 57) не представляет капитального труда, но содержит нужный материал для краеведа.

Далее необходимо отметить издательскую деятельность по краеведению местного Исполкома. В 1923 году им издана брошюра Шмидта и Миронова «*Бездействующая даровая сила (к вопросу о госуд. электрофикации Ирк. губернии)*» и в данное время закончен печатанием сборник статей с альбомом снимков и чертежей по этому же вопросу.

Остается сказать о краеведческих книгах, выпущенных Иркутским отделением Сибгосиздата.

Особого внимания заслуживает небольшая, но малообычная в провинциальных издательствах, книжка А. Н. Адгокова—*Сибирская пресса Сибири в 1917—1918 гг.*, (Ирк. 1922, 24+III стр.). Под «прессой» автор разумеет периодические издания и обозревает их в годы перелома, когда библиографическая регистрация велась в условиях времени слабо. Труд носит очерковый характер, но ценность его стоит вне всякого сомнения. В связи с этой книжкой необходимо упомянуть и о другом более капитальном труде, вышедшем в 1920 году до возникновения Иркут. отделения Госиздата: Г. И. Порнева «*Книжная летопись Иркутска за годы революции (1917—1919 г.)*», Ирк., губ. типография, стр. 75. Книга эта неоднократно рецензировалась и характеризовать ее излишне.

Возвращаясь к Ирк. отделению Сибгосиздата, отметим изданную в 1921 году книгу М. Константинова—«*Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае*» (стр. 94+1 карта) и в 1922 г. Ф. Г. Мальнер—«*Новый путь к оздоровлению пушного промысла*» (стр. 80). Вопрос этот является наиболее животрепещущим в сибир. промышленной экономике и эти книги начали серию, которая должна быть продолжена краеведами.

Этнографические издания Иркут. Госиздата ограничились брошюрой Б. Э. Петри «*Изучение искусства в Сибири. Вопросы собирания и изучения*» (1923 г., стр. 30), носящую характер исследовательской программы. В этом же издательстве далее отметим книгу нужную для новой истории Сибири: «*Борьба за русский Дальний Восток*», сборник под ред. Б. Шумяцкого. (Ирк. 1922 г., стр. 201+10).

В заключение назовем карманное издание «*Промышленно-эконом. справочник Иркутской губернии на 1921 г.*» (составил Н. М. Скулира Ирк., 1921, стр. 236+X+1 прил.) и обзор наш закончен по г. Иркутску в отношении книжно-краеведных изданий.

Иркутская периодика, общая и специальная, мало занята вопросами края. Слабо затронуты эти вопросы выходящими в Иркутске «*Известиями Иргубкома*», «*Журналом Иркут. Медицинского Об-ва*» и др. Некоторое внимание краеведению уделил журнал «*Красные Зори*». Укажем на наличность в нем нужных для краеведа работ Д. А. Болдырева-Казарина: «*Неотложная задача (к вопросу о защите, собирании и изучении*

памятников искусства и старины в Сибири и Sibirica *в искусстве*», Шмидта В.—«*На пути к электрофикации Иркутской губернии,*» Магульяно Г.—«*Преступность г. Иркутска*».

В Иркутске создалось издательство краеведной литературы, посвященной бурят-монгольской народности. Изучение этой народности за обозреваемый период стало в центре внимания местных краеведов, приготовлено много работ. но издать удалось немногое, в виду скудных средств сперва у бурят-монгольской автономной области, а позже Республики. Издания эти сгруппировались в двух пунктах: Иркутск—Чита.

Сделаем краткий обзор, вышедших в Иркутске. Бурятоведческий характер по преимуществу носят уже вышеуказанные «Этнографические Бюллетени» ВСОРГО. Вопросы бурятоведения нашли себе место и на стр. «Сибирской Живой Старины».

Большое синтетическое значение для изучения исторических материалов по бурятоведению имеет работа А. Н. Турунова «*Прошлое бурят-монгольской народности*» (Ирк., 1922 г., изд. отд. Нар. Образ. Б. М. Области, стр. 48). В том же издательстве вышла исследов. программа Г. Виноградова: -«*К изучению народ. детских игр у бурят*» (Ирк., 1922, стр. 11).

Строго исследовательский характер неведомого в краеведной литературе, но экономически интересного Селенгинского края, носит весьма своевременно вышедший в 1923 году в Иркутске сборник: -«*Селенгинский айлак.* Статистико-Эконом. сборник», изд. Селенг. айм. исполкома (137 стр.). Содержанием его являются работы: И. А. Рукавишникова - *Очерки хозяйственного быта бурят Селенгинского айлака*» А. Н. Адгокова - «*Потери гражданской войны по Селенг. айлаку*» *и статистический очерк айлака.* Как по содержанию, так и по композиции издания, эта книжка - явление необычное для ведомственной литературы и достойна быть трудом научного об-ва.

Капитальный характер носит изданный Бурревкомом его отчет Совету Труда и Обороны на 1 октября 1922 г.: «*Бурят-Монгольская автономная область* (экономическое и статистическое исследование)», Ирк. 1922 г., стр. 202 +-карта и диагр. За отсутствием других трудов по статистике и экономике западной части Бурятии, этот отчет стал необходимой справочной книгой бурятоведа и издание становится библиографической редкостью.

К Всероссийской сельск.-хоз. и куст. пром. выставке *Бурят.-мон. выставочным Комитетом и област. статбюро* издан в 1923 году в Иркутске «*Сборник по Бурят-Мон. автоном. области Сибири*» (стр. 113+1), содержащий статьи К. М. Миротворцева) (Ссельское хозяйство Бур.-Мон. авт. области») и А. Данилова.

Союзом кооперативов Бурят-Монгольской области - «*Бурсоюзом*» в 1923 г. выпущены два №№ журнала «*Бурят-кооператор*». Книжки эти имеют некоторое, хотя и слабое, краеведное значение, характеризуя зарождение и состояние молодой бурятской кооперации.

Наконец, газетой «Красный Бурят-Монгол» издана в Иркутске брошюра Б. Э. Петри *«Далекое прошлое бурятского края»*, 1922 г. стр. 42. Работа является археологическим очерком.

Бурятоведческие издания в Чите весьма немногочисленны. Наиболее капитальным из них и имеющим большое значение для историка местного права является книга проф. В. А. Рязановского *«Обычное право монгольских племен»*, Чита, 1922 г., стр. 120+4. Эта область краеведения в большом забросе и после давней работы Самоквасова, подход к ней в наши дни следует особенно приветствовать.

Кроме того, отметим изданную Нар. Рев. Комитетом Бурят. Монгол. Дальн. Востока лекцию П. Дамбинова *«К истории развития бур.-монг. общественной мысли»* (Чита, 1920 г., стр. 15).

Этим исчерпывается литература по данному вопросу за эти три года. Следует надеяться, что в новой столице Бурятии, в Верхнеудинске, в ближайшее же время разовьется бурятское издательство, которое естественно в первую очередь возьмется за опубликование краеведных работ. Их накопилось много. Многие из них требуют наличности монгольских шрифтов. За отсутствием последних не могли появиться в печати некоторые работы, имеющиеся в распоряжении В.-С. О. Р. Г. О-ва.

Краеведы г. *Верхнеудинска* за обозреваемый период группировались возле существующего с 1918 г. Общества изучения Прибайкалья. Это Общество не имело собственного печатного органа, но в значительной степени использовало помощь со стороны Прибайкальского Союза Кооперативов и его периодический журнал: *«Прибайкальский Край»* (1920—1921 г.г.). Этот журнал (мы знаем №№ 1—3), благодаря участию краеведов, выгодно отличается от кооперативных периодик Сибири и до сего времени должен находиться на полке краеведной библиотеки.

В 1921 году при местном народном Университете возникает кафедра прибайкальеведения и выходит вып. 1-ый *«Известий»* этой кафедры (В.-Уд. 1921, стр. 44). Из статей этого номера отметим: В. Гирченко *Социально-экон. отношения Прибайкалья в эпоху его первоначальной колонизации»*, его же *«Университет декабристов в Читинском и Петровск.-заводском казематах»*, Эпова—*«Свадеб. обряды и песни Чикойского района в 80—90 г.г. прошл. века*, материалы (*«Сельский устав Прибайкалья XVIII века»*, *«Свекло-сахар. производство в Прибайкалье»*, *«К истории партизан. восстания в Прибайкалье 1919—1920 г.г.)*, хроника и библиография. К сожалению «Известия» не были продолжены.

В то же время вышел ряд небольших исследоват. работ: В. Гирченко. *«Прибайкалье»*, истор. очерк; изд. Прибсоюза, 1922, стр. 20. Его-же *«К истории переселения в Прибайкалье старообрядцев. семейских»*, тоже изд., 1922. Тем же Прибайкалсоюзом в 1922 году изданы два краеведческих сборника: *«По родному краю. Краткий очерк Д. В. Р. и Прибайкалья»* (стр. 106) и *«Прибайкальский календарь на 1922 год»* (стр. 120). Оба сборника содержат в себе ряд интересных, живых и нужных работ по географии, этнографии, истории, экономике, кооперации края.

Этими изданиями местная кооперация демонстрировала, каков должен быть союз между ею и краеведением и насколько от этого союза выигрывает сама же кооперация, выполняя самый нужный для нее вид культурно просветительной работы. Наконец, в 1923 году издан «*Краткий Указатель литературы по Прибайкалью*», составленный Гирченко, Вельминым и Бажиным (В.-Уд., 1923 г., стр. 26).

Вести о краеведных работах в *Якутске* были случайны за весь обозреваемый период, так как местный (Якутский) отдел Р. Г. О-ва прекратил свою деятельность, музей был лишен своего помещения и также замер, а краеведные силы рассыпались и объединения их были временными и случайными. Лишь в 1923 году мы узнаем о существовании в Якутске Краевого Географич. О-ва.

Пред нами №№ журнала «Красный север» (1921 д.) органа якут. губревкома. Отдел «пролетарской культуры» наполнен работами краеведов. Небольшие, бедно изданные, книжки характеризуют под'ем духа и без того слабых издательских возможностей Якутска, но читаются с большим интересом и выгодно разнообразят наличность краеведных работ.

В 1922 году издана такая же серая книжка: «*Сборник материалов к изучению Якутии*. Вып. I., изд. научного отдела Якут. Наркомпроса (31 стр.). Сборник содержит работы по истории и фольклору, а также обзор естественно-научных исследований края.

Небольшой журнал «*Якутская кооперация*», издаваемый местным коопер. союзом «Холбос», за все время своего существования (с 1922 г.) имел слабое отношение к краеведению.

В 1923 году наблюдалось некоторое оживление. Вышла книга 1-ая «*Записок Якутского Краевого Географического О-ва*, содержащая в себе работу А. Е. Кулаковского «*Материалы для изучения верований якутов*». (Як. 1923, стр. 108). В этой же году Статистическое Управление Я. А. С. С. Р., кроме своих обычных изданий, издало Обзор: «*Скотоводство и земледелие в Якутии в 1917, 1921, 1922 г.г.* Кр. статист. очерк с диагр.» (Як. 1923, стр. 10). Более ничего до нас не доходило из Якутска. Мы уже указывали, что краеведная литература об Якутии выходит и в Иркутске (напр., работа Соколова). Отметим еще выход книжки Бухтейна, Ф. А. «*Лесное Хоз. Якутии*», Ирк., 1923, стр. 18.

Книжно-краеведная продукция Читы за обозреваемое трехлетие обязана прежде всего местному Институту Народного Образования и энергии его работников, а затем ведомственным учреждениям Читы центра б. Д. В. Республики. Интенсивность этой издательской деятельности за короткое и экономически тяжелое время заслуживает большого уважения, тем более, что Чита никогда не славилась книжной продукцией.

Читинский ИНО выпустил в 1922 году том своих «трудов» («*Труды Госуд. Института Нар. Образования* в Чите. Кн. I. Ч. 1922, стр. 852) и в 1923 году том «*Известий*» («*Известия Г. И. Н. О. в Чите*», чч. 1923,

Кн. I, Ч., стр. 333). Оба тома посвящены преимущественно краеведным вопросам и оставляют отрадное впечатление подбором работ и научно-исследовательским характером большинства их. Из содержания «Трудов» мы отметим следующее: А. А. Половинкин — *«К вопросу о так называемой «вечной» мерзлоте в Сибири»*, К. А. Ненадкевич — *«Очерк исследований висмутовых руд Забайкалья»*, М. К. Азадовский — *«Ленские причитания»*, В. И. Огородников — *«Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли»*. Последние две работы по краевому фольклору и краевой истории занимают наибольшую часть тома и носят характер капитальных (диссертационных) исследований.

Содержание «Известий» так-же представляет значительный интерес для краеведа. Здесь мы находим след. работы А. А. Половинкин — *«Совр. задачи изучения русского востока в связи с международным и географическим его положением»*, Б. Э. Петри *«Доисторические кузнецы в Прибайкалье»*, А. Н. Липский *«Элементы религиозно-психологических представлений гольдов»* В. А. Малаховский — *«Об изучении сибирской диалектологии»* и М. К. Азадовский *«Из литературы об областном искусстве»*.

Историко-литературному кружку при том же ИНО обязано появление в свет в 1922 году хорошо составленного сборника «Камены» (Ч. 1922, стр. 115). В нем мы укажем разыскания и материалы о поэтах и художниках Сибири: *Лильхеев* (статья М. К. Азадовского), *Литвинцеве* (ст. Е. Титова) и *Рязанцеве* (ст. А. В. Харчевникова).

При ближайшем участии сил того же Института возник и развился под. ред. М. П. Малышева в Чите орган *Министерства Народ. Просвещения Д. В. Р.* «*Вестник Просвещения*» журнал, далеко выходящий за рамки узко-провинц. периодик, издавшийся в течение 1921 (№№ 1 - 7) и 1922 года (№№ 1 - 2), краеведные темы нашли самое широкое гостеприимство на страницах этого журнала: по истории (В. И. Огородников — *«К истории инородческих волнений в Сибири»*), по фольклору в его литератур. и краеведческом значении (М. Азадовский — *«Эпическая традиция в Сибири»*), по археологии (Б. Э. Петри — *«Первые следы доистор. человека в Сибири»*) и методике школьн. изучения края (Г. Виноградов — *«Родиноведение в школе»*, Е. И. Титов — *«Этнография в школе»*)

Другие Наркоматы Д. В. Р. так-же проявили свою издат. деятельность в вопросах краеведения. В области статистики преимущественно экономической — укажем издания Управлен. Уполномоч. Центральн. Статистич. Управления на дальнем востоке: *бюллетени* (№№ 1- 3, маленькое брошюрное и узко-поставленное издание). Сюда же относятся издания Забайкальского губстатбюро; мы знаем только *«Предварит. итоги сель.-хоз. переписи 1923 года в Забайкальской губ.»*.

В области промышл. экономики и торговли—издания Минист. Народ. Хозяйст.: *«Экономич. жизнь Дальнего Востока»* (периодическое изд. в 1922 году). Издание касается основных сторон народного хозяйства ДВР — производит. сил, сельского и лесного хозяйства, пушного промысла, полезных ископаемых, внешней торговли и пр.

Историко-краеведное значение имеет изданная Военно-редакц. Советом Н. Р. Ар. и флота ДВР книга *«Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем востоке»* (Чита, 1922, стр. 150 + 1 + 1 карта) и *«Японская интервенция в Сибири»* (Ч., 1922, разн. пагин.).

В области горного дела укажем неведомственное издание (изд. Краевого Комитета производ. Союза горнорабочих): *«Горная промышленность ДВР* (материалы)», под. ред. инж. Деменьтева и тех. Мурашева, (1922 г., Ч., стр. 99).

Наконец, в частном издательстве (Новомейского) вышла в 1922 г. большая работа П. Д. Лежнина *«Дальний Восток. Богатство Приамурья и Прибайкалья»*, Ч., стр. 355.

Дальневосточная кооперация слабо выявила себя в издательском деле, но имеющиеся у нас под руками образцы говорят за то, что она, по примеру Верхнеудинской соседки (Прибайкалсоюза), дорожит связью с краеведением. Журнал *«Дальневосточная Кооперация»*, *журнал экономической политики и кооперации* издав. Бюро дальне-вост. коопер. организаций (1921 г.) уделяет место краеведным статьям (напр. Пятидесятникова — *«Промышленность в Прибайкалье»*). На инструкторском съезде читается спец. доклад *«Кооперация и Краеведение»*, известный нам по тезисам, помещенным в том же журнале.

Такой же характер благожелательного отношения к краеведению имеют и *«Известия Дальцентросоюза, журнал Дальне-Восточной кооперации»* (1922 г.). Мы имеем под руками № 8 (окт. нояб., 1922 г.) и находим в нем несколько интересных для краеведа статей: М. Плотников — *Туземцы Дальнего Востока*; инж. Лыщинский — *Коопер. промышленность на Д. Востоке* и др. В издании того же Дальцентросоюза вышла брошюра Саламатова А. *«Положение потребительской кооперации в Приморье за 1921—1922 г.г.»* (Ч., 1923, стр. 11—2).

Во главе краеведного движения гор. *Благовещенска* стоит с 1922 г. Амурское Научно-Экономич. О-во. Издательская деятельность его выразилась в выпуске *«Известий»* (№ 1—3 февраль—июль 1923 г.). Содержание их посвящено вопросам краевой климатологии, гидрологии, путям сообщения, горному делу, археологии. В 1923 г. вышел т. I, вып. 1 *«Трудов»* этого же О-ва, заключающий в себе работу В. М. Попова — *«Список животных Амурской области. Млекопитающие. Птицы»* (стр. VIII+65).

Значительную издательскую работу ведет Метеорологическое бюро Амурской губернии, которое регулярно выпускает свой *«Ежегодник»* (в 1923 г. последним был вып. II-ой, часть 3) и *«Известия»*. По условиям, неблагоприятным для издательства, «Известия» за 1918 г. (вып. 6-й) изданы в 1923 г. (работа Э. К. Бейзас — *«О водном режиме участков Гош и Стан Амурской области»*). В отдельных изданиях тем же Метеорологическим бюро выпущены книжки Л. Людевит *«Климат Амурской губернии в сельско-хозяйственной оценке»* (1923 год стр. 28) и др.

Далее из краеведных ассоциаций в Благовещенске работает Амурское лесное общество. За обозреваемый период им издано 2 выпуска *«Известий»* (из них 2-й в 1923 г., стр. 64), *«Амурский лесной справочник»*,

составленный А. А. Строгим, 1922, стр. 88) и книга С. Д. Корнеенко *«Лесоустройство Амурской области за период 1910—1920 г.г. и его ближайшие перспективы»* (1923 г., стр. 7+89).

Амурское О-во правильной охоты издало в 1921 году работу А. А. Строгого *«Хищные птицы Амурской области и их экономическое значение»* (стр. 23).

Из ведомственных изданий Благовещенска мы не видели ничего значительного для краеведения. Амурское Губстатбюро выпускает ежегодно по небольшой брошюре: в 1922 году *об урожае хлебов и трав* и в 1923 году *статистический справочник по сельскому хозяйству Амурской губернии*. В заключение упомянем о выходе книжки Н. Н. Автономова *«Очерки по Народному Образованию Приамурского Края»* (1923 г. чье издание нам неизвестно).

Библиографический обзор краеведной книги Дальнего Востока для нас крайне затруднен, так как материалы случайны и очень слабо осведомляются. К тому же из Отделов Географическ. О-ва, имеющих печатную продукцию и отчеты имеются только от Никольско-Уссурийского отделения. Сведения, которыми располагает об этом «Книжная Летопись», также незначительны, да они и не могут заменить обозрения изданий de visu. С таким характером материалов мы приступаем к последним пунктам нашего обзора: *Владивостоку, Никольск-Уссурийску и Харбину.*

Первенствующее место здесь занимает Дальне-Восточный Университет, явившийся в лице своего Восточного факультета преемником обширной книгопроизводительной деятельности Восточного Института.

В 1919 году исполнилось 20-ти летие Восточного Института (ныне Восточного факультета Д.-В. Ун-та). Этот юбилей был отмечен выходом книжки проф. Н. В. Кюнера *«Дальний Восток и Приамурский край за минувшие 20 лет в связи с развитием деятельности Восточного Института. Речь, произнесенная на торжественном акте по случаю 20-ти летия со дня основания Восточного Института»*.

Восточным факультетом Д.-В. Ун-та в течение 1921—1923 годов выпущены тома LXVI и LXVII своих *«Известий»*, появившиеся в свет выпусками. Опубликованные в них работы, как и прежде, касаются стран Востока, соседящих с Сибирью, но имеется материал и об этой последней. В выпуске 1-м LXVI тома напечатана работа К. К. Куртеева *«Экономическая проблема Приамурья. Вступит. лекция, прочитанная в 1920 году»*. (Вл. 1921 г., 16 стр.). Выпуск 2-й того же тома содержит труд названного же автора *«Экономическая роль Владивостока. Часть I. Владивосток, как торговый порт. Курс лекций, чит. в Г. Д.-В. Ун. в 1920—1921 г.г.»* (1921 г., 76 стр.). В выпуске 4-м того же тома отметим очерк И. Лопатина *«Наблюдения над бытом Гольдов»* (1921 г., 46 стр.).

Содержание тома LXVII (1923 г., Шанхай) нам известно по оттиску работы С. М. Широкогорова: *«Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений»* (стр. 134). С этой книгой тесно связана другая работа того же автора, изданная в

1922 году: «*Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Д.-Востока, прочит. в 1921—1922 г.г. в Д.-Вост. Ун-те*» (Вл., стр. 22).

Историко-филологический факультет того же Д. Вост. Университета, начал в отчетном периоде издание своих «*Ученых Записок*». Вышли полутомами и выпусками тома 1-й и 2-ой. В имеющемся у нас материале мы нашли только одну краеведную работу С. И. Широкогорова «*Опыт исследования основ шаманства у тунгусов*». Приходится сожалеть о том, что Д.-Вост. Университет не поддерживает книгообменного общения с краеведными организациями (мы имеем в виду Иркутск).

Не в издательстве Д.-Вост. Университета (В. Институт), но при нем же, вышли глубоко интересные для краеведов книги проф. Н. В. Кюнера. Из них мы отметим (за пределами обозреваемого периода): «*Лекции по истории и географии Сибири, читанные на истор.-филол. факультете во Владивостоке в 1918—1919 г.г.*», издание слушателей, 1919 г., стр. 273.

Во Владивостоке работают краеведные ассоциации, как-то: о-во изучения Амурского края, Приморская Областн. Архивная Комиссия и др. Комиссия продолжает [illegible]. Архивная же Комиссия издала в 1922 году том I, вып. 1 своих «*Известий*». К сожалению, это издание до нас не дошло. Как нам известно, содержанием этих «Известий» является: «*Обзор Архивного дела в России*» Н. П. Пи[illegible]нова, «*Положение о Приморск. Архив. Комиссии*», «*Общая инструкция для разбора архивных дел*», «*Программные вопросы по собиранию археологическ. материала о крае*» (А. В. Гребенщикова) и «*О составлении библиографии Д. Востока*» (З. Н. Матвеева). Нам хотелось бы особо подчеркнуть выход этого издания, посвященного архивному краеведению. Мы наблюдаем, что повсюду в Сибири замерла или ослабевает деятельность архивных комиссий (областных), а между тем их участие в работе крайне малосильных губархивов было бы желательным и неотложным.

Из ведомственных краеведных изданий занимает первое место Геологический Комитет Дальнего Востока, публикующий с 1920 года свои «*Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока*». За период 1921—1923 г.г. издано 27 выпусков этих материалов. Большинство их посвящено отчетам исследователей геологов о работах в отдельных районах области и годичным отчетам самого Комитета. Из остальных работ назовем следующие: А. Н. Криштофовича «*О третичной флоре бухты Посьет*», его же: «*Материалы к третичной флоре Дальнего Востока Азии*», его же: «*Открытие [illegible] юрских [illegible] Тоникана в Уссурийском крае*», И. Г[illegible] «*О коллекции [illegible] фауны с русского Сахалина*», П. И. [illegible] «*[illegible] рудных и др. месторождений золота на р. [illegible]*» и др.

В связи с участием Приморья на Всероссийской сельскохоз. выставке 1923 года в этом же году просветительной секцией Приморского Губернского Выставочного Бюро издан

большой и всесторонне составленный краеведный сборник «*Приморье. Его природа и хозяйство*». Вл., 1923 г., стр. 391. Сборник разделен на две части: Природа (статьи по географии, геологии, почвоведению, ботанике, лесоведению, зоологии, этнографии и истории) и хозяйство (полезные ископаемые, солепромышленность, скотопромышленность, сельское хозяйство, пути сообщения, рыбные богатства, финансы Прибайкалья, фабрично-заводское дело, народное образование, Владивостокский порт и др.). Это издание по своей структуре и исполнению напоминает тома «Азиатской России», изданной до войны переселенческим управлением.

Почти одновременно вышло такое же большое издание: «*Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока*», издание научпромбюро Дальрыбохоты Наркомпрода. Вл., 1923 г. стр. 478 с иллюстр. Сборник разделен также на две части: Рыбные богатства и пушные богатства; содержит десять работ различных авторов.

В заключение назовем несколько краеведных книг, вышедших во Владивостоке за обозреваемый период в неизвестных для нас издательствах: Мацокин М. П. «*Социология и востоковедение в связи с историей семьи на Д.-Востоке*», 1921 г., стр. 72 XIV. Станков П. «*Почему и как Камчатская морская экспедиция была перенесена на Амур. По подл. документам за 1854—56 г., извлечен из архива Влад. окр. порта*». Вл., 1923, тип. Вл. Гос. Ун-та. 10 стр. В. К. Арсеньев. «*По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ Алинь*». Вл., 1921 г. Его же «*Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году*». Вл. 1923 г. Об этих двух последних работах уже говорилось в предыд. №-е «Сибирской Живой Старины».

В *Никольске Уссурийском* с 1916 года существует Южно-Уссурийское Отделение Приамурского Отдела Р. Г. О-ва. С большим удовлетворением мы можем отметить продуктивную деятельность этого отделения за обозреваемый период, выразившуюся и в издательском деле.

Отделение работает преимущественно в области зоологии, энтомологии, ботаники, геологии. Выпускаемые им в 1922 г. «*Известия*» (№ 1—4) содержат в себе статьи соответствующего работам Отделения характера. В том же году вышел пока 1-й «*Записок*» отделения, посвященный работе А. И. Куренцова «*К фауне чешуекрылых в окрестностях Никольска Уссурийского по наблюдениям 1920 года*».

Отделение издает научно-популярную «*Уссурийскую библиотечку*». В этой серии вышли: В. К. Арсеньев — «*Амба-Лицун-бин*» (Рассказы из путешествий по Уссурийскому Краю. 1920 г.) и Грачев «*Присоединение Амурского края к России 1850—1860 гг.*» (Исторический очерк, 1920 г., 21 стр.).

В апреле 1922 года состоялся 1-й Съезд по изучению Уссурийского края в культурно-историческом отношении, изобиловавший разнообразными докладами по геологии, физ. географии, зоологии, ботанике, этнографии, истории, технологии. Работы Съезда (протоколы, тезисы докладов

и постановления) напечатаны в № 3 «Известий». Наконец, редакционной частью Ю.-У. О. Р. Г. О., по заказу Управления земледелия и государствен. имуществ. выполнена и издана *инструкция для устройства гор. лесов* ***Приморской области*** (Вл. 1922 г., стр. 343).

Из *Харбинских* краеведных ассоциаций нам известны *О-во русских ориенталистов* и *О-во изучения Маньчжурского Края*. Существование последнего тесно связано с местным (его собственным) музеем. За отчетный период вышли «*Известия*» общества вып. 1-й (1922 г.), и вып. 2-й (1923 г.) и «*Бюллетень музея О-ва изучения Маньчжурского Края и* ***юбилейной выставки. К. В. Ж. Д. № 1 и № 2.***».

Из отдельных краеведных книг, изданных вне ассоциаций, укажем две: И. И. Серебренников. *Конспект лекций по Сибироведению, читанных на кооперативных курсах в Харбине в мае—июне 1920 г.*, Хар. 1920 г., стр. 210; И и П. С. Парфеновы (П. Алтайский). *Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919 и 1920 гг.* Хар. 1921 г., изд. «Правда», стр. 170. Интересный исторический документ представляет изданный в Харбине в 1921 году: *«Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому Центру в присутствии англ. командования союзных держав»* стр. 66). Эта книжка документирует падение колчаковщины в Иркутске в январе 1920 года.

Наш краткий обзор книжно-краеведной продукции Сибири за последнее трехлетие закончен.[1] Мы прекрасно знаем, что многое в нем пропущено, есть неточности и другие недостатки.

Задачей данной работы не являлась библиографическая полнота и точность (для этого следует составить исчерпывающий систематический указатель краеведной литературы по всем правилам библиограф. каталографии). Хотелось лишь выявить посредством книжного учета строй наличных живых краеведных организаций Сибири (госуд. ведомственных, академических и свобод. ассоциаций) в наши дни, когда по Республике пронесся призыв к деятельной краеведной работе и всероссийскому учету и объединению краведных сил.

В этой библиографической перекличке многие сибирские краеведные ассоциации не приняли участия и не потому, что они умерли, а за отсутствием средств на издание давно приготовленных к печати работ. Мы знаем о том, что жив и бодро работает Троицкосавско-кяхтинский отдел Р. Г. О., что ведет краевед. работу Читинский краевой музей имени А. К. Кузнецова, что Иркутский научный музей, выделившись от В.-С.О.Р.Г.О., но в контакте с ним, приступил в текущ. году к деятельности и печает 1-й выпуск своих «Записок». Тоже самое следует сказать и о многих других очагах сибирского краеведения.

Тем не менее внешним измерителем внутренней работы краевед. объединений все-таки является книга. Как бы она не была мала, сера и

[1] В одном из ближайших номеров мы посвятим специальную статью сибирским изучениям в изданиях центра.

бедна она неизменно завершает каждое исследовательское предприятие (экспедиция, стационар. работа) и каждый период в жизни самой ассоциации (отчет).

В тоже время нашим обзором хотелось отметить, что сибирское краеведение, растущее и развивающее свою энергию с каждым месяцем, находится еще в стадии средоточия по губернским центрам.

Уездные и сельские периферии еще не создались. В недавнем прошлом на наших глазах работало, напр., «Тулуновское о-во изучения Сибири». Это был почти единичный случай краеведного о-ва в большом селе, не только деятельно работавшего но и издававшего свои труды. Надеемся, что в будущем такие исключения будут правилом.

Третья задача, которую мы ставили для настоящего библиографич. обзора, заключается в том, чтобы лишний раз показать необходимость и неотложность библиографических работ в Сибири.

Сибирская библиография мать сибирского краеведения. Мы долго (с 90-х годов) вздыхали о новых Межовых. Прошло три десятка лет и в течение их пока что не появилось исчерпывающих библиографических трудов о крае. Кое-что в этой области, конечно, сделано, но за случайные периоды и без согласованности работ библиографов. Библиографические достижения за обозреваемый нами период мы особенно отметили. Выход работы по библиографии Приенисейского края большое и важное событие, подготовленное планомерным и давним трудом. Следует ждать завершения и скорейшего опубликования библиографии Якутского края, начатой Приклонским и продолжаемой, как нам известно, Н. Н. Грибановским (один из фрагментов этой работы им опубликован в 1915 году в записках Якутского Отдела Р. Г. О.). Значительные достижения были сделаны Томским Библиографическим Бюро Института Исследования Сибири, но, к сожалению, плоды этой работы не напечатаны до сего времени.

Не одно прошлое в краеведной литературе: «от Межова и до наших дней» должно занимать наше внимание. Книжно-краеведческая продукция сегодняшнего дня должна быть поставлена под яркие лучи библиографического учета и этим самым мы изживем, наконец, ежегодно и ежедневно накопляемое неведение о краеведной литературе.

В этом вопросе возможно следующее возражение: точный и надлежащий библиографический учет ведется центральной Книжной Палатой и этим вопрос разрешается. По этому поводу мы должны возразить. Во первых, «Книжная Летопись» ц. Кн. Палаты ведется в хронологическом порядке описания книг (по месяцам) и библиографируемый материал не распределяется по областям и частям этих областей (например, для восточного или западного Прибайкалья). Наличие детермината места не поправляет дела, так как для извлечения нужного нам материала приходится просматривать все содержание «Книжной Летописи». Во вторых, наши краеведные издания являющиеся по преимуществу полиграфиями (труды, записки, известия, сборники, ежегодники, вестники и т. п.), не описываются по внутреннему содержанию, а регистрируются лишь по названиям полиграфий; таким образом, мы по «Книж. Летописи» можем установить за-

главие, том, выпуск, часть, год и др. элементы библиогр. описания и, будучи отосланы индексатором в общий отдел [О], не будем знать содержит ли данная полиграфия интересующий нас материал. В третьих, общая и специальная периодика также не раскрывается «Книж. Летописью» в ее содержании; мы узнаем, что вышел № 1 за 1921 год журнала «Жизнь Сибири», но каково его содержание остается неизвестным. В четвертых, с 1923 года «Книжная Летопись» регистрирует на своих страницах не все ведомственные издания, а также отказалась от регистрации изданий, носящих «узко-местный характер» (см. извещение Кн. Палаты в № 1 и 3 «Кн. Летописи» за 1923 г.). Понятие «узко-местный характер» весьма опасно в библиографическом обиходе и должно встревожить краеведа в первую очередь.

Не будем продолжать наших возражений. Сказанного довольно для того, чтобы заключить о необходимости ведения библиографических работ на местах по краеведной литературе сегодняшнего дня.

В этом вопросе на помощь краеведению могло бы без большой затраты средств притти Государство, основавшее с 1920—1921 года Сибирскую Книжную Палату в Ново-Николаевске. Библиографические работы возможны при наличии в руках регистратора «обязательного экземпляра» изданий. Такие экземпляры в Сибири берутся сверх тех, которые подлежат отсылке в Центр. Книж. Палату (25 экз.). Сибирская Книжная Палата является распределителем других 25-ти экземпляров по сибирским книгохранилищам. Эту меру мы горячо приветствуем, но с нашей точки зрения Сибирская Книжная Палата должна развить свою деятельность и дальше в сторону осуществления прямых своих задач: библиографической обработки сибирской книги и опубликования своих библиографических работ. Нам кажется необходимым сделать этот шаг по проложенному уже пути и от этого неизмеримо выиграет и сибирское просвещение и сибирское краеведение.

Это об обеспечении библиографического учета текущей прессы Сибири. Что же касается краеведной литературы о Сибири в прошлом (хотя бы с 90-х годов), то пробел в ее библиографировании должен быть восполен силами краеведов. Эти работы, как мы видели, идут. Можем даже отметить их бодрый и усиленный темп в последнее время. Обзор библиографии Сибири за годы революции сделан Г. И. Поршневым («Печать и Революция», 1922 г., кн. 8, стр. 110—120). В настоящее время этот обзор можно пополнить многим.

Наконец, нашим кратким библиогр. обзором мы хотели сказать, что сибирские краеведные организации: академические, ведомственные и своб. ассоциации, работавшие и работающие вразброд, должны быть объединены общим планом, взаимоинформацией, тесным сотрудничеством. По пути к этому нельзя не приветствовать решения только что закончившейся 5-й сессии Центр. Бюро Краеведения о создании организационной скрепы сибирских краеведов путем образования областных бюро краеведения в Омске, Семипалатинске, Томске Красноярск, Иркутске и Владивостоке.

Иркутск,—Библиотека В.-С. О. Р. Г. О-ва.

Марк Азадовский.

ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

За последнее десятилетие XIX века.

(Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900).

Настоящий указатель не претендует на звание подлинно библиографической работы по этнографии. Мы полагаем, что частная или специальная библиография не должна ограничиваться одним только перечислением статей и распределением их на те или иные рубрики. Она должна обязательно включать и более ли менее подробные указания на важнейшие, затронутые в регистрируемых статьях, вопросы. Библиограф-этнограф должен отметить географическое и племенное приурочение статьи, вскрыть основные этнографические категории, тщательно зарегистрировать темы рисунков, таблиц и карт и т. д.[1] Контуры такой работы отчасти намечены в известном труде Д. К. Зеленина, посвященном библиографии этнографической литературы о внешнем быте народов России.

Частично такие указания встретятся и в настоящей работе, но далеко не в полном, а главное, не в планомерно проведенном виде. Это объясняется прежде всего тем, что настоящая работа была задумана в ином виде и с иными целями. Это — не более, как извлечение из обширной работы автора, составленной еще в студенческие годы и долженствующей явиться частичным продолжением труда Межова. Полное заглавие ее в рукописи таково: «Материалы по библиографии Сибири». Периодические издания за десятилетие от труда Межова до конца XIX века (1981—1900). Общий характер работы определил и характер записи на карточках, а то обстоятельство, что работа эта составлялась в студенческие годы, обусловило ее неравномерность в различных частях. Ранние записи отличаются краткостью и ограниченностью указаний, более поздние являются и более подробными.

Едва ли скоро может представиться возможность опубликования работы целиком (она должна занять приблизительно 20 печатных листов), между тем потребность в библиографических пособиях растет и усили-

---

[1] Такой принцип составления карточек положен был в основу работ, производившихся Библиографическим Бюро при Институте Исследования Сибири в Томске под руководством автора этих строк (1919—1920 г.г.). Так составлены указатели в приготовленных к печати монографиях: «Сибирь в новой русской журналистике» (под ред. М. [illegible]) и «Сибирь в исторических изданиях» (под ред. М. Слободского).

вается по мере развития краеведческого движения. В ряду других краеведческих проблем на одно из первых мест выдвигаются теперь проблемы библиографические. В печати все чаще и чаще раздаются голоса о необходимости поставить в число первоочередных заданий работу «по подытоживанию» собранных и опубликованных материалов. При чем с особенной остротой ставится этот вопрос на окраинах.

С этой точки зрения и при отсутствии библиографических работ общего характера по этнографии Сибири думается, окажется небесполезным и настоящий указатель, дающий возможность частично подытожить этнографический материал в пределах XIX века. Во всяком случае, мы убеждены, что на основе подобных «материалов» в буквальном смысле этого слова, смогут возникнуть те насущно необходимые указатели, блестящий, до сих пор не превзойденный, образец которых дал В. Е. Якушин в своих «Материалах по обычному праву».

План работы обусловлен характером записей на карточках. Поскольку на карточках первоначально отмечалась только принадлежность данной статьи к отделу этнографии, без детального обозначения категорий последней, не представляется возможным и сколько-нибудь строго выдержанная классификация. Конечно, и на основании заглавий можно расклассифицировать материал в духе той или иной излюбленной системы, но такое деление, быть-может, и удовлетворило бы теоретиков библиографии, но едва ли бы принесло существенную пользу этнографам. Поэтому я остановился на простом алфавитном перечне, снабдив его рядом указателей.

К настоящему перечню приложено пять указателей: собственных имен, племенной, географический, предметный и смежных дисциплин. Последний требует некоторых пояснений. Очень часто в тех или иных статьях и работах этнографические материалы трактуются не только с чисто этнографической точки зрения, но захватывают попутно и другие области особенно: антропологию, археологию, историю и др. Вместе с тем, часто и в специально-исторических, археологических, экономических и т. п. статьях встречаются ценные и важные для этнографа материала. Эта естественная смежность и отмечается данным указателем.

В племенном указателе при распределении народностей принята классификация, предложенная покойным С. К. Паткановым в его последней работе «Список народностей Сибири» (Петр. 1923. Тр. Ком. по изуч. племен. состава России). В основу областных приурочений в географич. указателе положено административное деление, имевшее место в конце XIX в., поэтому, напр., Алтай, также, как и Барнаул и др. т. п. отнесены к Томской губернии. Остальные указатели не нуждаются в каких-либо пояснениях.

Хронологические рамки указателя точно определены в самом заглавии; вошедший в него материал ограничен статьями и работами, помещавшимися в т. н. периодических или повременных изданиях. Во избежание недоразумений, считаю нужным указать, что этот термин принят здесь в расширенном виде, со включением в него изданий и явно непериодического характера, как напр., «Труды» ист.-фил. их факультетов, «Записки

Р. Г. О. по отделению географии и т. п. Под периодическими изданиями мыслится издание, включающее в себя серию выпусков, объединенную общим названием и не ограниченное никаким предельным сроком. Поэтому, сюда не вошли такие издания, как, напр., Материалы экспедиции Куломзина или Труды Якутской экспедиции, так как их временные рамки (а равно и количество выпусков) тесно определены заданием. Точно также не вошли в указатель и всевозможные сборники статей на разные темы, как издания единичные или разовые.

В первую очередь просмотрены все журналы общего характера, затем различные научные издания: «Записки» и «Труды» университетов, Академии Наук, Географического Общества и его отделов, Об-ва Любителей Естествознания и т. д. Также целиком просмотрены журналы исторические, археологические, экономические, юридические[1], педагогические и главнейшие ведомственные (Журн. Мин. Нар. Просв., Журн. Мин. Юстиции, Журн. Мин. Пут. Сообщ., Тюремный Вестник и др.) Из журналов специальных просмотрены: церковно-религиозного характера — из них главнейшие: Вера и Разум, Христианское Чтение, Православный Благовестник, Миссионерские журналы, Труды Киевской Духовной Академии и др.; затем частично военные, технические, медицинские и экон.-хозяйственные. Из военных изданий посмотрены только те, которые выходят за пределы узкого военно-технического значения. Таковы, напр., Военный Сборник, Морской Сборник, Вестник О-ва Морских Инженеров, Армейские Вопросы и др.). Тот же принцип применен и к журналам техническим, из которых просмотрен Горный журнал, Известия О-ва горных инженеров, Инженерный журнал, а также издававшийся в Томске Вестник Золотопромышленности. Из медицинских просмотрены только «Протоколы» сибирских об-в врачей (в Иркутске, Томске, Красноярске). Сознаюсь, что следовало бы шире использовать медиц. издания: в сибирских врачебных изданиях можно встретить не мало статей по народной медицине, о вымирании туземных племен и другим аналогичным вопросам. Наконец, очень не полно обследованы сельско-хозяйственные издания, особенно чувствителен для этнографического указателя пропуск журнала «Сельское Хозяйство и Лесоводство». Использованы также Памятные книжки и Календари Губерний и Областей.

Издания еженедельные и газеты в указатель не вошли. Исключение составили статьи из «Нивы», но эти данные заимствованы из известного Тороповского указателя. Вошла одна статья из журнала «Север», для пополнения материалов Потанинской библиографии. Эти статьи отмечены звездочкой; точно также отмечены звездочкой все статьи, внесенные в указатель не по непосредственному просмотру издания, но заимствованные из различных указателей или справочников, а также и внесенные по чьему-нибудь авторитетному и вполне достоверному указанию.

Из рецензий в указатель вошли только такие, которые по своему значению или размерам могут считаться самостоятельными статьями.

---

[1] Отсутствует журнал «Право», как еженедельник, но это несомненно досадный и ощутимый пробел.

Материал распределен в следующем порядке: автор, заглавие статьи, журнал или издание, год, том, выпуск, количество страниц.

Если статья подписана инициалами, то за фамилию принимается последний инициал. (Напр., подпись А. А. К. в указатель заносится: К., А. А.). Года обозначаются двумя последними цифрами (1900 г.—тремя), № ежемесячных журналов обозначается римскими цифрами, также и тома изданий научных, выпуски—арабскими. Арабскими же цифрами отмечаются номера изданий двухнедельных: (напр. «Правосл. Благов.») и еженедельных (напр. «Нива»). Цифры, обозначающие количество страниц, отделены от цифры № издания точкой с запятой.

Различные дополнительные указания от составителя помещены не в прямых скобках, как это обычно принято в библиографических указателях, но (вследствие отсутствия прямых скобок в линотипном наборе—в косых.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.

АлтСб	Алтайск. Сбори.
АрхИз	Археол. Изв. и Заметки
БиблЗ	Библиограф. Записки
БиблИз	Библиограф. Известия
ВБл	Вестник Благотворительн.
ВЕ	Вестник Европы
ВЗол	Вестник Золотопром.
ВиР	Вера и Разум
ВРыб	Вестник Рыболовства
ВСб	Военный Сборник
ГорСУЧ	Город. и Сельск. Учитель
Деят	Деятель
ДумЧт	Душеполезн. Чтение
ЕпИГ	Епарх. Изв. Грузин.
ЕТМ	Ежегодн. Тиф. Музея
ЕстГ	Естествозн. и География
Ж	Жизнь
ЖдВ	Журнал для всех
ЖГрУПр	Журнал Гражд. и Уголовн. Права
ЖМНПр	Журнал Мин. Народн. Просвещения
ЖМЮ	Журнал Мин. Юстиции
ЖЮрО	Журнал Юрид. Общества
ЖСт	Живая Старина
ЗАН	Зап. Акад. Наук
ЗВОРАО	Зап. Вост. Отд. Рус. Археол. Общ.
Земл	Землеведение
ЗЗСОРГО	Зап. Зап-Сибир. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ЗОГ	Зап. по Общ. Геогр. Рус. Геогр. О-ва
ЗОНАК	Зап. О-ва Изучения Амур Края
ЗОС	Зап. по Отд. Статист. Рус. Геогр. О-ва
ЗОЭ	Зап. по Отд. Этногр. Рус. Геогр. О-ва
ЗОЭВСОРГО	Зап. по Отд. Этногр. Вост. Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ЗПрОРГО	Зап. Прикам. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ЗРМО	Зап. Русск. Археол. О-ва
ЗМОЛЕАЭ	Зап. Москов. О-ва Любит. Естествозн., Антр. и Этногр.
ЗЧОРГО	Зап. Читин. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ИАН	Изв. Акад. Наук.
ИРО	Изв. Отдел Рус. Языка и Слов. Акад. Наук
ИВ	Историч. Вестник
ИЗСибОРГО	Изв. Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ИОАИЭ	Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр. (Казань)
ИОЛЕАЭ	Изв. О-ва Любит. Естеств. Антр. и Этн. (Москва)
ИОрОРГО	Изв. Оренб. Отд. Рус. Геогр. О-ва

ИРГО	Изв. Русск. Геогр. О-ва
ИТОРГО	Изв. Туркест. Отд. Русск Геогр. О-ва
ИТУ	Изв. Томск. Унив-а
КалТ	Календ. Тобольск. губ.
КиНд	Книжки Недели
КСт	Киевск. Старина
МБ	Мир Божий
МисО	Миссион. Обозр.
МисСб	Миссион. Сборник
Наб	Наблюдатель
НЖИЛ	Нов. Журн. Иност. Лит.
Нива Пр.	Нива Приложение
Нива Сб	Сборники Нивы
НО	Научное Обозрение
НС	Новое Слово
Обр	Образование
ПамКнЕнТ	Памят. Книжка Енис. губ.
ПамКнИрТ	Памят. Книжка Ирк. губ.
ПамКнСб	Памят. Книжка Семипалатин. обл.
ПамКнЯкО	Памят. Книжка Якут. обл.
ПрВл	Православ. Благовести.
ПрРАО	Проток. Рус. Антроп.О-ва
ПрТКЛА	Проток. Туркест. Кружка Любит. Археологии
ПрТрКОРГО	Проток. Троиц-Кяхт. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ПрТрОВрЕТ	Проток. и Труды О-ва Врачей Енис. губ.
РАЖ	Рус. Антроп. Журнал
РАр	Рус. Архив
РБ	Рус. Богатство
РВ	Рус. Вестник
РМ	Рус. Мысль
РОб	Русск. Обозрение
СахК	Сахалинск. Календарь
Сб2О	Сборник Отд. Рус. Языка и Словесности Акад. Наук
СбИФОИБ	Сбори. Ист-Фил Института имени Безбородко (Нежин)
СбМатИГ	Сбори. матер. для изуч. Нерчинск. губ.
СбМАЭ	Сбори. Музея Антропол. и Этногр. Акад. Наук
СбПрОбЗн	Сборник. Правов. и Обществен. Знаний
СВ	Северный Вестник
Сев	Север
СибСб	Сибирский Сборник
Тр	Труд
ТрАО	Труды Антр. Отд. (О-ва Люб. Ест., Антр. и Этногр. в Москве)
ТрВсОРГО	Труды Вост-Сибир. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ТрВЭО	Труды Вольно-Экон. О-ва
ТрОрГО	Труды Оренб. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ТрПрОРГО	Труды Приам. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ТрТбМОСХ	Труды Тобольск. Отд. Моск. О-ва сельского хозяйства
ТрТОЛЕВр	Труды Томск. О-ва Любит Естествозн. и врачей
ТрТрКОРГО	Труды Троицк-Кяхтин. Отд. Рус. Геогр. О-ва
ТрЭО	Труды Этногр. Отдела (О-ва Любит. Естествозн. Антр. и Этногр. в Москве)
ТрЮрОМУ	Труды Юрид. О-ва при Москов. Унив-те
УчЗКУ	Ученые Записки Казан. Унив-та
ХрЧт	Христиан. Чтение
Худ	Художник
ЧтОИДР	Чтения в Обществе Истории и Древн. Российских при Москов. Ун-те
ЧтОНЛ	Чтения в Истор. О-ве имени Нестора Летописца (Киев)
ЭтО	Этнограф. Обозрение
ЮрВ	Юридическ. Вестник

А, 1. **А., В.** История одной сибирской деревни. СибСб, 95, I; 30. /с. Тасеев. Енис. губ./.

2. **А., С. М.** Мангазея с уездом и новый взгляд на инородческий вопрос. СибСб, 93, II; 8. /по поводу «Мангазеи» проф. Буцинского/.

3. **А—в, В.** К вопросу о сибирской народной песне. СибСб, 99, II; 6.

4. — О прошлом и настоящем сибирских аборигенов. СибСб, 900; 8.

5. **А—в—с—в.** Русское Географическое Общество и его полувековая деятельность. РБ, 96, IV; 5.

6. **Ален—нов.** Письмо из Якутской области. ИСл, 96, II; 5.

7. **Александрин, А.** Из поездки по р. Тымь и Набиль. СахК, 97; 9 /гиляки/.

8. **Александров, А.** Былина и песни Енисейского Округа. ЖСт, 97, I; 5.

9. **Алексеев, П. С.** Вверх по Лене в почтовой лодке. Путевые заметки. ВЕ, 98, VI; 23.

10. — Из Читы на Амур. Выдержки из путевого журнала. РВ, 900, VIII; 11.

11. — По сибирским рекам. Плавание по р. Лене. РВ, 900, I; 23.

12. **Алексий иерод.** Краткий очерк современного религиозного состояния якутов. ИрБл, 900, № 14; 7.

13. **Алекторов, А. Е.** Бакса (из мира киргизских суеверий). ИОАИЭ, 900, XVI, в1; 6.

14. — Очерки внутренней киргизской орды. ИОрОРГО, 93-94, в. 2-3.

15. — Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. ИОАИЭ, 900, XVI, вв. 3-6; 1—128.

16. **Альфтан.** Заметка о рисунках на скалах по р.р. Уссури и Бикину. ТрПр ОРГО, 95, I; 2.

17. **Амурские** инородцы и религиозно-нравственное их состояние. ИрБл, 96, № 8; 5.

18. **Анадырский край.** Земл. 97, I-II; 16. стр. 128—43.

19. **Аничков, И. В.** Женский вопрос в киргизской степи. ИрБл. 95, 23; 7.

20. — Киргизский батырь, Джанходжа Нурмухаммедов. ИОАИЭ, 94, XII, в 3; 46.

21. — Памятники киргизского народного творчества. УчЗКУ, 96, IV; 16.

22. — Поездка на киргизские поминки в 1892 году. ИОАИЭ, 97, XIV(в. 2; 15, а также ИрБл, 97, № 16, 17.

23. — Присяга киргиз перед русским судом. ЖМЮ, 98, IX, 26.

24. **Анучин, Д. Н.** Памяти Н. М. Ядринцева. Обр, 900, VII-VIII; 34.

25. — Рецензия на книгу: «В. М. Михайловский. Шаманство. Сравнительно-этнографический очерк. в. I. 1892». ЭтО, 92, II-III; 7.

26. **Арефьев, В.** В низовьях Ангары. I. Осень. II. Зима. СибСб, 900, I; 36.

27. — **и Розенбаум, С. Л.** Свадьба в Ангарской деревне. ИВСОРГО, 900, XXXI, в. 1-2; 38.

28. **Аристов, Н. А.** Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖСт, 96, II-III; 179. /гл. I. Значение народных преданий и родовых имен и тамг в качестве указат. этнич. состава тюрк. племен и народн.; гл. IV. Тюркские племена и народности Сибири и Монголии. Гл. V. Киргиз—казаки. Гл. VI. Кара-Киргизы. Гл. XIV. Общ. замеч. о преобладающих в этнич. составе тюрк. племен и народн. племенных примесей. Антропологич. данные. Лингвистич. классификация/.

29. — Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов. на основании родословных сказаний о существующих тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологич. исследованиях. ЖСт. 94, II-III; 95.

30. **Арсеньев, Юрий.** Николай Спафарий и его время. РАр, 95, 7; 11.

31. — Путевой дневник от Нерчинского Острога до Пекина, русского посланника Николая Гавриловича Спафария 1776 года. ИОрОРГО, 96, VI.

32. **Археологическая хроника.** АрхИз. 96, № 5-6; /бурятская религиозная коллекция г. Поздеева/; т. № 11-12; /жалованные знамена у бурят; шаманская коллекция г. Шимкевича/; 98, № 3-4; /коллекция И. Л. Гондатти в Музее Академических Наук/.

33. **Астырев, Н.** В гостях у духоборов Иркутской губернии. СВ, 91, IV; 12.

34. — Субботники в России и Сибири. СВ, 91, VI; 35.

35. **Афанасьев, Г.** Переписка на березовой коре в Камчатке в 1767—1768 г.г. РСт, 91 X; 2.

36. **Б., В.** На реке Россомашьей. СибСб, 98; 48.

37. **Бакай, Н.** Захват, купля и продажа инородок Якутской области, сибирскими служилыми людьми в первой половине XVII века. ИОАИЭ, 93, в. 2; 2.

38. **Баранов, Е.** Козу-Курпеч и Баян-Слу (киргизское народное предание). НиваПр, 92, II.

39. **Бартенев, В.** О русском языке в Обдорском крае. ЖСт, 94, I; 3.

40. — Погребальные обычаи Обдорских остяков. ЖСт, 95, II-III; 3.

41. — Понятия обдорских остяков о грехе. ЕТМ, 95-96, V; 12.

42. **Бартольд, В. В.** Новые исследования об орхонских надписях. ЖМНПр, 99, X; 20.

43. — Отзыв о работе Н. Аристова /по нашему указ. № 28/. ЗВОРАО, 99, XI; в. 4.

44. **Башманов, А. А.** Алтайские очерки. РВ, 99, IX; 8. /Гл. I. Природа и люди. Типы сибиряков/.

45. **Безучастие местной власти** и бессилие Омской Миссии в борьбе с сектантством. МисО, 99, май; 7.

46. **Беликов, Д. Н.** Старообрядческий раскол в Томской губ. (по судебным данным). ИТУ, 95, VII; 39.

47. — Томский раскол. Исторический очерк от 1835 по 1880 г. ИТУ, 99, XVI; 901; XVIII; 248.

48. **Белиловский, А.** Антропологическая характеристика киргизской женщины. ПрРАО, 97-98; 3.

49 — Об обычаях и обрядах при родах инородческих женщин в Сибири и Средней Азии. ЖСт, 94, II-III; 15.

50. **Белоконский, И.** Минусинский Шубинин. Музей и библиотека. ВВ, 99, II; 15.

51. **Бенедиктов, В.** В горах Алтая. ВБл, 98. II; 5.

52. **Берхольц-фон, Лев.** Горные башкиры-катайцы. ЭтО, 93, III; 10.

53. **Бестужев-Рюмин, К.** Отзыв о труде А. Н. Пыпина: «История русской этнографии». А. Н. Пыпина: «Отчет о 34-м присужд. наград гр. Уварова»; 30.

54. **Библиографические труды** в области этнографии (заметка). БибИз, 92 III; 2.

Бобринский, А. А. См. Радлов, В.

55. **Бобровников, Н.** Калмыцкие издания Православного Миссионерского Общества. ЖМНПр, 95, X; 14.

56. **Б-ов, И. Н.** Гнездо стужи. (Якутская область). Очерк РВ, 96, XII; 21.

57. **Богораз, В.** Краткий отчет об исследовании чукоч колымского края. ИВСОРГО, 99, I; 51. Кр. реф. ПрБл, 99, № 6.

58. — Ламуты, (Из наблюдений в Колымском крае). Земл. 900, I; 13.

59. — Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора. ИАН, 99, X; № 3.

60. — Русские на реке Колыме. Ж,. 99, VI; 22 /с фотогр./.

61. — Русские на Колыме. ИРГО, 99, XXXV; /кр. излож. доклада/, также КпИд, 99, VII; 2.

62. — Русское население на Колыме. Зем., 99, IV; 13.

63. — Сказание об Эленди и его сыновьях (перев. с чукотск.) ЖСт. 99, III; 20

64. — Три сказки, записанные в Колымском крае. ЖСт, 99, II; 10.

65. — **и Иохельсон, Вл.** О сибирском Полярном Отделе северо-тихоокеанской экспедиции. ЖСт, 900, I-II; 1.

66. **Богородицкий, В.** Из области лингвистической археологии. Слово «хомут» в индо-европейских и урало-алтайских языках. ИОАИЭ, 93, XI, в. 2; 7.

67. — Рец. на работу W. Anderson'a: «Wandlungen der anlautenden der talen Spirans im Ostjakischen». ИОАИЭ. 94, XII. в 1; 5.

68. **Борисов, С.** Записки миссионера киргизской миссии. ПрБл, 95, №№ 13, 14, 16.

69. **Браиловский, С.** Отчет по командировке на Сучан в 1896 г. ЗОНАК, 900, VIII, в. 2; 12.

70. — Угасающее племя. ПрБл, 97, № 6; 5 /газы бас. р. Судухэ/.

*71. **Брем, А.** Бытовая и семейная жизнь киргизов. НиваПр, 94, № 2.

*72. — Леса и охотничий промысел в Сибири. НиваСб, 92, № 4.

*73. — Остяки-идолопоклонники. НиваПр, 97, № 6.

*74. — Путешествие по Сибири. НиваСб, 93, № 5.

*75. — Степные кочевники-скотоводы. НиваПр, 94, № 4.

76. **Бретшнейдер, Э. В.** О путях по Монголии. ЗОГ, 92, XXII, в 1; 34.

77. **Б—тов, Г. Б.** Кустарная промышленность и важное ее значение для края. СпбСб, 900, II; 16.

Буланже, Л.—см. Шахматов, А.

Буссе—см. Дьячков, Н.

78. **Буцинский, П.** Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. ВвР, 93, II, III, VIII, X.

В. 79. **В., Н.** Минусинский Публичный Музей. ЖСт, 91, IV; 1.

80. **В., С.** Очерки Колымского Края. Чукчи и русские. СибСб, 97, I-II; 8.

81. **Вагин, В.** Старое время Сибирского Географического Отдела. СибСб, 96, I; 8.

82. **Вакулевский, Н.** О [illegible] самоедов в Нарыме. ВРыб, 97, IV.

83. **Варпаховский, Н.** Крючковые снасти Обско-Иртышского бассейна и «юровой» промысел на Иртыше. ЕТМ, 96, X; 20.

84. — Рыбный промысел в водах Сибири. ВРыб, VI, VII, VIII, IX.

85. **Васильев, А.** Киргизская сказка о [illegible]. ИОрОРГО, 97, XI.

86. **Васильев, М. К.** К статье «Восточные параллели к русским сказкам» Г. Н. Потанина. ЭтО, 91, III; 1.

87. **Веселовский, Н. И.** Дополнение к библиографическому указателю статей, касающихся этнографии киргизов и каракалпаков, составленному А. Н. Харузиным. ЭтО, 91, IV; 4.

88. — К библиографии киргизских сказок. ЗВОРАО, 90, V; 1.

89. — Орхонские открытия. ЖМНПр, 94, IV; 13.

90. **Виноградов, Н. А.** Из дневника сибирского миссионера. ИрЕв, 99, №№ 11, 12, 13, 14, 15.

91. — Нечто о «Мейкори». ИрЕв, 97, № 14.

92. **В-ич, М.** Юридические обычаи якутов. ЖГрУПр, 91, III; 70.

93. **Виташевский, Н. А.** Изображения на скалах по р. Олекме (с рис.). ИВСОРГО, 97, XXVIII, в 1; 8.

94. **Вогульская сказка.** СибСб, 91, II; 5.

95. **Воробьев, Г. А.** [illegible] в Сибири. ИВ, 98, VIII; 7.

— См. Конций Иосиф.

96. **Воронов, А. Г.** Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губ. ЗОЭ, 900, XVIII; 50. /Род, семья, наследство, [illegible], догов. обязат., преступление, судопроизводство/

97. **Вруцевич, М. С.** Обычное право, культура и жизнь в Якутской области. ЗОЭ, XVII, в 2; 41. Ст. также В-ич, М.

98. **В-ский.** Якутская Палестина (из раз'ездов по Якутскому краю). СибСб, 91, II; 21.

99. **Вести** из экспедиции П. К. Козлова. III. Из письма В. Ф. Ладыгина. ИРГО, 99, XXXV; 15. /О монголо-урянхах и киргизах кереевцах/.

100. **(Воронцов, К.).** Форма погребения у инородцев и древних народов Восточной России. ИОАИЭ, 92, в 1; 60-92 /камчадалы, коряки, чукчи, якуты, гольды, орочены/: в 3; 10. /Гиляки, карагасы, качинцы, бельтиры, тунгусы, долганы, самоеды, остяки, [illegible]/: в 4. 396-401 /киргизы, калмыки/.

101. **Вымирающее** племя. ВостО, 99, III; 2. /Заметка о карагасах/.

Г. 102. **Газенвинкель, К.** О чуде в Тобольске. ЖСт, 91, III; 1.

103. **Гаков, И.** Якуты, по их сказаниям, [illegible] и истории. [illegible], 95, XI; 10.

104. **Геккер, Н. Л.** К характеристике физического типа якутов. [illegible], 96, III, в 1; 103.

104 а. **Геккер, Н.** Три якутские черепа. ИВСОРГО, 96, XXV, в 4-5; 13.

105. — [illegible]. Земл, 98, III-IV; 7 /[illegible]/.

106. **Gennep, A. de.** Дополнения к библиографии о бурятах. ЭтО, 900, III; 1.

107. **Глинский, Б. Б.** Н. М. Ядринцев. ИВ, 94, VIII; 3.

108. **Говоров, Ин.** Из Якутской Области. О [illegible] в Б[illegible] улусе. ТрВЭО, 95, IV.

109. **Головачев, Д.** В верховьях Томи. Земл, 94, I; 62-81 /с рис. природа, население/.

110. — Заметки о русской колонизации Сибири. Земл, 94, IV; 29-58.

111. **Головачев, М.** В горах Алтая. СибСб, 97, IV; 26.

112. **Голубев, П.** Очерки сибирской жизни и некоторые переселения на Алтае. ЮрВ, 92, I-II; 52.

113. **Гондатти, Н. Л.** Оседлое население реки Анадыря. ЗПрОРГО, 97, III, в 1; 54.

114. — Письмо из с. Марково на р. Анадыре, [illegible] (Беринговом Проливе). ЗПрОРГО, 98, IV, в 1, 70.

115. — Сведения о поселениях по Анадырю. ЗПрОРГО, 97, III, в 1; 71-110.

116. — Сообщение об Анадырском округе, его обитателях и их жизни. ИРГО, 98, XXXIV; 3.

117. — Состав населения Анадырского округа. ЗПрОРГО, 97, III, в 1; 12 Также см. № 274.

118. **Григорьев, С.** Обряды и песни русской простонародной свадьбы в Южной части Минусинского округа. СибСб, 94, IV; 8.

Д. 119. **Д.** О гиляках. (Заметка). ПрБл. 92, № 12. Также КнНд, 92, XII; 2.

120. **Д.** Труды орхонской экспедиции. ИВСОРГО, 96, XXVI; в 4-5; 247-8.

121. **Диваев, А. А.** Древне-киргизские похоронные обычаи. ИОАИЭ, 97, XIV, в 2; 7.

122. — Из области киргизских верований. Баксы, как лекарь и колдун. ИОАИЭ, XV, в. 3; 6.

123. — Киргизская колыбельная песня, ИТОРГО, 900, II, в. 1.

124. Киргизские причитания по покойным. ИОАИЭ, 98, XIV, в 5; 15.

125. — Киргизский рассказ о звездах. ИОАИЭ, 97, XIV, в 3; 7.

126. — Киргизское описание солнца, наход. на небесах (текст и перевод) ИОАИЭ, 97, XIV, в 3; 7.

127. — Легенда о происхождении Албасты, Джинны и Дива (киргизский текст и перевод). ИОАИЭ, 97, XIV, в 2; 57.

128. — Месяцы по киргизскому стилю, с обозначением народн. примет. ИОАИЭ, 96, XIII, в 4; 3.

129. — Несколько слов о свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. УчЗКУ, 900, IV; 27.

130. — Памятники киргизского народного творчества. Киргизская былина о Бикете-Батыре. УчЗКУ, 96, XI; 72.

*131. **Добросмыслов, А.** Киргизские изделия из шерсти и волос. ИОрОРГО, 99; XIII.

132. **Дубенский, М. М.** Промысловые артели. СибСб, 99, I; 31. /Енис. артели рыбаков, способы ловли; артели плотников; артели заготовл. лесной матер./.

133. **Дунин-Горкавич, А. А.** Проэкт программы для исследования экономического быта населения севера Тобольской губ. ЕТМ, 97, VIII; 7.

134. — Рыболовство Тобольской губ. ВРыб, 98, IX, X, XI.

135. — Север Тобольской губ. Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. ЕТМ, 97; 163. /Гл. II. Население, этнич. состав и расселение. Гл. V. Промыслы. Приложение 2. Словарь технических термин., употребл. в работе; прил. 3. Проект программы для исследов. экономич. быта насел. севера Тоб. губ./.

136. **Дьячков Г.** Анадырский край. Рукопись жителя с. Марково. ЗОНАК, 93, II; 168. /Гл. III—V. Население. Жилища, промыслы, обычаи и обряды/.

Е. 137. Е. Инородцы Уссурийского края. ПрБл. 95, № 11; 1.

138. **Е., В. С.** Якутский род. ИВСОРГО, 96, XXVI, в 4-5; 23.

139. **Е., Е.** В стране айнов. ПрБл, 91, X; 6.

*140 **Елисеев, А. В.** По Южно-Уссурийскому краю. ИВ, 91; II, III, IV. /С иллюстр.).

*141. — Южно-Уссрийский край и его русская колонизация. ИВ, 91, VI, VIII, X, 92, VI.

142. **Елисеев Евр.** Записки миссионера Киргизской миссии. ПрБл, 94, № 5-6; 96, № 21; 98, № 5-6; 99, № 2; 900, № 13; 15.

143. — Из киргизской миссии. ПрБл, 96, № 19; 98, № 23-24.

144. **Е—ский, Н.** Сибирские инородцы. Чукчи. ПрБл, 98, №№ 13, 14, 15, 16, 20, 21.

145. **Еще одно сказание** о Ермаке. ИВ, 94, III; 41.

146. **Журнал** юбилейного собрания ИРГО, 21 мая 1896 г. ИРГО, 96, XXXII; 27.

З. 147. **Z.** Сведения о языческих верованиях и обычаях прежних якутов. ПрБл, 95, №№ 8, 13.

148. **Загоскин, Мих.** Одна из сибирских общин (селение Граповское). ПамКнИрГ, 91; 92. /Гл. III-IV. Занятия жител.; V. Народонасел. VII. Праздничные увеселения, обычаи и обряды. VIII Общин. порядки и правов. воззрения/.

149. **Заметка** о влиянии уголовных ссыльных на якутское население. ПамКн ЯкО, 96; 51.

150. **Заметки** о сахалинских гиляках. ТюрВ, 93; 2.

151. **Зеланд, Н. Л.** К антропологии Западно-Сибирского крестьянина. РАЖ, 900, III; 7.

152. **Зобнин, Ф.** Вещица или труболетка. ЖСт, 96, III-IV; 2.

153. — Игры в слободе Усть-Ницынской Тюмен. окр. ЖСт, 96, III-IV; 4.

154. — Из года в года (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюмен. округа). ЖСт, 94, I; 28 /I. Весен. заботы и работы; пахота и рыболовство; троицын день; IV. Межепное время и страда. V. Вечорки; песни и игры/.

155. — Усть-Ницынская слобода Тюменского у. Тобольской губернии. ЖСт, 98, II; 32 /Пища и питье. Свадебн. стол. Одежда, обувь, белье. Обычаи и обряды при рождении. Болезни и смертность. Домашний быт Великий четверг. Старинная посуда/.

156. — Поездка на Алтай. ЖСт. 97, III—IV; 26. (Весенние игрища. Песни).

157. — Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда. ПамКСО, 900; 25.

См. № 417.

И.

158. **И—в, Н.** У киргизов. ИрБл, 900, № 8; 4.

Иванов, В.—См. Швецова, М

159. **Ивановский, А. А.** Алтайский миссионер, протоиерей В. И. Вербицкий. ЭтО, 91, I; 4.

160. — Библиографический указатель книг и статей о чукчах. ЭтО, 91, III; 9.

161. — К библиографии Сибири. БибЗ, 92, II; /по поводу труда В. Межова/.

162. — К космогоническим легендам дуалистического типа. ЭтО, 92, II-III; 2. /с. Тунка, Ирк. губ./.

163. — Киргизская легенда о веретене, обратившемся в гору. ЭтО, 93, I; 2.

164. — Периодические издания Сибири и Средней Азии (1789—1891). БибЗ, 92, VII; 14. /Указатель статей по этнографии/.

165. — Александра Викторовна Потанина. ЭтО, 94, I; 3.

166. — Рецензия на труд В. И. Межова «Сибирская библиография...». ЭтО, 92, I; 8.

167. — Указатель этнографических статей, содержащихся в сибирских изданиях от начала их существования. ЭтО. 91, II, III, IV; 19.

168. **Ивановский, С.** Записки миссионера Алтайской миссии. ИрБл, 95, № 10, 12; 96, № 15, 16; 97, № 1, 2.

169. **Иванюков, И.** Очерки провинциальной жизни (положение инородцев Сибири). РМ, 94; XI; 189-190.

*170. **Игнатов.** По Южному Алтаю. Земл, 97, I-II; 28.

171. **Известия и заметки.** ИрБл, 93, № 2 /Алтайский раскол/; № 7 /Убийство стариков у чукчей/; 94, № 9 /из прошлого остяков и самоедов. Лукоморье и древние обитатели сев.-зап. Сибири/; № 10 /тюрко-финск. племена Сибири по новейшим данным/; 95, № 3 /о вымирании сибирских инородцев/; 96, № 1 /новейшие переводы разных книг на якутский язык/; № 9 /о докладе Якобия: угасание инор. Тоб. губ./ 98, № 7 /урянхайцы и их быт/; № 21 /бурятское суеверие (по поводу сиб. язвы)/; № 20 /сообщ. Н. Гондатти о чукчах/; 99, № 6 /сообщение Богораза о чукчах/; № 17 /кочевые киргизские школы/; 900, № 14 /вопрос о ранних браках между инородцами/.

172. **Известия** иностранных писателей о народах Восточ. России. **Strahlenberg.** Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm 1730. ИОАИЭ 93, в. 3; /барабинцы, юкагиры, камчат. татары, канские татары, килаки, коряки, тунгусы/.

173. **Из провинциальной печати** (Анадырский окр.; чукчи, отношение их к нам и американцам). СВ, 91, II; 48-49.

174. **Из русских изданий.** (Обоготворение медведя. Нищие и преступники у монгольских буддистов). КиИд, 94. VIII: 204—10. (Сибирские дикари и цивилизация). 97. VIII; 288—90. (Тип сибиряка). 99. X; 226-7. /О сибирских музеях. Минусинск. Тобольск/. 92, IV, 36—40: XI; 37-8; 93, VII; 204—6.

175. **Из текущей жизни.** (Людоедство или человеческие жертвоприношения у сибирск. инородцев). РВ, 98, VIII, 388-9.

176. **Инородческое** население по притокам Уссури, р.р. Бикину, Иману, Вак. ТрПрОРГО, 95, 1; 20.

177. **Инфантьев, П.** За уральским бобром. Путешествие в страну вогулов. Из дневника туриста. ВЕ, 94, VI. VII; 72.

178. — Среди вогулов. ЖдВ, 98. VI. VII;

179. **Иохельсон, Вл. Ил.** Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие племенных элементов. ЖСт. 900, I-II; 43. /Юкагиры, чукчи, ламуты, тунгусы, якуты; с 27 фот./.

180. — То же в кратком изложении. ИРГО, 99, XXXV; 5.

180-а. — Заметки о населении Якутской области. Земл, 95, II-III; 8. /Русские, якуты, тунгусы, ламуты, юкагиры, чуванцы, чукчи/.

181. — Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. ЖСт, 95, II; 35 /русские, якуты, тунгусы, ламуты, юкагиры, чуванцы, чукчи/.

182. — К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа. ПВСОРГО, 97, XXVIII, в. 2; 6.

183. — Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора. ИАН, 98, IX, № 2.

184. — Олекминские скопцы. ЖСт, 94, II, III-IV; 35.

185. — По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. ИРГО, 98 XXXIV; 45 /с картой и 5 рис./.

186. — Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского края и Верхоянского округов. ПВСОРГО, 98, I; 44 /с картою маршрутов/.

187. — Рецензия на работу М. С Врублевича.—См. № 84. ЭтО, 93, IV; 8.

188. — Сибирский Отдел северо-тихоокеанской экспедиции, снаряженной Американским Музеем Натуральной Истории (письмо с пути). РАЖ, 900, II; 3.

К.

189. **К** вопросу о переходе киргиз Семипалатинской Области в оседлое состояние. ПамКиргСО, 98.

190. **К** вопросу о развитии земледелия в Якутской Области. ПамКиргЯкО, 96; 96.

191. **К** вопросу о скотоводстве у Якутов. ПамКиргЯкО, 96; 60.

192. **К.** Вымирание инородцев. ПрБл, 95, № 12; 5.

193. **К.** Указатель статей по археологии, истории и этнографии Сибири, помещенные в Тобольских газетах 1891-92 г.г. КазТГ, 93; 8.

194. **К., А.** Формы погребения у современных и древних народов Восточной России. Буряты Заб. обл. ИОАИЭ, 92, II; 10.

195. **К., А. А.** Хозяйственный и общинный быт крестьян и инородцев Иркутской губ. СВ, 91, VIII, IX, X; 65.

196. **К., Г. Ц.** Новый год у Забайкальских бурят. ПрБл, 97, № 2; 4.

197. **К., Н.** Содействие наших миссий к устройству оседлого быта кочевников. ПрБл, 96, № 4; 8.

198. **Калачев, А.** Несколько слов о поэзии теленгетов. ЖСт, 96, III-IV; 12.

199. — Поездка к теленгетам на Алтай. ЖСт, 96, III-IV; 12.

200. **Каменский, Р.** Из якутских легенд. I. Александр Македонский. СибСб, 94, V-VI; 2.

201. **Каншин, Тер.** Из записок красского миссион. алтайской миссии. ПрБл, 98, №№ 22, 23.

202. **Каталог** Сахалинского Музея. СахК, 98; 176—92.

203. **Катанаев, Г.** Киргизские степи. Средняя азия и Северный Китай в XVI и XVIII в.в. по показаниям, разведкам, досужим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых сибирск. людей. ЗЗСОРГО, 93, XIV; в. 1.

204. — Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского у. в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культур. взаимодействии масс). ЗЗСОРГО, 93, XV, в. 2; 1—38.

205. **Катанов, Н. Ф.** Винокурение у Абаканских татар Енисейской губ. Деят, 99, VIII-IX; 3.

206. — Качинская легенда о сотворении мира. ИОАИЭ, 94, XII, в. 2; 185—88 /записано в Енис. губ./.

207. — Литература археологии, истории и этнографии во второй половине 99 года (по газетам, ведомостям и журналам, получаемым Общ. Арх., Ист. и Этн.). ИОАИЭ, 900, XVI, в. 3; 13.

208. — Народные приметы и поверья бельтиров. Деят, 96, VIII; 2.

209. — О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОАИЭ, 94, XII, в. 2; 33 /бельтиры, сагайцы, каргинцы, калары, карагасы, урянхайцы, китайские казаки-киргизы, любинские татары. Народ. приметы, предвещающие смерть/.

210. — О поездке в Минусинский Округ. ИОАИЭ, 97, XIV, в 2; 3 /с этнограф. и лингвист. целями/..

211. — Об этнографическом исследовании тюркских племен в Восточной Сибири. Монголии и Северном Китае. ЖСт. 92. I. IV; 76.

212. — Обзор тюрпко-татарских племен. УчЗКУ, 94, III; 16.

213. — Опыт исследования Урянхайского языка. УчЗКУ. 99. XI, XII; 900. II. V-VI, VII-VIII. X, XI.

214. — Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 октября 1896 года в Минусинский Округ. УчЗКУ, 97, III; 105 /быт и язык тюркских племен; бельтиров, койбалов, сагайцев, качинцев/.

215. — Письма из Сибири и Восточного Туркестана. ЗАН. 94. LXXIII; 114.

216. — Погребальные обряды Тобольских татар. ЕТМ, 98, IX; 48-49.

217. — Поездка к карагасам в 1890 г. ЗОЭ, XVII, в. 2; 100.

218. — Предания инородцев о том, как русские захватили их земли. Деят, 98, III; 4.

219. — Предание тобольских татар о грозном царе Тамерлане. ЕТМ, 98, IX; 3.

220. — Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке. ЕТМ, 95-96, V; 12.

221. — Рецензия на работу Е. Неклюдова: «Словарь-самоучитель 1500 татарских слов и т. д.». УчЗКУ, 97; 15.

222. — Сагайские названия 13 месяцев года. ИОАИЭ, 97, XIV, в. 2; 2.

223. — Сагайские татары Минусинского Округа, Енисейской губ., по статистическим данным, собранным в 1889 году. ЖСт, 93, IV; 22

224. — Сагайское стихотворен. (текст и перевод). ИОАИЭ, 97, XIV, в. 2; 12.

225. — Тюркские сказания о трех братьях. ИОАИЭ, 95, XII, в. 5; 10 /сагайская сказка/.

226. — Тюркские сказки о человеке, понимавшем язык животных. ИОАИЭ, 97, XIV, в. 3; 8 /1) джагатайская, 2) турфанская, 3) бельтирская, 4) сагайская/.

227. — Шаманское нагорное жертвоприношение. ИрБл, 97. № 24; 4.

228. — Этнографический обзор турецко-татарских племен. УчЗКУ, 94, III; 20 /с библиографич. указателем/.

229. — **и Роганович, И. П.** Сагайская и сербская сказка о чорте и женщине. ИОАИЭ, 97, XIV, в. 3; 6.

230 **Кауфман, А. А.** Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Сибири (к вопросу о сравнит. характеристике переселенца и корен. сибир. крестьянина). СВ, 91, IV; 25.

231. — Заглавная история общины (опыт развития земельных порядков сибирской общины по данным новейших исследований). ВЕ, 93, VI; 5.

232. — Новый труд по изучению сибирских инородцев. ИВСОРГО, 99 I; 30 /о книге А. А. Кузнецова и П. Е. Кулакова «Минусинские и Ачинские инородцы»/.

233. — Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского окр. АлтСб, 94, I; 72.

234. — Сложные формы общинного землевладения в Сибири по местным исследованиям 1887—92 г.г. ИВСОРГО, 96, XXVI, в. 4-5; 57.

235. **Киргизов, Гр.** Убой медведя (гиляцкий праздник). ТюрВ, 96.

236. **Киргизский праздник.** Из путешествия принца Генриха Орлеанского. Худ, 91, VII; 4.

237. **Кириллов, Н. В.** Айно /кр. сообщение/. СахК, 98; 5.

238. — Дацаны в Забайкалье ЗИпОРГО, 96, I, в. 1; 74 /с 4 прил./.

239. — Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье. ЭтО, 93, IV; 47.

240. — Морские промыслы Южного Сахалина. ЗОИАК. 900. VII. в. 2; 30 /айны, русские/.

241. **Клеменц, Д. А.** Заметка о тюсях. ИВСОРГО, 92, XXII, в. 4-5; 13.

242. — Местные музеи и их значение в провинциальной жизни. СпбСб, 92, II; 35.

243. — О предполагаем. летом 1892 г. экспедициях Вост.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва. ИРГО. 92, XXVIII; 3.

244. — Отдельная экскурсия в Вост. Забайкалье. НАН, 96, IV, в. 1 /монг., забайк., тюрк. плем./.

245 — Отдельная экскурсия в Вост. Монголию. НАН, 96, № 1 (орхон. надп.).

246. — Северо-азиатские рунические письмена и чтение их. ИрТрКОРГО, 95.

247. **Ковалик, С.** Верхоянские якуты и их экономическое положение. ИВСОРГО, 94, XXV, в. 4-5; 51.

248. **Комаров, Н. П.** Инородческий вопрос в Сибири. ИрВл, 95, № 12; 10.

249. — Очерки верований инородцев, среди которых действует наша миссия. 1. Шаманство. 2. Шаманы. ИрВл, 93, №№ 1. 2. 3. 4. 8. 9.

250. **Кон, Ф. Я.** Беременность, роды и уход за ребенком у качинцев. РАЭ, 900. IV; 1.

251 — Николаевская слобода. Намского улуса, Якутского округа. СпбСб, 98; 17.

252. — Хатын-Арынское скопческое селение (Якут. обл.). ИВСОРГО, 96, XXVI, в. 4-5; 60.

253. **Коншин, Н.** Переселенческие поселки в УстьКаменогорском у. ПамКнСО, 99; 128 /племенной состав жителей/.

254. **Коповский, В. Д.** Зимовья и летние стойбища киргиз. ВЗол, 97, II; 3.

255. **Копций, Иосиф.** Описание путешествия вдоль всей Азии от Охотского порта по океану, через Курильские острова до Нижней Камчатки, а оттуда до того же самого порта на собаках и оленях. Перевел и сообщил Г. А. Воробьев. ИВ, 96. X—XII; 75.

256. **Корат, В. А.** К истории картографии Сибири. ЧтИОИЛ, 99, XIII; 3.

257. **Кориков, Л.** Песни вогулов. Былины. Песни. ЕТМ, 98, IX; 4.

258. **Костюрина, М. Н.** Крестьянская свадьба в подгородных деревнях г. Тобольска. ЕТМ, 98, IX; 16.

259. — Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях Тобольского округа летом 1894 г. ЕТМ, 95. III. IV; 80. /С нотами/.

260. **Котельников, А.** Инородческий вопрос в России. Наб., 97, II; 15.

261. **Кочнев, Д. А.** О погребальных обрядах якутов Вилюйского округа Якут. обл. ИОАИЭ, 95, XII; в 5; 11.

262. — Очерки юридического быта якутов. ИОАИЭ, 99, XV, в 5-6; 174.

263. **Кравцов.** На празднике у бурят в Гусиноозерском дацане. ИрВл, 97. №№ 8-9.

264. **Краснов, А. Н.** На острове изгнания. КиИд, 93, VIII, IX.

265. — На Сахалине. Из воспоминаний путешественника. ИВ, 94, II, III; / Гиляки, орочоны, айны, русские/.

266. **Кратний** очерк открытий и описаний о. Сахалина и первых на нем русских поселений. СахК, 97; 17.

267. **Крафт, И.** Принятие киргизами русского подданства. ИОрОРГО, 97, XII.

268. **Крахалев, А, И.** Дополнение к указателю литературы о киргизах. ЭтО, 92. II-III; 5.

269. — Народный суд у киргизов. ЮрВ, 92, III; 2.

*270. **Кривенко, С.** Артель—община из переселенцев. НСл. 96. VI; 19.

271. — Очерк жизни крестьян Тарского окр. Тоб. губ. МВ. 94, IX. X; 27.

272. **Крель, М. А.** Брачное право у бурят. ЖМЮ, 900, I; 48.

273. — Брачные обряды и обычаи у Забайкальских бурят. ИВСОРГО, 94. XXV, в 1; 34.

274. — К вопросу о классификации типов землепользования. НО, 900, IX; 4.

275. — Краткий очерк истории Забайкальских бурят; их общественный строй; брачные и семейные отношения; культ. успехи и вероятная будущность Заб. бурят. (Крат. излож. доклада). ИРГО, 99, XXXV; 2.

276. — О Забайкальских бурятах. ЗЧОРГО, 96, I; 26.

277. — Охотничье право и звериный промысел у бурят. ИВСОРГО, 94, XXV, в 4-5; 30.

278. — Очерк экономич. быта инородцев Селенг. окр. ИрТрКОРГО, 96, в 3; 49.

279. — Но кочевьям Забайкальских бурят: НСл, 97, V, VI, VII; 75.

280 — Предварительный отчет о работах по исследованию Забайк. бурят за период 1892—95 г.г. ИВСОРГО, 96, XXVI, в 4-5; 12.

281. — Эволюция землепользования у Забайкальских кочевников. НО, 900, VI. VII; 18.

282. **Кропоткин, Д.** От устья Тунгуски до сопки Каутыр. ЗОНАК, 96, V, в 1: 21. /Гольды/.

283. **Кузнецов, А. К.** Изюбриный промысел и развитие изюбреводства в Забайкальской области ЗЧОРГО, 98. III.

284. — Речь, произнесенная по случаю 50-летия РГО. ЗЧОРГО, 97, II; 39.

285. **Кузнецов, Е. В.** Указатель статей, помещенных в Тобольских газетах за 1891—92 г.г. КазТГ; 93.

286. **Кузнецова, А.** Четыре сказки Минусинских инородцев. ЖСт, 99, I: 140-9.

287. — Шесть сказок Минусинских татар. ИВСОРГО, 92, XXII, в 4-5; 10.

288. **Куланов, П.** Инородцы и инородческий вопрос на Нижегородско-всероссийской выставке РБ, 96, XII; 23.

289. — Копак. (Из поездок по инородцам). ЖдВ, 98, VIII; 8. /Минус татары/.

290. — Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхол. окр. Иркут. губ. ЗОСт, 98, VIII; в 1; 245. /Население. Землевладение. Земледелие. Утуги. Искусст. орошение. Скотоводство.

361. **Насенин.** Корейцы Приамурского края. ТрПрОРГО, 95, I; 36.

362. **Начальное образование** среди киргизов. ГорСУч, 99, 99, I; 2.

363. **Наши внутренние дела** (Пятидесятилетний юбилей Рус. Геогр. О-ва. Что сделало это о-во для изучения русских окраин своими экспедициями). Наб, 96, IV; 5.

364. **Никольский, Д. П.** О чукчах Колымского округа. РАЖ, 900, II; 7.

364-а. **Никольский Иоанн.** Записки миссионера киргизской миссии. ПрВл. 95, № 6; 20.

365. **Носилов, К.** Алтайские очерки. 1. Горные пикеты. ЕстГ. 97. V; 15 /киргизы/.

366. — Вогулы. десять лет назад и теперь. ПрВл. 97, №№ 19, 20.

367. — Вогулы, их жизнь, обычаи и верования. ПрВл, 99, I, №№ 1, 6, 8.

368. — Из последней моей поездки на Я—мал. ПрВл, 98, 1; 8 (у могилы Тадибея); IV; 7 /две могилы самоедов/; V; 12 /плясовая изба самоедов/.

369. — Как люди женятся (из сибирских нравов). РМ, 96, VII; 22.

370. — Миссионерское дело среди киргизов. ПрВл, 96; №№ 18, 19.

371. — Мои заметки о жизни, обычаях и верованиях самоедов. ПрВл, 96, №№ 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9.

372. — Мои записи о жизни, обычаях и верованиях самоедов. ПрВл. 95, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 10, 12, 13.

373. — По юго-западной Сибири ЕстГ, 96, II, III, IV, VI, VIII, IX—X. /вдоль Великой Сиб. ж. д.; по р. Иртышу; от Павлодара до Семипалатинска; Усть-Каменогорск; пчеловодство Алтая/.

374. — Путешествие к вогулам. ЕстГ, 97, VI; 22. /Тоб. губ. Юрты. Промысл. охота; медвежий праздник; музыка, песни: жертвоприношения/.

375. — Серебряная баба. ПрВл, 98, №№ 13, 14 /у вогул/.

376. — У Шайтана. ПрВл, 97, №№ 10, 12 /из жизни вогулов/.

О.

377. **О способах** лечения у киргизов. ПрВл, 96, 4; 6.

378. **О шаманстве.** ПрВл, 94, №№ 10, 11.

379. **Обозрение иноепархиальное.** МисСб, 95, II; 175-8 /единоверие в Томской губ./; 96, 1, II; 92, 188-96 /состояние раскола в Томской губ./; V; 438-43 /раскол в Томской губ.; особенности сибирского раскола/; VI; 535-6 /раскол в Томской губ./.

380. **Обрусение** западно-сибир. инородцев. Заметка. ИОАИЭ, 92, в. 3; 2.

381. **Обручев, В. А.** Краткий обзор экспедиций РГО для исследования материка Азии с 1846 по 1896 г. ИВСОРГО, 96, XXVII, в. 1; 40.

382. — Краткий очерк 50-й летней деятельности РГО по исследованию Азии. СибСб, 96, I; 18.

383. **Овчинников, М.** Из материалов по этнографии якутов. ЭтО, 97, III; 148-84 /легенды, сказки, предания/; IV; 77-8 /очерки общественной жизни: 1) рабство, 2) умыкание; 98, I; 101—13 /юридические обычаи/.

384. — К народной медицине Якутской области. ЭтО, 92, I; 5.

385. — Чем лечатся сибирские крестьяне. ЭтО, 93, III; 4.

386. — и **Припузов, Н.** Заметки по народной медицине якутов и иркутян. ЭтО, 98, II; 5.

387. **О-в, А.** И. М. Ядринцев. ЖМИПр, 94, VIII; 4.

388. **О-в, В.** Кузьменко СибСб, 94, III; 10 /из жизни скопцов в Сибири/.

389. **Оглоблин, Н. Н.** «Знамена» сибирских инородцев XVII в. ЗУОЛЕАЭ, XIII, в I. /более 100 рис./.

390. **Огснер.** Из полярного края. СибСб, 96, I; 62.

391. **Оксенов, А. В.** Ермак в былинах русского народа. ИВ, 92, VII; 19.

392. **Олсуфьев, А. В.** Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. ЗИрОРГО, 96, II, в. I; 245 /население. Русские. Жизнь русских в течение года. Чукчи. Ламуты/.

393. **Ольденбург, Сергей.** Востоковедение в новых французских университетах. ЖМИПр, 98, VII; 15.

394. **Орлеанский, Генрих принц.** Скачки в Сибири. Нива, 92; № 8.к Также см. № 236.

395. **Орхонские** открытия. СибСб, 94, V-VI; 5.

396. **Осипов, Н.** Ритуал сибирской свадьбы. ЖСт, 93, I; 20.

397. **Остафьев, В. А.** Бытовые формы сибирского крестьянского землевладения и землепользования. ЮрВ, 92, X, I; 30.

398. — Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. ЗЗСОРГО, 95, XVIII, в. 2; 61.

399. **Островских, П. Е.** Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли. ИРГО, 98, XXXIV; 9.

400. — Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. ЖСт, 95; III-IV, 54 /хозяйственный быт; жилища, музык. инстр. шаманство/.

401. **Остроумов, Н.** Новые варианты сюжета о Полифеме /одноглазе/. ЭтО, 91, I; 202.

402. **Остяцкие** князья в XVII в. РСт, 91, VIII; 5.

403. **Ошурков, В.** Из странствований по земле урянхов. СибСб, 92, I; 60.

П.

404. **П., С.** Г. И. Шелехов (по поводу столетия со дня кончины). ДушЧт, 95, IX; 9.

405. — Человек в Якутской области. СибСб, 94, V-VI; 8.

406. **(Палладий).** Дорожные заметки во время переезда его по Монголии. ЗОГ, 92, XXII, в. 1: 100-113.

407. — Заметки о путешествии в Китай казака Петлина. ЗВОРАО, 91, VI; 4.

408. **Памяти** А. В. Потаниной. ИРГО. 93, 452-452.

409. **Патканов, С. К.** Заговоры и поверья от ружья. ЖСт, 92; III; 2 /Тюм. окр./.

410. — О происхождении слова «Сибирь». СибСб, 91, II: 10.

411. — О результатах этнографических наблюдений над бытом остяков (кр. реферат). ИРГО, 91; 3.

412. — Остяцкая легенда про богатырей города Эмдера. ЖСт, 92, II; 6.

413. — «По Демьянке» (бытовой и экономический очерк). ЗЗСОРГО, 94, XVI, в. 2-3; 64 /Тоб. губ. рус. и туз. нас./.

414. — Сказка, записанная в эскимосских юртах Верх-Демьянск. вол. Тоб. окр. ЖСт, 98, III-IV; 3.

415. — Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. ЖСт, 91, III, IV; 65.

416. — Сказания о поездках остяцких князей к русским царям. ЖСт, 97, III-IV;

417. — и **Зобнин, Ф.** Список тобольских слов и выражений. ЖСт, 99, IV; 32.

418. **П-в, С.** О рассказах г-жи Симоновой из быта вогулов, остяков и самоедов. Земл, 97, III-IV; 7.

419. **Пекарский, Э. К.** Заметка по поводу редакции «Верхоянского Сборника» И. А. Худякова. ИВСОРГО, 96, XXVI; 4-5; 10.

420. **Передольский, В.** О юкагирских письменах. ИрРАО, 900/901; 3.

421. — По р. Енисею и его притокам. ИРГО, 96, XXII; 5.

422. — Шаманство у остяков. ИрРАО, 97/98; 2.

423. — Экономические условия быта инородцев Туруханского края. НО, 900, III; 16.

424. **Перетц, В.** Кукольный театр на Руси. ЕжИТ, 94/95, I; 33. /Гл. VII; школьная драма и мистерия в Сибири, в Тобольске. Вертеп в Иркутске. Впечатления вертепного представления на зрителей. Запрещение вертепа в Иркутске/.

425. **Першин, Д. П.** Краткий очерк пятидесятилетней деятельности РГО по этнографии в пределах Азии. ИВСОРГО, 96, XXVII, в 1; 45.

426. **Песня** про Китай КСт, 90, X; 2.

427. **Петелин, И.** У чукчей. ПрБл, 95, № 7; 9.

428. **Петри, Э. Ю.** В киргизской степи. МБ, 92, V; 20.

429. — Памяти И. М. Ядринцева. ИрРАО, 93/94; 4.

*430. — *Среди инородцев нашего Северо-Востока* (с рис. худ. Кившенко). «Нива», 96, № 42.

431. **Пилсудский, Бр.** Нужды и потребности сахалинских гиляков. ЗПрОРГО, 98, IV, в 4; 8.

432. **Плотников, М. А.** Хроника внутренней жизни (инородческое разорение). РБ, 98, V; 26.

433. **Под северным полярным кругом.** Очерки Колымского края. ПрБл, 94, №1, 3, 18; 95, № 4.

434. **Подгорбунский, И.** Идеи бурят-шаманистов о душе. ИВСОРГО, 91, XXII, в 1; 16.

435. — Из мифологии бурят и монголов-шаманистов (Тенгрии). СибСб, 94, V-VI; 34; 'Хаты). 95, IV; 17.

436. — Материалы для характеристики ламской астрологии. ИВСОРГО, 92, XXIII, в 2; 22.

437. — Рецензия на ст. «Буддизм» в «Энц. Словаре» под ред. проф. Андреевского. ИВСОРГО, 92, XXIII, в 2; 4.

438. **Позднеев, А.** Калмыцкие сказки. ЗВОРАО, 91, VI; 92, VII; 95, IX; 96, X; 210.

439. — Письмо к барону Ф. Р. Остен-Сакену с замечаниями на «Дневник о. Палладия по Монголии». ЗОГ, 92. XXII; 15.

440. **Покровский, Леонид.** Записки киргизского миссионера. ИрВл, 97, №№ 8, 9; 98, № 12, 13.

441. **Полторацкий, А. Д.** Ответ на вопрос, «где еще сохранились хорошие старинные хоровые песни». ЭтО, 97, II; 2. /О сохранении песен в Зап. Сибири, в частности, в каз. станиц 10 за Алтая

441-а. **Попов, Иоанн.** Из дневника походного священника, посетившего тунгусские кочевья Якутской епархии. ИрВл. 93. № 15; 8.

442. **Попов, И.** Ламаизм. НВ, 99, III.

443. **Попов, И. И.** География и Рус. Геогр. О-во. СпбСб, 96, I; 12.

444. — Открытия на Орхоне и дешифрование древних надписей. ИВСОРГО, 96, XXVI; в 2; 12.

445. — Памяти Н. М. Ядринцева и А. В. Потанинои. ИВСОРГО, 94, XXV. в 1: 28.

146. **Попов. Н. П.** Река Нороной и ее инородческое население. СахК 96; 13.

447. **Попов-Коноулин, Н.** Инородцы на острове Сахалине. ИрВл. 96, № 10; 9.

448. **Потанина, А. В.** /Некролог/. НВ, 93. XII; 2.

449. — /Некролог/. Земл, 94, I; 2.

450. — Буряты Этн оч. Тр. 91. IV-VI.

451. — Из странствия по Урянхайской земле (дневник). СпбСб, 91, II; 23.

452. **Потанин, Г. Н.** Акир повести и Акир легенды. ЭтО, 95, II; 21.

*452-а. — Бурятская женщина. Сев. 92, № 32.

453. — Бурятская легенда об озере Бальджи. ЖСт, 92, 1; 5.

454. — В юрте последнего киргизского царевича. РБ, 96, VIII; 29.

455. — Восточно-ордынские параллели к кельтскому роману о чаше св. Грааля. ЭтО, 96, II-III; 22.

456. — Восточно-тюркские и монгольские сказки о том, кто первый изобрел вино. Деят, 99, X; 2.

457. — Восточные основы русского былинного эпоса. ВЕ, 96, III, IV, V; 96.

458. — Восточные параллели к некоторым русским сказкам. ЭтО, 91, I; 31.

459. — Греческий эпос и ордынский фольклор. ЭтО, 94, II; 67.

460. — Дешифровка орхонских и енисейских надписей. СпбСб, 95, I; 4.

461. — Дочь моря в степном эпосе. ЭтО, 92, I; 51.

162. — Записка о желании ехать в Кокчетавский Округ. ИРГО, 95, XXVI; 2.

463. — К сказке о Марке богатом. ИОАИЭ, 95, XXII, в 2; 9.

464. — Крестообразные фигуры на шаманских бубнах и писаницах. ИВСОРГО. 93, XXIV, в 2; 8.

465. — Легенда об Ашоке и предание о Чингис-Хане. ЭтО, 94, IV; 26.

166. — Марья лебедь белая в былинах и сказках. ЭтО. 92, II-III; 22.

167. — Мелкие фольклористические заметки. Арья-Бало, Аполлоний, Аполлинария и Аполлонище. ЭтО, 96, IV; 8.

468. — То же. Белый камень и мизинец в малорусской думе об Алексее Поповиче. ЭтО, 94, III; 4 /спб. вар./.

469. — То же. Змей Горыныч и Тугарин Змеевич. ЭтО, 95, III; 8.

470. — То же. К корсунской легенде о Гикии. ЭтО. 94, II; 5.

471. — То же. Этимология в повести о Вавилонском царстве. ЭтО, 95, в I; 3.

472. — Монгольские легенды о монастыре Эрдени-Цзу. ЖСт, 91, III; 15.

473. — Монгольское сказание о Хутуле-Хане (к былинному сюжету о продолжительной поездке богатыря). ЭтО, 91, II; 4.

474. — О необходимости собирания сказок. Обр. 98, I; 5.

475. — Ордынские параллели к поэмам Ломбардского Цикла. ЭтО. 93. III; 36.

476. — Отголоски сказки об Еруслане. ЭтО. 900. III, IV; 86.

477. — Отрывки из киргизского сказания об Идиге (из записей Ч. Валиханова). ЖСт. 91, IV; 8.

478. — Папа Римский. ЭтО, 94, 1, 12. /Русск. и монгол. вар./.

479. — Персонаж Нарап-Герэл (луч солнца) в степных сказаниях. ЭтО, 92, IV, 40.

480. — Пилигрим в былинах и сказках. ЭтО, 91, II; 35.

481. — Низин-Сы. НВ, 92. V.

482. — По поводу новых привлечений к былине о Добрыне. ЭтО, 94, III; 27.

483. — Повесть о Басарге. ЭтО, 93, II; 14.

483-а. — Рецензия на работу В. Радлова «Die alttürkische Inschriften bei Mongolei» ЭтО, 91, II; 6.

484. — Русские в Монголии. РБ, 92, IX; 10.

485. — Сайр-Усинский почтовый тракт. ИВСОРГО, 93, XXIV, в 2; 7.

486. — Саур Ванидович. ЭтО, 95, IV; 14.

487. — Ставр Годинович и Гесэр. ЭтО, 91, III; 9.

488. — Тема об усеченной голове в степи. ЭтО, 93, I; 32.

489. — Тюркская сказка об Идиге. ЖСт. 97, III-IV; 56 /кирг./.

490. — Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. ЖСт, 99, I, II; 89. /В тексте—предания о случаях выселения в Сибирь. Письмо с Амура, стр. 211—213/.

491. — И. М. Ядринцев. ЭкО. 91. IV; 5.

492. **Поярков, Ф.** Из области киргизских верований. ЭтО, 21, IV; 94, I; 31.

493. **Прейн, Я. П.** Материалы для флоры народно-медицинских растений Восточной Сибири. ИВСОРГО, 98, I; 8.

494. **Приклонский, В.** Материалы для библиографии Якутской Области. СибСб, 93, I; 83.

495. — Три года в Якутской Области. ЖСт, 91, III, IV; 80. /Русские, якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи; календарь якутов/.

496. — Якутские народные сказки. ЖСт. 91, III-IV; 25.

497. — Primus Инородцы Верхоленского округа. СибСб, 97, I-II; 8.

498. **Припузов, Н.** Из Якутского округа. Корреспонденция о нечистой силе, вселившейся в девочку. ЭтО, 900, I; 2.

См. Овчинников, М.

См. Харузин.

499. **Протодьяконов, П.** Гольдские песни, былины и сказки. ЗОИАК, 96, V, в I; 10.

500. **Птицын, В. В.** Буддизм в Забайкалье. Из личных наблюдений туриста. ВЕ, 92, I; 14.

501. — Очерки народной жизни на р. Лене. ВЕ, 93, XI; 33.

502. — По Лене зимой. Путевые картины. РОб, 95, III; 17.

503. — Тамир. Русская община на границах Монголии. ВЕ, 94, XII; 16.

504. — Уголовные преступники и их воспитател. роль в Сибири Обр. 94, IV; 7.

505. **Птохов, П. В.** Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель алтайской миссии. ИрВл, 97, №№ 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23. 98. №№ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18. 20—23.

506. **Пузырев, Н.** Помочи. ЭтО, 92. II; 13. /Тальмен. вол., Барн. окр./.

507. **Путинцев, М.** Из киргизской миссии. ИрВл. 94, № 2; 95, № 6; 96, № 1.

508. **Пыпин, А. Н.** Первые известия о Сибири и русское ее заселение. ВЕ. 91, VIII.

509. — Русская народность в Сибири. (Н. Астырев. Очерки жизни населения Вост. Сибири). ВЕ, 92, I; 48.

510. **Пятидесятилетие** Р.Г.О. НВ, 96. I; 15.

511. **Пятидесятилетие Р.Г.О.** ЖМНПр. 96, VI, VIII; 33.

512. **Р., Е.** Бунт раскольников в 1859 году. НВ, 93. IV; 7. /Заб. обл./.

513. **Рагоза, полк.** Анадырская Округа. ВСб. 94, VIII, IX; 35.

514. **Радлов, В. В.** Сибирские древности. Пер. с нем. А. А. Бобринский, с Штабл. ЗРАО, 95. VII, в 3-4; 70.

515. **Райский, Д.** Православие и ламаизм в Забайкалье. РВ, 99, XII; 16.

516. — Профессиональные защитники инородцев. Наб, 99, VI; 14.

517. **Раскол** и единоверие в Томской и Вятской епархиях. МисОб, 97, I; 19.

518. **Религиозные** верования, обряды и жертвоприн. бурят-шаманистов грозным и злым духом. ИрВл. 99 №№ 23, 24

519. **Роганович, И. П.** К вопросу о сходстве вост.-тюркских сказок со славянскими. (Сказка о женщине). ИОАИЭ. 900, XVI, в 1; 7.

См. Катанов.

520. **Рождественский, А. Г.** Материалы к изучению физического типа чукчей и ламутов. ЗИрОРГО, 96. II, в 1; 205.

521. **Розен бар.** О восточном факультете и восточных кафедрах. ЖМНПр. 91. I; 7.

522. **Розен, В. Р.** Suum cuique. По поводу дешифровки орхонских и енисейских надписей. ЗВОРАО, 93, VIII; в 3-4; 3.

523. **Розенбаум, С.** См. Арефьев В.

524. **Росляков, И. П.** Похоронные обряды остяков. ЕТМ, 95-96, V; 12.

525. **Руднев, А. Д.** Бурин-Хан-Ула. ИВСОРГО, 900, XXXI, в 1-2: 16. /Заб. обл./.

526. **Рудзит, О. Х.** «Шабыр-бихэ» бурят (глина-чернила). ТрТрКОРГО, 99, II, в 1-2; 4.

527. **Русская печать** [illegible] Сиб06, 91, II: 15. /Обзор научной и публиц. лит-ры/.

528. **Russow Fr.** Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. СбМАЭ, 900, I: 153

529. **Рыбаков, С.** Отчет о поездке к киргизам летом 1896 года. ЖСт. 97, II; 57.

530. —О музыкальном и песенном творчестве киргиз. ИРГО, 97; 3.

531. **С., А.** Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма. ЗРАО. 99; XI, в 1-2; 17.

532. **С., Е.** Сектанты-поселенцы в Якутской области. СВ, 91, II; 19.

533. **С., М.** «Черь». (Очерки северо-восточного Алтая). ЕстГ, 98, VII; VIII, IX;: 99, III; 35. /Черневые татары, русские в «Черни»/.

534. **Сапожников, Д. И.** Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII до конца XVIII в). ЧтОИДР, 91, III; 170.

535. **Сахалинский** музей. ТюрВ, 97.

536. **Семевский, В. И.** Несколько слов в память П. М. Ядринцева. РМ. 95. I; 9.

537. **Серошевский, В. Л.** Записка о [illegible] археологических и графических исследованиях окрестностей Эссейского озера. ИРГО, 95. XXXI; 2.

538. — По поводу экспедиции Андре (письмо секретарю РГО). ИРГО. 96. XXXII; 5. /О насел. местностях якут. берегов Ледов. океана/.

539. — *Сообщение о брачном союзе* якутов (кр. сообщ. о докладе). ИРГО, 95, XXXI; 2.

540. — Чукчи (Ж, 99 X; 16, с 8 фот.).

541. — *Якутская свадьба.* ЖСт, 94, III-IV; 10.

542. — Якутский хлеб. РБ, 94, XII; 6.

543. — Якутские песни и певцы. ИВСОРГО, 93, XXIV, в 2; 8.

544. **Сибирские инородцы.** ИрВл, 93, №№ 14, 15 /самоеды и остяки/; 94, №№ 7, 9, 10 /самоеды и остяки/; 95, №№ 16, 24 /тунгусы/; 96, №№ 10, 11, 13 /якуты/.

545. **Сизой Иоанн.** У орочон. ПбВл, 96, III; 3.

546. **Силин, И.** Формы колыбелей и их развитие. РАЖ, 900, I.

547. **Сильвестров, А.** Поездка к вогулам. ИрВл, 94, № 17: /Тоб. губ./.

548. **Сильницкий, А. П.** Быт гиляков на низовьях Амура. ТрИрОРГО, 95, I; 16.

549. — Поездка на Камчатку и на р. Анадыр. ЗИрОРГО, 97, II, в 3; 79.

550. **Скалозубов, Н. Л.** К каталогу коллекций, представленных из Тоб. губ. на Московскую и Нижегородскую выставку. ЕТМ. 95. V.

551. — Маслоделие и условия молочного производства в Курган. округе. ТрТобОМОСХ, 98, II.

552. — Народный календарь. Внешкольные образовательные средства народа. СбМатПР, 93, V.

553. — Народный календарь поверья. Приметы о погоде и сроки с.-хоз. работ у крестьян Тоб. губ. ЕТМ, 98, IX; 12.

554. — О дальнейшем направлении деятельности Тоб. губ. музея. ЕТМ. 95-96. V; 4.

555. — Опыт обзора крестьянских промыслов Тоб губ. ЕТМ. 95. IV; 105. /В прилож. алфавитный указатель предметов промысла и промыслов, составленный Л. Е. Луговским/.

556. **Склинин, Н. П.** Антропологический очерк племени сойтов. ИОЛЮАЭ, XC (ТрАО, XVIII), 97; 2.

557. **Словцов, И. Я.** В стране кедра и соболя. Очерк Тавдинско-Пелымского края). ЗЗСОРГО, 92, XIII, в 1; 41; /русские, вогулы/.

558. — В стране кедра и соболя. (Пелымский край). КазТб, 91; 57.

559. — Путевые заметки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской обл. в 1878 г. ЗЗСОРГО, 97: XXI. /Карты; список киргизск. родов/.

560. **Слюнин, Н. В.** Среди чукчей. Зем. 95, IV; 46.

561. — Экономическое положение инородцев северо-восточной Сибири. ИРГО, 95, XXXI; 34.

562. **Смирнов, И.** Археология, история и этнография В.-Сибири в 1893 году. ИОАИЭ, 94, XII, в 1; 10.

563. — То же, в 1894 г. ИОАИЭ, 95, XII, в 6; 20.

564. — Дешифрация енисейско-орхонских надписей. ИОАИЭ, 94, XII, в 1; 71.

565. — Итоги археологии, истории и этнографии В.-России за 1892 г. ИОАИЭ. 93, в 1; 6.

566. — На текущие темы. ИОАИЭ, 93, в 2, 3, 4; 13 (об изуч. Сибири на местах)

567. — Пренания на соч. «Karl von Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855». ИОАИЭ, 93, в. 2; 8.

568. **Смолев, Я. С.** Бурятская легенда о происхождении хоринских родов. ТрГрКОРГО, 99, II, в 1; 5.

569. — Бурятская легенда о тарбагане. ТрГрКОРГО, 900, III, в 1; 4.

570. — Бурятская легенда о Чингисхане, в связи с названиями некоторых местностей Забайкалья и сопредельной Монголии. ТрГрКОРГО, 900 т. III, в. 1; 17.

571 — Три Табангутских рода селенгинских бурят. ТрГрКОРГО, 98, I, в 3; 56. /Расселение. Занятия. Религ. воззр. Домашний быт. Поверья. Сватовство и брак. Болезни. Погребение. Загробная жизнь.

572. **С—нов, А.** Киргизская помолвка. ИрБл, 900 № 21; 5.

573. **Соболев, А.** Русский Алтай. Земл, 96, III-IV; 59 /с рис./.

574. **Соболевский, А. И.** Очерк русской диалектологии. Б. Северное великорусское или окающее поднаречие. ЖСт, 92, II; 23 /стр. 24—6 посвящены Сибири/.

575. **Соколов, А. И.** Историч. очерк развития систем земледелия в Зап. Сибири. ТрВЭО, 91, IV.

576. **Соколов, К.** Записки миссионера Урсульского отд. Алтайской миссии. ИрБл, 96, 1, 2, 4; 97, №№3, 4; 98, № 7, 8; 900, №№ 22, 23, 24.

577. — Языческие школы на Алтае. ИрБл, 98, № 10; 99, №№ 22, 23.

578. **Спицын, А. А.** Шаманизм в отношении к русской археологии. ЗРАО, 99, XI, в. 1-2; 10.

См. также С., А.

579. **Споры** о церковной руге среди Алтайских старообрядцев. ЮрВ, 92, XII, в. I; 4.

*580. **Среди** инородцев Сибири. 10 рис. Нива, 94, № 23.

581. **Стадлинг, Н.** В поисках за Андре по Северной Сибири. ИЖИЛ, 900, IV; 19.

582. **Стасов, В. В.** Мои воспоминания об А. В. Потанинои. СВ, 95, IV; 12.

583. **Стефанович, Я.** На шамачестве. Земл, 97, I-II; 19 /с фот. якут. шаман./

584. — Река Чуя, с кратк. сведениями о ее населении, рыбном и соболином промыслах. ИВСОРГО, 99, XXV, в. 2-3; 35. /русские, якуты, тунгусы; средства передвижения/.

585. **Столетие** со дня кончины Г. И. Шелехова. ИВ, 95, IX; 4.

586. **Суворов, И.** Еще об илимских свадьбах. ИВСОРГО, 99, в. 2-3; 10.

Т.

587. **Талызин, Н.** Две уряхайские сказки. ИВСОРГО, 94, XXV, в. I; 5.

588. **Талько-Грынцевич, Ю. Д.** Древние обитатели Центр. Азии. ТрГрКОРГО, 99, II, в 1-2; 61-76 /с картою распред. народностей до XIII в.—прилож. к т. I, в. 3. 98 г./; РАЖ, 900, II; 11.

589. — Задачи современной антропологии. ИВСОРГО, 92, XXIII; в. 4; 14.

590. — Заметки к антропологии северных китайцев. Китайцы Кяхтинско-Ургинского Маймачена (торговых слобод). ТрГрКОРГО, 99, II, в. 3; 79.

591. — К столетию рождения Ос. Мих. Ковалевского. ТрГрКОРГО, 900, III, в. I; 14.

591-а. — К 600-летнему юбилею Марко Поло. ИрТрКОРГО, 95, № 6; 21.

592. — Материалы к палеэтнологии Забайкалья. ИрТрКОРГО, 97, VII; ТрГрКОРГО, 98, I, в. 3; 900, III, в. 1-3; 114

592-а. — [illegible] русского населения в Забайкалье. ИрТрКОРГО, 97, № 5; 18.

593. — Семейские старообрядцы. ИрТрКОРГО, 94, № 2; 25 /занятия; обряды: одежда; секты/.

594. **Терновский, А. А.** Библиография и иконография Тоб. губ. музея. ЕТМ, 94, II, в. 2; 45.

595. — К библиографии Сибири. Указатель статей и главнейших заметок, помещенных в Сибир. периодич. изданиях 1892 года. ЕММ, 93. I; 53.

596 — Тоже за 1893 г. ЕТМ, 95, III; 110.

597. — Систематический каталог библиотеки Тобольского губ. музея. ЕТМ, 900, X; 352.

598. **Томсен, В.** Дешифровка орхонских и енисейских надписей. ЗВОРАО, VII; в. 3-4; 10.

599. **Троков, Д.** Верховья р. Бухтармы. ИРГО, 97, XXXIII; 15.

600. **Турковский, В.** Кругосветное путешествие нескольких японцев через Сибирь сто лет назад (пер. с немец.). НВ, 93, VII; 21.

601. **Трощанский.** *Опыт систематической программы для собирания сведений о дохрист. верованиях якутов.* ИОАИЭ, 97, XIV, в 3; 69.

602. **Тюшев.** Из дневника поездки от г. Петропавловска в с. Аначу. ТрИрОРГО, 95, I; 18.

У. 603. **У., Д.** Этнографические коллекции на Всероссийской выставке в 1896 г. ЭтО, 97, I; 3.

604. **Указатель** книг и статей, относящихся до изучения Минусинского края. НамКЕГ, 91; 10.

605. **Украинская песня** на китайской границе. КСт, 901, I; 2.

606. **Унтербергер, П. Ф.** Приморская область. ЗОС, 900. VIII, в. 2; 324 /русские, корейцы, ороки. Промыслы населения. Прилож. карты, рисунки/.

Ф. 607. **Ф., А. А.** Новый труд об Амурской области (Гр. Е. Грум-Гржимайло «Описание Амурской области»). РМ, 95, VI; 7.

608. **Фабрициус, М. П.** *Саянский край. Кр. географ. очерк края и описание путей и способов сообщений в нем.* ИРГО, 99, XXV; 15 /сойоты/.

609. **Фиалкин, В.** Иннокентий митр. московский и его миссионерская деятельность. ИрБл, 97, №№ 17, 18, 19, 20, 24; 98. №№ 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13.

610. — Камчатский период миссионерской деятельности пр. Иннокентия. ИрБл, 98, №№ 15, 17, 19, 22, 24.

611. — Миссионерская деятельность покойного Иннокентия, митр. Московского. ИрБл, 99, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 20, 21, 22, 23, 24.

612. — **Флоринский, В.** Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. ИТУ, 95, VII; 96, IX; 97, XI; 98, XIII; 928.

Х. 613. **Хангалов, М. Н.** Духи-людоеды у бурят (к вопросу о человеческих жертвоприношениях). ЭтО, 96, I; 9.

614. — Молочное хозяйство у бурят. ИВСОРГО, 900, XXXI, в. 1-2; 32.

615. — Несколько данных для характеристики быта северных бурят. ЭтО, 91, III; 12 /заметки о внешнем быте в старину: жилище, одежда, обувь, сбруя, оружие, пища, посуда; родильн. обр., свад. обр., похороны/.

616. — Свадебные обряды, обычаи, поверья, предания у бурят Унгинск. Инор. Ведомства Балаганск. окр. ЭтО, 98, I; 38.

617. — Юридические обычаи у бурят. ЭтО, 94, II; 42.

618. **Хантынский, Ив.** Значение и обряд присяги по народным обычаям киргизов. ПрБл, 96, №№ 9, 17; 3.

619. **Харузин, А. Н.** Библиограф. указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов. ЭтО, 91, II; 68.

620. — Рец. на работу Аристова «Опыт выяснения этнического состава...». ЭтО, 95, III; 6.

621. **Харузин, Н.** История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. ЭтО, 96, I, II,-III; 124 /с рис./.

622. — К вопросу об ассимиляционной способности русского народа. ЭтО, 94, IV; 36.

623. — К вопросу о происхождении киргизского народа. ЭтО, 95, III; 5.

624. — О древностях Томского музея. АрхИз, 95, VII-VIII; 9.

625. — О некоторых соотношениях размеров головы и лица по возрастам у киргизов. ИОЛЕАЭ, XCVIII (ТрАО,XIII) в. 3; 7.

626. — Юридические обычаи якутов (по матер. И. И. Припузова). ЭтО, 98, II; 28.

627. **Херсонский, С.** О звериных и птичьих промыслах в Охотском округе, Прим. обл. ЗИрОРГО, 98, IV, в. 1; 26.

628. **Хохлов, Ив.** Мое знакомство с киргизами. ИрБл, 900, № 15; 7.

Ц. 629. **Целерицкий, С.** Из записок миссионера Киргизской миссии. ИрБл, 96, №№ 22, 23, 24.

Ч. 630 (Чаблин). Формы жилищ и поселений у народов Вост. России. ИОАИЭ.

93, в. 3; 9 /камчадалы, коряки, чукчи, якуты, гольды, орочоны/.

631. **Чермак, Л.** Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу. ЗЗСОРГО, 900, XXVII; 24 /с карт./.

632. **Чехов, А.** Остров Сахалин. РМ, 93; №№ X, XI, XII; 94, II, III; V, VI, VII /этн. свед. об айнах, гиляках, русск/.

634. **Чистохин,** Две молитвы шамана. ИВСОРГО, 95, XXVI; в. 4-5

635. — Инородческие загадки. ИВСОРГО, 95. XXVI; в. 4-5.

636. — Материалы по народному творчеству монголов. ИВСОРГО, 94, XXV, в. 2-3; 9.

637. — Обычаи Тункинских бурят-лам тов при рождении детей, свадьбах и похоронах. ПрБл, 99, № 21; 11.

638. — Сохор-Нойн. Местное предание Тунк. бурят. ИВСОРГО, 95, XXVI, в. 1-2; 5.

639. **Чистяков, С. И.** Летом 1898 г. в Томской и Енисейской губ. Прилож. к отчету о деятельности эти. отд. за 1897—98г.г. ЭтО, 99. I-II; 4.

640. **Чугунов, С.** Материалы антропологии Сибири. ИТУ, VI; 95, VII, 96, X. 98, XIV; 196.

641. **Чудновский, С. Л.** Волостной суд на Алтае.СибСб. 96, II; 42.

642. — Очерки народного юридического быта Алт. Гори. округа. РБ, 94, VII VIII, IX, X.

643. **Чупин, П. О.** Малетинские древние кони и земляные постройки в Алт. округе. ИОАИЭ, 94, XI, в. 6; 5.

644. — Список антропологических, археологических, исторических и этнографических предметов Барнаул. Горного музеума. ИОАИЭ, 93, в. 4; 3.

Ш

645. **Шапошников, К. А.** О научном направлении деятельности Тобольского губ. музея. ЕТМ, 95-96, V; 14.

646. **Шаргородский, С. М.** Об юкагирских письменах. Земл, 95. II-III; 14 /с табл. рис./.

647. **Шахматов, А. А.** Материалы для изучения великорусских говоров. № 21. Тобольск. губ. у. Ишимский, Курганский и Тарский, а также г. Омск, по сообщению Л. Буланже. ИЗО, 96, III; 8.

648. — Материалы для изучения великорусских говоров. Тобольская губ. Тюменского окр., Еланская вол., с. Плехановское и соседние деревни по сообщению И. Н. Терпутова. ИЗО, 96, IV; 5.

649. **Швецова, М.** Алтайские калмыки. ЗССОРГО, 98, XXIII; 34 /с рис./.

649-а. — Из поездки в Риддерский край. ЗЗСОРГО, 98, XXV; 27 /в прилож. —песни рудд. обывателей: уличн. и свадебные/.

650. — «Поляки» Змеиногор. округа. ЗЗСОРГО, 99, XXVI, 92 /в прилож.— песни: свадебные, уличные, хороводные, собран. М. Швецовой и И. Л. Ивановым/.

651. **Швецов, С. П.** О положении калмыцкого населения в Сибири (кр. излож. доклад), ИРГО, 900, XXXVI; 2.

652. — Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык. и киргиз.). ЗЗСОРГО, 98, XXV; 16.

653. — Примитивное земледелие на Алтае. ЗЗСОРГО, 900, XXVII; 28 /русские, киргизы, теленгеты/.

654. — Формы общинного владения на Алтае. СбИрОбЗн. (ТрЮрОМУ), 93. II; 47.

655. — Формы пользования общинною землею на Алтае. СбИрОбЗн. (ТрЮрОМУ), 94, III; 38.

См. Марусин, С.

656. **Ш—в, А.** Сибирская «самосидка». СибСб, 900, 1.

657. **Шелехов, Г. И.** К столетию со дня кончины. ИВ, 95, IX; 807.

658. — На американских островах в Восточном океане и дикие обитатели этих островов. ПрБл, 95, № 15; 9.

659. **Шерстобитов, А. С.** Как селились старообрядцы на Усе. ИВ, 900, XI; 16.

660. — Старообрядческая энциклопедия (письмо из Барнаул. окр.) РБ 99. Ш.

661. **Шестин, С.** Тунгусы, обитающие в верховьях р. Иро и ее притоков. ЗПрОРГО, 98, IV, в. 4; 21.

662. **Шеффер, П. Н.** Заметка о сборнике Кирши Данилова. ИЗО, 97, I; 15.

663. — Заметка о сборнике Кирши Данилова. СбЗО, 99, LXV.

664. **Шимкевич, П. П.** Материалы для изучения шаманства у гольдов. ЗПрОРГО, 96, I, в. 2; 133 /26 рис. Гиляки, орочоны, гольды. Шаман и его значение у гольдов. Гольдские сказания и легенды; похоронные обряды, бурханы гольдов/.

665. — Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия. ЭтО, 97, III 20.

666. — Обычаи, поверья и предания гольдов. ЭтО, 97, III; 13.

667. **Шнапсний, О.** Некоторые данные для освещения киргизского вопроса. РМ, 96, VI, VII; 32.

668. **Шнлевский, И.** Очерки крайнего северо-востока Сибири. ЗОГВСОРГО, 92, II, в. 2; 123 /население, промыслы. Население на берегах Колымы; русские, ламуты/.

669. — Очерки природы и населения крайнего северо-востока Сибири. Земл, 94, I; III; 42.

670. **Шмелев, Г. Н.** Артельная пашня. ЖМИПр, 98, II; 3.

671. **Шмурло, Е.** Описание пути между Алтайской станицей и Кош-Агачем в южном Алтае ЗЗСОРГО, 98, XXIII; 53.

672. — Проект поездки на южный Алтай. ИРГО, 99, XXXV; 3.

673. — Русские поселения за южноалтайским хребтом на Китайской границе. ЗЗСОРГО, 98, XXV; 64 /совр. колонизации южных окраин; два типа колонизации: правит. и народная; поиски Беловодья; образование поселков в Бухтарминской долине; жизнь на Кабе/.

674. **Шнэ, Вл.** Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинск. обл. ЗЗСОРГО, 94; XVII, в I; 19.

675. **Ш—ов, А.** Описание Боханского инородческого седохетра Иркут. губ., Балаг. окр. СибСб, 99, II; 6.

676. — Сибирская самоедка. СибСб, 99, II; 8.

677. **Штернберг, Л. Я.** О гиляках о. Сахалина и соседнего материкового побережья. ИРГО, 900, XXXVI; 4 /кр. изложж. доклада/.

678. — Жизнь новых селений Александровского округа. СахК, 96; 7.

679. — Путешествие на крайний север о. Сахалина. СахК, 96; 28.

680. — Сахалинские гиляки. ЭтО, 93, в. 2; 46.

681. **Штыгашев, И.** Предание инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека. ЗЗСОРГО, 94, XVII, в. 1; 12.

682. **Ш—ъ, Г.** Современное состояние Букеевской орды и ее коневодство. ВСб, 95, VIII; 12.

683. **Этагоров, И. М.** Свадебный обряд у ангарских бурят. ИВСОРГО, 900, XXXI, в. 1-2; 13.

684. **Юрасов, А. И.** Объяснительная записка к составленной Тоб. Врач. Упр. карте рыбных промыслов в Тоб. губ. по р.р. Оби и Иртышу. ЕТМ, 96, VI; 15 /рус., остяки, вогулы, самоеды, татары/.

685. **Ядринцев, Н. М.** (Некролог). СВ, 94, VII; 3.

686. — (Некролог). Земл. 94. XI;

*687. — Нива, 94, X; 30 /с портр./.

688 – Автобиография. Спб 6, 95. III; 15.

689. — В дальних странствованиях (из путешеств. на Алтай). МВ. 94, I; 14.

690. — Кочевой быт народов и его значение в истории человеческой культуры. ИрРАО, 90/91; 6.

691. — Культ собаки и почетное ее погребение. ЭтО, 94, IV; 4.

692. — На границе Китая. КиИд, 94, VII; 20 /Кяхта, Троицкосавск/.

693. — Отношение к бедным и несчастным у первобытных народов. МВ, 94, VII; 19.

694. — Падшие царства и исчезнувшие народы (картины и впечатления из путешествия по Центр. Азии). СибСб, 91 ,I; 42.

695. — Подвижница науки (памяти А. В. Потаниной). КиИд, 94, I; 22.

696. **Янобин А-р. И., проф.** Инструкция исследования инородческих племен Тобольского севера. ЖСт, 96, III-IV; 4.

697. —, О рыболовстве на Оби. ВРыб, 97. VIII-IX; 4.

698. — Остяки северной части Тобольской губ. ЕТМ, 95, IV; 98, IX; 49 /с рис. и карт./.

699. — Угасание инородческих племен Тобольск. севера. ЖСт, 96, III-IV; 267-72. Кратко: ИрВл, 96, № 9; 2.

700. **Янубович, С. П.** Библиография Сибири, Монголии, Маньчжурии и Кореи. ИВСОРГО, 99; в. 1, 2, 3.

701. **Якутская** этнографическая экспедиция (заметка). ЭтО, 95, IV; 7.

702. **Якутский** род до и после прихода русских. НамКиИкО, 96; 48 /семейн. и обществ. строит. якутов до прихода русских; развитие якут. обществ. управ. под вл. рус. власти/.

703. **Якутские** поверья в Вилюйском округе. ИрВл, 95, № 17; 4.

704. **Якушкин, Е. И.** Обычное право русских инородцев. Материалы для библиограф. обычн. права. ЧтОИДР, 99, III; 366.

705. **Янчук, Н. А.** Об одном невольном наблюдателе нашего крайнего Востока в конце XVIII в. Земл, 99, IV; 2 /о пребыв. на Камчатке Конеца/.

706. **Ястребов, И. И.** Процесс усвоения христианства Алтайскими инородцами. ИрВл, 99, № 4; 27.

707. **Ястремский, С. В.** Остатки старинных верований у якутов. ИВСОРГО, 97. XXVIII, в. 4; 44.

ПРОПУСКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

*708. **Астафьев.** Землевладение и земледелие сибирск казач. войск. ТрВЭО 97

709. **Бажаев, В.** О системах земледелия в Томской губ. ТрТОМОСХ, 96; I.

710. **Богораз, В.** Сказка о чесоточном шамане. ЖСт, 99, II; 8 /чукчи/.

711. **Буссе, Ф.** Забайкальское инородческое войско. ИрТрКОРГО, 95, № 8; 48 /бур. и тунгус./.

712. **Горст, М.** Материалы для исследования народных лекарственных растений Томской губ. ТрТОЛЕВР, 94; 17.

712-а. **Д-ди, Д.** Очерк кустарной промышленности в Тобольской губ. ЭТО, 91, III-IV; 41

713. **Добромыслов, Н.** Поездка зимою в селения на р. Верхней Ангаре и местных орочонов. ИрТрКОРГО. 97. I; 16.

714. **Дубров, Я. П.** О земледелии бурят и его влиянии на их быт. ИВСОРГО, 96, XXVII; в. 1-2.

715. **Еленев, А. С.** Естественно-географич. оч. р. Енисея. От Енисейска до Туруханска. ИВСОРГО. 93, XXIV. в 2; 91.

716. Заметка о населении Якут. обл в ист.-этногр. отношении ИзвКнЯкО, 96; 43

717. **Катанов, Н. Ф.** Среди Тюркских племен ИРГО. 93, XXIX; 23.

718. **Клеменц, Д.** О свадебных обрядах у Забайкальск. бурят. ИВСОРГО, 91. XXII: в. 1, 40.

719. — Об'яснение встречающихся в инструкции Миллера слов. СбМАЭ; 900, I: 10 /обл. слов/.

720. — Предисловие к материалам для истории Музея Антропологии и Этнографии. СбМАЭ, 900, I; 5.

721. — Северо-азиатские рунические письмена и чтение их. ИрТрКОРГО, 95, 3; 30.

722. **Кононович, В.** Отзыв о рукописи Б. И. Ллинского «Быт и нравы сахалинских гиляков». ИРГО, 97. XXXIII; 3.

723. **Коншин, Н.** К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. НамКнСО, 98; 25.

724. **Кроль, М.** Брачное право у бурят Селенгинского округа. ИрТрКОРГО, 95, в. 1; 20.

725. — Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа. ИрТрКОРГО, 96, 3; 40.

726 **Левин, Н. Т.** Рыболовство у бурят на Ольхоне. ИВСОРГО, 97, XXVIII, в. 1; 41.

727. **Лушников, И.** Из поездки в Монголию. ИрТрКОРГО, 94, в. 4; 7.

*728. **Маллицкий, Н.** О связи тюркских тамг с орхонскими письменами (с табл.). ИрТКЛА. 97-98; 15.

729. **Müller, G. Fr.** Instruction für den akademiker adjuncten J. E. Fischer. Unterricht, was bei Beschreibung der Volker absonderlich der Sibirischen in Acht zu nehmen. СбМАЭ. 900, в I; 70.

730. **Осокин, Г.** Заметка о жизни бурятских лам. ИрТрКОРГО, 97, в. 5; 11.

731. — Материалы для этнографии Западного Забайкалья. ИрТрКОРГО, 95, в. 2; 27. /Семейские, предания о Байкале, сказки, поверия и приметы; нар. медицина/.

732. **Патканов, С .К.** Разработка данных об языке в Центральном Статистич. Комитете. ИВ. 98. VI: 18.

733. **Подгорбунский, И.** Буддизм, его история и основные положения его учения. ТрВСОРГО, 900, III; 248; /гл. VI: будд. община у монгольск. племен/.

734. **Radloff, W.** Eine neue aufgefundene alttürkische Jnschrift. ИАН. 98, № 1; 6.

735. **Рамстедт, Ю.** О былинах монгольских. ТрТрКОРГО, 900, III, в. 2-3: 10.

736. **Руднев, А. Д.** Баргу—бурятская сказка. ТрТрКОРГО, 900, III, в. 2-3: 10.

737. **Русов, В.** Из записок Уланского миссионера. ИрВл, 98, № 24.

738. **Скурлатов, Ив.** Материалы для словаря тунгусских наречий. ЖСт, 99, II; 12. /Гольд., ороч./.

739. **Стефанович, Я. В.** От Якутска до Аяна. ЗОГВСОРГО, 96, II, в. 3; 184. /Русские, якуты, тунгусы; рис. писаниц/.

740. **Шастин, Н.** О хунчирном промысле в Монголии. ИрТрКОРГО, 95, № 7; 7. /Нар. медицина/.

Указатель географических названий.

Абакан 205
Азия Средняя 49
Акмолинская обл. 674 см. Иртыш, Кокчетавский окр., Омск, Павлодар; по племен. указ.: киргизы
Александровский Пост 678
Алтай (общ.) [1] 44, 51, 112, 112, 156, 159, 340, 365, 689, 706; **северный:** 168, 201, 317 336, 379; см. по племен. указ: алтайцы, калмыки, теленгеты, черны; **южный:** 170, 373, 411, 671—673; см. Бухтарма, Усть-Каменогорск.
Американские остр. 658
Амур р. 10, 305, 490, 518
Амурская обл. 17, 607, см. Амур
Анадыр р., **Анадырский окр.** 18, 113—117, 136, 173, 342, 351, 392, 513, 549
Анача р. 602
Ангара р. 26, 27, 683, 713
Аян 739
Байкал 731
Балаганск. окр. 617; см. Боханг, Унгинск. вед.
Бальджи озеро 453
Барнаул 611, 660
«Беловодье» 673
Берингов Прол. 111
Бикин р. 16, 176
Богородский улус 108
Бохан 675
Букеевская орда 682
Бухтарма р. 599, 673
Вак р. 176
Вах р. 359
Верхоленск. окр. 497; см. Еланцин. вед., Кутул. вед., Ольхон
Верхоянск 186, 217 419
Вилюй р., **Вилюйский окр.** 261, 703
Восток Дальний—см. Дальний В.
Восточная Сибирь—см. Сибирь Вост.
Грановское с. 148
Дальний Восток—см. Амурская обл., Камчатка, Приморская обл. Сахалин, Уссур. край; по племен. указ: гольды, ороки, орочи, палеазиаты.
Демьянка р. 413, 414
Еланская вол. 618
Еланцинское вед. 290
Енисей р. 421, 531
Енисейск 715
Енисейская губ. 8, 26, 27, 323—328, 346, 460, 522, 561, 598, 639; см. Абакан, Ангара, Енисей, Енисейск, Красноярск, Минусинск. окр., Саян. край, Тасеевское, Турух. край, Ужур, Усинск. край, Чулым. по племен. указ: качинцы, остяки енис., юракп,
Желтугино 297.
Забайкальск. обл. 90, 196, 238, 239, 244, 263, 272 281, 283, 305, 308, 309, 348, 500, 515, 570, 592, 592-а, 593, 711, 731; см. Кяхта, Нерчинск, Прибайкалье, Селенгин. окр., Троицкосавск, Чита; по племен. указ: буряты.
Западная Сибирь. См. Сибирь Западная.
Змеиногор. окр. 650.
Иман 16, 176.
Индигирка 179.
Император гавань 300.
Иро р. 661.
Иркутск 357, 421.
Иркутская губ. 33, 34, 195, 292, 386, 613—617; см. Ангара, Балаган. окр., Верхоленск. окр., Грановское, Иркутск, Лена, Тунгин. окр.; по племен. указ: буты, карагасы.
Иртыш 83, 204, 373, 681
Ишим 617.
Камчатка 35, 255, 333, 519, 567, 609—611, 705; см. Анадыр. окр., Анача, Берииг. Прол., Каутыр, Марково, Петропавловск, Провидения бухта; по племен. указ: палеазиаты.
Канада 359.
Каутыр (сопка) 282.
Киргизские земли см. по племен. указ: киргизы.
Китай 211, 297, 407, 426, 605, 692.
Кокчетавск. окр. 462, 559.
Колыма р., **Колымск. окр.** 57, 58, 60—62, 61, 80, 179, 182, 186 341, 361, 433, 668
Корея 700.
Коркодан р. 185.
Красноярск 339, 357.
Кузнецк. окр. 681.
Курган 551, 617.
Курильск. остр. 255.
Кутульск. вед. 290.
Кяхта 590.
Ледов. Океан 538.
Лена р. 9, 11, 501, 502
Маймачен 590.
Мангазея 2.
Манчжурия 700.
Мариинск. окр. 233.
Марково с. (Камч.) 114, 136.
Минусинск 50, 79, 174, 331, 357.
Минусинск. окр. 118, 223, 232, 286, 289, 314, 400, 601 см. Минусинск; по племен. указ: сагайцы, татары минус.
Монголия 28, 76, 174, 211 106, 439, 456, 472, 473, 478, 479, 484, 570, 700, 731, 735, 740; см. Тамир, Урга; по племен. указ: монголы.
Набиль р. 7.
Намский ул. 251
Нарым 82.
Нерчинск 31.
Никольск. Слоб. 251.
Никольск 190.
Обдорский кр. 39, 40, 41.
Обь р. 681, 697.

[1] Вследствие неточности записей на карточках, под рубрику «Алтай» общ. отнесены также статьи, из заглавия которых не ясно, к северному или южному Алтаю они относятся.

Олекма 93, 181.
Ольхон—290, 726.
Омск 45, 647.
Орхон—см. по указат. смежных дисциплин: археология.
Охотский край 627.

Павлодар 373.
Пекин 31.
Пелымский край. 557, 558.
Петропавловск (Камчатка) 602.
Плеханово с. 648.
Поронай р. 446.
Прибайкалье 418.
Приморская обл. 361, 606 см. Бикин, Вак, Иман. Импер. гавань, Судэхе, Сунгари, Сучан, Татар. Прол., Тумнина, Тунгуска, Уссурийск. кр. по племен. указ.: гольды, гиляки, ороки, орочи, тунгусы.
Провидения бухта 111.
Риддерский кр. 649-а.
Россомашья р. 36.

Сайр-Усинский тракт 485
Сахалин 202, 210, 261—266, 632, 677 — 680, 722; см. Александр. II., Набиль, Поронай, Тымь; по племен. указ.: айны, гиляки.
Самарово с. 311.
Саянский кр. 608.
Селенгинский окр. 278, 571, 724, 725.
Семипалатинская обл. 189, 723; см. Алтай, Бухтарма, Усть-Каменогорск; по племен. указ.: киргизы.
Сибирь Восточная 211, 306, 307, 357, 359, 430, 561; см. Енисейск. губ., Забайк. обл., Иркутск. губ., Якут. обл.
Сибирь Западная 96, 151, 380, 397, 398, 575, 708; см. Акмолинск. обл., Алтай, Тобольск. губ., Томская губ., Семипалат. обл.
Судехе 70.
Сунгари 343.
Сучан 69.
Средняя Азия 49.
Тавдинско-Пелымский край 557, 558.
Тальменская вол. 506.
Тамир 503.
Тарский окр. 217, 647.
Татарский прол. 300.
Тасеевское с. 1.
Тобольск 102, 171, 312, 357, 421, 554, 594, 597, 645.
Тобольская губ. 133—135, 171, 193, 216, 219, 258, 259, 337, 359, 360, 396, 550, 553, 556, 647, 648, 681, 696—699; см. Иртыш, Ишимск. окр., Курган, Обдорск. кр., Обь, с. Самарово, Тарск. окр., Тавд-Пелым. кр., Тобольск, Тюменск. окр., И—жал; см. по плем. указат: остяки тоб., татары тоб.
Тоджинский хошун 399.
Томск 357, 621.
Томская губ. 46, 47, 96, 233, 709, 712; см. Алтай, Барнаул, Кузнецк. окр., Нарым, Тальменская вол., Томск, Томь.
Томь р. 109.
Тотьма 490.
Троицкосавск 692.
Тумнина р. 300.
Тунгуска р. 282.
Тункинский кр. 637, 638.
Туркестан 215.
Туруханский кр. 423, 715.
Тымь 7.
Тюменский окр. 152, 409; см. Еланская, Плеханово, Усть-Ницынская сл.
Ужур 325, 328.
Улала 737.
Унгинское вед. 616.
Урга 590.
Урянхайский кр. 99, 313, 399, 403, 451, 556, 587; см. по племен. указ.: сойоты.
Уса 659.
Усинский кр. 185; см. Уса, Сайр-Усинский тракт.
Уссури р. 16, 176.
Уссурийский кр. 137, 140
Усть-Каменогорск 157, 253, 373.
Усть-Ницынская слоб. 153, 154, 155
Хатын-Арынское с. 252
Чита 10
Чур 631
Чулым р. 531
Чуя 581
«Эмдер» 412
Эрдени-Цзу 472.
Эссейское озеро 537
Якутск 357, 739
Якутская область 6, 37, 56 97, 98, 318, 322, 350, 359, 381, 386, 390, 405, 491, 498, 538, 581, 668, 669 701, 716
См. Аян, Богородский ул., Верхоянск, Вилюйск. окр., Индигирка, Колым. кр., Лена, Олекма, Намский ул, Охотск. кр., Хатын.-Арынск. Чуя, Эссейск. оз., Якутск. по племен. указ: тунгусы, чуванцы, чукчи, юкагиры, якуты; по предм. указ: скопцы,
Ямал 368
Ясачная р. 185

Указатель племен и народностей.

Айны 139, 237, 240, 265, 446, 447, 632, 679
Алтайцы 44, 51 168, 201, 317, 528, 533, 576, 577, 649, 651, 652

Барабинцы 173
Башкиры 52, 106
Бельтиры 100, 208, 209, 214, 226
Буряты 32, 91, 171, 238, 358, 359, 131—137, 142, 150, 152-а, 153, 518, 591; (забайкальск.) 191, 196, 237, 239, 263, 271 — 281, 308, 500, 525, 568—571, 711, 718, 724, 725, 730, 736; (иркутск.) 288—292, 613—617, 631—638, 675, 683, 713, 714, 726.
Вогулы 78, 94, 177, 178, 257, 366—368, 374, 375, 376, 418, 547, 557, 684, 685
Гиляки 677, 100, 119; (амурск.) 17, 548; (сахалинские) 7, 150, 235, 264, 265, 431, 446, 447, 632, 679, 680, 712
Гольды 17, 32, 100, 282, 315, 499, 630, 664—666, 738

Долганы 100
Калары 209
Калмыки 55, 88, 100. 138, 649, 631, 652
Камчадалы 100, 172, 255, 333, 519, 567, 630
Карагасы 100, 101, 209, 217
Каргинцы 209
Катайцы 52, 606
Качинцы 109, 206, 214, 250
Килаки 172
Киргизы 13, 14, 15, 19—23. 28, 29, 38, 48, 49, 68, 71, 85, 87, 100, 121—131, 142, 158, 163, 171, 189, 203, 204, 209, 236, 251, 267—269, 298, 329, 330, 332. 345, 362, 364-а, 370 377, 428, 440, 454, 411, 477 492. 507, 529, 530. 559, 572, 618, 619, 623, 625, 628. 631. 652, 653, 667, 679, 682, 723
Китайцы 590
Койбалы 214
Корейцы 361
Коряки 100, 172, 333, 567. 630
Ламуты 18, 58, 179—181, 392, 520, 668
Монгольские племена (общ.) 174, 244, 406, 456, 472, 473. 621, 733, 735, 740; см. буряты.
Ороки 176, 606, 738
Орочоны 100, 265, 300, 301, 202, 515, 630, 664, 714
Остяки (общ.) 73, 78, 102 118; (енисейские) 100, 422, 514; (томские) 96; (тобольские или обдорские или обские или вахские) 40, 41, 171, 212, 259, 312, 411, 412—416. 524, 584, 681, 696—699
Палеазиаты см. айны, гиляки, качаадалы, коряки, чуванцы, чукчи, юкагиры. эскимосы.
«Поляки» (Змеиногор. окр.) 650.
Русское население 1, 3, 8. 9, 10, 11, 18, 26, 27, 39, 60, 61, 62. 64, 80 97. 100, 109, 110. 112, 118, 132—136, 141, 148, 151—157, 171, 181. 195. 204, 230. 231, 233. 234. 258, 259, 265, 270, 271, 296, 299, 307, 309, 311, 323 -328, 331, 336. 337, 344, 348—350. 359, 385, 386. 391, 392. 396. 397. 405, 409, 413, 417. 424, 441, 484 (в Монголии): 490. 493, 495, 501—502-а. 503 (в Монголии); 506. 508. 509. 551—555, 557, 558, 573—575, 584. 586, 606. 632. 641, 642, 647, 648. 649-а 653—656, 668—670, 673 (на границах Китая); 676. 678, 684. 708, 709, 712; (сектанты) 33, 34, 45,—47. 171. 184, 252, 253, 304, 344, 364, 322. 359, 374, 379, 388, 512, 517. 532. 534, 579, 659, 660, 734, 739
Сагайцы 209. 214. 222—224, 226, 229, 371, 372
Самоедские племена—см. остяки енисейские и томские, самоеды, юраки
Самоеды 96, 100, 368, 371, 372, 418, 423, 544, 684
Сойоты 98, 171, 203, 209, 213, 399. 400, 403, 451, 556, 587
Тазы 70
Татары 172, 205, 209, 216. 219, 220, 221, 232, 286, 287, 289, 314, 533, 684 см. алтайцы, барабинцы, калмыки, качинцы, сагайцы
Теленгеты 198, 199, 313, 653
Тунгуск. племена см. гольды, ороки, орочи (орочоны), *тазы, тунгусы*
Тунгусы 100, 105, 172, 179, 181, 282, 305, 310, 320, 441-а. 495, 544, 584, 661, 714, 739
Турко-татары—см. тюркск. племена
Тюркские племена (общ.) 28, 43, 171, 209, 211, 212, 214, 225, 226, 228, 244, 293, 416, 455, 456, 458, 475, 489, 519, *620, 621*, 716: *см. алтайцы*, барабинцы, башкиры, долганы, калмыки, карагасы, качинцы, киргизы, сагайцы, сойоты, татары, теленгеты, якуты
Урянхи—см. сойоты
[illegible] тобольские
Чуванцы 18, 181
Чукчи 18, 57, 59, 63, 80, 100, 144, 160, 171, 173, 179, 180, 181, 364, 392, 427, 495, 520, 540, 560, 630, 740
Эскимосы 351
Юкагиры 18, 172, 179, 180, 183, 185, 420, 495, 646
Юраки 100, 294, 295
Якуты 12, 37, 92, 97, 100, 103, 104, 104-а, 108, 138, 147, 149, 171, 179—181, 190, 191, 200, 217, 251, 261, 262, 318, 321, 344, 359, 383, 384, 386, 495, 539, 541—544, 583, 584, 601, 626. 630, 702, 703, 707 739
Японцы 600

Предметный указатель.

Аборигены 4
Арака—см. вино
Артель (земледельч.) 359, 670; (промыслов.) 132, 337; (община) 270
Ассимиляция 622
Астрология 436
Астрономия 125. 126
Баба серебрян. 357
Бакса 122
Б[illegible]
Беллетрист. этнографич. 418
Белье 155
Беременность 250
Бобры 177
Брак (ранний) 171; (брачное право) 272, 724; (брачные отношения) 275; (брачный союз) 539; (брачн. обряды [illegible] племен) 129. 179, 18[illegible], 273, 383, 541 571, 615, 616, 637, 683, 718, см. помолвка; (брачн. обряды русск. населен.) 27, 118, 155, 157, 258, 309, 369, 396, 586, 649-а, 650
Бубен (шаманский) 464

Буддизм 437, 500, 733
Былины (рус. населения): 8, 103, 319, 348, 348—350, 391, 457, 466, 469, 473, 482, 486, 487, 662, 663; (туземн. плем.) 20, 103, 130, 415, 499, 257, 735,
Быт домашн. и хозяйствен. (русск. насел.): 252, 271, 322, 501—503, 593, 678; (туземн. плем.): 14, 36, 71, 92, 185, 197, 214, 232, 247, 251, 278, 279, 290, 292, 301, 333, 518, 561, 571, 615, 631, 690, 698; (общее): 113—117, 264, 606, 668, 669; см. занятия, обычаи
Веретено (в фольклоре) 163
Верования 17, 73, 147 367, 371, 372, 374, 427, 434, 492, 518, 571, 601, 664—666, 707; см. духи, жертвоприношение, загробная жизнь, космогония, мифология, обряды, поверья, погребение, праздники, тюси, шаманизм.
Вертеп—см. театр
Весенние игрища—см. игры
Вечорка 154
Вещица 152
Взаимодействие (культ.) рус. нас. и туземн. племен 204, 321, 359, 380, 501
Вино (арака) 314, (самосидка) 656, 676; (предание о происхождении) 456
Винокурение 205
Войско (инородческое) 711
Волос (изделия из него) 131
Внешкольн. образоват. средства народа 552
Востоковедение, восточный факультет 393, 521
Вымирание туземных племен 70, 101, 105, 171, 192 359, 699
Выставка 288, 550, 603
Географическое Общество (РГО и его Отдел) 5, 81, 146, 243, 254, 363, 381, 382, 425, 443, 510, 511
Глина (черепица) 526
Голова усеченная (в эпосе) 488
Гора (в фольклоре) 163
Грех (понят. о нем) 41
Дацаны 238, 263, 305
Девушка (в легенде) 310
Деревня (история ее) 1; (быт ее) 27
Долгов. обязат. 96
Дочь моря (в сказках) 461
Драма школьная 421
Дуализм 162
Дурачки 323
Духи: (грозные) 518; (людоеды) 613; (нечистая сила) 498
Духоборы 33, 311, 359, 532
Душа 431
Единоверцы 379, 515
Езда (на собаках и оленях) 255
Женский вопрос (у туземн. племен) 19
Женщина (бурятская) 432-а, (в сказке) 229, 519
Жертвоприношение 172, 207, 374, 518, 613
Животные (предан. об их происхожден.) 569
Жилища 136 254, 329, 374, 400, 615, 621, 630, 643, 674
Загадки 345, 635
Заговоры 409
Загробная жизнь (представы. о ней) 431, 571
Занятия—см. [illegible], коневодство, [illegible]ство, маслоделие, молочное хоз., оленеводство, полеводство, сельское хозяйство, [illegible]
Захват (женщин) 37, (земель) 218
Звезды 125
Звериный промысел, звероловство 177, 277, 283, 627
Землевладение 96, 290, 708
Земледелие 108, 154, 190, 230, 231, 290, 397, 575, 631, 653, 670, 708, 709, 714
Землепользование 270, 281, 307, 654, 655, 670
Зимовья—см. жилища
Знамена 32, 389
Игры 153, 156, 158, 308; см. [illegible]
[illegible] промысел 283
[illegible] 2, 169, 218, 260, 288, 431, 516, 527, 651, 667
Инструкция—см. программы.
Искусство народное 16, 93, 131, 461
Календарь народный 128, 151, 155, 222, 552, 553—см. месяцы
Камень белый (в фольклоре) 468
Картография 256
Князья 402, 416
Колонизация 110, 112, 141, 230, 253, 313, 359, 398, 490, 508, 659, 673
Колыбель 546
Колыбельная песнь 123
Коневодство 682
Конфедерат (пленный в Сибири) 95
Кони древние 613
Кора березовая (переписка на ней) 35
Косметика 321
Космогония 162, 206, 310, 681
Крашенье 326
Крещенье (туземных племен) 78; см. миссионерская деятельность
Куклы—см. театр
Кустарничество 77, 169, 550, 712-а

Ламаизм 238, 263, 305, 436, 447, 515, 730; см. дацаны
Легенды—см. предания
Лесной промысел 240
Летопись сибирская 319
Лирика—см. песни
Луна (в сказках) 310
Людоедство 175

Майдари 91, 357
Маслоделие 551
Медведь (в культе) 174, 235, 374
Медицина народная 122, 155, 171, 229, 325, 328, 359, 377, 384—386, 493, 571, 712, 731, 740; (тибетская) 239
Местные предания 38, 103, 411, 453, 472, 486—490, 568, 579, 606, 634, 731
Месяцы (названия) 128, 222
Мизинец (в фольклоре) 468,
Миссионерск. деятельность 45, 68, 78, 90, 142, 143, 159, 197, 201, 315, 364, 370, 440, 441-а, 505, 507,

515, 545, 576, 609—611, 629, 706, 737
Мифология 435; см. космогония
Могилы 104-а, 368, 531
Молочное хозяйство 614
Мистерия 424
Морские промыслы 240
Музеи 50, 79, 102, 174, 202, 242, 334, 335, 339, 357, 528, 535, 554, 594, 597, 624, 644, 645, 720
Музыка 259, 374, 400, 530, 543
Наводнение (приметы) 360
Наследство 96
Нищие 174, 693
Новый год 196
Обрусение 380
Обряды 136, 148, 179, 180, 593; см. брак, медицина, народная, погребение, присяга, рождение
Обувь 155, 615
Община 148, 195, 230, 231, 233, 234, 270, 503, 654, 655, 670, 733
Общественный строй 14, 96, 204, 267, 275, 290, 383, 702
Обычаи 136, 371, 372; (юридические) 92, 148, 262, 383, 617, 626, 642, 652, 704
Огонь (почитание его) 327
Одежда 593, 615
Оленеводство. 344; (олень ездовой) 255
Орошение 290
Оружие 615
Оседлость 189, 197, 631, 723
Охота 72, 277; (охотнич. право) 277.
Папа Римский (в эпосе) 478
Пахота 154
Пашня (артельная) 670
Певцы 530, 543; см. песни
Переводы 55, 171
Передвижение 76 255, 240, 584, 608
Переписка на березовой коре 35
Переселенцы—см. колонизация
Песни (рус. населен.) 3, 8, 154, 156, 259, 331, 426, 441, 605, 649-а, 650; (туземн. плем.) 257, 374, 499, 529, 530, 540, 543 см. причитания, свадебн. обр.
Пилигримство 307; (в сказках) 480.
Писаницы 739; см. письмена, орхон. и енис. надп.
Письмена 185, 246, 420, 646, 721
Питье 155
Пища 155, 542, 615
Плясовая изба 368
Поверья 171, 208, 665, 703, 731
Повести 452, 471, 483, 587
Погода (приметы) 553
Погребение 22, 40, 100, 121, 124, 194, 209, 216, 261, 298, 368, 524, 530, 571, 617, 637, 664; (собаки) 691; см. могилы
Подати 290.
Подданство (принятие его) 267.
Полеводство 108, 148.
Помесь (русск. и туземн. плем.) 321.
Поминки 22, 298.
Помолвка 572.
Помочи 506.
Порча 328.
Посуда 155, 615.
Пословицы 345.
Право обычное см. юридическ. обычаи,—охотничье—см. охота; брачное см. брак.
Праздники 148, 196, 235, 236, 263, 374; см. майдари.
Предания 28, 38, 63, 103, 163, 200, 218—220, 225, 332, 453, 569, 664, 666. см. местные предания
Преступления 96, 174.
Преступники см. преступления, уголовные.
Примесь (племенная) 28.
Призрение 693, 731.
Приметы 128, 208, 731; (о наводнении) 360; (о погоде) 553; (о смерти) 209.
Присяга 23, 618.
Причитания 124.
Программы 133, 135, 601, 696, 719, 729.
Происхождение животных 569.
Прокаженные 359.
Промыслы (общ.) 135, 136, 148, 290, 555, 571, 593, 606, 668; см. артель, лесной промысел, звериный, птичий, морск., хуничирный, юровой, охота.
Прыгуны 304.
Птичий промысел 627.
Путешествия 404, 585, 591-а, 600, 657, 689.
[illegible] 373.
Рабство 383.
Раскол, раскольники 46, 47, 171, 379, 512, 517, 534, 577, 579, 659, 660, 673; см. семейские.
Растения лекарств. 740.
Ребенок (уход за ним) 250.
Рисунки 16, 93.
Род 28, 29, 96, 138, 179, 559, 568, 571 623, 702.
Рождение 49, 155, 250, 615, 637.
Руга церковная 579.
Рыболовство 82—84, 132, 134, 154, 299, 344, 584, 684, 697, 726.
Самоловы 82.
Самосидка—см. вино.
Самосожжение 534.
Сбруи 615.
Свадьба, свадебные обряды—см. брак.
Сельское хозяйство 553; см. земледелие.
Семейские 592, 592-а, 593.
Семья 71, 96, 204, 275, 702.
Сибиряк (его тип и характеристика) 44, 174, 230, 509, 622.
Сказание—см. предания.
Сказки (русск.) 64, 86, 458, 461, 463, 466, 471, 474, 476, 480, 483, 488, 519, 731; (туземн. племен): 85, 86, 88, 94, 103, 163, 226, 229, 286, 287, 294, 295, 317, 383, 414, 438, 456, 458 461 463, 488, 489, 495, 499, 519, 587, 736.
Скачки 394
Скопцы 184, 252, 322, 359, 388. 532.
Скотоводство 75, 108, 191, 290, 344.
Спасти 83.
Собака (в культе) 691; (ездовые) 255.
Соболиный промысел 584.

Солнце 126, 479
Средства передвижения: см. передвижение.
Старики (убийство их) 171
Стойбища 254
Страда 154.
Субботники 34.
Суд, судопроизводство 96, 269, 336, 641
Суеверия 18, 171, 665
Тамги 29, 728
Тарбаган (в фольклоре) 569
Театр народный 424
Тенгрии 435
Тип сибиряка см. сибиряк
Трубодетка см. вещица.
Тюси 241
Убогие 323.
Уголовные 149, 504.
Урочивая 328.
Утуги 290.
Фольклор (общ.) 3, 21, 59. 183, 198, 459, 636; см. былины, загадки, заговоры, календарь народн., медицина народн., песни, предания, сказки, пословицы эпос.
Характер (сибиряка)— см. сибиряк.
Хаты 435
Хозяйство сельское—см. сельское хозяйство.
Хлеб—см. пища.
Чернила 526.
Четверг великий 155
Чорт (в фольклоре) 229, 515
Шайтан 376
Шаманизм 25, 32, 227, 249, 306, 312, 353, 378, 400, 422, 434, 435, 578, 583, 634, 664, 710; см. бубны, верования.
Школы 171, 577, 362
Энциклопедия (старообрядческ.) 660.
Экспедиции 65, 99, 120, 148, 188, 243, 245, 381, 538, 581, 701.
Эпос (общ.) 28, 316, 349. 455, 457, 459, 461, 465—483 486—489; см. былины, предания, сказки.
Юридические обычаи—см. обычаи, а также преступление, присяга, суд.
Юрьев праздник 83.
Юрты—см. жилища.
Язык (животных в сказке) 226
Язва сибирская 171.
Язык (его разработка в Статист. Комитете) 732.

Указатель собственных имен.

«Акир» 452
Албаст 127
Ак-Тюбе 332
Александр Македонский 200
Алексей Попович 468
Anderson 67
Андре 538,581
Андреевский проф. 437
Аполлоний, Аполлонище 467
Аполлинария 467
Аристов 43, 620
Арья-Вало 467
Астырев 509
Ашок 465
«Басарга» 483
Бельжур 95
«Бикет-Батырь» 130
Богораз 171
Бурни-Хан-Ула 525
Буцинский проф. 2
Валиханов 477
Вербицкий 159
Вруцевич 187
Геродот 356
«Гесер» 487,
«Гикий» 470
Гондатти 32, 171, 342, 351
Грядь 455
Грум-Гржимайло 607
Даниэлов Кирша 662, 663
Джинн 127
Ditmar Karl 567
«Добрыня» 482
Джаноджа Нурмахаммедов 20
Еланский 722
Ермак 115, 220, 319, 391
«Еруслан 476
Зензинов М. 348
«Змей Горыныч» 169
«Идиге» 416, 477, 489
Иннокентий, митр. москов. 609—611
Кившенко 430
Кирша см. Данилов
Козлов, П. К. 99
Ковалевский, Ос. 591
Конец И. 705
Кузнецов А. А. 232
Кулаков, П. Е. 232
«Кузьменко» 388
Кучум 220
Кюль-Тегин 317
Макарий Алтайский 505
«Марко Богатый» 463
Марко Поло см. Поло
«Марья—Лебедь Белая 466
Межов, В. 161, 166
Миллер Г. Ф. 719
Михайловский В. 25
«Наран-Герел» 479
Неклюдов 221
Орхонский Генрих 236
Остен-Саккен бар. 439
Палладий 139
Петлин казак 407
Петр Великий 78
«Пилин-Си» 381
Поздеев 32
«Полифем» 317, 401
Поло Марко 591-а
Потанина, А. В. 165, 303, 408, 415, 582, 695
Потанин Г. Н. 86, 316
Припузов 626
Пыпин А. Н. 53
Саур Ванидович 486
Симонова 418
«Сохор-Ноин» 638
Спафарий 30, 31, 354, 355
«Ставр» 487
Strahlenberg 172
Тадибей 869
Тамерлан 219
«Тугарин» 469
Харузин 87, 352
Худяков 419
Хутух-Хан 473
Чингисхан 465. 570
Шелехов 404, 585
Шимкевич 32
Ыдиге см. Идиге
«Эленди» 63
Ядринцев Н. М. 24. 107, 387, 429, 445, 491, 536
Якобий проф. 171, 359

Указатель смежных дисциплин.

Антропология 29, 48, 104, 151, 321, 520, 588, 589, 590, 592, 592-а, 625, 640, 643, 720,

Археология 16, 32, 93, 182, 185, 246 375, 420, 614, 551, 578, 612, 624, 643, 646, 721, 739; орхонские и енисейские письмена) 42, 89, 120, 245, 293, 346 347, 395, 441, 460, 483-а, 522, 564, 598, 728, 731

Биология 15, 54, 55, 87, 88, 106, 161, 164, 166, 167, 193, 207, 228, 268, 285, 340, 352, 494, 562, 663, 565, 594 597, 604, 619, 700, 704

География 71, 76, 99, 109, 170, 172, 188, 255, 256, 261—266, 306, 313, 318, 363, 373, 374, 381, 399, 403 405, 407, 425, 443, 451, 485, 490, 501, 502, 503, 533, 538, 549, 557, 558, 567, 585, 591, 591-а, 599, 600, 602, 606—608, 619-а, 650, 657, 658 671, 673, 689, 715.

Диалектология (рус. поселения) 8, 39, 64, 66, 259, 296, 311, 350, 409, 417, 574, 647, 648, 649-а, 650, 662, 663, 719, 731

История 2, 4, 30, 31, 35, 37, 47, 78, 95, 185, 206, 255, 266, 267, 306, 319, 351 356, 389, 402, 407, 415, 505, 512, 531, 588, 592, 631, 588, 592, 600, 609—612, 623, 643, 657, 659, 662, 663, 673, 690, 691, 705, 716

Лингвистика 21, 55, 59, 66, 67, 123—130, 183, 210, 213, 214, 221—226, 246, 300—302, 332, 342, 345, 351, 393, 410, 414, 416, 438, 471, 499, 521, 646, 732, 738; см. диалектология

Экономика 1, 72, 75, 77, 84, 101, 108, 110, 112, 132—136, 141, 148, 169, 189 — 191, 195, 202, 205, 230—234, 240, 247, 253, 270, 271, 274, 277—281, 283, 288, 290, 292, 299, 307, 336, 337, 344, 397, 398, 400, 423, 484, 485, 550—555, 557, 558, 561, 575, 606, 614, 627, 631, 633, 654, 655, 667, 670, 673, 681, 697, 708, 709, 712-а, 714, 723, 725, 726.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Марк Азадовский

СКАЗКИ

ВЕРХНЕЛЕНСКОГО КРАЯ

Издание Восточно-Сибирского
Отдела Русского Географического Общества

ИРКУТСК.

Светлой памяти дорогого учителя

Алексея Александровича

ШАХМАТОВА.

Настоящему сборнику должна была предшествовать большая статья, посвященная вопросам изучения сибирской сказки в связи с характеристикой сказок и сказителей Верхнеленского Края.

К сожалению, по целому ряду причин эта статья не смогла быть доставлена к сроку; откладывать же представившуюся возможность приступить к опубликованию давно ждущих этого текстов—было очень нежелательно. И первоначально на редакционном совещании было решено приступить к немедленному печатанию текстов, вступительную же статью отложить до одного из следующих номеров «Сибирской Живой Старины».

Но мне казалось все же неудобным вводить в научный оборот тексты, не сопроводив их никакими указаниями для читателя и исследователя. Тем более, что публикуемые тексты, по моему убеждению, выходят за пределы чисто местного значения и интереса. Поэтому я решил предпослать небольшую статью, чтобы хотя коротко наметить некоторые общие вопросы, связанные с бытованием сказки в Сибири (в частности в Верхоленском округе) и набросать основные линии для характеристики художественного облика сказительницы Н. О. Винокуровой, чьими текстами открывается сборник.

Характеристика остальных сказочников и их сказок будет дана непосредственно перед печатанием самих текстов—общие же вопросы будут отнесены в послесловие или им будет посвящена специальная статья в этом же журнале. Таким образом, предполагаемое вступление приходится разбить на ряд отдельных статей и вступительных заметок. Кроме того, к сборнику будет приложена специальная статья Вс. А. Малаховского, посвященная диалектологическому анализу публикуемых сказок.

Пользуюсь случаем поблагодарить своих товарищей по редакции и Распорядительному Комитету ВСОРГО, принявших горячее участие в деле опубликования текстов, а также лиц деятельно помогавших мне найти нужные для печатания сред-

ства, особенно И. Г. Соловьева и В. А. Черняка. А. Н. Курбатову благодарю за ряд услуг при подготовке текстов к печати. Г. С. Виноградову я обязан рядом весьма ценных советов и указаний.

Особенная же моя признательность самим сказителям и сказительницам, чьим радушным гостеприимством я широко пользовался, и кто бескорыстно и щедро дарил мне часы досуга. Вместе с ними благодарю и тех, кто своим участием и содействием помог сблизиться с населением и разрушить ту стену недоверия и подозрительности, которая всегда окружает приезжего этнографа: О. Г. и Д. О. Азадовских, Е. М. Масюкову, фельдшера с. Залог И. Л. Локшина, крестьянина с. Белоусова Вас. Вас. Белоусова, крестьянина с. Тарай А. И. Кузнецова, сельских учителей: Б. Е. Челпанова, А. П. Петрова и Ин. Троф. Житова и мн. др., чьи имена к сожалению я не все могу вспомнить вследствие гибели моих дневников и большей части записей.

Последнее мое слово благодарности тому, кем оно уже не может быть услышано. Работа над этим сборником для меня тесно и неразрывно связана с именем покойного, дорогого и любимого учителя, Алексея Александровича Шахматова. Ему я обязан осуществлением своих этнографических поездок, ему первому сообщал об их результатах, его советами и указаниями пользовался неизменно в каждой своей работе; о нем думал я, когда готовил к печати эти листы. Его светлой памяти решаюсь я посвятить этот сборник.

Печатаемые ниже тексты записаны летом 1915 года в селениях Верхоленского округа (в бассейне Верхней Лены и ее притоков), куда я был командирован Этнографическим Отделом Русского Географического Общества и Отделением Русского Языка и Словесности при Академии Наук для собирания материалов по этнографии и устному творчеству (по преимуществу, для записи сказок) среди местного старожильческого населения. Поездка эта, как мне приходилось уже указывать в своей «Легенде о Щапове»,[1] должна была войти в цепь задуманных поездок по Сибири для уяснения фольклорного богатства русского старожилого населения, и, таким образом, определения и установления ее эпической и сказочной традиции.

В первую очередь мною были намечены поездки по следам прежних этнографов-путешественников и собирателей: Ровинского, Щапова и Максимова. Их наблюдения и выводы сыграли огромную роль в судьбах изучения русской народности в Сибири, и проверка на месте их выводов и уяснение методов их работы представлялась мне существеннейшим заданием. При содействии Председателя Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук, А. А. Шахматова мне удалось осуществить осенью и зимой 1913 и 1914 года ряд поездок по Амуру—путь С. В. Максимова; ленская поездка 1915 года связывалась с именем Щапова. Эта часть Верхоленского уезда была его родиной; сюда же он приезжал незадолго до своей смерти для свидания с родными и для производства антропологических и этнографических наблюдений. Непосредственное место его рождения—с. Анга—и явилось центром моих наблюдений и изучений. Третью поездку: на р. Ангару—по следам Ровинского—осуществить уже не удалось.

Я не имею возможности подробно остановиться на характеристике Верхнеленского населения и условий его быта. Мои личные наблюдения и заметки утрачены (об этом более подробно будет сказано ниже), давать же пространные пересказы литературных материалов мне не представлялось существенно

---

[1] «Сибирская Живая Старина», вып. I, Ирк. 1923, стр. 59.

необходимым; поэтому сейчас ограничусь только немногими важнейшими указаниями, пользуясь для этого некоторыми печатными источниками и тем, что сохранила моя память.

В известных «Материалах... по Иркутской губернии»[1] эта часть Верхоленского округа характеризуется так: «Аборигенами части Иркутской губернии, занимаемой Верхоленским округом, являются буряты и тунгусы; русская же народность, появившаяся в Верхоленском округе лишь в первой половине XVII столетия, в настоящее время составляет потомство первых завоевателей казаков, частью и вольных переселенцев и ссыльных.

Все население Верхоленского округа концентрируется, главным образом, по р. Лене и ее притокам, занимая узкие прибрежные полосы, и только в южной части округа оно удаляется от Ленского бассейна к берегам Байкала и к границам Иркутского и Балаганского округов. Русская народность занимает по преимуществу, северную половину территории по р. Лене, низовья Манзурки, Анги, Куленги; затем обитает по р. р. Тутуре, Илге и, частью, Киренге. Буряты занимают юго-западную, степную половину округа, встречаются отчасти по р. р. Анге, Манзурке и Куленге; тунгусы бродят, по преимуществу, в вершинах р. р. Тутуры, Киренги и Анги.

Густота населения далеко неодинакова в различных частях округа. Берега р. Манзурки с ее притоками, р.р. Анги, Лены, что между с Бирюльским и г. Верхоленском, Куленги и Илги с притоком ее Тыптой, заселены наиболее густо»[2].

В этой наиболее заселенной части я и производил свои наблюдения летом 1915 года. Мною были посещены селения: по р. Лене: Качуг, Макарово, Кистенево, Кортухай, Степное[3], по рч. Анге: Анга, Рыково, Шаповская заимка[4], Бугаково, Тарай;

[1] Полное заглавие: «Материалы» по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губ. Иркутская губ. т. II, в. 6. Округ Верхоленский. Ирк. 1892.

[2] «Материалы... т. II, в. 6, стр. 1.

[3] В «Материалах...» это селение называется Степаново. Но местные жители не знают иного названия, как Степное.

[4] По поводу заимок в «Материалах...» читаем: в «Верхоленском округе заимок, если не считать таковыми выселки, почти не имеется. Случаев образования селений из заимок, как это нередко случалось в прочих округах Иркут. губ., здесь не замечено...» стр. 2. Эти наблюдения к моменту моей работы в округе явились уже устаревшими. За последнее время как раз там наблюдалось сильное развитие заимок. Шаповская заимка (около Анги) уже развернулась в небольшое селение; на пути к этому—Черепановская заимка.

по р. Бирюльке: Залог; по р. Куленге: Толмачево, Челпаново, Алексеевское, Большедворское, Хабардино, Белоусово, Шеметово, Житово; по рч. Тальме (приток Куленги): Тальма и Усть-Тальма.

Точных данных о времени основания этих селений не имеется, но большая часть их должна быть отнесена к концу XVII в. Верхоленский острог основан, как известно, в 1641 году; об Ангинском Остроге находим упоминание в актах 1682 года[1]. Село Бирюлька нанесено уже на известный чертеж сибирской земли Ремезова.

По господствующему в сибирской исторической литературе воззрению, первыми заселыниками Лены (как вообще Восточной Сибири) были, по преимуществу, выходцы из северных областей России. «Почти исключительно северная Россия —Поморские города и уезды посылала за Урал своих представителей за волей, приключениями и наживой», пишет один из позднейших и весьма авторитетных исследователей[2].

Эти положения должно в значительной степени ограничить. Средне и южно-великорусская струя сыграли гораздо большую роль в заселении северо-восточной Сибири, чем это принято обычно думать. Уже по данным писцовых книг Иркутска конца XVII века можно судить об огромной роли в колонизации края выходцев из Московской области. Былина, приведенная в сибирской летописи, хранит имена донских казаков, в качестве первых завоевателей Сибири. Показания эпоса подтверждаются и местными сказаниями о первых заселениях. Так, напр., в селениях Бутаковском, а также Белоусовском до сих пор не забыта южная родина. Жители последнего ведут свое происхождение (по сохранившимся сказаниям) от донских казаков. В доме крестьянина Василия Васильевича Белоусова мне удалось видеть бережно сохраняемую реликвию: жалованный кубок казаку Белоусову от царицы Елизаветы. Следы смешения северно-русских элементов с южно-великорусскими довольно отчетливо сказались и в говорах Верхнеленского края.

Следующим моментом, сыгравшую крупную роль в формировании типа и уклада жизни местного населения, является соседство и влияние туземных племен. Некоторые селения по Куленге, напр. Житово, сплошь заселены так называемыми «ясачными» -поко-

[1] Напр., Стрелов Е. Д. Акты архива Якутской области, т. I. Якутск. 1916

[2] Голованчев П. М. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетиях II. 1906, стр. 17.

лением, происшедшим от смешанных (русско-туземных) браков. И если на крайнем севере (Енисейской губ., Якутской обл.) в результате такого смешения получилось обостячение или объякучение русского населения, то здесь русская кровь и русский тип одержали блестящую победу. Статная и пригожая «ясашная» молодежь, по справедливости, славится на весь округ[1].

---

[1] Вопрос об «ясачных», к сожалению, совершенно не выяснен в нашей научной литературе. В цитированных выше «Материалах...» о них не встречается ни малейшего упоминания. Единственной работой, специально посвященной ясачным Иркутской губ. является небольшой очерк проф. К. Н. Миротворцева «Иркутские ясачные в освещении статистических цифр. Статистический этюд». Матер. Иргубстатбюро, в. XII, Ирк., 1923.

Между прочим в ней автор также жалуется на отсутствие специальных этнографических и особенно антропологических изучений этой интересной группы населения. Собранные же и обследованные автором статистические данные демографического и экономического характера свидетельствуют с одной стороны о большей физиологической мощности населения, с другой об его экономической крепости. Так, напр., процент детей до 6-летнего возраста у «ясачных» доходит до 21,05%, тогда как у бурят он равен только 17,28, а у русских 2 ,01 (стр. 8: данные 1917 года). В хозяйственном отношении эта группа, по наблюдениям автора, очень жизнеспособна и устойчива, несмотря даже на менее благоприятное в смысле земельного обеспечения положение» (стр. 35). Разнообразие [illegible] у «ясачных» промыслов также свидетельствует, по мнению проф. К. Н. Миротворцева, «о большой жизнеспособности этой группы и умении ее приспособляться к окружающей географической и экономической обстановке» (стр. 12).

О физическом типе сохранились некоторые упоминания у Щапова. Мало расположенный к своим ленским землякам, Щапов все же констатировал, что «эти обруселые бурятские поколения часто кажутся уже совершенно русскими крестьянами, хотя с первого раза и отменными»... «едва ли мы ошибемся», пишет он: «если скажем положительно, что в общем составе или результате, как мужчины так и женщины, происшедшие путем смешения русского племени с бурятами, представляют *собою довольно красивый физический тип или облик*, несколько похожий на тип греческий или цыганский, а по замечанию некоторых наблюдательных лиц и на итальянский». (Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О. т. III, № 4, стр. 192). Что же касается наблюдений и выводов Щапова относительно быта и духовного уклада «ясачных» и русских Верхоленского округа, то они страдают значительными натяжками и поспешными обобщениями. К числу последних, пожалуй, следует причислить и греческий или итальянский тип «ясачных».

Интересно одно наблюдение, на которое разновременно обратили внимание и К. Н. Миротворцев и я. «Ясачные» никогда почти не называют себя русскими. Само собой, что они не причисляют себя и к бурятам, относясь к ним с некоторым пренебрежением. «Мы — ясачные», не без гордости заявляют они. Быть-может, это объясняется отчасти тем, что, как «ясачные», они пользовались рядом льгот и привилегий (из них важнейшая — освобождение от воинской повинности), каких не имело русское население. Боязнь потерять эти льготы и привилегии и заставляло их, думается мне, всегда обособливать себя.

На этой почве произошел курьез, который так обычен в этнографических поездках, но который мог бы весьма печально для меня кончиться. Я был заподозрен в тайной правительственной агентуре и моя поездка была поставлена в связь с беспрерывно ходившими в населении слухами о лишении воинской льготы. Дело было во время войны, и на фоне совершенно лишенной мужского населения ленской деревни, [illegible] молодежь производила странное и необычное впечатление. Им завидовали окрестные деревни и ближайшие соседи, а они беспрерывно опасались подвохов и со стороны последних и со стороны города.

Наконец, не малую роль сыграло и влияние поселенческое. На его специфическом значении в деле распространения и сложения сказки я остановлюсь ниже.

В этнографическом отношении русское старожильческое население этого края обследовано крайне скудно. Фольклорное богатство его совершенно не изучено. Между тем, именно на материалах этого края делал свои знаменитые, поспешные обобщения Щапов. Я уже указывал, что желание проверить на месте его выводы и наблюдения было главной причиной, заставившей меня выбрать для поездки этот район. Сейчас не место останавливаться подробно на этой стороне вопроса, но коротко укажу, что как раз там, где Щапов констатировал не только «утрату всяких преданий и песен», но «даже и способности к поэтическому воодушевлению», мне удалось—через 40 почти лет после того, как там был Щапов—встретить великолепно сохранившуюся обрядовую поэзию, установить следы эпической традиции еще в сравнительно-недавнем прошлом и, наконец, обнаружить мощные залежи сказочного богатства.

Повторяя слова Щапова, известный народник Н. М. Астырев, крайне отрицательно относившийся к русско-сибирскому населению утверждал, что сказки—сибирякам совершенно неизвестны и чужды. «Народный эпос», писал он: «не известен сибиряку, и он с удивлением и любопытством слушает изредка забредшего в его деревню мастера говорить сказки, а таким мастером является не кто иной, как ссыльно-поселенец из России».

Это, конечно, совершенно неверно. Сказка точно так же, как и народная песня, народное предание и бытовые формы, пришла в Сибирь с первыми ее засельниками и бережно сохранилась там, на тех самых «таежных прогалинах», о которых в таких суровых и небеспристрастных тонах писал Н. М. Астырев. Сохранилась сказка и в Верхнеленском крае.

За короткий сравнительно срок пребывания мне удалось записать около 100 сказок, ряд рассказов и воспоминаний о сказочниках недавнего прошлого, а также и сведения о сказителях и сказительницах других (не посещенных мною) селений.

---

[1] Подробнее—см. у А. А. Макаренко «Сибирские песенные старины» Жив. Стар. 1907, I—IV, у А. В. Пруссак «Игральные, хороводные и плясовые песни Иркут. губ.» Изв. Ирк. Отд. О-ва изуч. Сибири, т. I, стр. 16, а также в моей статье «Эпическая традиция в Сибири» Вестник Просвещения, 1921, № 5—7, Чита.

Конечно, я не решился бы утверждать, что сказка на Лене живет такой же полной и интенсивной жизнью, как, напр., на севере Европейской России. Но все же совершенно ясно, что сказка на Лене не только не забыта и не исчезла, но еще достаточно прочно бытует, продолжает привлекать к себе внимание и слушателей и творцов, и в числе ее носителей, как мы увидим ниже, встречаются исключительные и незаурядные мастера.

Для сохранения и бытования сказок в крае имеется и целый ряд объективных условий. Из них на первое место должно поставить существование значительной группы *артельных* занятий населения. Земледелие ведется с большим трудом и напряжением в этих краях и главными занятиями являются: охота, транспортирование обозов, почтовая гоньба, лесной промысел, судостроение, или «постройка посуд», как говорят местные жители. Последнее служит одним из главнейших промыслов старожильческого населения; есть ряд селений, которые, главным образом, живут им. Особенно развита «постройка посуд» на Куленге.

Промысел этот ведется, по преимуществу, артельным способом. Само-собой, что только артельными являются и транспортирование обозов и почтовая гоньба. И на почтовых станках, на «постоялых», в лесу во время артельной заготовки материала для «посуд»—можно зачастую услышать, во время отдыха, сказку. Сказителей любят и особенно охотно принимают в артели. Чуть ли не все рассказы о сказителях начинаются словами: «вот были мы в артели», или «вот были мы на промыслу»... Добавлю, что очень часто и охота является артельным занятием, так как приходится уходить в отдаленные лесные районы. Излюбленным местом для слушания и рассказывания сказок является, конечно, и мельница, как всюду. Не случайно, одним из интереснейших моих сказочников был мельник (в с. Анге)[1].

---

[1] По Ангаре и в Ноангарье особенно распространено знание сказок среди мельников. Интересной записью на эту тему дружески поделился со мной Г. С. Виноградов: «Другому человеку не идет это, а другому пристало. На народе кто бывает, тот и наслушается. На мельницах, вот каково народу не бывает... Иван Леонтич Травкин—он мельник. Ну тоже, воскеитель был. Пристало ему это. Ино парнем был совсем молодой дак, посмотришь, откуда чё береться, где и набрал он всё это. В Барлуке, на Иде, отец-то у него мельником тоже был. И он кола ино». Запись относится к Тулуновскому уезду.

Как уже сказано выше, мне удалось записать около 100 сказок. К сожалению, большинство собранных мною материалов погибло безвозвратно. В начале мая 1918 года я выехал из Петрограда в очередную поездку в Сибирь, рассчитывая на этот раз заняться изучением алтайского старожильческого населения. Материалы мои—как всегда во время моих отлучек из Петрограда—остались на хранении в сейфе одного из банков, вместе с остальными моими рукописями. Но очутиться снова в Петрограде пришлось мне не через два месяца, как предполагал я при отъезде, а только через три года. В мое отсутствие рукописи оказались выкинутыми из сейфа, сброшены в одну кучу с различными другими бумагами, и, вероятно, сгнили в одном из банковских подвалов. Погибла и значительная часть сказок.

К счастью, в сейфе уместилось не все. Часть рукописей и материалов вынужденно осталась в моей Петроградской квартире и оказалась в более безопасных условиях, чем в «безопасном ящике»; часть мною была передана на хранение в Академию Наук; наконец, некоторое количество сказок было уже переписано до поездки. Таким образом, оказалось уцелевшими около 50 сказок, которые и войдут в настоящий сборник.

Из утраченных материалов особенно больно ощутимой является гибель путевого дневника с заметками и наблюдениями над исполнением сказок, с наблюдениями над аудиторией, со сведениями о сказочниках биографического характера и т. п. Затем столь же невозратимой является утрата большой тетради с записями кистеневских и ангинских сказочников (в той же тетради были записаны интересные образцы народной драмы).

Из этих погибших сказок следует особенно выделить тексты семидесятипятилетнего сказителя, Ефима Медведева (из с. Анги). Это—старый солдат, замечательный сказочник, в стиле тех традиционных сказителей, для которых дорога точность рассказа и каждая в нем деталь. Рассказывал он не торопясь, как будто обдумывая детали и точно наблюдая за производимым эффектом. Рассказал он немного—всего три или четыре сказки, но сказки его настолько пространны и обстоятельны, что, по количеству страниц, равняются доброму десятку сказок хотя бы той же Винокуровой.

С большим сожалением вспоминаю я об утрате сказки записанной со слов старика Кистенева (в селе того же имени). Правда, он рассказал всего одну единственную сказку—после весьма утомительных и длинных уговоров, а на завтра «одумавшись», сбежал от меня, уехав куда-то на дальнюю заимку — но эта рассказанная им сказка представляла совершенно необычный и исключительный интерес. Сочная и красочная, остроумная, она казалась выхваченной со страниц Декамерона.

Наконец, огромный интерес и особую важность для исследователя имели сказки ангинского мельника Емельяна Ананьева. Его сказки я считаю особенно характерными для специфически-сибирской сказки.

При изучении сибирской сказки должны быть особо учтены два момента: связь с фольклором туземных племен, что уже отмечалось исследователями[1] и, хотя констатированное, но еще совершенно не обследованное, поселенческое влияние. Последнее или совсем не принималось в расчет, или принималось в чрезмерно-преувеличенном виде. Так, напр., у Астырева, который, как мы только что видели, всю сибирскую сказку считал поселенческой.

Но доля истины в этом утверждении есть. Поселенчество явилось слишком важным фактором в жизни сибирского крестьянства, и, конечно, не могло не отразиться на характере ее культурного и духовного уклада. И несомненно на долю этого поселенческого влияния должно отнести целый ряд напластований в сибирской сказке, чуждых ее первоначальной стихии.

Д. К. Зеленин, в предисловии к своему сборнику великорусских сказок Вятской губ., отчетливо установил ту роль, которую сыграли в деле распространения, изменения, а частично и создания великорусских сказок бурлацкие элементы. Эта роль по аналогии уясняет отчасти и значение поселенческой струи в сказке сибирской. Тем более, что бурлацкая и поселенческая стихии до некоторой степени родственны между собой.

---

[1] См. предисловие и примечания Г. Н. Потанина к сборникам Красноярского Подотдела Рус. Геогр. О-ва 1902 и 1906 г. Также А. А. Макаренко (Киев. Старина, 1912, II–IV). Должен отметить, что приступая к работе, я полагал найти в этнографической обстановке и фольклоре верхнеленцев следы влияния местных туземных племен (особенно среди «лесачных»), но ни в записанных мной песнях, ни в преданиях, ни в сказках я не смог обнаружить этих черт.

Бурлаки, по своему духовному складу—очень близки к типу сибирского бродяги-поселенца. Как много сибирских бродяг в прошлом было именно представителями тех «вольных бурлакушек», память о которых и до сих пор хранит песня на севере. И на долю влияния именно этой группы населения нужно отнести целый ряд сказаний, особенно бытового характера; сказаний, популярных в среде бурлачества и несомненно столь же близких и родственных в бродяжьей. Характерным примером может служить указываемая Д. К. Зелениным сказка о купеческой дочери и дворнике, впервые (кажется) записанной на севере Пришвиным и напечатанная в сборнике Ончукова. Зеленин указывает и источник этого рассказа. «Это рассказ—о действительном происшествии, случившемся в Нижнем-Новгороде в 1767 году: в кровати купеческой дочери Осокиной задохся молодой человек, батрак утопил труп покойного в Волге и стал потом шантажировать купеческую дочку. Однажды он потребовал Осокину в кабак Облупу, где гуляла веселая компания. Осокина напоила допьяна всех присутствующих, а потом зажгла кабак. Помешавшись, она открыла потом все случившееся, но Екатерина II простила несчастную, и она постриглась в монастырь»[1].

Это сказание занесено и в Сибирь. Я записал его со слов Н. О. Винокуровой, при чем мне удалось выяснить, что оно широко известно на Лене и пользуется большой популярностью. В записи Пришвина это сказание несколько скомкано—роль бурлака, которая представлялась в легенде центральной, забыта и сохранилась только в случайном упоминании о нем, только как о рассказчике. В тексте Винокуровой этот рассказ является уже в виде вполне сложившейся и законченной новеллы-сказки. Упоминание о бурлаке в ней совершенно отсутствует, но герой сказки—кучер Иван—«из рассейских».

Конечно, угадать все возможные пути перехода и заноса сказания чрезвычайно трудно, но гипотеза о поселенческом происхождении представляется в данном случае одной из наиболее вероятных.

Бродяжья стихия сказывается в сибирских сказках (особенно в ленских и забайкальских) большим количеством ски-

[1] Д. К. Зеленин «Великорусские сказки Вятской губернии» II. 1915 стр. XXXII.

тальческих мотивов. Сплошь и рядом в различных трудных случаях жизни, когда приходится спасаться от несправедливого гонения, герои уходят в лес, «тайгу», бродяжить или «страмсвовать». Оклеветанная царская жена сидит в каменном столбе. Сострадательный дворник помогает ей выйти оттуда. «Муж приедет, всё равно тибе живой не быть — иди брадяжить с сыном», говорит ей дворник. «Ну так што помог ей оттуль выйти, и пашла ана с богом страмсвовать из етова столба». Приезжает домой король. Министр его—помещик, по чьей клевете была посажена она в столб, докладывает: «што же, ушла брадяжить твая жана—не мог я ей и в тамнице ударжать» (сказки Н. О. Винокуровой).

Возможно, что мотив «бродяжничества» не столько внесен, сколько навеян этой поселенческой стихией; но несомненно влиянием последней может быть объяснено наличие в сказках мотивов «тюремных» и детальное знакомство с тюремным бытом. К сожалению, наиболее характерные образцы утрачены, и я могу привести только один пример из текстов Винокуровой. В сказке «О верной жене» мужа, как проигравшего пари, посадили в тюрьму. Жена пытается пробраться к нему. «Пашла [она] по полициям по разным, со всем бумагам. К надзирателю пашла, «не могу ли я ево увидать?» Надзиратель говарит: «как ристантох в баню поведут, перед вешельницей мыть — тут ты ево и можешь видеть, а больше нельзя никак, не можем допустить». Ну, как повели в баню, идет ана к етой бане, караульны ей не пропускают туда. Ну ана сунула там имя, пропустили ей на четверть часа».

Но следует указать одно крупное различие. В российских сказках и песнях бурлак часто выступает, как герой и центральная фигура. Такие сказки встречаются в сборниках Афанасьева, Садовникова, Ончукова, Зеленина. Материалы по этому вопросу достаточно подробно и убедительно подобраны Д. К. Зелениным, и нет надобности повторяться. Отсылаю читателя к соответствующему месту предисловия к Вятскому сборнику (стр. XXVIII—XXXVI). Бурлачество было овеяно своеобразной поэзией разгула и удали.

Положение поселенца в глазах сибирского населения было совсем иным. Поселенец—не представитель «иной и как будто высшей культуры», но отщепенец, парий,—не даром сибирская

деревня так щедра и изобретательна на презрительные клички по адресу поселенчества: «бродяжня», «посельга», «поселюга», «поселенская кишка», «подколодник», «посёлка-весёлка» и т. д.

Естественно, что поселенец не смог заменить прежнего героя волшебной или даже серьезной бытовой сказки. Но в сказках комического жанра, где все дело в чьей-нибудь ловкой проделке-издевке, героем иногда бывает «работник из рассейских». Особенно часто встречается это в сказках о попах. В утраченной сказке Кистенева, о которой я упоминал выше, виновником ловкой проделки над евреем и его дочерью был также «рассейский парень», живший в работниках у еврея. Иногда, наоборот, кличка «рассейский» достается какому-нибудь незавидному и недалекому персонажу сказки.[1].

Следов влияния поселенчества в сибирской сказке нужно искать не здесь, не в сюжетной теме и даже не в бытовых подробностях. Это влияние—не в содержании сказки, но главным образом, в ее форме. С наибольшей силой эта поселенческая стихия, думается мне, сказалась в композиции сказок.

Сказка для поселенца—не только простая забава, не только средство развлечения, но существенный момент добычи пропитания, в некоторой степени ремесло. Отсюда необходимость: придать сказке максимум занятности, забористости, остроумия. Отсюда обилие непристойных элементов, часто совершенно неожиданно врывающихся в сказку, отсюда разнообразные и сложные сплетения сюжетов, отсюда обилие вводных эпизодов, часто разрастающихся до самостоятельного и самодовлеющего значения.

В моем дневнике была запись интересного воспоминания о сказителях—поселенцах. Воспроизвожу по памяти приблизительную редакцию. «Сидишь этак у ворот вечером, вдруг подойдет какой-нибудь поселюга. Ну то-се, а потом и начнет тебе рассказывать. Откуда чо берется, и все валит—валит. Уж поздо станет, а он все рассказывает. Новой раз и отпускать то ево не хочется. А то одну сказку два дня рассказывает». Так повто-

---

[1] Впрочем, здесь возможно видеть уже отражение и других моментов—встреч с переселенцами. Коренной сибиряк-старожил всегда с некоторым пренебрежением говорит о рассейских. Это пренебрежение сменилось презрением при встрече с массовым переселением. Шутка ли сказать—рассейский! Человек темный! не раз приходилось слышать в этих разговорах. И это—почти повсеместно в Сибири.

ряется расчет Шахерезады. Нужно так построить сказку, чтобы «пронять» вообще то не особенно податливого сибиряка-челдона, чтобы заслужить ночлег, ужин... А главное, нужно умело затянуть сказку, чтобы она не кончилась к тому моменту, когда пора к «ужне» итти [1].

Эти черты построения сказки: многосюжетность, многоэпизодность, обилие вводных, случайных эпизодов, неизменное наличие непристойных элементов в полной мере характеризуют сказки Ананьева. Особенно характерно введение в рассказ этого непристойного элемента.

Обычно подобная сказка строится, так сказать, целиком, сплошь. В центре—соответственный сюжет, соответственно основному сюжету подбираются и разрабатываются детали. Примеры таких сказок можно в большом количестве найти в сборниках Ончукова или бр. Соколовых. Есть, наконец, специалисты именно этого жанра. Таким, напр., является один из слышанных мною сказочников в с. Кистеневе, Александр Маляров.

Иной характер носят сказки Ананьева. У него эти «непристойности» входят почти в каждую сказку. Там, где всякий другой сказочник удовольствовался бы легким намеком или бро-

[1] Эти наблюдения подтверждаются и материалами Г. С. Виноградов. Пользуюсь еще раз его дружеским разрешением сослаться на сделанные и записи. В Тулуновском уезде, Иркутской губ., им записан следующий рассказ, отчетливо характеризующий, как ловкого сказочника-поселенца, так и отношение к нему старожильческой аудитории.

«Сомка наш, Самсон Ленивцев, тоже посказитель был. Каки-то у иво кошычьи ужимки,' так он и едак он, и слово слово у иво родит. Тоже откуда чо берётца. Да тоже всё на народе: на работникаф [среди работников] рос. Работники всяки были—все больше поселенцы да бродяги—он и перенял.

Из их тоже бывалый народ. Вот я малолетком ишо была. В Шабарте жил у Ивана Аксеновича Хорошилова в работниках бродяга (после он приписался тут же). Ифимушкой звали. Ифимушка, а то ишо: Хохолок—из хохлов он. Мухренькай, а такой забавнай. И на сказки мастирыга был. Об царяф, об Иванушке-дурачке, да вот и об Коньке-Горбунке вы читаете—то же сказывал, каторо то так, а каторо не так...

Иван-то Аксенович бальшой любитель был сво служать.—Ифимушка, говорит: «рассказывай сказку!»

— А если, кажу, утром будить на работу не будишь, буду сказывать.

А как утро, начнет будить. Сенокос был. И так кажну ночь: «рассказывай, Ифимушка, сказки»... Бальшой любитель был...

...А то по шишки в тайгу брали—на Мут, на Маргу ездили. Ночью хто шишки шилушйт, хто дремлет. Огни кругом. А к ему все: «сказки, Ифимушка, сказывай»...

Работать (шилушйть али чо там) не будет, зачнет сказывать. Много [народу] слушает. Яриновы, Хорошиловы... Которы сказки коротки, а которы—долги, может на всю ночь...

шенным вскользь упоминанием, Ананьев ловит этот намек, задерживается на нем—и на его основе развертывает пространный, длительный, подробно развитый эпизод.

Можно было бы говорить об индивидуальной склонности сказителя,—но из моих записей о сказочниках видно, что такие сказки, вернее, такая манера рассказывания, вообще—не редкость на Лене. Очевидно, здесь мы уже имеем дело с известной традицией, манерой, с особой школой. И приходится глубоко сожалеть об утрате этого интересного и важного для понимания судеб сказки в Сибири материала. Несколько сохранившихся текстов, к сожалению, не дают полного представления о характере сказок ангинского мельника.

Его сказки были интересны и по своему сибирскому колориту. Впрочем, сибирский колорит и сибирская стихия еще более отчетливо отразились в сказках челпановской сказительницы, Натальи Осиповны Винокуровой. Особенно характерны для нее мотивы скитальчества (бродяжничества, «странствования»). Приведенный выше пример такого мотива взят из ее текстов.

Этот пример не единичен в ее творчестве. Бродяжеством спасается и горничная (в сказке «Заклятый сад»), посаженная также в каменный столб за то, что не уберегла царских дочерей. «Пашла ана сибе брадяжить по лесам, по горам, по балотам». Позже, в той же сказке, мы видим ее, уже разбогатевшей, с тремя сыновьями-богатырями, содержащей постоялый двор на тракту. «Вот, в адно время, ночью стукатца к имя прахожия. Сыновья мать спрасили: «мамаша, каки-то прахожия стукаютца». «Ах, дарогия детки, пустите, если прахожия, я сама долго страмсвовала, жалею всех».

В последнем примере, собственно, уже другой мотив, который можно было бы определить как «мотив приюта прохожего». Для селений, расположенных по большой трактовой дороге, или, во всяком случае, так или иначе связанных с трактом, этот мотив весьма характерен и вскрывает одну из типичных черточек местного быта. «Вот ане выредились в плахую одежду», рассказывается в сказке о мудрой жене—«идут к материному дому, а мать сидит, плачет, навалилась на окно».—«Пусти нас переначивать», просятца у ей. «Не пускаю прахожих, у меня сваево горя много».—На мотиве приема странника построена завязка сказки о Марко-Богатом. «В адно время пришол к имя человек

прохожий, нишшай начивать. Начивать стал он проситца. А жана стала говареть: не надо, я в тех порах хажу. Может чо-либо случитца, неловко будит». А муж говарит: «ну, глупая, дак што же? У нас есь андельная комната». —Все-таки пустили ане етова старика».

Вообще, «сибирское» широкой волной разлито в творчестве Винокуровой. То оно скажется в какой-нибудь бытовой детали, то проглянет в каком-нибудь штрихе диалога, то развернется в широкой, типично-сибирской, бытовой картине. Сын орла-царевича, переодетый девушкой, пленяет своей игрой кащея. Тот посылает «прѝслугу» пригласить мнимую музыкантшу на вечер. «Девушку прѝслуга спрашивает, а та (Вася-то): «я», говарит: «не сумею оннако гля вашего барина сыграть—я из прастых. *Прастая челдонка*». В сказке «Утка с золотыми яйцами», мальчики-сыновья, сделавшиеся царем и министром, приезжают к своему отцу. Неузнанный отцом, царь спрашивает его: «*Что же, дедушка, ты расейской али здешний ураженец?*».

В сказках Винокуровой нашли отражение почти все главнейшие стороны промысловой жизни Верхнеленского края: сплавы, обозные транспорты, охота и т. д. В сказке «о Марке богатом и Василии упоминается лоцман—отец Василия: «первеюшший лоцман был. Все ево богачи знали...[1]» Типично ленскую картину найма рабочих на приска или на сплавы встречаем в сказке о «мудрой жене». «Вот, Ваня, тибе памятна книжка: иди, найми сотню рабочих, *кажнова записывай имя и фамилию* и присылай ко мне и *кажнова обзадачивай сотней рублей*». Очень часто встречается также охота, «промышленцы» (охотники). Характерно, что охотничья лесная избушка «земовейка» совершенно вытеснила великорусскую избушку на курьих ножках.

Не буду задерживаться на аналогичных примерах. Приведу еще только одну, отчетливую по своему типично-сибирскому колориту, картину. Королевская горничная, убежавшая от царского гнева бродяжить, «принесла» в лесу трех богатырей. «Ане и говарят: «Чем же мы тут топеря заниматца будим. Ништо у нас нету не почать и не зачать». Как старший брат удумал:

[1] В той же сказке сохранилась еще одна сибирская подробность: «засмолил он ево [ребенка] в бачонок и бросил ево в Ангару».

«а вот што, братцы, падемте-ка, братцы, завалим трахтову дарогу пеньем-карeньем, штоб не было ни проходу ни проезду. Тыжно нас наймут не чистить». Ну так и сделали. Завалили дарогу трахтову. Как пошли по етой дороге траншпорты, абозы и некуды праехать. — «Наймитесь, молодые люди, вычистить дарогу».—Наймывают их. Так што силенку ане имеют ладную, и взялис ани ету дарогу вычистить на атряд за сотню рублей. И в три часа ани не вычистили, разбросали всю».

Но не в этом только, богато выраженном, местном колорите значение сказок Н. О. Винокуровой. Сказки ее представляются выходящими далеко за пределы местного значения и имеют огромный интерес для изучения сказочного творчества вообще. Лично я склонен причислить Н. О. Винокурову к лучшим представителям русской сказочной поэзии.

Несмотря на то, что сказки Винокуровой, как и сказки Ананьева взросли на одной и той же почве и почти в равной степени пронизаны местным, сибирским колоритом,— трудно найти двух более различных сказочников, чем оба они. Несколько беспорядочной, многосюжетной, со щедро разбросанными эпизодами и деталями, сказке последнего как бы противопоставляется скупая на подробности, выдержанная и цельная сказка Винокуровой[1].

Ей не только чуждо то безграничное усложнение фабулы, которое мы встречаем у Ананьева, но — наоборот: самая фабула обычно как будто даже мало ее интересует. От нее не редко можно услышать какое-нибудь замечание, поправку в роде: «забыла я об етом сказать: у утки то подписано ето было» и т. п. Иногда такие поправки она делала на другой или даже на третий день. (Я тщательно отмечал их в своих тетрадях, но в печатаемый текст смогли войти только те, которые были сделаны ею сразу же во время рассказывания. Остальные не сохранились). Не дорожит она и подробностями фантастического характера.

Это пренебрежение к фабуле особенно отчетливо сказывается на ее отношении к эпилогу. Эпилог у ней в большинстве случаев, короток, скомкан, мало мотивирован. Чувствуется

---

[1] Всего я записал у нее 26 сказок: из них 16 волшебно-фантастического репертуара, а 10—сказок-новелл бытового содержания. Одна из последних — юмористическая (солдат четырех попов хоронит).

определенное желание: как-нибудь, лишь бы закончить. Как на пример таких путаных, мало мотивированных, эпилогов, можно указать окончание одной из лучших ее сказок «Колдун и его ученик».

Это происходит, мне думается, оттого, что интересы сказительницы направлены, главным образом, в сторону воспроизведения не самого сюжета, но его реально-бытовой и психологической обстановки. Фабула—для нее только канва, необходимая скрепа бытовых и психологических деталей.

Вот, напр., один отрывок из сказки об орле-царевиче (№ 1): «Подходит он и начинат таку миластыню, не ради Христа, а гля арла-царевича. А у окошка стаяла горнишна—белье гладила. Ну, и со всех ног к барыне бросилась. «Што такое по новой форме милостыню просют?» Барыня ето дело догадалась, пашла сама к аку; рассказат он ей все про дело—и просит ключи. Ана выслушала ето дело и говарит: «хошь сколько я с братом не видалас, но пушай ишо столько не увижуся, я ключи не дам». Ну приходит он к ему, обсказыват. —«Што же тут не удалось, найдем к другой сестре, в другой город». Ну, кароче сказать, тут имя также отказали. Пашли в третий город к меньшей сестре. Апеть пашол Иван купеческий сын просить ету же миластыню. Та от всево серца обрадовалась.—«А где же он, арёл-царевич?»—«А вот, дай мне ети ключи, я на свиданье тибя ему приведу». Палала ана ему ключи ети. Ну, и патом пришли ане с етим, с арлом, стали беседовать, пир у них. Свиданье, значит, у сестры младшей с братом сделалось. Ну, и патом арёл-царевич павенчал Ивана-купеческаво сына со сваёй сестрой. —«А я», говарит: «пайду сваю долю искать». А Ивану-царевичу все двенадцать подвалох препоручил, в них много всякаво злата и серебра».

Остановимся на этом примере. Прежде всего, хороший традиционный сказитель подробно и обстоятельно трижды воспроизвел бы в той же форме просьбу милостыни и дважды отказ сестер. Но такого рода эпические повторения, абсолютно обязательные для того же Ананьева или Аксаментова (также выдающийся сказочник из Лиги, вернее, с Шаповской заимки), совершенно чужды манере Винокуровой. Она не любит «без нужды» удлинять сказку. И всякое такое повторение встречается в ее сказках только, как редкое исключение. То «кароче сказать»,

которым она объединила и обобщила в данном примере ряд эпизодов, является одной из ее излюбленных переходных и связующих формул. «Кароче сказать, и на завтре таким же побытом ево за сто рублей продал без узды». «Как кароче сказать, на завтре взяли нивесту и отправили домой. Всемя в дикровинку, показалось» и т. д.

Вернемся к прежнему примеру. Он характерен и с другой стороны. В небольшом отрывке воспроизведен целый ряд событий. Свиданье с сестрой, женитьба Ивана-купеческого сына (между прочим, он именуется то Иваном-купеческим сыном то Иваном-царевичем), поручение ему двенадцати подвалов и т. п. — все это передано коротко, сжато, путем простого перечисления фактов, тогда как бытовой обстановке, подробностям бытового характера уделено сравнительно очень много внимания. Момент неожиданного появления брата, столкновение любовного чувства сестры со скупостью занимают ее гораздо больше, чем все, чисто сказочные, детали женитьбы героя.

Ее заинтересовала не волшебно-фантастическая сторона, но исключительно бытовая и психологическая. В центре ее внимания определенный психологический эпизод, неожиданное появление давно пропавшего без вести брата, — и вот она стремится точнее представить, как все это могло произойти. И таким образом зарисовывается яркая, жанровая картинка: к окну подходит странник, просящий милостыню, у окошка горничная гладит белье, она пугается необычной «новой формы» милостыни, бросается со всех ног к барыне и т. д.

В дальнейшем продолжении сказки этот художественный метод обозначается еще отчетливее. «А арел-царечич приходит в чужестраной город. В етим гораду жил бесмерной кашшей, владал етим градом. И у ево была купеческая дочь украдёна — доржал он ие у себя. Несколько времени проживал етот арёл-царевич в етом гораду, и стал гастить к етой кэшшеихе, как кашшея в гораду нету. И ега кашшеиха стала от нево забеременела. И в адно время захватил кашшей арла у сибя в дварце, и снес ему голову. А ана асталась от ево биременна. И как кашшей уехал, ана без ево радила. И не знат, куды с ом детца. Все равно кашшей ево убъет. И удумала ана ево в дубовой бачонок положить. На бачонке надписала, што не хрешшоное чадо и спустила в море». Какое обилие сказочных фактов —

и никакого художественного воплощения, одно перечисление, какая то голая регистрация. Но дальше рассказ снова возвращается в бытовую обстановку: находка боченка, воспитание приемыша, игры и ссоры детей, и т. д. — и сказка снова получает образность и художественную детализацию. Так, на первом плане у Н. О. Винокуровой всегда стремление приблизить сказочную обстановку к реальной действительности.

В свое время E. Rohde дал формулу развития сказочного интереса: «Das Volk liebt es bekanntlich gar nicht, auch bei den Erholungsfahrten der Phantasie, in denen es von schwerer Arbeit ausruhen will, in den engen Kreis seines mühseligen armen Lebens sich einschränken zu lassen: wo die ächt volksmässige Erzählung nicht durch Ironisirung der alltaglichen Enge eben über dieser Enge sich erhebt, da zieht sie am Liebsten gleich recht weit ins Blaue und in ein phantastisch vornehmes Dasein hinaus. Mit Königen und Prinzessinnen ist sie ganz vertraut, aber freilich sind es Märchenkönige, die sich so schlicht und gemüthlich bewegen und ausdrücken, als ob sie gar nicht eine grossmächtige goldene Krone Tag und Nacht auf dem Kopf trügen»[1].

Если это действительно так, то вместе с тем необходимо внести дополнение к этой формуле. На известной стадии сказка начинает тяготиться этим уходом от действительности, этим фантастическим «миром королей и царевен». Она стремится снова вернуться к «узкому кругу своей трудовой жизни», осмыслить в ее условиях эту, ставшую уже чуждой и далекой, фантастическую обстановку и тем придать ей новый интерес.

При чем это сплетение фантастики с бытом у различных сказочников проявляется различными путями. У одних сказочников быт оказывается всецело во власти фантастики. По удачному наблюдению Е. Н. Елеонской «фантастические подробности так крепко соединены с бытовыми, что отделить одни

---

[1] E. Rohde «Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipz. 1876. s. 111-115. Перевод: Известно, что даже при тех полетах своей фантазии, когда народ ищет отдохновения от своей тяжелой работы, он не любит замыкать себя в узкий круг своей повседневной трудовой жизни. Когда настоящий народный рассказ ограничивается этой ограниченностью не через иронизирование, то он охотнее всего переносится непосредственно в страну мечты и фантастически благородный мир. С королями и принцессами он чувствует себя совершенно свободно, но понятно: короли эти сказочные, и двигаются они и распоряжаются так просто и благодушно, будто и не носят на голове своей днем и ночью золотой державной короны».

от других не представляется возможным». «Переходя в своем рассказе попеременно от изображения невероятных событий к обрисовке подробностей скромного быта, рассказчик, незаметно для самого себя, неуклонно стремится осмыслить ставшие непонятными ему черты фантастического быта и в то же время придает обычным подробностям некоторую таинственность».[1]

У других сказочников, наоборот, фантастика всецело растворяется в быте. Точнее сказать, самый сюжет остается фантастическим, чудесным, но материал для его развертывания, для разрешения тех или иных композиционных задач черпается исключительно из бытовых наблюдений. Вместе с тем в поэтику волшебной сказки вносится материал сказки бытовой, и даже сказки-анекдота.

К этой группе сказочников относится и Н. О. Винокурова. Характерно, что напр., кащей бессмертный в ее изображении утратил всякую фантастическую оболочку. Он представляется скорее каким-то важным барином, ежедневно отправляющимся на занятия. Не даром, в эпилоге он умоляет сына орла-царевича, доставшего яйцо с его смертью: «Ондай ты мне ето ейцо, ставай на маим занятии, а я уйду отсель». Точно также и в сказке «Освобождение царской дочери солдатом» традиционное сказочное чудище заменено «человеком с потолок ростом». Этот рост до потолка единственно чудесная черта в обрисовке этого образа. Не имеет никаких чудесных аттрибутов и леший, ставший любовником молодой девушки (в сказке о неверной сестре). Клык и название «леший»—вот все, что уцелело от исконного сказочного образа. Число таких примеров можно значительно увеличить.

Вместе с тем, в сказках Винокуровой часто наблюдается пропуск и путаница в изложении фантастических моментов. Таковы, напр., очевидные пропуски в сказке «Нерассказанный сон». Она забыла упомянуть о наказании, которое ждет неразгадавшего загадку жениха, об окончательном приведении жены в покорность и т. д. Ее внимание влечется, как уже сказано, к бытовым и психологическим моментам. Сказки Н. О. Винокуровой могут быть названы, по преимуществу, психоло-

---

[1] Е. Н. Елеонская. «Великорусские сказки Пермской губ.». (Влияние местности на сказки). Эти. Обозр. 1915, №1—2, стр. 37.

гическими—и в этом их своеобразное особое место не только в сибирском, но и в общерусском сказочном репертуаре.

Этой психологической окраской обусловлены и композиция и отдельные стилистические моменты сказок Н. О. Винокуровой. Löwis of Menar в последней своей работе обратил внимание на особенное значение в русской сказке диалога. По мнению исследователя, в диалоге лежит наиболее существенное различие между художественной структурой русской и зап.-европейской сказки.[1] Действительно, индивидуальное мастерство сказочника с наибольшей силой проявляется в построении и характере диалога. Мастерской диалог Винокуровой в этом отношении продолжает общую традицию, но в нем есть ряд значительных особенностей, которые заставляют выделить нашу сказочницу из общего ряда сказителей и сказительниц.

Обычно, сказочник почти никогда не передает *ремарок*. Это понятно. Сказочник—не писатель, но рассказчик. Он не только передает сюжет, не только воспроизводит словом тот или иной эпизод, но он живописует его собственным жестом, мимикой, игрой лица. У Винокуровой же на ряду со всем этим появляется и несет самостоятельное значение *жест*. Ее диалог сопровождается описанием, движений, мимики и часто в чем уже можно видеть высокую степень художественного мастерства одним только движением или жестом характеризуется какое-нибудь, подчас сложное, переживание героя.

Иван-купеческий сын нашел орла и обещает кормить его: в сутки по барану. «Взял купеческий сын орла, приносит атцу. Абсказывает всё. *Атец помалчал.* «Ето», говарит: «дорого...» В той же сказке об орле-царевиче, сын последнего отправляется искать «кашееву смерть». В своих скитаниях он дошел до того, что ему уже нечего есть и «ни купить ни нанять ничо нельзя». У него остается один только заплесневелый сухарик.

[1] **Russische Volksmärchen.** Uebersetzt und eingeleitet von August von Lowis of Menar. Verlegt bei Eug. Diederichs. Jena 1921. В серии Die Märchen der Weltliteratur».

В предисловии переводчик так характеризует стиль русской сказки: «Ihre Sprache ist oft genug flockend und breite Wiederholungen, ja sogar aus dem Stil fallende Wendungen und moderne Bezeichnungen fehlen nicht. Dazwischen jedoch überraschen wiederum auch schöne, klangvolle Formeln, alte Sprichworter mengen sich ein, und eine klare, bilderreiche, urwüchsige Ausdrucksweise, vereint mit lebendiger, spannender Handlung, die sich im Gegensatz zu den deutschen Märchen sehr häufig in Dialogen fortsetzt, geben ein abgerundetes, kunstvolles Bild.» s. XV.

Он решил помочить его в море и съесть. Только он подошел к морю, помочил, как «подбегат рыба и вырвала у ево етот кусочик». Он упрекнул рыбу за то, что она у него, у прохожего, «остáльный кусочик» взяла, «*плечом пожал*» и пошел дальше.

Еще более тонкую деталь психологического характера, также сопровождающую диалог, находим в той же сказке, в разговоре матери героя с «кашшеем». Сын велел матери выпытать у кащея, где находится его смерть. Утром приглашает она его пить чай с собой. Кащей очень обрадовался. «То она ево не любила, а тут чай завёт пить с сабою». И вот за чаем она заводит с ним разговор. Сначала издалека, а потом ставит вопрос уже прямо.—«Што ето, сколь мы с табой, душечка, ни живем, а никада с табой не говарили. И как ето ахота тибе ети вечира делать, убивать сибя до такой степени, и вот ты топерь устал. А де же, душечка, ваша смерть находится?» *Кашшею смешно стало:* «гля чево же вам мая смерть?»

Жест не упомянут, но наличие жестовой игры определенно чувствуется в напряженности и стремительности диалога царя со своим, еще не узнанным, сыном. Вот «царь ево просит: «нельзя ли уничтожить всю ету музыку и пенье, хочу я с табой об деле поговарить. Чьи же вы уроженцы?» говарит. «Я», говарит: «и сам не знаю, где я радился, только от людей слышал, што мать мая прачка, атец—повар».—«От повара и прачки никовда не родитца такое дитё. Правду ты мне сказавай»—«А от царя с царицей щщенёнок может радитца?» Патом потребовал свою мамашу. (№ 2 сюжет «Царя Салтана).

Наконец, в варианте известного сюжета о неверной сестре (иначе «брат и сестра», «звериное молоко») жестами и движениями воссоздается яркая и отчетливая картина сложных переживаний героини. Не привожу сейчас этой цитаты, так как на ней придется остановиться ниже в связи с некоторыми другими моментами.[1]

С еще большей силой проявляется этот психологический уклон сказительницы в композиции ее сказок. Я уже указывал на отсутствие многосюжетности и многоэпизодности в ее сказ-

---

[1] Надлежит также отметить намечающийся в творчестве Винокуровой рисунок внешнего портрета. Она умеет *схватить приметы*. Вот несколько примеров: «Откуль прибегат к ему мальчик, в коротеньком сертучке и чорненькая фуражка». «Ну, вынила она ету ромочку, и у ней красочка переменилась, ино ана полутше стала, пуукуратнее...» «Как продал старик жеребца, уздечка на руку, пашол дамой...»

ке. Точно также было отмечено ее невнимание к фантастической аксессуарности и эпическим подробностям. Отсутствие этих повторений и обязательных деталей в связи с отсутствием нагромождения сюжетов и эпизодов, придает ее сказке некоторую монолитность, цельность и единство.

Она выдвигает на первый план два-три эпизода, задерживается на них и подробно развивает. При чем, эти эпизоды — далеко не всегда являются центральными по своей фабульной роли. И в развитии и изложении этих эпизодов внимание сказительницы направлено не на внешнюю мотивировку, не на строгую последовательность фактов, но на мотивировку внутреннего характера, на *внутренние пружины действия*. И здесь она обнаруживает незаурядные качества психолога-наблюдателя.

Эти свойства сказительницы с большой отчетливостью выявились в сказке «Колдун и его ученик» (№ 4). В сказочных сборниках она известна еще под заглавиями: «Хитрая наука», «Учитель и ученик», «Ох» и др. Сын старика, попав к колдуну, выучивается разным хитростям. Возвратившись к отцу, он превращается в коня (иногда птицу) и велит отцу продавать себя, строго наказывая не продавать с уздой (с клеткой), иначе он не сможет снова обратиться в человека. Два раза продает его старик и два раза тот возвращается обратно. На третий раз отец все же продает его с уздечкой и он попадает в руки своего прежнего хозяина-колдуна.

Такова обычная схема. Она одинакова почти во всех вариантах, но причины и обстановка последней купли индивидуализируются сказителями. Обычное объяснение: старик соблазняется большой суммой денег. Напр., у Афанасьева (№ 140, вар. д): «Продай с уздечкой — надбавлю», говорит купец. Соблазнился старик и продал». То же у Чубинского (т. II, № 102) покупатель предлагает продавцу столько золота, сколько тот может взять. У Рудченко цыган-покупатель прибавляет на уздечку пять рублей. Старик соображает: «узда стоит всего тридцать копеек, а он целых пять рублей дает», не может устоять от соблазна и уступает коня с уздечкой.[1]

[1] Я должен оговориться. Как здесь, так и в последующих анализах, я не имею в виду исчерпать все отмеченные сюжетные варианты. В научных условиях Иркутска целый ряд сборников и изданий оказался для меня недоступным. Так, напр., я не имел возможности видеть Великорусских сказок Худякова, сборников Драгоманова, Рудченко и др.

Указанная выше ссылка на вар. сборника Рудченко сделана по немецкому переводу (Löwis of Menar, op cit., стр. 36.).

В варианте Афанасьева, старик просто забывает снять узду; то же у Яворского (№ 36). В Пермском сборнике Зеленина (№ 59) как бы смешиваются два эти мотива вместе: старику надбавили — вместо трехсот рублей дали пятьсот — и он на радостях забыл снять «абродачку». Иногда купец отбирает узду силой. Так у Чубинского (т. II, №№ 103, 104), у Афанасьева (вар. с). Иногда покупатель обращается за содействием к окружающим, и общественное мнение присуждает уступить вместе с конем и уздечку. Так в основном варианте Афанасьева. «На деда накидываются все барышники. «Так де не водится, продал лошадь — продай и узду». Дед вынужден уступить. Приблизительно так же передается в варианте, напечатанном в «Живой Старине» (1895, III—IV). В сказке Ф. И. Аксаментова (мои записи) колдун-покупатель обращается к полиции — и та заставляет продать с уздечкой[1].

Наконец, в некоторых вариантах встречается мотив обиды: записи Садовникова, сб. Афанасьева, вар. с, Ветский сборник Д. К. Зеленина. Наиболее полно разработан этот мотив в последнем сборнике. «Старик ведет сына лесом. На березе каркат ворон. Старик спрашивает сына: «ты у Оха жил, дак можош знать, чо ворон-то каркат». Сын отнекивается от ответа, боясь рассердить отца. Тот настаивает. Тогда сын говорит, что ворона предсказывает ему царство. «Ему быть царем да ноги мыть», а отцу — «ополоски пить». Старику это не понравилось и он грозится еще раз его продать. (Оху он был не просто отдан в ученье, а продан). Затем следуют обычные две продажи. На вырученные деньги живут два года. На третий год старик снова ведет продавать сына, вспоминает старое предсказание и решает продать «с оброткой». «Он мне назлил, так

[1] А. Н. Афанасьев видит в этом следы глубокой юридической древности. «[illegible] *узду* и *путы* [illegible] на- кидывал на коня узду, тот и делался его господином; в чьих руках была при- [illegible] т. III, стр. 292 (по изд. 1914 г.).

я его продам и с оброткой». (Великор. сказки Вятской губ. стр. 125).[1]

Этот мотив обиды делается центральной пружиной рассказа у Винокуровой. Но действие ее развертывается не так прямолинейно непосредственно, как в вар. Зеленина или особенно у Садовникова. Развязка подготовляется и развертывается исподволь. И весь эпизод, несмотря на внешнюю чудесность, приобретает глубокую внутреннюю правдивость и убедительность.

В некоторых вариантах встречаются моменты опьянения старика отца. Так у Чубинского: покупатель угощает старика и, когда тот пьянеет, похищает уздечку. Это случайное упоминание развертывается у Винокуровой в сложную, богатую бытовыми и психологическими подробностями, сцену. Старик уже знает о том предсказании, которое сделали вещие птицы. Но, как будто, это не произвело на него никакого впечатления. Наоборот, он успокаивает сына, которому «совестно» было рассказывать об этом. «Ну, да ничо. Ведь, все его — неправда. Мысленно рази тибе царем быть», говорит он Митьке. Но, вот, на третий день, по дороге с сыном (уже обернувшимся в коня) в город, он видит: стоит «кабачок растворенай». Ни разу не бывавший в кабаке старик решается зайти... «А што я, мало-мало капейку имею. Зайду, выпью шкалик!» Привязывает жиребца, сам заходит. «Ну-ка, цаловальник, налей шкалик!» Подал цаловальник, он выпил. Как ему пагленулось — «налевай и второй!» «В голове уж его дурнось заходила от етих шкаликов. Долгоѐ время он пробыл в етим кабаку. У пьяново много разговоров набиретца. Жиребец начинает уж там сердитца, *лапой бьет около кабаку етово* — а он ишо выпил, и сделался пьян старик. При-

[1] В сказке Садовникова эпизод обиды [illegible] эпизоду обращения и продажи. Старик заставляет сына сказать, что [illegible] говорят гуси. Сын после отнекиваний рассказывает: «Они вот что говорят: когда мы придем с тобой домой и будем в горнице на [illegible], а матушка будет мне на руки наливать, а ты будешь предо мной с полотенцем стоять». Старику эта речь не понравилась, и говорит: «Рази ты, сынок, барин мой, а [illegible] я слуга твой?» Тихохочко подобрался, да с божей помощью бултых его в Волгу — и говорит: «Вот, я и буду с полотенцем для тебя стоять! Да я лучше по миру буду [illegible]». Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. 1884, стр. 214.

Иначе у Афанасьева (вар. с.) Отец, выкупивши сына, идет с ним домой. Над ними летит стая гусей и что-то громко гогочет. Отец спрашивает, о чем говорят гуси. Сын отговаривается незнанием. Тогда отец [illegible], что сын столько учился, а ничего не знает, сталкивает его с [illegible] в море (т. III, стр. 289).

ходит из кабаку, отвязывает коня *хлёшшет, дёргат повадом.* —«Я тебя захачу, так с уздой сёдня продам, а то што ты запа́чивал, што будёшь ноги мыть, а я воду пить!» —Ну чо же пьян, так пьян и есь.» Приходит на базар, запрашивает: «триста рублей без узды». Покупатель начинает просить: «ну, нельзя ли, дедушка, с уздой?» «А бери, пользуйся!» Ну чо же и продал пьяный с уздой»...

Таким образом, мы видим, как углубилась и усложнилась мотивировка в передаче Н. О. Винокуровой. В варианте Вятского сборника причина и следствие даны в виде как бы простого рефлекса. Это—обычная манера сказочного повествования. Определенное действие—и немедленное реагирование на него; всякие промежуточные моменты, оттенки действия отсутствуют. Не то у Винокуровой. Она вводит в рассказ целый ряд промежуточных, последовательных моментов, одни из них только намечает, другие развивает подробно—и в результате на их сплетении строит и развертывает свой рассказ.

Притворное равнодушие отца к услышанному предсказанию, постепенное опьянение, раздражение при виде недовольства сына, ломание и издевательство пьяного над сыном, пьяная похвальба и угроза и, наконец, громкое обнаружение затаенной обиды, завершающееся сознательной уступкой уздечки. Вот тот последовательный ряд ступеней, по которым ведет свое изложение сказительница. При чем, действие беспрерывно нарастает и рассказ ведется в неизменно напряженном тоне—опьянение передается рядом монологических реплик (не диалогом); недовольство и беспокойство сына—путем передачи ряда движений, («лапой бьет»), также и раздражение отца («хлешшет, дергат»). И если в вариантах сборников Зеленина или Садовникова эта расправа отца с сыном носила чисто внешний, сказочный характер, то у Винокуровой она делается убедительной и приобретает глубоко правдивый и обоснованный характер. Внешние перипетии сказочного характера становятся подлинно человеческими переживаниями.

Нужно отметить еще одну деталь. Обычно, сказители за продажей сына сейчас же забывают об отце. Он появляется вновь на сцену только для того, чтобы было выполнено вещее предсказание птиц. Иногда только коротко упоминается об обнищании старика-отца. Винокурова и здесь выделяется из

общей традиции. Прежде чем перейти к изложению дальнейшей судьбы проданного сына, она задерживается на настроениях и переживаниях старика. Последовательно воспроизводит она его отрезвление, осознание случившегося, раскаяние, наконец, отчаяние и безуспешные поиски сына. «Вот он, покаль по гораду ишо бегал, а как хмель то вышел, он и стрекнулся. —«Што то я наделал. С уздой на чо жо я продал. Видь, не видать мне топеря сына. На што же я в етот кабак зашол, зачем я водку пил!» Ждал, ждал Митьки, на котором месте всегда встречалса. Нет Митьки и нет. Целаю неделю в город он бегал, все думал, не стретитца ли где. Нет, не встречат. Ну, и стал без Митьки жить...»

Этот эпизод углубляет драматическую ситуацию сказки и точно вносит последний штрих в очеловечение внешней чудесности.

Это же уменье схватить и передать явление в его внутренней сущности, осветить его психологическими деталями, мы можем проследить и в сказке о брате и сестре. Обычная схема: сестра, подговариваемая любовником (разбойником, змеем, волшебником, у Винокуровой лешим), посылает брата на различные трудные предприятия, где тот неминуемо должен погибнуть. С помощью чудесных зверей, брат благополучно одолевает все препятствия, убивает ее любовника и придумывает наказание для сестры. Форма этого наказания в общем довольно однообразно повторяется во всех вариантах.

В Красноярском сборнике (запись В. Ф. Булгакова из Томской губ., стр. 122, № 29): брат приковывает сестру к столбу, и ставит кадушку в пять ведер: «Наполниш когда ее, ету кадочку, слезьми, тогда я тибе поверю». Также у Раздольского (№ 36) и Зеленина (Вят. Сб. № 6) — только в последней сказке наказание имеет некоторые извращенно-жестокие подробности: сестра подвешивается «к матнице кверху ногами»[1]. Несколько иначе у Афанасьева (№ 118, вар. с.): Иван-царевич посадил сестру в каменный столб, возле положил вязанку сена да два чана поставил: один с водой, другой порожний. «Эту

---

[1]) Другие формы наказания: застрелил сестру (Перм. Сб. № 41), ослепил (ib., № 5); отрубил голову (Афан. III, № 118, вар. b), привязал голую к дереву (ib., основн. вар.); сестру разрывают на части звери (Чубинский, II, № 50), заклевывают птицы (Афан. III, № 118, вар. d) «вывез в темный лес, подвесил ее за лесину вверх ногами, нажег жару и поставил ей под голову» (Садовников, № 11).

воду выпьеш, это сено съеш, да наплачеш полон чан слёз, тогда Бог тебя простит и я прощу».

Эта же форма наказания встречается в осложненном виде. Ставятся *две* кадки, *два* чана, которые сестра-изменница должна наполнить слезами: одну по брате, другую—по любовнике. Иногда это осложняется мотивом выбора. В сборнике Яворского (№ 30): (где неверную сестру заменяет жена) муж ставит для испытания два ушата. Один из них—порожний, другой—с угольями. Если она раскаивается, то должна наполнить первый слезами; если же еще тоскует по дьяволе (любовнике своем), должна съесть уголья. На утро оказалось, что она ничего не наплакала, а наоборот съела все уголья до чиста. Тогда муж велел своим собакам разорвать ее и выбросить в овраг к дьяволу. Так же приблизительно построена сказка у Чубинского (т. II, № 48). Афанасьев в примечаниях приводит интересный вариант из Буковины: «доброй молодец вырывает три ямы: в две ямы устанавливает по бочке, а в третью закапывает свою сестру по пояс. «У тебя», говорит он: «дурное сердце, и тебе нужно раскаянье! Направо бочка пусть будет моя, налево—змеиная; мне хочется видеть, какую из них ты скорее наполнищ слезами!» Вслед за тем он ушел странствовать по свету и воротился через год. Левая бочка была полна слез, правая оставалась пустою. Тогда брат закопал злую сестру совсем в землю с головою».[1]

Сказка Н .О. Винокуровой примыкает по замыслу к приведенным последним редакциям. Но она выгодно отличается от всех их (превосходит их) силою и яркостью изображения.

Брат приводит сестру к тому месту, где он расправился с ее милым (лешим).—«Вот где твой милой!» Ана плакала, плакала, *пепел рыла, рыла, и клык нашла, этот клык схватила к сердцу прижала, воет об им, об лешево клыку*». Тогда брат устанавливает два столба, между ними подвешивает ящик—и садит туда сестру. Около нее ставит две бочки. «Вот», говарит: «бочку наплач обо мне и бочку наплач об етим лешем, тогда апушшу тибя. Об ком же ты напереть плакать будиш: або мне или вот о клыке?»—«*Нет. братец, напереть о клыке буду плакать, патом об тибе*».,

Т. о. в сказке Винокуровой опять таки повторена готовая сюжетная схема, но эта схема получила у нее живую челове-

[1] Афанасьев, т. III, стр. 95 (изд. 1911 г.).

ческую окраску—ей сообщено движение, жизнь. Вместо застывшего образа сестры-изменницы встает живой и сильный образ охваченной страстью и горем женщины. В этом, ярко зарисованном моменте отчаяния, когда она прижимает к сердцу клык милого, обливая его слезами, в этом гордом и правдивом признании чувствуется уже не «марионеточная фигура» эпоса, но живой образ любящего и страдающего человека.

Едва ли, конечно, здесь может идти речь о сознательном рассчете. Не какие-нибудь определенные, сознательно поставленные, цели руководили сказительницей, когда она воссоздавала этот образ, но здесь сказался и обнаружился тот бессознательный, художественный инстинкт, который при других условиях, в другой культурной среде, позволил бы ей развернуться в **огромного художника—повествователя.**

Это искусство создавать психологические портреты можно иллюстрировать еще целым рядом примеров. Остановлюсь на одном. В сказке № 8 («Освобождение царской дочери солдатом») обманом оставленный в змеевом царстве и вынесенный птицей в какое-то неведомое царство герой нанимается сторожить сад и дом. Хозяин производит его в полковники. «Ну, будь полковник! Вот тибе задача: на старой етаж не ходи, на старой подвал не ходи, а то плохо будит, и жалованья не получиш и три года ишо прослужиш, и все равно, хоть тихонько сходишь, я узнаю». Но солдат-полковник не вытерпел. «Остаетца ему до году всего уж один месец». А ему в адно время здумалось: «што я за салдат, за палковник, буду приказ слушать. Дай-ка посматрю». Посмотрел. Мальчик, который вместе с ним окарауливал сад и дом, в испуге бежит к нему.—«На што же ты решилса сходить, вить, хазяин всё равно узнает. Прослужиш три года даром».—«Ну ладно, не дорого мне три года жить, а дорого маё жалание исполнить. Пускай знат!»—Действительно, скоро приезжает хозяин.—«Ну, как ребята, поживаете, как тут живете?» Не обрабел палковник: «Да как поживали, так и жить будим. Извините, сделал простуику, ходил в етаж и в подвал. *Хош вешайте, казните, а жалаше всево дороже*». Хазяину понравилось, что он чистым сердцем открылся наперить хазяина».

Я не предполагаю исчерпать всех примеров и вскрыть все стороны таланта Н. О. Винокуровой. В настоящей, предварительной заметке мне хотелось бы только намететь основные

моменты, важные для понимания ее творчества. В связи с этим следует коснуться еще одного вопроса: об отражении в сказке личности сказительницы.

За последнее время накопилось не мало материалов по вопросу о «соответствии общего тона сказки и индивидуального склада ее носителей». В том пересоздании сказки, которым, в сущности, является всякое рассказывание, огромное значение имеет личный опыт сказителя. Последним в значительной степени обусловлены и колорит рассказа, и выбор сюжета, и характер некоторых бытовых подробностей. Конечно, не всегда с должной отчетливостью можно определить, что относится на долю этого личного элемента и что следует отнести к общей поэтике сказки или на долю местной традиции. Но некоторые моменты все же могут быть более ли менее точно учтены.

Прежде всего в связь с этим личным опытом должны быть поставлены некоторые детали чисто бытового характера. К сожалению, сейчас утратив дневник с соответственными записями и заметками, я не могу остановиться на этом вопросе с должной полнотой. Отмечу только некоторые существенные моменты. Насколько мне помнится, в молодости Н. О. живала в городе (Иркутске) в прислугах.[1] Это обстоятельство отчасти отразилось и в ее сказках. Прислуга, в частности, горничная, является частым персонажем в ее сказках, и иногда даже играет далеко не последнюю роль. Напомню картину возвращения домой орла-царевича во время глажения белья.

Вообще, прислуга — необходимый аттрибут каждого дома. Кашей посылает за музыкантшей горничную. У царя за дочерьми обязательно ухаживает горничная. Горничная доносит отцу о дурном поведении его дочери; горничная же оказывает важную услугу хозяйке, за что очень дорого платится (сказка о верной жене). Наконец, горничная является центральным персонажем в первой части сказки «Заклятый сад». Не малую роль играют в ее сказках также кучера, повара, дворники и т. д.

На этом примере с прислугой как раз ясно обрисовывается трудность разграничения собственно личных моментов и моментов чисто художественных. Если сцена глажения белья всецело

[1] В момент моего знакомства с нею, ей шел уже шестой десяток лет. Несмотря на житье в городе, она так и осталась неграмотной.

внесена в сказку из собственных воспоминаний, то присутствие и роль горничной в сказке о верной жене вполне могут быть отнесены к исконному сюжету. Личными же элементами могут быть объяснены только разве подчеркнутость этой роли в передаче нашей сказочницы да некоторые бытовые детали, внесенные ею в этот образ.

Другим моментом, также стоящим в тесной связи с личным жизненным опытом и личными переживаниями, является мотив бедности и горячей симпатии и сострадания к ней. В сказке «Обещанный сын» старик-лесник наказывает своему приемному сыну: «Да, хто, можит, беднай человек лесинку рубит — не бери с ево взятки, пропускай так, безо всево. Я всегда так гля бедных людей делаю — у царя-батюшки лесу хватит. Бедных людей абидить нéчево». В сказке о жене-оборотне, купец, умирая, завещает: «вот, што, жана мая дарогая, как я умру, в долгá за бедным книгу похерьте, а с богатых зыщите. И патом он говарит: «в год три раза миня хорошо помените. Сделайте горячий абед сичас, в полгóдье и как год дойдет. И позавите, штоб все сыты были: и старый, и малый, и нищий, и богатый. И раздайте, сколь там надо, бедным». Заботливости о бедной старушке обязана своим спасением купеческая дочь — в сказке «Купеческая дочь и разбойники» (сюжет Пушкинского «Жениха»).

И в этом мотиве (мотив «бедности») мы вновь сталкиваемся с тесным сплетением моментов личной биографии и личного переживания с моментами традиционной поэтики. Эта неразрывная связь особенно отчетлива в сказке о верной жене, где купеческий сын женится на пленившей его нищей девушке. Из этого старинного известного сюжета[1] Н. О. Винокурова создает целую поэму бедности.[2]

Собиратели и исследователи не раз отмечали особые свойства женской народной поэзии. Ончуков, а позже Соколовы отмечали любовное воспроизведение сказительницами их собственного, женского быта. Соколовы, кроме того, отмечают в женских сказках «господство чувства, тонкость и нежность

---

[1] Напомню хотя бы песенку о короле Кофетуа, которую поет Меркуцио у Шекспира («Ромео и Джульетта»).

[2] Характерно одно «лирическое отступление» в связи с этим же мотивом. В юмористической сказке о Перфиле и попах рассказывается, как священник отправился в магазин за покупками. «...Ну, и спрашиват тот, *не наша злыдни*, тово и етова, набрал там на тысечи».

задушевного тона». Все это вполне приложимо и к сказкам Винокуровой. Женские сюжеты у ней заметно преобладают: «верная жена», «мудрая жена», «купеческая дочь и разбойники», «купеческая дочь и кучер», «неверная сестра», «сын от цаловка» и т. д. Любимая тема у ней: оклеветанная, гонимая женщина и чудесное зачатие и рождение сына.

Гонимая, спасающаяся от несправедливого царского гнева, горничная попадает на «прикрасный астрав». Ей попадаются «три дерева», и на них «три великолепных яблока». «Ана три яблока съела — и почуствовала сибя, што ана в тягостях ходит». «Кароче сказать, родила ана трех сыновей»... Однажды они пристали к матери. «По какому ты случаю, мама, в лесу была, и нас пачиму в лесу принесла?» Она все «падробно имя рассказывать. «Так же и вы, дарогия маи дети, вы, вить, у меня не от глупости зародились». Также «не от глупости» рождается сын в сказке «Сын от цаловка».

Образ матери воспроизводит она всегда с особой симпатией и нежностью. Правда, у нее встречаются и сюжеты «неверной матери»: «звериное молоко», «утка с золотыми яйцами», но в их трактовку она вносит свое специфическое: мотив наказания матери, который довольно обычен в эпилоге подобных сюжетов, у нее никогда не встречается. В сказке об утке с золотыми яйцами сыновья сурово расправляются с «хахалем»—любовником матери, но не трогают самой матери, предоставляя развестаться с ней отцу. «Нет правов таких, штобы мать сказнить». Но и отец прощает ее.

Обычно же образ матери окутан у нее глубоким уважением и она любовно воспроизводит и материнские заботы — поднять сына, и материнскую скорбь. Так, во весь рост зарисован образ матери в сказке о мудрой жене. Жили три брата, «багачи страшные». Но старший брат отделился, видимо обеднел — и умер. Остались в бедственном положении вдова и «мальчишко лет пяти». «Вот ана етова мальчишку, как ни бедно живёт, старатца изо всех сил доучивать ево, штоб он был человек». Когда тому исполняется шестнадцать лет, мать ведет его к «деверям своим». «Возьмите Ванюшку, пушай обмастярит коло вас. Мне же, ведь, за ево плату не надо. Пусь без платы послужит. Только мне, штоб он привыкал к народу. А вы уж настуйте ево, блюдите». Позже эти же дяди оклеветали племянника

перед его матерью. Та с отчаянием, в слезах, отправляется домой. В это время приплывают на богатых кораблях сын с женой, выредились в плохую одежду и идут к материному дому. А мать сидит, «плачет, навалилась на окно»... Когда сын открылся, она еще «пущие завыла». «То-го, сын, едак ты ко мне и евилса. Где шатался, туды и иди». Сын упорно просится переночевать, но мать, оскорбленная, с сознанием своих разбитых надежд, гневно отправляет их в старый флигель, где «индюки да утки жили». Сын отказывается там ночевать. «Чем в таком страму спать», говорит он жене; «пойдем лучше на свой карабь». Но жена не согласна. «Да нельзя же, Ваня, где мать благословила, там и надо первую ночь начинать». Также трогательна и симпатична эпизодическая фигура матери—в сказке о верной жене ревниво заботящейся о чести и достоинстве дочери.

Этими примерами не исчерпываются женские образы и темы Винокуровой. Она останавливается на различных проявлениях женского чувства и каждый раз подходит к нему со свойственным ей тонким психологическим чутьем. Выше уже был отмечен сильный и страстный образ любовницы лешего. На ряду с ним следует отметить яркую случайную фигуру молодой красавицы, тоскующей со своим старым мужем. «Вот идет Вася по городу, прогуливается» (он «великолепный красавец» был). «Сидит ета министерша на третьим етаже, увидала Васю и слезно всплакала: «Вот люди так люди! Вот так красота! А я за ком пропадаю!»

К любимым темам и мотивам Н. О., к которым она часто возвращается в своем творчестве, является мотив «вещего сна», а также введение в рассказ музыки. Оба эти момента также нужно поставить в связь с ее личными настроениями и симпатиями. Она верит в сны, любит сны и умеет их рассказывать. Как-то она рассказала мне удивительно-поэтичный свой сон, невольно вызвавший в моей памяти образ Тургеневской Лукерьи. Я записала тогда же этот сон, но запись погибла вместе с дневником. Сказка о Микитке («Нерасказанный сон») принадлежит, по ее признанию, к ее любимым сказкам. (Самая же любимая ее сказка «о верной жене»). С мотивом вещего сна мы встречаемся сразу же в первых трех сказках сборника.

Особенно ярко и полно отразилась в сказках Н. О. Винокуровой любовь ее к песне и музыке. Она буквально загорается.

когда говорит о последней. Игрой на скрипке пленяет кащея переодетый девушкой сын орла-царевича. В сказке о жене-оборотне на «вечере» «завели тонкую, тихую музыку», потом заводят «тонкие, нежные песни». С большим размахом и огромным поэтическим воодушевлением воспроизводит она игру колдуна («Колдун и его ученик»).

Во дворце царя «собралса вечер». «Подвыпили, подзакусили, пашли у их танцы-музыка. Патом слышат кто-то прастой диревенской балалайкой под акном играет. Паслали деньшика посматреть. Пришол, абъяснил: кто-то новой музыкой играт. Прислухались они — им музыка пондравилась. «Ну-ко, зави в избу!» — Зазвали ево. *Кто смеялса над ево музыкой, кто плакал, кто утешалса, плесал.* Показалас им антиресной ета музыка». Поэтическая натура сказительницы вся запечатлелась в этом эпизоде.

Конечно, самый мотив появления колдуна в качестве музыканта не изобретен нашей исполнительницей. Это одно из традиционных положений сказки. Его можно встретить хотя-бы в сборнике Афанасьева (вар. Б). Но разработка этого эпизода, чуткое, художественное воспроизведение самой игры, мне думается, следует отнести всецело на долю изящного таланта Н. О. Винокуровой. [1]

В связи с этим нужно отметить и утонченное чувство природы у сказительницы. В сказках, конечно, это не могло развернуться в полной мере. В традиционной поэтике сказки пейзаж играет незначительную роль и обычно бывает только едва намечен. Некоторые исследователи утверждают даже, что «описания природы совершенно чужды народной поэзии», как напр., думает Е. Аничков. Более глубокими и верными представляются мне наблюдения Е. Н. Елеонской. «Пейзаж в сказке», пишет она: «вообще, занимает мало места, ему уделяется внимание лишь тогда, когда им обусловлено действие, развивающееся в сказке, поэтому две-три резкие черты бывают достаточны, чтобы

---

[1] Для сравнения приведу этот эпизод в редакции Афанасьевского сборника: учитель... «взял себе гусли звончатые, идет по улице, разыгрывает. Марфида-царевна и говорит царю: «нельзя ли, батюшка, позвать его к нам?» Царь велел позвать. Вот один раз был, на гуслях играл, царевну с царем потешал, и в другой и в третий был. Спрашивает его царь: чем тебя наградить и т. д. (т. III, стр. 288).

определить внешние условие события. Эти черты, обычно, одни и те же, установившиеся, застывшие (крутая гора, дремучий лес, синее море и т. д.) [1].

Н. О. Винокурова стремится выйти за пределы этой традиционной поэтики. Поэтическое чутье и художественный талант инстинктивно влекут ее к передаче пейзажа — и можно проследить, как она стремится раздвинуть традиционные рамки, разрушить эти сковывающие обязательные нормы — и найти слова и краски для передачи своего непосредственного переживания природы.

В ряде сказок мы встречаем только беглый, слегка намеченный, и переданный двумя-тремя штрихами, рисунок «Только заходют в етот сад, в ём особеннаво ничево нет. Древа пасохли, дарожки все хламом заросли, ничево антиресваво нет»... («Заклятый сад»). Иван-Царевич карaулит ночью сад: «половина ночи и так што ему чудитца, в ево саду освещшатца чо-то. Все светлё и светлё становитца». («Иван-царевич и серый волк»). Но уже в других сказках мы встречаемся с попытками более детальной разработки рисунка пейзажа.

Так, напр., с большой силой изобразительности описан дуб в сказке о Марке-богатом: «Вот, стаит дуб, качаетца маетца. Нагнётца наклонитца, апять нагнётца, без утыша качатца». В сказке о верной жене зарисовывается картина весенней природы. «Подашол май месяц, зацвели цветы в садах, пашли ане с ей разгуливатца. Вот он в саду гулял, гуляя да здохнул чижоло. Ана к ему пристала. «Чо же ты ето здохнул в неудовольсвии, чем ты недоволен?» Ну, он: да так сибе тамо-ка. А патом и говарит: «вот што, душечка, как я был холостой, в ето время всегда налаживал карабли и плову. А сейчас мне и скушно стало». Здесь уже намечена та связь между картинами природы и непосредственными переживаниями героев, которая так особенно характерна для русского романа и русской повести. В связь с непосредственными переживаниями природы следует поставить и некоторые сравнения Н. О. Винокуровой. «А она (жена) перед им, как ласточка убиватца, одеват его, обуват, застёгиват»... (сказка о жене-оборотне).

---

[1] Е. И. Евсеевская. Великорусские сказки Пермской губернии. (Сборник Д. К. Зеленина). Влияние местности на сказку. Этногр. Обозр. 1915, № 1—2; стр. 39.

Я уже указывал, что в отдельных деталях не всегда с должной отчетливостью можно определить, что относится на долю личного склада и что нужно отнести за счет *художника*: за счет художественного инстинкта и чутья стиля — но общий колорит, общий тон стиля и личности сплошь и рядом совпадают. Это можно проследить и в творчестве Винокуровой.

Основной чертой характера Н. О. Винокуровой («господствующей способностью», сказал бы Тэн) является ее тонкая и мягкая деликатность. И этим мягким колоритом, этой деликатностью овеяны все ее сказки. Особый колорит придается частым и настойчивым употреблением местоимения «вы». В плену у лешего Вася — в сказке о брате и сестре — мрачно ждет печального конца. Прилетает к нему воробей и «летат над ево головой, чекочит». «А што же ты тут зачекотал, мне без тибя досада есь». «Ну да, Вася, я в вашу же пользу чекочу, ты не ладно же баню затапил» и т. д.». В сказке «Купеческая дочь и разбойники», Маша (купеческая дочь) отправляется в гости к бедной старушке, «которую она всегда наблюдала». Старушка просит Машу зайти «в не ветхлую келью». «Маша», говорит: «зайди, не постесняйся, зайди на пару слов». Маша была сердцем гля всех уважительна и пашла к этой старушке в дом. Старушка объясняет ей. «Я слышала, што вы замуж выходите. извините, спрошу вас без стеснения. Ну, Маша, я тибе не предлагаю за их замуж итти, по тваей добрадетели... Гля вашей добрадетели сказаваю я вам: ети самыя и есь разбойники».

Еще один пример. Иван-Царевич пытается украсть у царя Афрона жар-птицу. Попытка не удалась. Пойманного вора «представили к царю-Афрону на допрос». Тот начинает стыдить Ивана-Царевича. «Ай- ай, канфуз какой! Царской сын да пашол варовать! Каким глупостям занимаца! Как прастой мужик!... Ты бы пришол ко мне и из совести попрасил, я отдал бы не тибе из уважения к тваему радителю. А топеря я по всем городам, по всем Москвам, пропушшу нехороший звук об вас».

В сказках Н. О. Винокуровой совершенно отсутствуют непристойные моменты. Правда, она рассказала мне сказку о четырех попах (вернее, как мужик Перфил искусно обманывал весь причт), но эта сказка, неоднократно записанная мной в том же Верхоленском Округе, совершенно неузнаваема в ее изложении (по манере рассказа, не по сюжету). Правда, кое-

что не совсем удобное с городской точки зрения встречается в этом варианте, но зато и рассказывала она мне эту сказку, как-то точно конфузясь и все время смущенно посмеиваясь. Вот, мол, как рассказывается, а я уж не при чем. Если уж по ходу рассказа, ей приходится коснуться скользких тем или скользких мест, то каждый раз делает она это с необычайным тактом и, можно сказать, благородством. В сказке «Верная жена» (сюжет «Цимбелина») офицер, держащий пари с мужем о верности его жены, приезжает к героине. «Ну и являтца к ей етот гось. Принела она ево чесно-благородно. И за закуску. Што же гось—так гось. Вот как он выпил, закусил, и стал к ей лабзитца, дерзкия слова говареть, а ане в комнате были двое. «Боже избав, штоб я ето дело сделала» —Отовлекатца от ево. Он вынимат из карману леворверт—вот, дескать, все равно с душой растанисся. Она ужáхнулась и говарит: «сейчас же мы оба одеты, неудобно. Вот ночь придет, мы и расположимся в ночное время». Он решился ночи ждать. «Только будем ето дело без огня делать. Я и замуж выходила, решилась с мужем—штоб ети глупости при огне не делать».

Так же мягок и вместе с тем незлобивее юмор. Дочери колдуна, несмотря на запрещение отца, повели измученного Митьку (обращенного в коня) поить водой. Митьке удается спастись. «Как он броситца в воду, со всех ног, так и папер- только валы пошли, как он начáл чистить. Давай топеря ане сестрицу чистить». «Что нам топеря папа скажет». На тот фарт едет их и папа дамой». Здесь юмористический эффект в применении задушевного слова «папа» к страшному колдуну-лешему [1].

Еще один и последний пример. В одном эпизоде особенно отчетливо обрисовалась тонкая и деликатная натура рассказчицы. В той же (любимой) сказке о верной жене она рассказывает о свадебном пире. «Подвыпили все, флелены, кавалерá тонцуют, а ево на смех подымают. «Что же ты со сваей молодой не тонцуеш»? *А он баитца ие спрасить, может, ана абидитца. Где же ей, с лешкой хадила, пади, не умет.* И насылат горнишну спрасить». Впрочем, я затруднился бы точно

---

[1] Другими словами, художественное впечатление достигается удачной игрой слов. Так же построена и первая половина цитаты—на различном применении одного и того же слова: чистить. Примеры такой игры слов неоднократно встречаются в сказках Н. О. Винокуровой.

определить, что здесь сказалось: исключительно ли *личная* деликатность или психологическое чутье и такт *художника*.

В заключе́ние несколько замечаний о характере записей.

Конечно, передать последовательно все фонетические особенности говора при необходимости быстрой записи—не представляется возможным; все внимание было направлено на тщательное сохранение стиля и синтаксической структуры сказки. Поэтому часто приходилось некоторые слова и даже выражения писать сокращенно, а некоторые частые выражения, как «говорит», «сказал», «короче сказать» отмечать всего двумя-тремя буквами. Не говорю уже о том, что часто, особенно при сильной усталости, слух не достаточно точно воспринимал фонетические тонкости, а рука сбивалась на привычную орфографию.

При подготовке текстов к печати я следовал принципу, теперь уже твердо установленному в эдиционной практике: как можно точнее воспроизводить первоначальную запись. Исключения я допускал только в некоторых случаях: так, напр., слова и выражения «говорит», «короче сказать», хотя они и записывались сокращенно, я передаю в печати: «говарит», «кароче сказать», потому что в таком виде они записаны несколько раз (более десяти) полностью и в таком же виде несколько раз занесены на поля тетради. Во всех же остальных случаях тщательно воспроизводится первоначальная запись.[1]

Особенностей великорусских, как, напр., перехода звонких в глухие перед глухими и глухих перед звонкими в звонкие я не отмечал. Точно также не отмечалась твердость шипящих. Далеко не везде отмечены ударения. Впрочем, в подавляющем большинстве таких случаев следует принять, что произношение данного слова не отличается от общелитературного. В виду отсутствия в типографии достаточного количества знаков с ударениями, гласные под ударением набраны курсивом.

---

[1] Подчеркну один характерный пример: местоимение *они* произносится почти неизменно *оне*. Но в сказке № 1 у меня в тетради записано: ондали оне (о подчеркнуто). Вероятно, это сохранение о произошло вследствие влияния предшествующего начального *он* в *ондали* (отдали), но такие факты окончательно убедили меня в невозможности делать какие-либо изменения первоначальных записей, даже и в тех случаях, когда на лицо как будто очевидная ошибка.

Местные слова и выражения набраны разрядкой; жирным шрифтом я пользуюсь для того, чтобы подчеркнуть правильность записей: напр.: «охр**о**няться», «сод**а**ржать», «раск**о**жу». В моих записях я нахожу также и «с**о**доржать». Я не могу точно утверждать, что последняя запись правильна целиком, в отношении обоих *о*, но подчеркнутость первого *о* означает, что точность передачи первого сл**о**га в данном случае вполне установлена.

Вообще, в записях можно неоднократно обнаружить случаи сосуществования тех или иных фонетических явлений. Например, «жена» и «жана», «што» и «что» и т. п.

Это объясняется иногда неточностью записей, но чаще отражает живой факт говора. Современные ленские говоры сложились в результате слияния нескольких диалектических течений; кроме того огромную роль сыграло нивеллирующее влияние тракта,—все это привело к сосуществованию отдельных явлений даже в пределах одного индивидуального говора.

Характерным примером этого является замена свистящих шипящими. Это явление относится к числу существеннейших для ленского говора и в то же время оно распространено далеко неравномерно. В Манзурке, Качуге, Кистеневе оно встречается гораздо чаще, чем в Анге, и еще реже на Куленге. В говоре Н. О. Винокуровой оно почти совершенно не наблюдается; Аксаментов произносит одни и те же слова то «по ленскому», то «по городскому». Отчетливые примеры этого явления можно найти в моих «Ленских причитаниях», записанных в тех же местах, где и печатаемые здесь сказки.[1]

Вследствие быстроты записи я не смог передать особым обозначением звуков неполного образования. Так остались неотмеченными звуки в неударяемых слогах (в положениях: за ударным слогом и во втором предударном). Так как мне казалось, что по своей окраске они ближе подходят к *о*, чем, к *а*, я передавал их всюду через *о*.

К числу недочетов записи следует отнести непоследовательную передачу иканья.

---

[1] Параллельно также написания «ся» и «сь» в глагольных окончаниях. Последнее встречается чаще и более соответствует общему характеру говора. Написание «ся», очевидно, ошибочно.

По типографским условиям я не имел возможности всюду отметить звук ё. Поэтому некоторые слова с ё переданы через *е*. Но я старался делать такую замену только в таких случаях, где ё—несомненно, и написание через *е* не смогло бы ввести никого в заблуждение. Если же в словах, обычно произносящихся с ё, сказитель употреблял *е*, я передавал последнее жирным шрифтом. Так. напр. орел, ие (ёе) в большинстве случаев с ё, но, напр., зеленая (а не зелёная).

Если одно и то же слово встречалось в тексте сказки несколько раз, то я старался, отметив ё в первых написаниях, в дальнейшем оставлять его уже не отмеченным. Напр., в сказке «Чудесный сын» (№ 2) зерышко, а дальше уже зерышко.

Не останавливаюсь на прочих деталях, так как о них подробно будет сказано в статье В. А. Малаховского.

СКАЗКИ

Натальи Осиповны Винокуровой

(с. Иеппаново, по р. Куленге).

I. [Орел-царевич и его сын].

Жили были мышка да ворабей. Ну, как мышка в страду напасат сибе всево, а ворабей—летучий: ничо. А зима на тот раз была жестокая, трискучая, холодная. Ворабью спастись некуды, он мышке в нору: „Галубушка-кумушка, содоржи меня, покаль лютый мороз".—„О", говарит, „оннако у меня провляну не хватит".—Ну, он иё милости просит: „пусти, да пусти, мышка".—„Ну, пойду я провляны свои посмотрю, ежли хватит, так пушшу тебя". Обсмотрела свои закрома и согласилась она ево пустить. „Хочь сыты не будим, и с голоду не пропадем".—Ну согласились ане вместе жить.—„А летом будим вместе робить. Ты будешь пшаницу собирать, а я носом молатить, да таскать буду".—Весна прилетела, ворабей споркнул и улетел. Мышке обидно стало, пашла она к сваёму старшому на ворабья прасить. Сабрался их суд бальшой. Сабрались. И птица ето вся слетелася и гнусина: мыши, кроты там. И пашол суд у их. Суд имя ешшо недостаточно аткрыли вайну межу сабой. Ваевали ане двое суток. Ну, и ражошолся их суд, аднаму арлу подстрелили крылья—астался на пеньке.

Пашол в адно время Иван купеческой сын за ахотой и видит етова арла, и снимат винтовку, метит ево убить. А арёл человеческим голасом атвечат ему: „Иван-купеческой сын, не бей меня, я такой же человек, как и ты, только заклетый на некоторое время, а лутче возьми да карьми [корми], я тибе палезен буду". Падходит Иван-купеческой сын, спрашиват: „А долго я тебя карьмить буду?"—„Адин год",

говарит, „меня надо карьмить“.—„А каку же ты пишшу ешь?“—„В сутки барана“.—Ну, взял купеческой сын арла, приносит атцу „Вот так и так, таку находку сделал“. Абсказыват всё. Атец помалчал. „Ето“, говорит. „дораго“ Ну, и апеть, хоть и ворчит, да единственаный сын—запретить жалко.

С палгода кармил атец ругатца стал: „Што же ето тако—в сутки барана. Гля какой ты пользы ево корьмишь?“ Патом отец асердилса, выбрал, как сын атлучилса—и велел арла в авраг бросить, и не велел сказавать, куды и бросили Адна горнишная только заметила, куды ево панесли, и патихоньку ему сказала. И он етова арла взял из аврагу и предоставил на фатеру к древной старухе. Предоставлят в сутки барана и только корьмит потихоньку от атца Астаетца до году карьмить один только месец, а атец узнал, што сын всё-таки корьмит ево, рассердилса на неслуха сына—взял и выгнал в адним пинжачке ево. Приходит купеческой сын к арлу с горьким слезам—„не то што“, говарит, „тебя карьмить, самому есь [есть] нечево стало“.—„Ну, так што ж, пойдем“, говарит арел: „силу пробавать“.—Вышли ане там на плошшеть. „Ну-ка“, говарит арел, „садись на меня, да доржись пакрепче“. И поднял ево на сибе под облака, поднял под облака и опустил—бросил. Иван-купеческой сын только хател не жив упась, тот не дал ему упась и подхватил ево. Потом как ане остапавались:—„А што же ты думал“, спрашиват арел у етова купеческого сына: „када летел?“—„Да што думал. думал упаду. так разобъюс“.—„А ето я первый долг уплатил вам. Када я на пеньке сидел. ты в меня целил, я тоже думал. што смерть моя будит. Ну, тада содись на меня и полетим. куды наши глаза гледят“.

Вот ане долго-ли. коротко ли летели, прилетают к какому то гораду и астанавливаютца за горадом. „Ну вот што, Иван-купеческой сын, дай три пста с сибя, сослужи мне адну службу“.—„А где же я могу спатеть?“ отвечат.—„А вот лезь на заплот“.—Тот залез —„Вот треси меня за уши до тех пор, покуль у тебя

руки, ноги опустяцца".—Ну, тот трёс, трёс уж моченьки у ево нет. Пот с ево градом льет.—„Ну оддохни", говарит, „ишо два пота дай мне", говарит И стали у ево уж по калени ноги человечески из етой шкуры. И апеть давай ево трести Трес, трес. Уж моченьки у ево нет. Пот с ево градом льет, а стало ево уж до грудей видать.—„Ну. топерь треси в последней раз, докуль кожа на руках астанетца. А то не выдюжишь, все наше с табой прапало."—Вытрес он ево из етой кожи, стал арел моладцом пред ем.—„Ну, топерь побратуемся". Стали ане называныя братья—и условие дали, штоб не пакидать друг друга.—„Топерь иди в такой-то дом, там есть така то надпись, и проси там милостыню. Тут в етом дому мая сестра старшая живет. И прихади к акну и праси милостыню не ради-христа, а ради арла-царевича. И хозяйка спросит. „каку же милостыню тибе надо". Ты праси от падвала залоты ключи, и абратно слушай, што ана скажет, ежли не даст ключи".

Падходит он и просит, начинат таку миластыню, не ради-христа, а гля арла-царевича. А у акошка стаяла горнишна, белье гладила. Ну, и со всех ног к барыне бросилась: „Што такое по новой форме милостыню просют?" Барыня ето дело догадалас, пашла сама к акну, рассказал он ей все про дело—и просит ключи. Ана выслушала ето дело и говарит: „хош сколько я с братом не видалас, но пушай ишо столько не увижус, а ключи не дам". Ну, приходит он к ему, абсказыват.—„Што же тут не удалос, пайдем к другой сестре, в другой город". Ну, кароче сказать, тут имя также отказали. Пашли в третей город к меньшей сестре, апеть пашол Иван-купеческой сын просить ету же милостыню. Та от всево серца обрадовалась—„А где же он, арел-царевич?"—„А вот дай мне ети ключи, я на свиданье тибя ему приведу". Подала ана ему ключи ети. Ну, и патом пришли ане с етим с арлом, стали беседовать, пир у них. Свиданье, значит, у сестры младшей с братом сделалось. Ну, и патом арел царевич павенчал

Ивана купеческаво сына со сваей сестрой.—„А я", говарит, „пойду сибе долю искать". А Ивану-царевичу все двенадцать подвалох препоручил, в них много всякаво злата и серебра.

А арел-царевич приходит в чужестраной город. В етим гораду жил бесмерной кашшей, владал етим горадом И у ево была купеческа дочь украдёна—доржал он ие у себя. Несколько времени проживал етот арел-царевич в етом гораду, и стал гостить к етой кашшеихе, как кашшея в гораду нету. И ета кашшеиха стала от нево забеременела. И в адно время захватил кашшей бесмернай арла у сибя в дварце, и снёс ему голаву. А ана асталась от ево биременна. И как кашшей уехал, ана без ево родила. И не знат, куды съ ём детца. Все равно кашшей ево убъет И удумала ана ево в дубовой бачонок паложить, на бачонке надписала, што не хрешшоное чадо, и спустига в море. И етаму же самому купеческаму сыну, который на арловой сестре женился, пригрезилса сон, што бутто на ево пристали новыя корабли пришли. И он будит сваю жану рано утром.—„Што такое за сон? Я паеду на присталь. Все ли там благополучно?".— Приеждат на присталь—плават у ево на пристали бачонок. Ну, зловил он етот бачонок, видит литера, што не хрешшоное чадо, схватыват етот бачонок и везет дамой к жане. Вот ане с жаной етот бачонок взяли, раскупорили, вынули оттуль детишше, и там записка, што от арла-царевича прижитки И ане оба с жаной абрадовалися: „ето што же от нашево брата".—И пашли у их крестины. Окрестили, дали имя ему Василий. И сваих у ево было двое парнишек. И стали ане с жаной ростить, как сваёво.

Растет он у их не по годам, не по дням, а прямо по часам. И вот ондали оне ево в школу вместе со сваим детям. Виду ему не подают, што ты не наш Из школы дети бегут—балуют. Василий их тихохонько талкнет—имя не смаготно. Придут, жалятца, што вот нас Васька абижат. Ну, ане ничево не говарят ему. Дети да и дети. Вот аднажды дети рассорились-

старшой парнишка и говарит ему: „ты не наш, тибя нашли мы".—Тот прибежал со слезам к отцу, к матере. Те хотят его разговореть; ну, он адно твердит: „Апустите меня; коли я не ваш—пойду гулять".—Ну, уговорели ево кой-как. Астался он. По училишшу-то он лутче всех. Кто три года учитца, он в адин год все понял.

В адно время детишки играли стрелками и улетели ево стрелки на старый, на дряхлый падвал. Пашол он за етой за стрелкой и увидал етот бачонка чек, и прочитал ети литера самыя. И приходит топерь к отцу, к матере.—„Нет, вы неправду сказали. Вот и бачонок етот. Апускайте меня, пойду на все четыре стороны сваю долю искать."—А тем*я* жалко апускать ево. Но, несколько с ним время бились, не могут ничо с им сделать, и ане уже сами все патребно ему расказали, кто он и чей сын.

И пашол он в етот же город, где етот кашшей бессмерной. А топерь у кашшея етова уж аграда вкруг гораду сделано: не прапуска*т* никаво. Прямо етова кашшеева дварца жила старушка в ветхленькой избе. Заходит к етой старушке етот самый Вася, проситца переначивать. Пустила ево старушка, покарьмила, што бох послал: „Кто, бабушка, у вас етим горадом владат?"—Спрашиват.—„О, дитетко, бессмерной кашшей етим горадом влада*т*. Народ весь замучил."—Как, бабушка, етот город у вас крепко охронятца?" спрашиват.—„О, дитетко, ра*н*е просто было, все по простому хадили и ездили, ето все с причины даспелося".—„С какой такой причины?"—„А у кашшея жана из русских украдена, и тут рицарь жил, и стал к кашшеихе хадить, и кашшей сознал ето все дело, и ссек ему голаву, а патом заставил тут заставы. И кашшеиха была от арла-царевича брюхата, и не знаю, куды скрыла младенца." —А етот все на ус матат.—„Так вот, бабушка-галубушка, быдь ты мне вторая мать родна, я к тибе с дскукой. Схади ты на базар, купи мне женскую одежду и скрипочку, и вот тибе денег, купи нам закусочку. И не сказавай

никому про ето. Вот, мол, женска у меня гостя, да и только".—Вот старуха пашла на базар, купила ему женску одёжу, скрипочку. Он в женску одёжду оделса, и старуху молил и просил, усердно просил, штоб ана не сказавала, што он из мускова полку.

Сял он к акошку на дваре, напротив кашшея, и стал играть во скрипочку—кашшею панравилась музыка Слушал, слушал да и давай на своем балхоне плесать, и посылат прислугу.—„Падите-ка, спрасите ету девушку, не пойдет ли она на вечир ко мне играть". Девушку прислуга спрашиват—а та (Вася-то): „я", говарит, не сумею оннако гля вашево барина сыграть—я из простых. Простая челдонка. Как сумею гля нево сыграть?"—Вторично посылат прислугу, штоб, мол, не отказовалась. Патому очень игра нравитца Ну, пасулился играть, а сам ладит записачку гля матери.—„Што ваш сын, который был в бачонке нашелся, возрос я у дяди. И, дарогая мая мамонька, спрашивай у кашшея, где ево смерть. Он два раза саврет, третей правду скажет А скажет, где смерть, так уважай ис харошенько".—И пришла прислуга, повела ету девушку играть. Кашшею ана очень панравилась. Харошо играт, и очень умная, уважительная девушка А кашшеихи сваей даже и ей не показыват—доржит ис в 12-м етаже, за проступку ету. Но Вася все-таки схитрялса, паслал с горнишной записку матери. Как отошла ета танцыя, проважат ету девушку прислуга домой, падаст кашшей ему 50 рублев, а он тайным образом ети деньги горнишной и передал, штоб та записку оддала.

Ну, и как он, кашшей, натонцовалса, нахлопалса, натрепалса, назавтре спит долго. Никовда етово у кашшея не бывало: ей подали чаю, она ево будит—и так ласково ево просит чай пить. Кашшей тому весьма зрадовалса. То она ево не любила, а тут чай завет пить с сабою. И за чаем разговор с ем павела: „Што ето сколь мы с табой, душечка ни живем, а никада с тобой не говарили. И как ето ахота тибе ети вечира делать, убивать сибя до такой

степени, и вот ты топерь устал. А де же, душечка, ваша смерть находитца?"—Кашшею смешно стало: „гля чево же вам мая смерть?"—„Какая же". говарит, „я тибе жана буду, ковда ничево знать не буду."—„Мая смерть". говарит: „у коровы в рагах".—„У каторой?"—„Да у пёстрой," говарит, а сам улетел. А ана сичас приказала ету пеструю карову занести к сибе на етаж. Паставила ие на дорагой кавер, и уставила ие всяким светом, и увезала ие разным лентам. Вот приезжат кашшей, взгленул: „ето што ишо такое ты удумала?"—„Ну, да што же ето, душечка, рази падобно твайй смерти по дварам таскатца. Ишо могут тваю смерть убить—да я вдавой астанусь. Лутче же я сама буду содаржать, ходить за ей вместо всякой прислуги."—Кашшею любо ето стало.—„Выведи, дура, не тут мая смерть".—Ну. карову угнали, светы сняли, а ана заплакала. „што, мол, правды не скажешь".—А кашшей от радости не знат, куды деватца, што злюбила ево баба. Вот апеть вечир делат, апеть завёт ету девушку играть, и апеть сын записку наладил: „спрашивай пушше, где смерть". Ну. кароче сказовать, кашшей опять натонцовался, апеть лег спать—и апеть по утру она ево будит и спрашивает про смерть ево: „Какая же я вам жана буду, када ничево знать не буду".—„Мая смерть у казла в рагах", сказал и улетел. Ана сичас приказала нести етова казла к сибе на верх, на кавер паставила, увила женчугом, золотом. Вот апеть прилетат кашшей, взгленул—„ето ишо чо такое?"—„Ну, да што же, душенька, рази харошо твайй смерти по дварам таскатца".—А он смиётца: „Дура ты, дура, выведи ево вон".—Патом ана заплакала. „Сичас, как ты меня не любишь, дабром правду не скажешь, я себя смерти предам. Я тибе всёй душой, а ты не любишь меня, да правды не говаришь".—Ну, развылась, кашшей и стал правду сказавать:—„Ну, дура и дура! Да, вот где мая смерть: мая смерть за трем землям, на дикой степе, никто туды не ходит, никто туды не ездит, за морем. За етим морём стаит будка, в етой будке яшшик прико-

ванный, в етим яшшике каробка, в етой каробке утка, в етой утке еичко, в етом еичке—мая смерть. Када ето ёичко изломатца, товда мая смерть будит".—Ана взела, все ето списала на гумажку и паслала сыну с горнишной. Сын получил ету записку, весьма рад зделалса.

Ну, со старушкой папрошшалса—аставил ей капиталу и говарит: „ты, баушка, никому не говари и не вынасивай, может, ишо и повидаемся, а я пойду страмсвовать. Долго ли коротко шол он, до такова места дашол, што ни купить ни нанять ничо нельзя, и идет голоднай Какой то плесненый сухарок был ишо у ево.—„Дай ка", думат, „помочу в море, да съем". Только на берег пришол, помочил, подбегат рыба и вырвала у ево етот кусочик.—„Што же ты у меня, у прахожево, астальной кусочик взела?" —Ну, он плечом пожал и пашол. День был ясной, жаркой. Вышла самая бальшая рыба сушитца на солнце. Лежит, как бальшая гора. Вот он сибе и думат: „отпушшу я сваю трось, атлетит от ние какой-набить абломок, и съем я ету рыбу". Рыба атвечат ему: „Не умышляй, прохожий, ты моим куском вечно сыт не будишь, а мне будит вечно больно, а лутче я тебе гажуся".—Пашол, не стал шевелеть рыбу. Пиреносит на себе [голод]. Бежит сабака—у ей три шшенёнка, а он до тово голодный, што хотел палкой адново шшененка убить. Сабака атвечат ему: „Вечно моим шшененком не наешься, а я вечно буду на тебя жалобу творить. А я тебе ишо гажусь".—Ну, и пашол он далее, апеть путём дарогою, и даходит до таво самово моря, где будка стоит. А у моря ни перевозу ни олдьи—ничо нету. Сял, повесил голову и сидит. Вот видит: море колыбатца, ета самая рыба, у которой он шпат хотел атрубить, зволновалась, и прёт ему будку на сибе. —„Ну, што доволен ты моей заслуге?" —„Спасибо", говарит. Заходит он в будку, ломат етот яшшик, разломал яшшик—а в будке дверь не запер—утка из шкатулки и улетела на степь.—„Вот грех какой". И сял, тошнее тово голаву повесил. „В руках была, да

не мог взять".—Не откуль ета сабака, у каторой он шшененка пожалел, тащит ему утку на полету задовила.—„Ну, видишь, прахожий человек, и я тибе пригодилась".—Сабаке паклонилса до поесу. Сял утку распороть; утку-ту распорол, ейцо и укатилось назать в море.—„Што же ето я за дурак, што я за неучь такая!"—Вдруг видит, море зволновалось, и ета, катора сухарь выдернула, рыба—тащит ему ейцо. Паложил ейцо на место и пашол абратно.

Ну, а кашшею дома плохо стаёт. Смерть тронулась ево. Ну, скоро сказать, даходит он апеть до етой старушки, у которой был первый раз.—„Ну, што, баушка, у вас новенькое?"—„Вот и новенькое, кашшей в постели лежит, ничем уже недвижимый лежит". Переначивал он у старушки. Завтре идет прямо во дварец к кашшею—смело уже идёт. Кашшей ево из милости просит: „Ондай ты мне его ейцо, ставай на моим занятии, а я уйду отсель".—Он тому не внимат, взял ето ейцо, хлопнул—и кашшей здох. Вот он кашшея сажог, пепел перевеял, просеял, и атправил на пух прах. Народ то весь аблегчился. Пашол звон, пение, радось А сам пашол атца отрывать. Атца атрыл, етим ейцом намазал—и атец у ево ожил. Ну, и вот стали жить, паживать, да дабра наживать. И дядя на етот пир пришол, у каторово он жил.

---

2. [Чудесный сын]

(Сюжет „Царя Салтана").

Вот у царя было три сына: старшово звали Димитрей Николаевич, патом Никслай Николаевич—срединный, младшей—Иван Николаевич. Вот ане в саду гуляли, гуляли в адно прекрасное время и говарят промеж себя: „Что же ето мы у атца ничем-то ничо не занимамся Вазьмем у ево по харошей винтовке, будим просить, и пайдем учитца ахотитца".

Пришли к етому в палатку и давай просить: „дайте по винтовочкам по лёгеньким.“—„Куды же вы“, баитца он. не дает имя. „застрелите себя.“—Ане едно. Припали к ему—просют. Ну, дал имя атец по винтовке. Пашли ане уток бить. Паходили ане там; сколько убили, утку или две. идут к папаше свому с радостям Ну, на завтре и падольше пашли. В третей день стали у атца ишо падольше праситца, уж на конях. Атец имя наказыват: „Смотрите до позда не будьте.“—А имя на ахоте утки то все боле да боле. Ане дале да дале, да до позда и пробыли. Едут по лесу, видят в лесу дом стаит, и дом преотличнай, и вот имя надо узнать, кто в етим дому живет—то ли разбойники, то ли кто другой. Старшой брат и говарит: „Вы останесь тут, Коля и Ваня, у перслесочка, а я съезжу и посматрю. Может, кака надпись есь или што.“ Подъезжат к дому, видит: тут полесовшик живет, лес караулит. Как на лошаде он, стал тихоничко, падъехал к акну, видит: середь дому стаит стол, а за сталом сидят три красавицы; сидят, вышивают и разговор ведут про самых их. Старща сестра: „што бы мне за Митрия Николаича взамуж вытти!“—„А што бы ты, чем бы ты ево заинтиресовала?“—„А вот тем бы ево я заинтиресовала, што принесла бы ему три сына, трех богатырей: по калена ноги в серебре, по локоть руки в золоте, трех злотокудрых богатырей.“—А средняя дочь говарит: „а мне бы за Николая Николаича вытти!“—Ане апеть абратно спрашивают: „А ты бы чем Николая Николаича паинтиресовала?“—„А я бы одним зёрнышком все ево войско прокарьмила,“—а меньшая сестра: „а я бы“, говорит: „за Ивана-царевича взамуж вышла“—„А ты бы чем бы паинтиресовала?“—„Я бы адной ниткой все войска ево обула“—„Он разговор их выслушал, имя не показался, и отъехал от акна—„Ну. што же ты, брат, там долго?“—„Ведь ето дом нашева палесовшика. Да, какия у ево три дочери красивыя, и разговор велут про нас“.—И расказыват братьям весь ихой разговор—„Так ты, братец, вазьми старшую сестру, а у нас и без ихой нитки вайска

аденутца, и без ихого зернышка пропитаютца. Мы папаше ето ничо ишо не будем объяснять. Наши года моладыя".

Ну, и вот ето время все идёт да идет. Подаспела пора старшево сына женить Призыват ево атец к сибе.--„Митя. тебе года надошли—время женить." Дмитрий Николаевич сказал: „воля ваша, а нивесту я сам объясню. Вот сватайтесь, папаша, у нашево полесовшика, на старшей дочере."—„Што. што ты, Митя, над нам куры смеятца будут, у полесовшика дочь будим брать!"—„Ну, как хатите, мне больше не надо нигде "—Вот сабрал атец савет.—„Што имя, мол, как с парнем быть?".—И все там уговаривали Митю. „Ну, што же ето неужели никово не можите взять из чинов разных?"—Ну, нет. никто ево не можит переспорить Сколь царь с сыном ни билса, решилса на полесовшика дочери свататца. Ну, што царь долго будит у своево полесовшика свататца Кароче сказать. взял царь ету дочь за Митю замуж. И пондравилась ана всемя и свекру и свекрове—просто у души лежит. Вот ана стала у их ходить уж тяжолая, а Мите куды то там, в Москву ли чо ли, на палгода в отлучку по делам надо. Ну, и наказыват уж имя сын: „Мотрите, штоб ана не заскучала, не ушиблась где. Берегите ие.

А у етова царя жила свячица вдовая. Ана хадила по бабушкам по вышшим лицам. Как ей пора надошла принести, ане ушли с ней в андельную комнату, а бабушка ета--злая ересница, и ана опоила ие чем-то. В ето жо время сучка родила, а баушка етова взяла богатырёнка, который родилса, и по подзорной трубе куды-то отправила в погреб. А шшененка ей от сучки подкинула И призыват царя с царицей: „вот нивеска то каких хвалилас вам принести. Шшененка принесла." Царь с царицей испужались, пишут сыну письмо: „што жена ваша принесла шшененка."--Сын атписыватца: „каво бы она не принесла до маево прибытия ево не изгонять, и жену не прагонять,. не абижать."

Ну, являтца сын, ана со слезам ево сретила— „што, мол, такое со мной сделали Сама не знаю, што". Ну. первая вина прошшона. И апеть ана в антиресе. И апеть ему надо атправлятца, так што нимедлено надо ехать. И апеть атправился он в путь-дорогу. Ну, и апеть пришло ей время радить. апеть у их та же баушка. и апеть таким же парядком окотилась у их кошка. Богатыренка куды надо послала. а катенка ей подкинула апеть.—„Вот". говарит, „апеть катенка принесла." Пишут сыну вторичное письмо: „што кот народилса"—и тот апеть атписыват; „никуда до меня не девать и жену не абижать." Ну, приезжат сын домой. взыскал над ней. Но куды же ие девать? И третей антирес у ней. И сын велит: „как только я уеду. как пора падайдет ей, ведите к сталбу и вешайте. штоб не было такой подлости над нам".—Сын атправился. а ей уж пора падходит Жалко свекру со свекровкой вешать ие, ани и удумали. посадили ие в бочку, запечатали. и спустили на море, а сыну надписали. што, мол, повесили.

Вот плоет ана в бочке. пора надошла ей радить. ана в бочке и принесла сына. Прошло так неделю. али две, а сын-то уж говарит ей: „мне, мама. тесно в бочке сидеть. Я хошь маленько, мама, да потенусь".— Как маленько потенулса, обруч и лопнул у бочки. А на море даспелась страшенная буря. валы, непогода, бочку ету на все лады вертеть стало, и выбрасило ие на астрав. И ане почуствовали, што бочка на твердом месте Патом сын как удвинул бочку—и рассыпалась бочка. Патом ане вышли на астрав. посадил он мать под куст, а сам побежал.—„Пайду. поишшу каку набить сибе долю".—А он то чо. как есь голый.

Побежал и видит: два мальчика дирутца. Ети мальчики нашли три вешши и не могут паделить их: поровну не приходитца. А нашли ане шапку-нивидимку, кавер самолет и сапоги-скораходы —„Дайте-ка", говарит, „ребята, я вам разделю. Вот я стрелю из лука—и кто первый из вас со стрелкой прибежит, таму две вешши".—Как те за стрелкой побегли, он шапку

на себя надел, сапоги обул, на кавер сял и улетел. Поровну имя досталось. Патом прилетат в какой-то город, набрал пишши, одежды (што же он наг был) ну, и прилетат к матере: аделись, обулись и пишши много.

Живут ане тут сколько, он апеть по лесу ахотничать пашол. Нашол спяшшую царевну в лесу. Живо тихонечко ие разбудил. Спрашиват: „чья ты, откуда такая?" — Ана говорит: — „Вот я уж третей год блужу. Я — королевская дочь, и меня вихорь из саду уташшил. Ах, хто бы меня теперь домой предоставил, так папаша пол-королевства предоставит". Он говарит: „я тебя в два часа предоставлю, а только што мне не дорого тваё королевство". — „А вот тогда у меня есь два платочка волшебныя, мне красна подарила, адин из их я тибе ондам". Посадил ие на кавер, и павез домой. Сяли, понеслись. Дарогой он ие учит: „ты сначала молча иди домой, ни с кем не говари, возьми етот волшебный платочек и мне ево ондай. А потом уж со своими разговаривай". — Приходит ана в дом, всяк за ие хвататца — чо жо три года ана дома не была, а ана, как бешена из рук рвётца — бежит к сваей шкатулке бирет платок и ондарила ево. Ну, и как ондарила ана, уверила ево: што, мол, тибе надо, всё из етово платка получитца".

Взял он платок, прилетат к матере, и машет етим платком, и из етова платка вылетат двенадцать молодцов. — „Што угодно вам?" — „Вот нужно мне харошую постройку, штоб моментально была на етой плошшеде". — Ну и пастроилась тут пастройка. Ну, стали ане тут с матерью жить, стал народ весь дивитца. — „Што такое, много ли время течение, и кто тут ето пастроил?" — Дивуют люди.

И патом бегут тут корабли ево атца же с таваром. И дивуютца. — „Што ето такое? Была ета плошшедь пустынная, и кто же ето мог в такой кароткай срок все предоставить?" — И астановились тут. Как корабельщики астановились, принял он их к сибе в гости, угастил их — принял харошо. Стали ане уезжать,

выносит он саму дорагу шкуру.—„Ето, говорит, царю-батюшку ат меня падарок".—

Как он ети карабли праводил, надел сапоги скораходы, шапку нивидимку, сял на кавёр, и палетел за имя. Впереть их прилетел. Как корабли домой пришли, и спрашиват первым долгом царь: „Ну, как всё ли благополучно?"—„Все благополучно И новаво много. Вот, ваше цавско величесво, в передней путь шли—была тут плошшедь: лесом абросла вся ельником была завалена, а на абратной путь—так лутче вашево дварец стаит. И вот што, царь-батюшка, вот вам падарок. Дорогая шкура".—Заинтиресовало царя.—„Кто ето мог там пастроить так ементательно, и какой знакомец мог послать мне гастинец? Сичас же атправляюсь сматреть ету дикавину, хто ето так пастроил?"—А сын то ево в дому сидит, слушат—а ета самая валхитка тётка говарит: „Ну, чо ты слушашь? Там тебя заманивают, убить хочут. Вот ты ступай ка лутче в тако-то царсво, там есь столб стоит, на етом сталбе кот самогавор. Он тибе и про задне и про пиредне все раскажет".—Как сын все ето выслушал, отправлятца к дому, и палетел к етому сталбу—прилетат к столбу: верно, кот-самогавор сидит. Махнул етим платком. „Штоб сичас етот столб с катом на майм двору стаял."—Он на кавре прилетел, столб и кот уж на ево дворе стаят. А царь туды собрался уж етово ката сматреть. Приехал туды царь—там уж адин шарлоп стаит, а столб и кот уж убрано. Приезжат царь домой с гневом: „Ах, натакала же ты меня, старая карга, каво ж я там не видал. Ямы етой!"

Вторичные корабли пловут—и опеть пристовают к етому астраву, апеть принял он хорошо етих корабельшикох, ишо лутче шкуру выносит—„вот ето царю-батюшку падарок," дает. Апеть, как карабли атправились путем дарогою—он апеть за имя И он апеть опередил ети корабли, и напереть кораблей прилетел к атцу сваёму. Как апеть корабельшиков стретил: „Ну, как благопалушно ли сплавали?"—„Ничево, все хорошо, и новенькаво вам не мало привезли. Вот

на таким то месте стаит дварец, а раньше место было лесом абросло, ерником завалёно, и мы были гостьми там и вот—падарок привезли ат царя."—Царь распоряжатца: „дайте мне лёхкую шлюпку, паеду узнаю, што такое, кто мне гастинцы шлёт? Гоствеников, знакомых никово нету, а вторые гастинцы вот уж получаю".— Ета же старуха ему и говарит: „почево туды ехать? Там тибя заманивают: убить хочут. Вот я тибе лутче диковину раскажу. Вот ступай-ка ты в тако-то царсво, там башня стаит, и над ей, етой башней, два клуба золата въютца. Упась не упадут, а въютца". Царь решилса ехать туды к етой башне. А как етот выслухал у их, был наперетъ царя к етой башне. Ну и приезжат, действительно, стаит башня, и над ей въютца два клуба золата. Правду старуха сказала. Как он был богатырь—стал он ету башню разбирать, што, мол, за причина. Разобрал ету башню, а в ей два братишка ево спят, которых ета бабушка скрывала. И мать не сознала, што принесла. Башню разобрать разобрал, а их не может разбудить никаким статьям Решилса спрасить даже у ката-говаруна, не знат ли он. Кот-говарун говарит: „ани умертвёны, спят мёртвым сном. Нада дастать живой и мёртвой вады."— А где же етой вады дастать?" спрашивает.—„На твоим кавре лететь нядо три года, а я в три часа сбегаю. Привежи ко мне на шею на канте два пузырька, а я набегу, расстараюсь".—Ну, побежал, действительно, мертвой и живой вады принес Ну, и спрыснули как етих вадой, так мальчики разбудились, и посадил их на кавер и палители домой к матере. Как ане прилители к матере, паехал царь на ету башню, а тут адне только абломки лежат. Царь приехал, рассердилса: „Насмешку живу надо мной делаш!"

А как ане прилетели домой к матере, а мать сына сваёво долго ждала; ждала, расплакалась, да со слёзто крепко уснула. Он мальчикох спрятал, давай мать будить. Разбудил мать —„Ах, как я крепко спала. Где же ты ето был? А какой сон я тебе раскажу, видела "— Спрашиват сын: „А какой же ты сон видела?"—„Вот

быдто тваи братья пришли, и как быдто ане у меня.“— „А жалашь, мама, их видеть?“—А ане и правду здесь. Радось тут у них пашла, свиданье. Напоили их, абули накарьмили.

Бегут тут третьи корабли, апеть принял, угостил— и апеть царю гастинцы посылат, и шкуру третью апеть самую дарогую. А сам за кораблями апеть к имя полетел. Ну, апеть напереть етих корабельщиков катцу в дом прилетел: „Ну, как сплавали“, спрашивает царь корабельщикох етих: „все ли благопалушно?“— „Вот, царь-батюшка, диковины дак мы диковины видели, и вот падарок апеть вам“.—У царя серцо зволновалось.—„Без никаких, еду смотреть—и все тут.“Как старуха апеть ево ни атговаривала, он на старуху воспылал дерзкимя словами.—„Не атговаривай, мол“.— —Справил лёхкую шлюпку. и поехали с ём вмести свёкор и свекровь. А етот их с глаз провадил—именно ли к нам едут, следит за имя И прилетат к матери: „мамаша, мамаша, сичас к нам гости будут.“ Махнул он сваим платком, и сичас тут всякия сады, пташки, музыки всякия пашли, бериг бархатом услал—ждет гастей дарогих. Вот приплыват царь, и устрашился, на ево дварец погледел.—„Што же ето за дварец такой! Кто в ём живет?“ - Стречает он царя, ведет к сибе в палаты, .а мать спрятал, не кажет. Вот, выпивают, закусывают, музыки играют, птицы пают всякия, царь ево и просит: „нельзя ли унистожить все ету музыку и пенье, хочу я с табой об деле погаворить. Чьи же вы урожечцы?“ говарит. „Я“, говарит: „и сам не знаю, где я родилса, только от людей слышал, што мать мая прачка, атец—повар.“—„От повара и от прачки никовда не родитца такое дите. Правду ты мне сказавай.“—„А ат царя с царицей шшененок может радитца?“—Патом патреоовал свою маиашу Как увидали ис. так и абомлели все. Тут ани давай имя всю правду расказывать, и про свае страмсвование все абсказала царю, и сыновей других показала. Царь стал прасить их к сибе, а мать сдаетца на етаво сына:—„как он“, говарит.—„Мамаша сагласна—мы дети от вас никуда.“

Сабират мать, братьех сваих в лёхкую шлюпку, отправлят их.—„А я", говарит, „опасля прибуду." Царю жалко все ето потомство.—„Куды же ты ето все оставишь?".

И царь едит, за дорогу сумлеватца.—„Как ане будут теперь в маим дварце умешшатца. У них так все хорошо, устроено. Мне даже совесно супротив их."—А тот махнул платком.—„Как был тут кусты да ерники—так и будьте по прежнему."—А сам прилетат на атцово гасударство. Махнул платком—„Как там стаял дварец, так и здесь пусь такой же будит."—Царь приезжат на присталь сваю и глазам не верит, думает—„ето чо, мерешшит мне што-ли? Плыли, плыли, да и апеть туды же приплыли." Спрашиват у капитана: „Ето чей же город?"—„Да ваш же, царско величество. Ваш же Питербурх."—И жись иха соединилась тут, а старуху ету решили за шутки ие. Ну ане стали жить да паживать.

---

3. [Микитко́]

(Нерасказанный сон).

У аднаво кресьянина три сына было. Меньшаво звали Микитой. Как на новой год атец лажитца спать и говарит: „вот завечивайте сны".—Што каторому из трём сынам пригрезитца. Как по утру, в новой год атец стает.—„Ну, што, дорогия маи дети, какия сны пригрезились?" Старшой рассказал и средний рассказал. А Микитко, меньший сын: „помру", говарит: „а не скажу".—Он ево и с ласковым словом и с грубым устрашшивал. Сколь он с ём не бился, не сказават атцу сон. Атец на ево рассердилса крепко.

На тот раз тут ехал купец какой-то, и купцу ето показалось антиресно: какой ето сон атцу не сказават?—„Ты паслушай, дедушка, прадай мне ево, када он вас не слушат".—Старик асердилса: „и, верно, сказавай, а

то сичас прадам купцу".—Так и не сказал сын. Продал купцу старик Микитку. Купец взял и повёз. А Микитку уж исполнилос петнацать лет. Вот он дорогой, купец, начал спрашивать ево ласковым словом —„Атцу не сказал, а мне скажи". — „Нет, воспадин купец, атцу не сказал—и тибе ни за боже мой не скажу".—„Но как ты мне не скажеш, сичас я тибя брошу здесь—ты пагибнеш тут".—„Всё равно, пагибну, да не скажу".

Купец сколь с ём не билса, не мог дапроситца сна. Купец рассердилса, продал еврею. Еврей стал ево за бальшия деньги спрашивать: „вот ето заплачу, вот ето куплю. Скажи, мальчик, сон; я тибе што надо, то и дам", мальчику сулит еврей —„Ништо мне твоёва не надо. Я атцу не сказал, купцу не сказал, а вам, еврею, уж и подавно".—Я же тибя сечас в темницу посажу".—„Как хатите. Садите всё адинсвенно не скажу".—Еврей сколь ни билса с нём, ничево он не сказал.

Ети слухи разнеслис уж далёко, што етова мальчика возют. Еврей продал царю Царь стал спрашивать: „ну скажи, мальчик, сон Я есть царь, а то я тебя сказню".—„Нет, царь батюшка, я атцу не сказал, купцу не сказал, еврею не сказал, и вам все адинсвенно не скажу".—Целай месец царь с ём билса. Любопытно царю сон узнать. Все равно, сон не сказват.

Ништо царь не мог с ём сделать. Посадил в темницу. Сидит в темнице. Ну, а царь сибе нивесту ишшет: хочет жанитца. По всемя градам, где ему надо, тут никак не может взясь [взять]. У царя была сестра. Вот как царь уехал в иннця земли от сваёва царсва, решаютца ани с етой нивестой, которую им надо взясь, на бальшия загадки Как ана за ево решатца итти взамуж, и говарит: „вот што, штоб у нас с табой адинакия падарки были. Каки я выложу на паднос, таки и вы пригатовте".—Царь решитца настоящше баитца. Ну, как он знат, каки ана падарки выложит Дала ана ему палгода строку.

Да, начал царь мудрецох, хитрецох разыскавать: не знат ли, каки падарки. А у ней уж много было жанихох— сколь душ ана пагубила! Царь паслал письмо

к сестре.—„Нет ли, сестрица, в нашем царсве каких мудрецох, хитрецох?“ спр шиват. Сестра все полки праверила и роты. Нет никаких. А д н о й н о ч и приснился ей сон, сестре Во сне ана видит: „у вас в темнице сидит мальчик, который купленой от еврея; вот, спраси ево“. Ана утром стала. Сечас в сонник бросилась. И сонник доказыват так, што на етова мальчика и правду спрасить.

Посылат ана сваих прислуг, сапдатох — „Падите, приведите мне етова мальчика“.—Приводют к царевне мальчика, Микитку етова. Микитко ей, как ученый, воздал чесь и спрашиват: „Што вам, царевна, от меня нужно?“—„Расскажи мне, мальчик, свой сон: я тибе бальшой капитал атпишу“.—„Нет, царевна, лутче я в астроге памру, а тибе свой сон не расскажу, как я самому царю-батюшку не сказал, и атцу не сказал, и тибе не скажу.“—„Ну, так решис, мальчик, мой сон отгадать“.—Расказала ана свой сон, и рассказала про брата и про нивесту ево, в чом дело у их, как решатца.—„А вот, царевна, в етим я вам помагу“.

Рассказала ана ему, што задачу нужно сделать: адинакия падарки гатовить; што ана будит делать каки падарки.—„Магу п о с а б ч и в етим деле.“—„Ну, так ступай к царю самому в ету землю. Я вас атправлю“.—„А вот што, царевна, а ты найди из сваёва полка в адин рост со мной, и в адин корпус, и на адно лицо, штоб мы были б е з р а з л и ч н ы—и найди десеть человек, а я буду адинацатой, и штобы мы были все, как адин. Исправь нам, царевна, адинакия кастюмы, штоб как на аднем“.—Как царевна с радосью пссылат брату типеграму: „Нашла я, братец, мудреца: тово мальчика, который был в темнице, купленый у еврея. Он сулится п о м а к ч и беде вашей етой“.—Царь получил ету тилеграмму. И так што мало верит.—„Как же прастой мальчик диревенской и может быть маим мудрецом?“

Патом начала царевна сваи полка проверять и роты. Ходит вместе с Микитком етим. Все таки падабрала и начала имя адинакия кастюмы шить, по гаспоряжению Микиткову. Атправила их путём-дарогою.

А уж у царя даходют те числы и дни, што надо падарки давать. Царь не с терпением ждет етаво мальчика. Вот, к завтрешниму числу надо падарки нивесте, а царь мудрецох все не можит даждатца. Приезжают к царю мудрецы. Адинацать их штук с Микитком. Весьма царь абрадовалса.

Как приехали к нему мудрецы, абрадовалса царь и баитца, што уж поздо.—„Што же вы так долго? Завтре надо уж падарки ладить!“—Микитко царю атвечат: „Не бойся: все гатово будит“. Как Микитко царя позвал в андельную комнату, переговорел с ем тайной совет Товда Микитке долго нельзя тут беседовать.—„Завтре я пойду к вашей нивесте“.

Так как Микитко заходит, ево никто не можит видеть. Тайно заходит. (Мрачение што ли како у ево есть). Как Микитко приходит к нивесте и ни на шаг от ис: куды ана, туды и он А ана то ево не видит. Говарит нивеста с матерью. „Вот што, дарагая мая мама, пойду я с дедушкой прошшус.“—Микитко уж с ей.—„Ну ступай“—Так как нивеста пашла к дедушке, Микитко за ей. Обежала ана, отварачиват бальшую плиту и лезет туды. Микитко за ей—„Ну дёдушка, я к вам проститца пришла. Завтре я замуж иду“.—„Ты давно уж идёш, только людей на извод изводиш, да все вытти не можиш“.—А у дедушки на голаве волосья серебрены, а барода золата!“—„Дай ка дёдушка, я тебе ишо в пасследние в голове хош вошех поишшу“.—Как стала ана ему перебирать серебреные воласы и вырвала волосок, а Микитко—два Так же стала и бороду перебирать—вырвала из бороди волосок, а Микитко—два.—„Ну, дёдушка, до свиданья тавда.“—И у дедушки сидят на полачке залотыя галубки“. Бирет ана с полачки залотова голубка—и Микитко бирет. Приходит домой.—„Я с дедушкой прастилас и падарки принесла.“—„Ну да, ведь, ты всё равно не уйдеш“, мать говарит: „где же жаних поравнятца с табой падаркам—где он их вазьмёт?“—Микитко думат: дадно“.—Припас уж.

Как накрывать стали стопы на р а к о б и т ь е [рукобитье], Микитко думат: „ладно, сечас падарки будут". — Как паставили п е р в а й с т о л — нивеста ножик туды тайно воткнула. — „Пускай-ка закусят!" — Микитко слышит и видит. Тада скоро уж и з в е с т и е: по жанихох надо итти. А сам царь дома сидит и пичалитца. — „Што ж я сижу, ничево у меня нету — и Микитко ушол".

Являтца Микитко к цаю. — „Ну. адевайся, царь-батюшка, у нивесты все уж гатово". — „А где же у нас с табой падарки?" царь спрашиват у Микитка. — „Падарки акажутца у нивесты: што нам тут с табой сматреть". — Пасылают пасланника по жанихох. Как все там исправно, пашли с царем ети адинадцать штук, и он двенацатой. Микитко говарит: „я сяду с табой рядом за тысецкаво". И сваим наказыват: „как нивеста спросит: „кто у вас старшой", вы в голос зараз кричите г р о м ч е е: „я!"

Как пришли к нивесте, содят их за стол, Микитка садится рядом с жанихом. Нивеста в о з л е б о к, Микитка в о з л е д р у г о й, жаних в сирёдках. Как патребовала нивеста падносик за стол али блюдечко како там залото. Подают нивесте блюдо; кладет нивеста падарки: падоёт жаниху: волосок серебреной и волосок залотой, и галубочка залотова ставит. Жаних думат: „где же у нас таки будут?" — Микитко как был за тышецкаво, примат етот падносик и падоёт жаниху — Апраставай падносик, слаживай сваи падарки!" — Жаних слажил сваи падарки в салфеточку. Вынимат Микитко сваю салфеточку. На паднос кладет два серебреных волоска, два залотыя, и галубка такова же адинакаво ставит.

Как нивеста за столом асердилас, не в себе сидит. „Где могли ани взясьть такие подарки?" — Ране жанихи сидели — н е ш т о не могут и с ь, а Микитко тайном образом нож вынул и все едят — только закуски прибавляют. Нивеста думат: „ну нарвалась!". И спрашиват: „кто у вас старшой?" А ани все ровно в раз ответили: „Я. мол!" Асердилас нивеста. Не знат, кто старшой.

Как у их атошол пир. Микитко говарит царю: „вы ступайте домой, а я тайным образом апеть здесь

астанус. Посмотрю, што ана апеть будит ладить". Вот как жанихи косу провадили, нивеста ударилас к сваёму дедушке. Дедушку ругать, не давал ли ты каму сваи волосы. Микитко за ей Прибегат к дедушке — „Дёдушко, што не брал ли кто у тибя из борады и из голавы валосочкёх—не пускал ли ты каво к сибе?"—„Пашла, нигодяйка. ты от меня, хто же магёт акромя тибя зайти?" — „Так правда же, дёдушка, у жаниха тваи валосья, и твой голуп в падарки мне пришол. Где же он мог их взясь?"—„Да, што рази ты адна на свете хитра? Люди-то тоже есь хитрыя". Как ана у дедушки налеват два пузырёчка: адин живой вады, а другой мёртвой—и Микитко два хлакона етих же самых налеват. Как, кароче сказать, назавтре взяли нивесту и атправили думой. Всемя в диковину показалось: как могли ети взясть мудреца нивесту За каких ана не выходила и все не могли взясть!

Как привезли думой нивесту, пашол у их пир, а Микитко на сваё место в темницу. Сам он пашол туды. Прямо тайно ушол на сваё место.—„Как я царем-батюшком посажоный, и буду сидеть, покаль царь-батюшко не выведит."

Так што, как ане атбеседовали, атпировали, пашли молады на спакой И малодая из етаво хлакончика из мертвой вады умертвила малодова Ну, утром весь народ паднялса и загалдели: „ето што же, отчево же наш царь, наш батюшко, помер." – Стали собирать мудрецох, праверили их: только десеть—адинацатово нету. Апеть в темницу. Он уж сидит на месте, как сидел. Велела ета, сестра, привести. Как приходит Микитко, сестра к ему с абидой, царевна ета.—„Што у нас сёдни малодой не встаат—оммер". Как у Микитка ети спасобы есь от дедушка. Спрыснул ево живой вадой—стал малодой царь. Тавда пашол у их пир—и царь Микитка взял и за ево услугу павенчал с сестрой И стали все счесливо жить.

Как Микитко стал с малодой жаной атпрашиватца на сваю родину: праведать, жив ли атец. Отец уж ево древной старичок стал. Как ане с атцом свидались,

побеседавали—и на спокой ночь спать. Как у Микитки етова, стрась, ноги загорели; ставил он их в халодную воду. А старик ночью ужасно пить захател Пашол он, видит: вада чистая стаит. Взял да и выпил ету воду.

Как ане сколько с атцом беседовали, взяли атца и паехали с сабой. Как приежжают в свае царсво, к царю, прастово старика етова, Микиткинаво атца, царь сретил с уважением—уселись ане беседовать, выпить, закусить И царь андаст бальшое благадарение етаму старичку за Микитка—„Как же, дедушка, я вас спросю. вы сами простыя, диревенския, как же у вас уродилса сын, великой мудрец?. Он маю жись спас и нивесту нашол.“—Микитко имя отвечат: „вот топеря я тибе и царю-батюшку свой сон раскажу. Исполни ты свае жалание: узнай мой сон. Мне сон-то приснилса совесно было расказать Как я есть ваш сын и вы—мой атец. Я не посмел вас етим словам абиждать. Лутче же сам буду страдать, чем атца абиждать. Вот то мне и пригрезилось: мне ноги мыть, а атцу ету воду пить. Так вот ано, батюшко, так и вышло. Вы по ничаяности ету воду, как я ноги мыл, выпили. Вышел мой сон праведлив.“

Ну, стали ане жить, поживать, да дабра наживать.

---

4. [Колдун и его ученик].

Жил был старик со старухой. И крайне бедно ане жили. У их восьми ли девети лет мальчик был, ну и до крайности дожили, што ни поись ни чево. Шабаш.—„Давай, мальчишку хошь, старуха, андадим в услужение, хошь из-за одежи да по крайности сыт будет.“ И решился утре в город вести ево. Старуха утром стала, аделась, печку затапила, и абслакат мальчишку.—„Што мы тут будим ево голаво, босаво марить.“—Вот идёт старик с мальчишкой, до городу ишо ни

дашли, пападатца имя мужичок на пустоплесьи. Адетый харошо.—„Здрастуй, дедушка!"—„Здрастуй, дядя!"—„Куды же вы пашли?"— „Ну да што, вишь, нужда, дядя, пашол мальчишку куды-набить андать, сил маих нету."—„А сколько бы, дедушка, за ево взял в год?" Мужик спрашивает —„Да што же я, воспадин, буду за ево прасить? Уж сколько хто ему дас по жалости. Што я буду прасить за ево: он нигде не живал, ничо не видал, да што вот — голай и босай! Хош бы обули, адели." —„Ну так скопько же вазьмешь за ево? Я хочу ево взять у тибя."—„Я так, воспадин, буду с вами рядитца. Милось есь, пажапуста сколько-набить дай, да адень ево, да абуй" — Мужик вынимат сто рублей из кармана, падаёт старику. —„Он вам, воспадин, не заробит, мальчишка, ети деньги." —„Ну, дают бери. Кажетца, дело не тваё". —Старик взял деньги, распростились, и пашол. Только пашол, старик спахватилса.—„А чо жо я, какой глупый! Не спрасил, как у ево фамилия, име, где живет. Каму я ево ондал? Воратюсь, спрасю мужика". —Воратилса старик и кричит на весь упор: „Пастой, пастой, дядюшка!" —Мужик астановилса с парнишкой. Парнишку звали Митя. —„Што старик, тибе, надо?" —„Да вот, извините, не спрасил, как ваше име и фамилия и, где живете, не знаю." —„Быть пакоин, старик, нашто тибе маё име и фамилия, будит твой Митюшка здаров А как срок придёт, я тибе ево на етим же месте и андам".

Вот старик пашол домой с деньгам, заходит на базар, набрал хлеба, чо надо там, поисти, идет к старухе. „Вот, старуха, за Митюшку то мне сто рублей дали". „Ну!"—Как ане зряшнаво расхода не имели — и прашол год харошо. Кароче сказать, завтре год даходит — итти старику за Митюшкой. Как старуха-мать год дитю не видала, стает раненько, пасылат старика Атправился старик, даходит до таво места, где он мальчишку андавал, видит идет мужик с Митюшкой ево. Митюшка там год пожил, быдто нет двенадцати стал, такой бульён. И одетый чисто, харошо. Старик даже палюбовался над парнишком. Адетый чи

стенько и такой плотный стал.—„Што, дедка, за сыном?"—„Да, за сыном."—„Ну, вот твой и сын сахранен, благополучен. А вот што, старик, не андаш ли мне ево ишо в год?"—„Ну дак што, Митюка, падёшь, дак чо."—„Етот год я тибе двести рублей попажу. Так все-таки ты дайдём до меня, посмотришь, где твой сын живёт, и работу ево пасмотришь." - Пашол старик, приходит. Дом хароший стаит. Усадил старика. угастили. Жана и три дочери у ево. Старик сына спрасил: „ну чо, ладно, Митюшка, жил?"—„О, чо мне надо. Луче домашшово. Робить много не заставляют. Одёжда харошая, харчи!"

Срядились со стариком, получил старик двести рублей денег.—„Ну падем, все-таки, я тибе покажу сынову работу". —Павел ево в заднюю аграду. И стаит там сажень дров нарублена топаром.—„Вот", говарит: „сажень дров в год сын твой изрубил."—Падумал старик: „за што же он ему сто рублей пло тит?"—„Ну-ка, Митя, принеси пади спички"—пасылат хазяин Митю. Митя пришол, принес спички.—„Нука, Митя, зажги ету паленницу."—Паджог Митя ету паленницу. Старик думат: „Чо жо он делат? Раз не глянетца работа, пашто же он ево вторично нанял?"—Разгорелась только ета паленница ясно, етот хазяин етова парнишку за ручонку, да в етот агонь. Старик на месте омертвел, окаменел.—„Чо же, ты делашь? Ведь он у меня как есть адинственнай, а ты ево в агонь бросил. Я с табой поведаюсь!"—„Жив будет—не беспакойся!"—Вылетает из етова агня галубок.—Вот твой и Митька", говарит: „топеря иди спакойно, старик, домой, топерь ты знашь, где я живу. Год дайдёт—иди по Митьку."

Старик домой приходит, двести рублей приносит. а дрязгу етово не расказават. штоб старуха не балела душой. Нужды не имели, апеть прожили год. Карече сказать: завтре год. „Апеть пойду по Митьку".—Мать уж два года в глаза Митьку не видала. Сабират ево, таропит.—„Ступай."—Как пашол старик, идёт там. пападатца стречу ему етот мужик, адин без Митьки

—„Здрастуй, дедушка!"—„Здрастуй всспадин!"—„Что за сыном идешь?"—„Тошно так за сыном"—„Ну иди туды ко мне а я недалёко схожу. Скоро приду."—Приходит старик *имя* в дом Сидят ети три дочери ево за сталом. Старик паздоровалса, сял—Митьки не видать Старик сметил, что што то девки шопчутца И про ево, про старика—„Што вы, дарогия умницы, шопчитесь? Скажите всю правду." Как он слышит, што меньшая сестра упрашиват больших: „скажемте дедушке, скажемте." А большая заклинат. Стал старик усердно прасить большую дочь и младшая со слезам просит: „скажем дедушке."—„Ну ладно, старик, скажем мы тибе. только мотри, папаше не сказавай. Только. што пажалели мы тебя, што он у тебя адинсвенный сын, и живешь ты бедно."—Кленётца он, што не скажет атцу.—„Наш, вить, атец не из православных, он—калдун страшной. Вить, он, Митька твой, у лешея жил. Ну, так вот, как придет наш атец домой, угостит тибя, а патом паведет он тибя, в тот сарай: там у нашево атца триста галубков и всё ето работники. И он хлев атворит, выпустит их на двор, и скажет: „Ну вот, если ты Митьку паймаешь, то твой будит, а чужова паймаешь, пропадет твой Митька."—Старик стал со слезам припадать к *имя*.—„Ах, дарогия красавицы, какия приметы у маёво Митьки?"—А, вот, дедушка, выдет твой Митька всех зади, и хвос у ево замаранай, и бытто всех хуже, вот ты ево и лави".—Как пришол етот мужик, напоил ево чаем—„Ну, паём-ка, старик"—и растворят ему хлев. Ну, две галубки вышли харошия, висёлыя, аткормленыя, а етот позать всех идёт. Худой такой, заморенай.—„Ну", говарит старик: „от ворана сокол не быват: как я худой, так видно и галубок мой плахой."—Зловил ево, да и в пазуху, да и пабежал ат мужика. Несколько отбежал, ну и падумал: „я што за дурак, я ничо не спросил, как мне ево возворотить; што же я буду с галубком делать?"—Аткрул пазуху, галубок то был да из пазухи улетел. Старик испугалса: ни галубка ни Митьки нет.—„Куды я теперь пайду. К мужику только чево пайду?"—

Стал, заугрюмилса. Видит: летит галубок абратно, повертался против старика, ударилса об земь и сделалса Митькой. И старика школит: „до старости дашол, ума не нажил. Харошо, что я сам дашол до етова, а то што бы ты с галубком делал?"

Ну, пашли ане к матери. Ну, мать, как мать. Мать обрадовалась Переначивали; утром стали, позавтрекали Митя атца завёт в город.—„Ну, тятя, падем сходим в город." Вот ани идут по пустолесью. Сидит на кусте варона и каркат. Митя на врону пасмотрел и усмехнулса.—„Митя, што ты над вороной смиесся?"—Митя так и так, атазвалса: „да, так мол".—Атазвалса ат атца Идут, а друга ишо пушче каркат. Митя ишо пушше усмехнулся.—„Митя, што ты над вороной смиёсся?"—Митя апеть атазвался: „да, так мол."—Ну, старик пристал к ему: вот скажи, да и скажи. „Ну, на што тибя, тятька, спрашивать?"—„Как на што? Я атец да ты такой-сякой, не хочишь со мной баить".—„Тибе сказать, ты асердисся."—„Нет, Митя, не асержусь, говари".—„Да, вот перва вароча каркат: „ты", говарит: „будешь царём, царем", а втора варона каркат: „ты будешь ноги мыть, и атцу ету воду пить." Вот мне и совесно"—„Ну, да ничо, ведь все ето неправда. Мыслённо рази тибе царем быть?"—„Вот што, тятька, я сечас зделаюсь карим жиребцом, и ты ставай на фартал и меня прадавай и праси сто рублей и без узды. С уздой мотри ни за што не прадавай".

Вот Митя перекувырнупса и забегал жиребцом. Старик ево на узду паймал, и павел на базар. Падходют к ему пакупатели. Кто даёт 60, кто даёт 70, он просит сто. Приходит к ему адин воспадин.—„Што за коня просишь сто рублей? Ну, бери сто рублей, да только с уздой!"—„Нет, без узды". Решилса етот воспадин взять без узды за сто рублей. Как продал старик жиребца, уздечка на руку, пашол дамой, идет по пустолесью, а Митя уж дагонят ево Кароче сказать, и на завтре таким же побытом ево за сто рублей прадал без узды. Павёл и третий день.

Зашол в город, видит кабачок растворёной, а он никада не пивал.—„А што я, мало-мало капейку имею. Зайду, выпью шкалик".—Жиребца привязыват, сам заходит в кабак.—„Ну-ка, цаловальник, налей шкалик!"—Падал цаловальник, он выпил. Как ему погленулось—„налевай и второй!"—В голове уж ево дурнось заходила от етих шкаликох. Долгсё времё он пробыл в етим кабаку. У ньянсво много разговоров набиретца. Жиребец начинат уж там сердитца, лапой бьет около кабаку етова, а он ишо выпил—и сделался пьян старик Приходит из кабаку, атвязыват коня, хлёшшет ево, школит, дергат ево повадом.—„Я тебя, захочу, так с уздою прадам седня, а то што ты запачивал, што будешь ноги мыть, а я воду пить!"—Ну чо же пьян так пьян и есь. Становитца на базар. Приходит к ему пакупатель—„Што, дедушка, за коня?"—„Триста рублей без узды".—„Ну, нельзя ли, дедушка, с уздой?"—„А бери пользуйся!"—Ну, чо же и продал пьяный с уздой. Вот он покаль по городу ишо бегал, а как хмель то вышел, он и стрекнулся.—„Што то я наделал. С уздой на чо жо я продал Видь, не видать мне топеря сына. На што же я в етот кабак зашол, зачем я водку пил!"—Ждал, ждал Митьки на катором месте всегда стречалса. Нет Митьки и нет. Целаю ниделю в город он бегал, все думал, не стретитца ли где. Нет, не встречат. Ну, и стал без Митьки жить.

А Митьку-то, коня-то, етот самый воспадин и купил. Етот самый калдун. Приводит етот мужик жиребца, заводит в сарай, и поттягиват ево вверх ногам к потолку на цепь, и подкладыват под ево небольшово агонька.—„Вот тибе, галубчик, и наказание от меня. Потому што ты у меня два год жил и хитрей меня выучилса."—Вот веситца Митя, етот конь, и месец и два, прокаптел в целу над агнём; не пьет, не ес Провесилса полных шесь месяцех - едва жив. В адно время етот мужик куда-то уехал. Ево дочери-то и говарят: „ну-ка, девки, зайдемте в сарай, посмотрим Митьку-то".—„Сестрица, отвяжем ево да напоимте". Ну, дочки ево атвязывать; старша дочь сказала:—„нас папа зару-

тат."—„Нет, мы апеть привяжем. Вот ето чо жо, сестрица, у ево кожа патрескалась. Мы патом апеть падвесим ево."--Но, сняли ане ево. Вот он шататца, падат, стаять не можит, а узда то на им.—„Ну-ка, сестрица, доведёмте ево до ручья, напоимте".—Он идет, шататца, запинатца, а меньша сестра жалет ево и павела ево на паводке, уздечкой етой паить к ручью. Вот он скрось зубы бытто пил, пил, а сам все назать заглядыватца. Как броситца он в воду, со всех ног, так и папёр—только вали пошли, как он начал чистить. Давай топеря ане сестрицу чистить. „Што нам топеря папа скажет?"—На тот фарт едет их и папа домой, а уж жиребец-то убежал.—„Папа, папа жиребец то убежал от нас!"—Недосуг ему с имя ругатца, сделалса карасём и дагонят ево

Митька слышит, што тот дагонят, и заделалса окунём. Гналса, гналса тот, а догнать не можит. Угнались ане с ём в чужой город. И патом на масточках царская дочь поласкала платочки, к вечиру гатовилась. Он и заделалса с окуня кальцом залотым, и прямо к царской дочере на платочик. Ета царевна от радости, что за суперик попалса, и на руку ево надела, и не может над ём налюбоватца. А карасю-то не за што схватитца Царская дочь идет к атцу. „Вот, говарит: „папа, какия гастинцы мне достались".—И все на суперик любуетца. - „Аткуль мне на пальчик такой гастинец дастался, точно с неба".—А папа ей сказал: „Ну", говарит: „дорагая мая дочь, етот суперик тибе к радости или к безвременью".—Вот как сабрался их вечир на беседку, подвыпили, подзакусили, пашли у их танцы—музыка. Патом слышат, у их кто то простой дирьенской балалайкой под акном играет. Паслали деньшика пасмотреть. Пришол, сбъяснил: кто то новой музыкой играт Прислухались они—им музыка пондравилась.—„Ну ка зови в избу!"—Как зазвали ево, чесьчесью здоровatца. Содят ево в кресла.- „Ну-ка садись, играй."—Кто смеялса над ево музыкой, кто плакал, кто утешалса, плесал. Показалась им антиресной ета музыка. Как атошол их вечир, надо рашшитовать

музыканта. Топеря спрашиват ево царь: „Сколько ты с меня вазьмешь за вечир?“—„Ничево и не надо мне, а только пушай ваша дочь андаст мне етот перстень за игру с руки“.—Царевна даже и говареть не хочет про кальцо.—„Пушай папаша хошь паловину государства андаёт, а я етова суперика не дам“.—А тот и тишши не бирёт Поднялса у их крик и спор. Вот как дочь вышла на крыльцо со слезами, заплакала, скинула с пальца перстень: „как то я растанус“ Только скинула кальцо с пальца, зделалса перед ей добрый молодец. „Вот што, царевна, я попрашу из милости: ежели уж ваш папаша притеснять вас будит, скинь с пальца, и бросьте с силой об пол. Я рассыплюсь на мелкия блестяшки, и ты тово разу примечай Адна всех ярче будит лежать, и ты иё каблуком наступи. Я к тибе прильну.“ - Ну словом, да тово царевну давели, што ана скидыват с пальца кальцо, бросила на пол, и говарит: „не даставайся, сабака, ни тебе ни мне!“—Патом как ети блестяшки разлетелись, и ана скарей на блестяшечку каблуком. И етот музыкант разлетелса. бах об пол и сделалса питухом, и давай клевать, блестяшки собирать, а у царевны в ето время вылетел сокол, и давай дратца во весь упор. Сокол питуха заклевал. Как сокол питуха заклевал, ударилса об пол, сделалса молодцом. Как Митя был, так и стал.—„Царь батюшка, дазволь етова питуха сожекчи, а патом сталочь ево в пух и прах.“—И давай им Митя все расказывать. Все патробно расказал, а царевна от ево ни на шаг не отстает. Живет он ниделю и другую у царя, патом начинат ево сватать за дочь.—„Вот што, царь батюшка, у меня, видь, нивеста есь. Вот я съежжу к той нивесте. Ежли та не пайдет за меня, то я вашу царевну вазьму“.—Царевна даже захворала от етова удару, как Митя паехал за нивестой.

Вот решилса он ехать, и приезжат к этим трем сестрам. Ане весьма абрадовались.—„Ето што же, Митька живой, мы думали, папаша тибя совсем закурпетит“.—„Вот, дарогия маи красавицы, пабедил я вашево папашу у царя в доме“.—Вот, спасибо

Митя, так и надо .— Ну начинат он сватать ету младшу, а темя забедно стало. Приезжат к царю с нивестой етой нареченной, назначили ане число венчатца. Как завтре венчатца назначено, а царевна затравила нивесту со зла. Мите стрась жалко ие стало. Лутше царевны. Тада царь павенчал ево на своей дочери, и говарит: „как я стар стал...“ и сделал ево царем.

В адно время вздумалось ему радителя сваево пасмотреть. сял со своей жаной в карету и паехал. Как к атцу приехал, ну где же атец узнат, што Митя ево царем. Как ане вечир долго сидели, беседовали у атца, улеглись спать. А у Мити с жару ноги загарели. он ноги то и вымыл И, действительно, атцу ночью пить захотелось. он пашол, и из етова тазу воды и напилса. Ну, вся праеда и случилася над имя. Забрал атца, мать и павез всех к сибе И стали жить, поживать. да дабра наживать.

---

5. „Сын от цаповка“

(Звериное молоко).

Как кароль жил с жаной, и надо ему атлучитца на два года. Нипременно атлучитца надо. Он пиридает все ето свай папечение памешшику.—„Пажалуста“, говарит: „што женское дело, блюди мае хазяйство, даглядывай.“—Ну, сабралса и уехал. Жана асталась, и памешшик етот папечителём. Вот живут ане так месец и два, может бить. Так што етот папечитель, памешшик, стал приступать к ней, к етой каралевне, с нехарошим намереньями. Ну всё-таки, ана там ему не сдаётца, ана там не на ласковыя не на грубыя слава. Никак. Сколь он к ней не добивался, ничево от ей не получат и только. Патом рассердилса на ие етот памешшик, и написал мужу письмо: „нешто ни магу с вашей жаной сделать. Не слушат. Пашла па распуцву“.—Ложное даже письмо написал Кароль атписалса ему, памешшику: „пасади ие до мичня в тамницу,

за ето проступление". И бабу бедную, безвинную, беспричинную посадили Памешшик у себя жа на дворе выклал ей башню—из кирпичей столб, и запер ие в етот столб. Ана сама не знат, за што и пачиму. „Вот," говарит: „муж прописал, гляди сама письмо "— Аставили ей маленькое акошочко: сухарь и воду падают ей ись туды.

Вот сидит ана уж палгода в етим сталбе. В адно време заезжат к иму, к етому памешшику, главный чиновник. Ну там, дневал у нево, как-ли, выпили, закусили, паходил по двару и спрашивает: „ето што за история, гля чево башня сложона во дваре у вас?"— „В етим сталбе сидит у меня каролевна. Как кароль отъезжат, препоручил ие мне блюдить. А патом ана стала жить в нехарошим в атношении. Нешто я не мог с ней сабразить, никак унять. Мужу паслал письмо, муж приказал пасадить ие в ету тамницу. Кораля не могу прогневить—вот и посадил в ету темницу до приезду." —„Ну-ка, пажалуста, сходим. Я пайду, пасмотрю, што за королева сидит"—завёт памешшика чиновник. —„Пажалуста, вы адне сходите, ана мне опротивела, я не могу на ие глазам сматреть".— Падходит чиновник к етой башенке и спрашиват: „За каки ты, галубушка, сидишь тут проступления?"—Ана с горьким слезам рассказыват: „ничем я невинна, ничем не причинна, сама не знаю, за што посадили. Вот етот жа памешшик мне дерзкия слова говарил, самушшал меня, и не иначе за ето он посадил меня, што я с ним не живу в таких атношениях."— „Ах ты, бедняжка, бедняжка" — пажалел он ие, поставил, и от всёй души, от чиставо сердца, как ана была красавица, пацаловал ие. Ана пачуствовала, от етова цаловки забеременела. Ана думат: „вот горе мне настоящше пришло. Ране была совсем беспричинная, а топерь уж не знаю, куды детца, топеря уж муж паверит етаму памешшику."

Сменилса у етова, у министера, дворник новый Тово сменили, новаво приставили, и как етот дворник тайную милостыню всегда ей подавал и нехто тово не

знал. Патом, кароче сказать, радила ана в етим сталбе, принесла сына, и стала ана дворника просить: „пажалуста, удевай куда-набидь, сынок, уташши ево, штобы уж гибла я адна".—„Ну да грех же будет", дворник ей говарит. —„А лутче мы сделам так: разломам ету башню," дворник савет дает ей: „сделаем акошко пабольше и уйди ты савсем, все равно тибе живой не быть, как муж приедет—иди брадяжить с сыном".—Решился дворник. Ну, так што памог ей оттуль вытти, и пашла ана с богом страмсвовать из етова столба. Ну и ушла ана, можно сказать. Ну и муж ие приехал домой. „Што же, ушла брадяжить твая жана."—Ну и наскажал про ие бох знат чо: „не мог я ие и в тамнице ударжать".

Идет ана с мальчишком, а мальчишко растет у ей не по дням, а прямо по часам. Вот мальчишка идет дарогой и нашол ленточки. Зади матери бежал, и нашол клубочик ленточкох, и как ленточки ети паднял, так пречуствовал в сибе бальшую силу. И дагонят, дастигает мать, хвастат: „мама, мама, я вот ленточки нашол!"—„Брось, дитетко, ане с каким набидь волшебным брошены".—Мальчишку ленточки жалко бросить. Он их спрятал, скрыл от матери.—„Бросил ленточки?"—„Бросил, мама, бросил, нету у меня их".

Вот приходют ане в город, мать сибе и думат: „а все равно, я безвинно, беспричинно папала", и нанематца ана к афицеру в услужение. Афицер был холастой и так што стали ане, как муж с жаной, жить. Всё равно ана уж решилась на то. Вот несколько времени ане живут тут—етаму афицеру не надо етова мальчишка. Он замечат, што он не прастово роду —„Паслушай, мая дорагая, што я тибе скажу. Чей у тибя етот мальчишка?" спрашиват: „мужева прижитки, или чей он у тебя?"—Ана ему аткрылась всей душой: „етот мальчишка у меня от чиновника и просто ат цаловка он у меня завёлса, не от худых дел."—„Он же тибе не сын будет, ты ево изведи лутче!"—Как ни хатела ана сына извести, все таки сомустил он ие,

решилась изводить.—„А каким же путем мы ево пахитим?“—„А вот“, грит: „ты захварай“, учит мать афицер.—Вот захварала мать. Мальчишко всё коло матери. А он уж стал такой, как багатырь. Ленточки ети ему памагают.—„Пасылай ево в лес, а у нас белай медведь в лесу есь, очинь сердитай, и ты ево заставляй малака от мудведицы принести, ана ево разорвет“.—„Вот, Ваня, падой мудведицу—мне, говарят, лутче будет ат малока.“—Ваня бирёт туезок. надеват винтовочку, и идет с радосью в лес мудведицу искать. Как Ваня пашол по лесу, видит: белая мудведица стаит и с трём мудвежонкам. Снимат Ваня с сибя винтовочку, и намечат на мудведицу. Мудведица воскрикнула человеческим голасом: „што удумываш. прахожай человек? Чем бить меня, ты бы лутче с уваженьем папрасил у меня малака. Я знаю, што тибе от меня малака нужно. Садись, да падой меня дабром.“ Ваня уселса. да падоил. Падоил Ваня мудведицу и стал, поблагодарил. И ана ему говарит: „вот, падарю я ишо тебя гля запасу дитишшом сваим, он тибе во времени гадитца.“ Ваня идет домой, малока нисет, и мудведёнка в падарок нисет. Етот афицер увидал в падзорнаю трубу, што идет он с малоком, с мудведёнком—удивилса.—„Што такое, как ево мудведь не съел?“—Приходит, приносит матери малока—падаёт, а мудведёнка садит на цепь. Апеть же етот афицер не и учит: „праси ево. штоб он типерь львицу падсил: не лутче, мол, от мудведицина молака.“ Взял Ваня винтовочку, пашол в лес львицу искать. Увидел, львица ходит. Стал винтовочку сымать и урок намечивать.—„Што, удумываш, прахожай человек? Лутче сядь, да падой миня!“—Сял, падоил львицу, побладарил; дарит ана ат сибя львенка, детишша сваёво.—„Может када-набить пригодитца тибе.“—Ваня пашол, малока нисет и львенка ведет. Как увидал етот афицер:—„што за диковина за такая, нехто ево ни бирет, вот аказия!“—Приносит матери малока.—„На, мамаша, малака!“—а львенка садит на цепь.—„Ну топеря есь сад, и в етим саду живут сорок

разбойникох, уж ане ево убьют.—Ступай в тот сад и принеси яблоню!"

Взял Ваня сваю винтовочку, взял сваю ахоту: львенка и мудведенка, и пашол в етот сад. Патом. заходит Ваня в сад, разбойникох нет, а сидит у них девушка адна.—„Ну зачем же ты сюды сам пришол под убивство? Сечас же разбойники придут и убъют тибя!"—Вот ане с девушкой тут переговарели—едут разбойники. Гля ево счасья разделились ани на папалам, на две шайки: двадцать едут впереде. двадцать позать едут. Как разбойники едут домой, невзоружоны, по простому. Думой едем, чево тут. Как ане приезжают домой, кликнул Ваня сваю ахоту, ахота ево прибежала, львенок и мудведенок растервились, разорвали ету шайку—двадцать человек. Едут остальныя домой. Остальны приехали, а звери ишшо пушше расходились, растервенели, расторзали их всех. Адново только зверя ранили. Таца бирет он яблоко —щипат сколько ему надо: на адново зверя пасадил ету девушку, на другово сам сял и поехали. Видит же етот афицер, што едит он домой, и ешшо девку везет. „Што, за нечистая сила!" думат. Приежжат домой, андаёт матери яблоки; привязыват сваю ахоту и начинат лечить етова зверя: перемыл зверю раны, засыпал.

Как он устал, поправился да и лёг спать. Етот жа афицер с матерью и разговариват: „да нет ли чево волшебнаво у ево? Абыскать надо ево сеннаво."—Как мать пашла ево абыскивать спяшшева, и нашла етот клубочик ленточкох.—„А, вот чо!" говарит. Взяла ети ленточки да и спрятала у себя, а девушка ета, катору он привел, со стороны смечат, што мать над ним делат. Мальчик проснулся, видит, што в нём тово уж нет. Сила ушла. Хватился: у нево нет ленточкох. Сибе и думат: „ето не девка ли украла у меня ети ленточки, куды ане магли деватца?"—Стал спращивать. Ана и говарит: „вас мать абыскивала, мать и взела."— Поднелса тут у их крик, пагнал етот афицер мальчика со двара домой, ленточках етих не андают. Он видит, што

не стало у ево никакой паспешности, силы не стало. Тагда парень говарит: „я не паглежу, што ты мне мать, ты меня все равно на извод ладила, сичас зверей спушшу на вас и разорвут абех". — Пашол мальчик зверей опушшать, выбросили ему ленточки, испугались Взял он, посадил девку, распрастился и паехал от их. Вот ане с етой девкой ехали, ехали и здумали андахнуть, зверей покарьмить.

Видят, бегут карабли и карабли астоповились, баятца етих зверей. Как мальчик стал, зверей паймал, пристали тут карабли на самой етой пристале. Заходит мальчик со зверями и с девахой прямо на карабли, заверят, што не потрогают вас звери: ученыя. Как поплыли ане на караблях, приплывают в етот горад, где тот кароль живёт. Вот жа останавились ане в етим гараду жить, и попали как раз к етаму памешшику, у котораво мать была на поруках здана. И как ети карабельшики к памешшику пристали, и кароль пришол гут, и начинат памешшик с етим карабельшикам разговаривать: — „Что харошево видели, что новенькаво?" — „Да нот, новенько то мы с сабой везём. Вот попался нам на прикрасном астрову мальчик, с мамой ли он с сестрой, и вот у нево ученыя звери". — Ну и разговор пашол. Он, кароль етот, расказыват, как у нево из темницы женшина ушла из столба. Мальчик слушат Выслушал мальчик, как етим карабельшикам кароль говорит. — „Я самый в етой башне и радился, и с матерью мы вместе и брадяжили". — А у памешшика и башня ета живая стаит. Поднелса у караля да и у памешшика крик, зачали ане етова мальчика делить, тот говорит: „мой", и другой говорит: „мой". Абоим ево стало нада. — „Да я, вить, абсих-то не ваш" — мальчик говарит: „я сын каковэ-то чиновника. Я ат цаловка завелса; я буду атца искать". — А самы ети карабли бегут к етаму чиновнику Покаль ане кричали, мальчик на караблях уплыл. И приплывают ети карабли к етому чиновнику. Как чиновник дело разазнал, недороги иму ево ети карабли, как дорог етот сын: от цаловка завёлса. Не знано, не ведано — от цаловка завелса. А у нево, как раз,

дитей не было сваих, у етова чиновника. Как стал мальчик ему расказовать, сколь ему годох, сколь што, ана вся правда падходит. Как чиновник ево в сваи книги пиревёл, пашол у их пир, пашла свадьба, так он тут и извековал у ево.

---

6. [Обещанный сын]

(Брат и сестра).

Жил был хресьянин, ахотник он был страшнай. всё па ахотам хадил, даже из дому уедет, кагды на год, а кагды и на два года. У ево была жана и девушка. —„Ну, жана, я топеря на долго атправляюсь, живи тут". Ана асталас от нево биременна, и он не знал етова. И ездил он боле году па ахотам там, по разным землям. И вовратился домой уж. Вот едит домой уж. Вот едит домой, а день жаркой-жаркой, а ему пить хочитца. —„А, господи, как пить ахота!"—Ну и нигде ни азерка ни лизки нету. Видит с каня, в стороне блестет што-то, светит.—„Ужо, не озеро ли там, поглежу, съежжу."—Подъезжат; верно, балото, азерко небольшо. И припал к етаму азерку в пападок пить. Паймал ево хто-то за бороду, и ташшит в озеро, што он не можит и паднятца. —„Ну што в самым деле"—шибко-то он не устрашилса—„шутки шуteть, што ли, апускай, хто там паймался! В самым деле долго будеш шутеть?"—„Да, до тех пор те не апушшу, пока ты мне заклад не заложишь".—„А какой же вам надо заклад? Бери вот каня, а то вот денег, сколько надо!"—„Ни надо мне ни коня ни надо тваих денег."—„Дак што же тибе, нечистая сила, надо—ни каня не надо ни денег?"—„Да вот, андай мне, што ты дома не знаш, атсули мне то."—Мужик все дома перибрал.—„Знаю, кажись, все."—Решился андать ему, што дома не знат. Атсулил. Апустил он ево. Сял мужик, паехал, приежжат дамой, ево мальчишка стречат, ползат уж.—„Ай, ай," думат: „вот што я ондал!" И жане не сказават.

Растёт мальчик етот у нево, робят ане вместе. Как, кароче сказать, лет шашнадцати етот мальчик стал. В адно время паехали ане с ем в лес за дровами. А етот мужик рубил, рубил дрова, сял на калоду и заплакал. Парень гледит на ево. Чо над отцом постречалос?—„Ты об чом; тятя, плачишь?"—„Ах, Вася, кабы знал мое горе. Кабы ты знал мое горе, чо у меня на душе пежит. Как же мне не плакать".—Сын к атцу таки пристал.—„Скажи, тятя, како горе? Горе так абоим, а не адному".—„Да вот, как", говарит: „мать табой была бирменна"—и рассказал, как он на ахоте был и атсулил ево, по такому несчасному случаю. —„Вы бы мне давно уж, тятя, сказали, я бы по малолесву давно уж схадил".—„Ну, приедим домой, Вася, матери не сказзвай. Мать шибко заплачит."—Приехали домой, сяли абедать, сын на атца взглянит, да засмиетца, да засмиетца. Мать сына спрашиват: „ты чо, Вася, над отцом сёдни смиесся?"—„Да, ежли вам, мама, сказать, так вы заплачите".—Мать пушше к сыну пристала: „скажи, да скажи".—Сын взял, да и сказал матери все патробно, как ему атец говарил. Тагда сын паабедал и говарит: „надо итти; когда я уж отсулена, так надо итти". Тут паднялся крик, шум, слезы,—„Да, пожди же ишо, вить, он тибя патребуит. Может ишо и так абойдетца".—„Нет, пайду, да и все тут!"—И сестренка ета с ем ладитца. Как ие не отбивали, насильно пашла с братом.

Долго ли, коротко ли по лесу шли и увидали, стаит избушка в лесу, земовейка. Заходют в ету избушку, пасматрели: в печке стаят два гаршечка: в адном шчи, а в другом каша. Панемножку взяли, пасли из тово и из другово, задвинули абратно, и улезли под печку спать, спрятались. Приходит хазяин етой избушке, а тут жил полесовшик-старичок, лес караулил. Приходит: хлеб еденой, гаршечки пасматрел—и там едено, и помаленьку съедено.—„Кто же," думат: „кто мог быть?"—Стал старик прислушиватца, кто-то шипит—спит. Посматрел старик. Двое за печкой спят: мальчик и девочка. Он сял и не знает, то ли ето брацяги, то ли

ето. заблудяюшши какия—и баитца, как бы не испугать. Нет терпения у старика—пашол будить, разбудил вежливо их. Стали ане, он пригласил их к сибе исьти, накарьмил етих юношев старичок и стал спрашивать: „Чьи вы, аткуля? Не бойтесь миня: я—вить, дедушка". —И рассказал мальчик ему все патребно, куды он пашол и за каким делом.—„Дак вот что, мальчик, я вам не саветую", говарит: „итти, покаль он вас не требуит. Все-таки он вас патребуит, а пока поживите у меня". —Старику ети дети пагленулися. Девка стала избенку подметать, абед варить, и живут ане сколь времени у етова старика.

В адно время сабиратца старик асматривать лес, етот ему и говарит: „да, чо же вы всё сами ездите, я бы заменил вас, я тоже могу ето дело панимать".—„Ну хотишь, ступай. Да хто, может, беднай человек лесинку рубит—не бери с ево взятки, пропускай так безо всево. Я всегда так гля бедных людей делаю—у царя-батюшки лесу хватит. Бедных людей абидить нечево"—Съездил Вася обгледел. лес—„Всё сахранно, благополушно, батюшка!"—Атцом уже ево завёт. Через несколько время собираютца ане уж оба ехать. Вот ане ездили, лес обгледели, и паехали абратно домой. Вася сял на лошадь, а старик пашол песший. Патом паехали ане—бытто топь такая, грись—по етой грезе.—„Ты, Вася, слезь с лошади, легче лошадь прайдет" -старик етому говарит. Старик взял у Веси каня в повод, а Вася пешком пашол.

Вот в кустах, у билотки, слышат—крик. Абзывают Васю в ети кусты.—„Вася, пади сюды!" из кустох кричат. Вася пашол, старик ево не пускат.—„Накс я пойду, а ты лошадь даржи".—Как старик ушол, Вася без терпенья бросил лошадь, и за стариком в те же кусты. Как у етова старика Васю етова просют: „привел ты мне ево, долго я буду ждать пасулёнова?"

Как старик решился с Васей.—„Вася, я за тибя пайду Как я пожил, у меня никово нету, а тибе пожить надо. Я заменю тваю голову."—„Ну", Вася говарит: „чо же вы за чужую беду отвечать подете—я же

отсулёный, я отвечать пайду!"—Как старик с Васей не стал долго разгаваривать, подал лешему сваю левую руку, удёрнул ево леший. Вася приезжат на стариково место, поплакал и давай братца за хозяйсво за ето, с сестрой жить тут. Стал он стариково дело делать и стариково жалованье палучать. И сестра ево тут с им живет. А у старика было много всево припасено.

Долго ли, коротко ли, несколько время живут ани с сестрой Ходит Вася в лес, асматриват, а в то время сестру стал смушшать нечистый. Стал являтца малодым парнем. Решилась сестра с ем жить в савете за одно И вот, как он ево смустил сестру и стал смушшать: брата етова пахитить. Ну смустил таки ие, брата изводить — „Как же мы ево извидём?— „Вот ты захварай и посылай ево в лес тигру зверя падоить. Звери ево разорвут, а мы прикрасно будим жить".— Но ничево, тигра ево не пахитил, и он принес ишо сибе тигрёнка. (Ну, как в той сказке)— „Нет, братец, мне от етова ничево не будит легче, а вот во сне мне пригрезилось: есь серый волк—от нево мне будит легче".—А ето тот ие учит.

Достал ей и от сераво волка малока и волчёнка привел.

После етово сераво волка, заставлят ана ево саловья разбойника найти, и от ево пера натирибить. Он нашол, хотел стрелить ево, тот говарит: „вот тибе маево соловьёнка"—и нашшипал ему пуху *).

— „Ну, топеря вот што мы с ем сделаем. Есь, говарят, така-то мельница в балоте, ана вся чугунна. У ей двенацать подставов, заставь", говарит: „бусу принести оттуль. Вот на етой мельнице ево жарнова смелют безприменно".—Взял он ету сваю ахоту, тигрёнка и балченка и саловья-разбойника, приходит к етой мельнице. Заходит в мельницу, в ей чугунная лесница бальша. На перву ступеньку стал, замолол жорнов; на другую ступеньку поднялса, зачепалась и лесница

*) Ч. С. Винокурова не стала подробно рассказывать, ограничившись сообщением, что „все, как в той сказке" (т. е. № 5).

на третью только взнялса, заходили все жарнова. Успел он из мельницы выскочить, мельница захлобыснулась, а ахота вся ево асталась там.

Стант у мельницы, жалет сваю ахоту, идет сам лешей к ему.—„Ну, што, стаиш? вить, я съись тибя хачу".—„А как ты меня сичас заешь? Я то в поту то в бусу", говарит: „а я вот истоплю баню, вымоюсь, тожно ты меня, как красное еичко скушаешь".—Затапил Вася баню, сидит, голову павесил, а ето он все поджидает, не идет ли к ему ево ахота Прилетает к ему воробей и летат над ево головой, чекочит.—„А што ж ты тут зачекотал, мне без тибя досада есь".—„Ну да, Вася, я в вашу пользу чекочу, ты не ладно же баню затапил, ты затапи ие сырым дровам осиновым, ана доле будит тапитца. А соловей разбойник уж крышу проклявыват у мельницы—ане придут к тибе".—Набросал Вася сырово осинника в баню. А лешей бегат да таропит—„скоро ли ты вымысся?" — А Вася ему говарит: „да у тибя и путных то дров нету, вот сырьём затапил".

Мало-мало протапилась, пашол Вася мытца. Только Вася разделся мытца, прибежала таки ево ахота с мельницы—не смалола мельница, живы остались Патом Вася, как абрадовался, мало-малу вымылся, обкатился, идет леший, атварят баню, а Вася распарядился: „ну-ка, ахота, берись за етова!"—Ну и разорвали етова лешева в пух и прах. Астался Вася живой.

Тогда он етова лешева в пепел сжог в пух и прах изеял, иссеял, и паехал к сестре Приезжат к сваёй к сестре „Ну, негодяйка, изводила ты меня, я тваево лешево извел!" Сабират свае именье и выезжат из етой избушки. Содит сестру на каня, сам пашол песчий. Падъезжают к етой самой мельнице; у етой мельнице у лешево были два сталба вкопаны. Тогда привез он сестру к етому месту. „Вот где твой милой!"—Ана плакала, плакала, пепел рыла,-рыла, и клык нашла, етот клык схватила, к серцу прижала. воет об им, об лешево клыку.

Тада он межу етих, межу двых столбох, падвешиват яшшик, и содит сестру в етот яшшик, и ставит по бочке на ету сторону яшшика и бочку на другу сторсну.—„Вот, как ты, сестра, надо мной галилась, так вот тибе и казнь! Меня чужой старик спас, а ты—сестра. да изводиш". Пасадил сестру в яшшик и „вот," говарит: „бочку наплачь обо мне и бочку наплачь об етим лешем. тагда апушшу тибя. Об ком же ты наперть плакать будишь, або мне или вот о клыке?" —„Нет. братец, напереть о клыке буду плакать, патом об тибе". —Ну и уехал, аставил иё тут.

Ну, выезжат.—„Не паеду я к атцу. паеду страмсвовать. пасмотреть чужи города". Приезжат с ахотой етой в чужой город В етим гораду все основано чорным трауром; он заезжжат, стаит в гастиницу. и спрашиват: „чо у вас в етим гораду кроитца?" —„Да в етим гораду нешто у нас хорошево не получатца: змей народу паедат, и вот до царской дочере добилса, завтре уж царскую дочь надо ему вести на съедание". Он говарит: „я могу зашшитить".— Как он тут в гастинице переначивал, привезли царскую дочь змею на съедание. В корете не привезли. сидит ана там. Пашол он со сваей ахотой к царевне етой.—„Што же вы, царевна, так заунывно сидите?" —„Как же мне не горевать. я единсвеннаво отца дочь и сичас меня змей съес".—И привезена ана, сидит у моря уж.

Вот видит, море раздваиватца на двое. Вылазит змей трехглавой. А етот с ем и говарит: „я есть защитчик царской дочере не дам тибе не съись".— „Тада давай, поборемся".—„Как будим васвать по просту голову рубить, или силу узнавать напереть друг у дружки?"—„В етим лесу расчистим себе плошшеть и на етой плошшеде повоюем!"—И змей сваим посвистом свиснул—на двадцать верс лес, как метлой замёл. А Вася соловья заставил свиснуть, и соловей свиснул—на сорок верс лес размёл. Тада стали ане с ем ваевать. Адну голову сам Вася ему ссёк, а тут астальныя—звери ему пахитили. Тагда

пахитили змея, царская дочь приехала домой нежданная даже, и царь весьма обрадовался: „пачиму ты аставилась живая?“—„А вот из чужой земли поевилса тут новый зашчитчик и пахитил змея.“—Паслал царь за им пасланника, штоб к ниму на лицо шол он. На пасланой зов он не идет. Падыматца царь сам искать ево. Приезжат в гастиницу и бирет ево. Пашла у них па всиму гораду радось, пение, што пахитили етова змея.—„Чем же мы вас. каким теперь чинам, наградим за ето?“—„Никаких мне от вас наградох не надо— я, любя, вас спас“—Ну, царь, все-таки повенчал дочь сваю, ондал за нево.

Ну, как он позенчался, прожил несколько време, пала ему на ум ета сестра. Как ана там, жива ли нет, сказненная ета сестра. Ну и сабрался, и паехал сестру сматреть в етим яшшике. Приезжат, а ана ишо живя, едва дышит.—„Ну, што, сестра, наплакала ты або мне и о клыке?“—„Нет, братец, ишо о клыке не могу наплакать, не токмя о тибе“.—Тагда сожалел он все-ж-таки сестру, взял, повез ие к сибе Привозют домой, приставляют к ей горнишну, как хадить за ней. Как ана мало-мало оздаравливать стала. справила ана брату падушку.—„Как ты, братец, с малодой жаной живеш, мне тебя одарить нечем, вот тибе падушка“.—Как братец легли спать на новую падушку, утре не может стать. Малода ево жана будит, будит. Пашла у их крик, плак. „Молодой наследник помер!“—Патом завесили ети зеркалы трауром, царь запичалился, што зять был у ево любимый. и што ишо он защитчик был, и весь город запичалился. А сестра ево ишо распоряжатса—„Вы хороните, как в нашим месте, а не по вашему“.—„А как же у вас хоронют?“—„У нас не закапыват в землю, а вешат в сталбы“. Вот царь установил два сталба на ваде, гробницу вызолотил, украсил и павесил межу двых сталбох. Ну, павесил. А про ево ахоту и забыли. Нехто их не настовал, есь не давали. И ане двери прогрызли, убежали, прибежали к хазяину и уташшили етот гроб на астрав, с вады сняли.

Соловей-разбойник прислушался, он ишо совсем не помер. Вот ане признали у нево в ухе етот же самый клык. А ана, сестра ево, етот самый клык в падушку ему зашила. И не могут ане етот клык вытаскавать. Соловей говарит: „ежли мне вытаскавать, я шибко сильнай, я ему голову расцапаю". А серый волк говарит: „а мне и вовсе нечем". Бежит заец.—„Эй косой, пади сюды!" – Прибежал заец.—„Вот выташи у нашево воспадина клык из уха, а то не выташшиш, пахитим тебя сейчас же, а выташиш—карьмить будим." —Как ушкан атгрыз тоninькай пруточик, насторожил ему в ухо, и заставил волка тихонько покалачивать папкой етыт пруток, в друго ухо выскочил етот клык самый.—„Фу." грит: как я долго спал!" —„Да, спали вы, вот ваш гроб, вот ваше всё. Вот как сестрица тибя падушкой наградила!."—Приезжат на ахоте домой, апеть пашла у их радось. Патом сестру он привезал лошадя ко-хвасту, и лошади растарзали все ее кости. А сами с царевной живут, да поживают, да дабра наживают.

---

7. [Заклятый сад].

Жил был кароль, у ево было две дочери, ну и жила за имя горнишна, ухаживала. И у етова кароля было два сада. Гуляли по етим садам. А третий сад был заклятой. Не хадили в ево никада. Запечаганай он был. А ево дочери завсегда просятца в ево итти. И кароль строго не велел дочерям туды хадить. Адно время кароль с каролевой куды-то уехали. Ну, пристали ети девушки к горнишной.—„Ну, сведи нас, хоть на минуточку"—и так пристали, што ни могла никак ат них атперетца. Сердилас и плакала—ну, не можит никак. Ну, со слезами взяла ключ, пашла, павела их. Только заходют в етот сад, в ём асобеннаво ничево нет. Древа пасохли, дарожки все хлямом заросли' ничево антиреснаво нет. Как горнишная говарит: „ну,

выхадите скаре!"—Вдруг поднялся бальшой вихорь—и подхватило девушкох, унесло не знамо куды. Горнишная со слезами замкнула сад, и не знат, чо ей делать

Приезжает кароль и спрашивает: „а, где же дочери?"—„Так как ваши дочери просили меня усердно, не магла я им атказать—зашли мы на минутку в сад, паднялса бальшой вихорь—уташшило их неизвесно куды".—„Ах, ты нигодяйка, я же тибе, нигодяйке, говарил: не ходи в етот сад!"—И велел сказнить ету горнишну. Посадил ие в каменнай столб и велел не давать ни пить ни ись. Прямо на замор посадил.

Так как сидит ана тут долгое время, дворник панёс сабакам корачку хлеба—пожалел и дал етой горнишной. Патом ана ету корачку ела и падавилась. —„Дай уж мне вадички проглануть". И так сколь ана посидела, упрасила дворника выпустить ие,—„А то все равно, докажу, што ты меня карьмил. А царь меня не скоро в сталбе хватитца".—Решил ця дворник ие атпустить. Ну и пашла ана сибе брадяжить по лесам, по горам, по балотам. А кароль уж заматал сваих салдатох, и палки разыскавают всё етих дачерей.

Ну, долго ли коротко ана ходит, аборвалас; и патом ана зашла на прикрасный астрав. Ну, и на етим, на прикрасном на астраву, стаят два древа, и такия на их висят, такия прикрасныя яблоки, што просто прелесь Ана три яблочка съела, и пачуствовала сибя, што ана в тягостях ходит. И так што, кароче сказать, принесла ана трех багатырех ат етих яблочках. Ане и говарят: „чем же мы топеря тут заниматца будим. Ништо у нас нету не почать и не зачать".—Как старший брат удумал: „а вот што, братцы, падёмте ка, братцы, завалим трахтову дорогу пеньем-карепьём, штоб не было ни проходу ни праезду. Тыжно нас наймут ие чистить".

Ну. так и сделали. Завалили дарогу трахтову. Как пашли тут по етой дароге траншпарты, абозы—и некуды праехать—„Наймитесь, молодые люди, вычистить дарогу".—Наимывают их. Так што силёнку ане имеют

ладную, и взялис ани ету дарогу вычистить на атряд за сотню рублей. И в три часа ани ие вычистили, разбросали всю.—„Ну ка, братцы, топеря ступайте на базар, купите три винтовки, будим ахотитца".—И купили ане три винтовки, и адёжу купили и пашли на ахоту. Как имя ахота счисливит: дарогия пападаютца соболи, лисицы, так што в день наахотились—на тысечу рублей в день заробили. И стали ане коло трахту етова дом ставить себе, и кажный день счисливит им ета ахота. И стали к имя заежжать люди Как вроде постаялова. И так што разжилис ане тута—багачи стали. А мать иха все людей жалет. В адно прекрасное время стали дети мать спрашивать: „го какому ты случаю, мама, в лесу была, и нас пачиму в лесу принесла?"—Все патробноана имя расказала. Как ана у кароля жила, и как в сталбе сидела и про девушкох етих—все имя расказала.—„Так же и вы, маи дети дароги, вы, вить, у миня не от глупости зародилис. Всему я причинна: съела с древа три яблочка: с них вы и зародилис.

Вот в адно время ночью стукатца к имя прахожия. Сыновья мать спрасили: „мамаша, каки то прахожия стукаютца".—„Ах, дарагия детки, пустите, если прохожия, я сама долго страмсвовала, жалею всех".—Вот как зашли к имя прахожия в избу, сичас ана паставила закусить, напоила и накарьмила. Тагда павели ани с имя разговор.—„Кто же вы и аткуль? То ли заблудилис, то ли по какому делу ходите?"—„Мы пасланники ат кароля. У ево две девушки патирялис. Сколькой уж год ходим—прямо людей замаял. И горнишная у ево безызвесно из столба патирялась". Как на завтре прахожи пириначивали, утром стали и ушли. Так дети с ей и говарят.—„Вот што, дарогая наша мамаша, мы падём атыскавать етих дачерей".—Ана их атговариват: „ну, куды же вы падете? Сколькой год ишшут, и атыскать не могут".—„Нет, дарагая наша мамаша, у нас серце пречуствует, што мы можим атыскать".—Стали, богу помолилис, и пашли путем-дарогою искать етих каролевских дачерей.

Вот идут ани путем-дорогою. Пастух пасёт стаду каров.—„Здрастуй, дедушка!"—„Здрастуйте, здрастуйте, прахожия люди". „Вы, дедушка, чья стада каров пасете?"—„Ето стадо каров трёхглававо змея"—„А где он, дедушка далёко живет. Знаш ты?"—„Далеко еще".—Апеть пашли дальше, так што пастух каней пасёт стаду Спрашивают: „Чья стада каней пасете?"—„Ето стадо каней трехглававо змея?".—„А далеко он живет?"—„Нет, уж не очинь далеко".—Сказал, а ети ребята всех коней переимали, кожу содрали „Дедушка, укажи нам, где змей живет, а то и с тебя кожу сдирём". Старик от страху павел паказать

Даводит их до агромной плиты, вот под етой-то плитой и живет змей. Указал старик ево Старший брат скричел на малево: „ну-ка падымай плиту!"—Меньший брат на аршин плиту паднял—„Не могу", говарит назать апустил.—„Нету силы маей паднять".—Закричел на среднево брата: „ну ка ты берись!" Средний брат два раз выше паднял. И тоже апустил, не мог ие перепракинуть. „Эх вы, куды гадитесь!" старший брат сказал Сам взял, адной рукой и перебросил, перекинул Начали ету кожу резать конскую, да канаты вить. „Еот што, братцы, вот по етому канату спустите меня в етот шарлоп".—Как свили канат, начали старшева брата спускать в етот шарлоп. И он имя наказал: „как канат затрисётца, так вы тените абратно".

Так как опустили брата в шарлоп етот, пашол он там по етаму шарлопу и нашол змеево жительсво. Комнаты там у ево изукрэшены, салы, жительсво... Атворил адну комнату: сидят там ети карэлевски дочери Как он с имя вежливо паздоровалса, и стал спрашивать: „Пашто же вы здесь, по какой путе, по какаму случаю, вы здесь дарогия красавицы?"—„Ах, прахожий человек, мы-то сами из за себя".—И рассказали все ему патребно, как жили у атца, как ане упрасили горнишну, как ане пашли в сад гулять и как их змей вихорем уташшил.—„Мы то уж по делу. Вот

то мы жалем сваю бедну горнишну—вот та страдат из-за нас".

Так как змей летит. земля дражит.—„Ох, малодой человек, он тебя пахитит сейчас".—Как етот прахожий не абробел, взял арудию. Тот залетат. а он ему на палету голову срубил Так што как он змея пахитил—„ну падемте, дарогия красавицы я вас на свет выведу". Так как падходит к канату. закачал канат, поташшили братья. Падвезал он адну девушку Так как, кароче сказать, абоих систер выташили аттудова.

Так как и ево самово поташшили из етой шарлопы. Самова поташшили и заспорили межу сабой братья — „Адну то нивесту брат возьмет. а другую мне адаст". — „Нет мне!" — „Нет мне!" — Ну и пашол у их спор.—„А чем же нам с табой, брат спорить. давай лучче абсикём канат, и у нас с табой по нивесте будит" —Так и сделали Канат подрезали и он назать туды папал.— „Вот-то брат, мы с табой и ладно сделали, будит у кажнова по нивесте. Падём к каролю, скажем: мы отыскали".

А так што, как етот старшой брат туда упал и долго без памети лежал. Как он очувсвовалса—и себе думат: „ах, какой я неразумнай, ах, как я глупо сделал! Надо же было мне напереть, штоб меня самому выташшили, а вот типеря то я здесь и пагиб!". —Кагда пашол он по змееву царству етаму по всиму, и как царевна забыла на столике свае именное кальцо — „Ах, хоть кальцо мне дасталось".— Взял, надел сибе на палец и пашол змея в сад Заходит в сад У змея в етим саду агромныя птицы сидят Стрась, агромныя. Бирет он ружье. хочит етих птиц бить На уме думат: „разорю я, хош, все змеево жительство". —Птица ему отвечат: „што ж ты делаш, прохожай человек, лутче чо тебе надо, ты мне паклонись и пакорись—я тибе службу саслужу". — „Мне нада на белай свет отцэда выйти из праклятова места". — „Ну, так тада не зари нас, я тибя выпушшу. Вот став на меня бочку мяса. Как я на тебя зирну, ты мне кусок мяса давай в пасть маю."

Так как уселса он и постановил на ие бочку мяса, и уселся сам, палетела ана к верху ета птица

Долго ли коротко ли летели ани, скарьмил он ей бочку мяса и бочку сталкнул прастую. Раз огленулась — нет мяса, и два огленулась—нет мяса.—„Ну што, прахожий человек, сам пагиб и я пагибла".—А лететь уж нидалёко Как он достаст у себя из карману перочиннай ножик и режет у себя из ноги мяхкое место, икрянницу, сунул ей в пась. Так, кароче сказать, вылители ане на белай свет. Птица пабладарила: „ах, прахожий человек, какой ты разумнай. Не пажелел ты сваей наги. Спас ты сам сибя и миня. Став ка ногу бальную" —Как он ногу выставил, ана из пасти харкнула. Кусок как был, так и прильнул к ей Как птица с нём распростилас, улетела в шарлоп, а прохожай человек етот закрыл плиту, как ана раньше была и пашол на бальшия шаги.

Ну, кароче сказать, приходит в то каролевство, где етот кароль. Заходит к старушке, а старушка недалеко от етова кароля жила.—„Што, бабушка, у вас здесь новенькаво?" —„О, галубушка, много, много новаво. У кароля атыскали дачерей каких то два молодых рицара. Радось у их идет, пир. И вот кароль хочит венчать за етих рицарех сваю дочь Скоро, скоро свадьба".—„Так вот, што, бабушка, у меня чисто ни копейки нету Побеспокойся за меня. Вот у меня кальцо есь, атнеси пажалуста етим нивестам, может, ане купят Кальцо то—дарого, ценнное; все-таки выпить, закусить будет".

Так што старуха атправилась к каролю с кальцом. Даложили каралевнам, што вот старуха суперик продает —„Праведите ету старуху сюда!" Как старушка прошлась с кальцом, старшая сестра в руки кальцо взяла и ужахнулась.—„Ах, сестрица, верно наш спаситель на белый свет вышел Бабушка, где взяла ты ето калечко?" —Ах, галубушка, у меня какой то прахожий с кальцом пришол, у нево паись нету. Он меня папрасил с кальцом схадить".—„Сколь же, бабушка, он за кальцо велел просить?" —„Ах, галубушки, он велел

сказать, што сами не изобидют. Цены он не назначивал".—Сичас далаживат сваему папаше: „вот папаша, настояшший спаситель наш пришол. Он со змеем сражалса за нас." И сами каралевны паехали к старушке етой. Так што привели к папаше сваево спасителя. Старшая дочь сказала: „вот где, папаша, мой жаних настоящий!"

Ах, как етот брат выпросил братьех: „каторый из вас согласилса изменить мечя, каторый согласилса канат рубить?" Меньшой брат указыват на середнево: „он меня самустил, што тибе же не достанеца нивеста, а мы возьмем". Как кароль решилса: „пусь венчатца тот, за ково сама захочит". —„И ана младшево выбрала Ну и павенчались Старший брат и младший—а середний не при чом астался.

И мать свою привезли. И стала ета горнишная у их давековывать.

---

8. [Освобождение царской дочери солдатэм]

Вот там у царя ли, у короля ли, дитей не было. Ане жили двое с жаной. Сколько лет ане жили без сокровишшей: дитей не было. Патом в антиресном положении ана у нево стала И приснилса ей сон: „Радитца у вас дочь, ростом довольна, и счастьем не счеслива".—Ана сваему супругу расказыват сон: „вот так и так."—„А чо жо будим делать?" говорит. Ну, и радилась у их дочь Вот лет до сямнадцати ана у их дожила. Ну, курсы там разныя, училишша кончила Ну, и пакамесь ладно. В адно время ана с нянюшкам, с мамушкам пашла на карабельную присталь прогуливатца. Нестуль прибежал на ету присталь антиресный карапь. Как ён заинтирисовал етот карапь. Завёт ана нянюшкех сваих—„Чо у их новаво?" Да, как была у их тропочка выброшена на биреr узёшонька, двам нельзя пайти по ей. Только как ана в карапь зашла, не успели ети няпюшки туды зайти, вдруг буря,

пагода и етот карапь на дно ушол. Те испугались. прибежали каролю объяснять: „так вот и так. Вот како несчасье! Царевну подхватило и потапило!“—Царь испугалса. за етим караблём шлюпки там пагоню—ну ничево: гропал карапь—и все тут Ну, тагда прапала дочь. Розыски, ганцох по всемя старанам. ничево не могут найти.

Тагда уж не в течение год ишшут, найти не могут. Из-за новабранцох адин салдат выискалса. „Я атышшу“, говарит: „цар ю дочь“ —Тут все на ево: „Чо ты тако не по силе ето беды бирёшь?“—Ну он сваё. Он хвалитца—„Так и так отышшу“—Принуждёны данести царю Ну, данесли царю, достал ево царь на лицо. Тогда пришол етот новабранец.—„Ну што ты абешшаш мне найти маю единственную дочь?“—„Рад старатца, отышшу!“.—Разговор повели ане с царем, салдат етот. Царь и спрашиват: „Каким же ты путём будешь разыскавать: сухопутным али морской путью будешь разыскавать?“—„Да, ваше царско величество, здесь думаю на карабле отправитца, а там, как бох даст.“—Ну там, карапь ему препоручили, и двенацать гребцох он папрасил сибе и капитана.—„Да как же, царь-батюшка.“ просит он: „капитан - бальшое лицо. а я маленькое Вы дайте мне кой либо чин, штоб капитан мог миня слушатца.“—Ну дал он ему чин трапоршика. „А капитана“, говарит: „ваше царско величество, заставте ево меня слушатца, што я буду приказавать“

Атправились ане путём-дарогою. Вот пловут ане год, пловут и другой, пловут и третий. Доплывают ане до какова то места, патом как чин трапоршика распорядилса: „в лодку!“ Астоповал их средь реки, а сам взял двух гребцох и на море. Ну, и доплывают до берегу в лодке етой, с гребцам двоим.—«Ну-ка ребята, падём по лесу, посматрите нет ли чево тут“.—Вот идут, видят: трапинки, дарожка. Вот трапоршик и думат: „Чо тако тут может быть за трапинка, тут птица не летает не томо каму живому хадить“.

Вот доходит—стаит избушка. Заходит в ету избушку—в етой избушке, посереть избушку, вмазаный катёл, так что челов кам десети наестись —„Вот што“, говарит им: „ты, Ваня, со мной падём на ахоту, етто дичи много, а ты, Алеша, суп вари“.—Ну, ане пашли на охоту, а етот астался суп варить Уже готовый у ево сул стал, а прамышлёнцох все нет. Приходит к нему в избушку человек не мал—с патолок ростом. —„Хто дазволил тут в маёй избушке астановитца без спросу?“—„Я не причинен, над нами есь хазяин, воспадин трапоршик, а я не причинен“.—«Ну лей-ка мне свёво сулу, што ты варишь“.—„Я без хазяина не смею, хазяин придет, с меня строго зыщет“.—Бирёт он, етот человек, с патолок ростом, елёвый сук и давай ево, беднаво салдата, стегать.—Всево истегнул, суп съел, сам ушол.

Вот после ево он мало-мало опомнилса, давай свежий суп ставить имя. Вот придут—чсь нечево. Приходит етот трапоршик с Ваней, етот салдат спит Папрсбовал суп—сырой—„Што таксе за соня, вставай! Спать то ты и остался тут!“—„Извините, я захварал“.—Не сказыват он имя, што тут было с ём Ну, дсварили сул, пели, переначивали тут. На завтре идет он с Алёшой на охоту. Ваню заставлят суп варить Вот чесь чесью Ваня суп поставил. Готовый уж у ево суп стаёт. Кароче сказать, заявлятца апеть етот же человек к Ване. Ну и все, как с Алешой, было и апеть он с ыспугу без памети свалилса. Маленько опомнилса, поставил свежий суп, а сам спать завалилса. Приходит трапоршик с Алешой—сул сырой. Будит ево, а уж Алеша панимат, в чом дело—„Эка проспал!—„Извините“, говарит: „ я захварал.“—На завтре атпускат Ваню и Алёшу, их абоих на охоту, а сам астаётца суп варить. А те уж сазнались друг другу, шопчутца межу сабой. „Как то он будит суп варить?“—Трапоршик суп паставил сидит—суп гатовый Приходит етот же человек к ему.—„Как посмел ты в маю избушку без дазволения маёво войти и рабочих сваих оставить тут?“ - „Извини, всспадин хазяин, мы

люди стр*а*нныя, от царя посл*а*нныя, утомились—некогда мне хазяина ждать."—„Влэй-ка мне супу!"—„Милсти просим!"—Налеват ему супу в чашку. Как влил супу, суп папробовал: „ах. очень етот суп у тебя харош, кабы к ему да выпивка!"—„Извини, воспадин хазяин, взять негде" - Садитца к столику—столик тут стаит—етот хазяин пастукал об столик дастал две бутылки вадки—„Ну ка, брат, вот ты выпей бутылку и я бутылку".—„Извините. воспадин хазяин, царя батюшку гневить не буду. ни в глаза ни по загл*а*зью. Как царь-батюшка дазволял мне гля здаровья по рюмочке выпить, а больше не магу. а вы как хатите". - Дастал хазяин бальшой бакал и маленькую рюмочку. прика зывает трапоршику налевать и падовать Как трапоршик взял бутылку, в кр,жку вышла вся, а сибе налил маленькую рюмочку. Как выпил хазяин бакал, маленько супу подзакусил, при казыват ешо наливать. Апеть ему кружку налил. сибе полрюмочки—„Ето гля вас, гля уважения", говарит. И вторую кружку хазяин выпил а трапоршик подбавил ему ешо супу. Как прибавил ему трапоршик ешо супу, он ешо две бутылки дастал. И адчу выпил; другу целую оставил. И патом ево в сон бросило. И он спрашиват трапоршика.—„Вы шибко уснёте как спите?"—А он отвечат: „Новой шапит. новой храпит, не оскарбись, воспадин хозяин, а вы как спите?" спрасил трапоршик. - „А я как сильно разосплюсь, так из меня пар повалит"—И патом свалился етот хазяин спать—„Ляж и ты", говарит хозяин. И трапоршик поневоле с им лег. Вот павалил из ево сильный пар Етот не сбробел соскочиль, бац ему голову обрубил: голову и ноги. Патом начал у ево в кармане абыскивать. Нашол два золотых ключа.

Патом, как два етих залотых ключа нашол, и умсвует сибе—„От чово-нибить да есь у ево ети ключи.—И стал по стенам ошшупывать, оклейку обивать. и нашол потайную дверь Живо по-салдацки разлсмал. Тагда заходит в ету дверь; комната убрана всякими драгоценностями, там ишо дверь отварил,

сидит в етой комнате ета сама царевна. Комната вся у ей дарогим золотом убрана —„Ах почево то ты, малодой человек, сюда зашол? Я так и так, миня украли, с фальшивым караблем пагибла я. А ты то почиво зашол?“—„Как же я не пойду, царевна, я от вашево папаши пасланник вас разыскавать“.—„А чем вы миня можите уверить, што вы от папаши посланник, што у вас есть знак от папаши?“—Дастаёт из партманета именное каролевское кальцо. Увидела кальцо, возрадовалась.

Тада сидят ане в комнате, разговаривают, слышит ево охотники пришли, и разговор ведут: „видно трапоршика нашево убил и самово ево решил И супу нету. Ну давай хоть водку выпьем“—И как давно ане водки не пили, бутылку выпили и давай крупный разговор промежсобой вести Царевна услышала.— „Его што за шум, кака безабразия!“ —Павёл не трапоршик в ету комнату смотреть людей ево и сотану етово, што он убил ево (Ача всё ево баитца). И дала ана ему со свайво пальца драгоценное кальцо, вроде как обручились А он ей дал папашино кальцо И пашли ани в комнату сымать все ети дорогия бирлянты со стенок А кальцо што ана ему дала, такэ любезное, он думат, как бы ево не сламать, снял да и положил на окошко Патом, как сняли ани все ети бирлянты, забрал он сваих рабочих, пашли ани в лодку.

Когда сяли в лодку, и атправились в лодку, где паехали, где их карапь остановлен. На карапь зашли, капитан и все удивились, што мог он разыскать царскую дочь. Когда спомнил он про кольцо, про ие падареное, што забыл на акошке, в етой избе, бирёт апеть Ваню и Алешу и идет с имя А она иво не стпускат.—„Неужель у атца майво не найдетца каково суперика гля вас“.—„Нет нельзя, дарёныя вешши штоб пагибли без паследствия. А вы дождитесь меня тут“— сяли в греби, к берегу подплыли.—„Вы астантесь, Ваня с Алешей, тут, а я пайду за кальцом“.—Заходит—где оно лежало, так тут и лежит. Надеват кальцо и идет с комнаты. Приходит, садитца

в лодку и апеть на етот карапь. А капитан планты сплантовал. што он в шибком месте бытто потанул. а царевну. мол, я сыскал —„Как ты меня не скажешь. что я тебя сыскал утоплю в море“ —Царевна решала на ето сказать а сердцем ей жаль ево, етово трапаршика.

Ну-ка, приплыли де-ка ето место знать, туды сюды ничево не видать. Ну где же ево догнать! —„Плывите, рибята, к берегу“.—Да берегу не даплыли, паднялась бальшая буря, лодку перевернуло, Ваня и Алеша потанули, а трапоршик как то за лодку прижалса, к берегу прибилса—живой осталса.—„Дай пайду я хошь што в ету избушку, не пайду ли чо на профит сибе. Пагиб я типеря“ — думат. По избушке похадил, похадил, нешто особы никакой не нашол—„Дай пайду, пображу по лесу где што ишшо не паишшу ли“.— Шол шол, набрёл на дряхлый разбитый подвал.—„Дайка я зайду на етот подвал“.— и нашол там рожки старыя аброшшия — „Дай ка я етим рожкам поиграю“— и стал играть. И бежит к ему старый лев.—„Што ты, прихожий человек, делашь, мне тибя жалко, брось не играй в рожки, боже упаси, ты нагаркашь со всево лесу зверей. разорвут тебя Вот чо нагаркашь етим рожкам“.—Слез с подвалу и апеть пашол дарогой по лесу

Кароче сказать, идет двенатцатый день. Савсем он из сил выбилса, ни пил ни ел.—„Б же упаси не пайду дальше, я решусь савсем —Лег себе на трову и одно уж дыхание ходит в ем. Что жо двенацатый день Лежит сибе, дышит. Неоткуль прибегат к ему мальчик, в каротеньком сертучке и чорненькая фуражка. Тогда мальчик падходит „Эх, дядюшка, погибашь, падём ежли можишь, я тибя покармлю, ондахнешь у меня“. Мальчик посабил ему встать и павел. Приводит к сибе и садит за стол. Падает ему маленькую рюмочку водки и белову хлебцу кусочик маленький. Трапаршик пасидел напосидел.-„По што ты меня до сыта не кормишь, апеть я ись хачу“.—„Ах, дядюшка, нельзя, гля тваей пользы я ето лажу, ты, видь, па-

жрешь".—Пасидел маленьку, он апеть ему кусочик отрезал, рюмочку подал. Как третью рюмочку подал ему—„дядюшка, ты ондахни", говарит: „ты из сил выбилса".—Лег, ондахнул ты жно покарьмил ево харошенько и зачал ево спрашивать, кто, откуля. Все патрабно он ему расказал.—„Куды вы топеря думаете итти?"—„Сам не знаю"—„А ближе ты наймись к нам, где я живу. Он тибя наймёт, а работа лёхкая у нас. Он дас тибе тысечу рублей в год денек, а работу тебе обскажет".—Решилса трапоршик астатца тут: ждать хазяина. Мальчик пашт и кормит ево.

Приезжат на завтре етот хазяин.—„Ну што жалашь ко мне нанятца?"—„Жалаю, где-набидь жить".—„Вот жалованьё тибе тыщу рублей, только исполняй, што я тебе скажу делать. Падем ка ко мне в чихайз [цейхгауз] Какая на тебя адежда пригадитца, той и будишь пользоватца".—Стали одежду пробывать, адевать и афицерску и капитанску, то мала то бальша, не приходит ему. Палковницка одежда как тут и была.—„Ну, быдь палковник! Вот тибе задача: на старой етаж не хади, на старой подвал не хади, а то плохо будит, и жалованья не получишь, и три года ишо прослужишь, и все рамно, хоть тихонько сходишь, я узнаю. И вот тибе с мальчиком работа: етот сад и етот дом остирегать".

Вот живут с мальчиком харошо. Астирегают етот сад и, кароче сказать, астайтца ему до году адин месец. А ему в адно время здумалось: „што я за салдат, за палковник, буду приказ слушать. Дай-ка посматрю".—Решилса итти на етаж смагреть. Атамкнул етаж, маленько двирей аткрыл. Нешто там харошево не получилось. Полон етаж чертей: и старых и малалетных—он скорей закрыл.—„Ну все-таки узнал, а то все бы думал. Дай, пайду я и в падвал".—Решилса идти в падвал. Маленько дверь аткрыл, там богатырских коней стаит. Лошадь лошади лучше, на цапях ходют. Мальчик и говарит: „на што же ты решилса схадить, вить, хазяин все рамно узнает. Праслужишь три года даром".—„Ну, ладно, не дорого мне три года

жить, а дорого мае жалание исполнить. Пускай знат!" — Дашол год, приезжат хазяин — „Ну как, рибята, поживаете, как тут живете?" Не обрабел палковник. — „Да как поживали, так и жить будим. Извините, сделал проступку, ходил в етаж и в подвал, ишо жить буду. Хошь вешайте, казните, а жаланье всево дороже". Хазяину понравилось, што он чистым серцем аткрылся наперет хазяина — „Ну, дак вот вы не гордачливы, сазнались сами. Ну, сазнайтесь тут сами, по какому делу бродите?" — Расказал он все ему патребно, нешто не утаил. — „А сколько время вы плыли сюда на карабле?" — „Три года", сказал. А што думаете вы, здесь жить али варотитца с сваему царю?" — „Мало бы што я думал, да где таво взять!" — „Затваю за правду магу я тибе помагчи. Патому што ты праведлив. Ну-ка, Ванюшка, иди имай ему самово лучаво коня багатырскаво". — Ето он мальчика посылат. „Вот", говарит: „ты год у меня прожил, и ишо ты за год ране их приедешь". — И дает ему старой заржавленой меч. И дает ему три тыщи денег и каня. И ишо дает ему кашелёк — „Ну," говарит: „дарю я тибя кашельком". — Он посматрел в кашелёк: адна капейка, и он рассмеянулся палковник. А хазяин спрашиват: „чо же тибе стало смешно?" — „Вы трех тыщей не пожалели и каня дарого-о не пожалели, а тут трех капеек пожалели и дали адну капейку". — „Ета капейка дороже, видно, тваих трех тысеч". — Взял, поблагодарил и отправилса.

Едит месяц, едит другой, наежжат на неприятеля, подъежжат и думат: „меч у меня худой, што я магу сделать". — Почал он все-таки заржавленной шашкой крестить, и адин от аднаво валятца. Пробрался через ету крепось Доезжат в свае царство, тех ишо на карабле нету с царевной. Встает в гастиницу и заказыват абед на тыщу рублей. Открываца етот абед и вывесили таблицу, што вот такой то приезжий палковник заказыват абед на тыщу рублей. И как царь ехал, зглянул на вывеску. — „Дай-же," думает: „я заеду, пасматрю, што за асоба тут. На тыщу рублей

какой такой можит быть абед?" Угастил он и царя на абеде на етом, и как раз прибыл капитан етот с царевной.

Патом тут по народу толк, афиши, пашол, што капитан разыскал царскую дочь, а трапоршик с перьой пристали убижал. Тада решили ане свадьбу делать, за капитана венчать ету царевну. Как решили, уже нивеста с жанихом аделись, стаит под венцом, царю в голову пришло: „Вот такой-то стаит в трахтире, надо ево пригласить на вечир" — Пригласили и приходит етот палковник во дварец. Как нивеста на троне сидела, рядом с жанихом, зор свой бросила, и узнала етово палковника, кто пришол. Как царевна узнала и падходит к сваему папаше: „дазвольте", говарит: „мне из сваих рук абнести по рюмке водки всех". Дазволил ей атец. Вот ана всех абнесла, доходит да етова Патом, как доходит до нево, он бирет за рюмочку, и перстень даречный у нево на руке, который он тан забывал И налеват ана сибе рюмочку и говарит: „вот мой спаситель!"—Ну и ане повенчались с ем, а етова растреляли.

Забыла ешшо сказать: кашелек то был самотрус. Три тысечи то он быстро дорогой прамотал, а обед-то он заказывал на ету копейку, как потрисет кашелек, так и будут деньги.

---

9. [Утка с золотыми яйцами].

Жили-были два брата. Как ане от атца остались, атец помер у их, ну и живут сибе, придумали разделитца. Капиталу все таки у их падхоже было. Разделили все поравну Ну и стали всяк сибе жить, тот сибе, а тот сибе Как у старшево брата не выходит ничево, все как то иначе А у младшево все идет лутче. Втечение десети лет старший брат савсем плохо зажил, все источилось у нево Нигде у ево нет поправу. А младший брат выше и выше в гору разживатца. До таво дашол, што асталась адна конь,

и адна каровёшка, и розарилса, адним словом, што плохо.

Сколь ни билса, адно время удумал—„А, пайду на пашню, посматрю, если плахой урожай—и удалюсь куда-набить". До пашни свасй не дашол, видит: на палосе ево ходит старичонка згрибленой и рвет с ево палосы хлеб и на братову палосу содит Падходит к пашне.—„Ей, старый хрыч, чо тут делашь? Ты што делашь, у меня и так хлеб плахой и так разарив-юсь, а ты на братову палосу рвёшь и сидишь, у ево и так хлеб хароший. Вот как сгребу я тебя за бороду!"—„А как же я не буду рвать, хлопатать? Я твасво брата счасье".—„А мае счасье где?"—„А твае счасье под липой евон, под кудрявой спит—вишь, как ано об тибе беспокоитца". Падходит он к липе етой, видит там, верно, спит згрибёной старичонко под липой на перине. Бирёт он дубину харошую, етот мужик, и давай ругатца на весь упор—„Вишь ты у людей то как помагают, а ты лежишь да спишь, меня без куска давел". Старик садитца, продират сваи глаза, руку в карман, падаёт ему заржавлену капейку Мужик капейку взял, аташол, варатилса. „он што, старый леший, насмеялса надо мной? Што я на ие изделаю? На ие, капейку, спичек не купишь."—Варачаетця он к ему: „ты чо же ето мне на смех дал?"—„Иди, иди—не ругайся, начинай!"—Вот он, етот мужик: „дай же я зайду на базар", и все сибе умствует „чо жо я на капейку магу купить?"—Видит, старик утку нисёт.—„Ну, так купи утку!"—„Што ты сшалел, на чо я куплю ие—денег у меня нет—адна капейка!"—„Давай ие сюда, бери утку!" Купил мужик утку, нисёт домой.—„Ей, хазяйка я утку купил, принес домой".—„Тут ишо не до утки, самим жарать нечево, а ты ишо тут с уткой!"—Заругала ево—„Ну да, хошь, свари ие, детишки паедят ие".—Со зла утку в шисток закинула, и пашли спать Ночь уж пришла

Утром стали, из под шишка [шестка] рибетишки выташшили залого ейчко—„Што тако?" весьма ане все обрадавались. Мужик за ейцо, да на базар. Про-

дал ейцо ето—ценно ано. Накупил сибе правизию, адежи, всево. И стала ета утка кажный день залото яйцо нести. Стали утку наблюдать, настовать. И в пять лет оправился мужик с етих ениц. Открыл даже мангазины сваи. В петнадцать лет минуло: сильный агромнай багач стал, и у ево по разным странам мангазины стаи Утке уж залотую клетку сделали, два мальчика в школе уж учатца, так што етаму купцу мало уж дома приходитца жить, много заботы изделалось. На, а баба, жана ево, нашла тут хахаля харошево, подхаживат к ей в госьти

В адну прикрасную время хахаль гулял, гуляп к ей, и стал по разным комнатам сбхаживать А ане ету утку редко каму казали. А тут увидел етот хахаль, што за антиресная такая утка, взял абсматрел. Как у ей пад крылом надпись: кто съест у етой утки все кишки, патроски, все на свете будит знать, а хто съест галовушку, тот будет царем". — А ане, хазяива, што сами не знали ету надпись. Етот хахаль у их все патробно прочитал, утку на место посадил, и стал ету жану паскать — „Вот што, душечка, ежели любишь меня душевно, закали ету утку" — „Ах ты, дарогой мой, нельзя же Сам то чо мне скажет. Мы ею живём Рада бы я гля тибя душой, но нельзя же". — Адно к ей привязался паскатие, просит, а то страшшать стал: на канфуз тебя выведу, на смех" — Ана решилась утку закалоть И повару заставила утку пригатовить к абеду И так наказал он, штоб галовушка и кишки-патрашки, всё сахранно было у утки.

Как повар приготовил утку, обед ишо с нево не просют. Прибегают из школы дети и сразу есь просют. Прибегают к повару на кухню, повар куды-то отлучился, ну же как рибетишки, видят, стаит жаркое, адин взял да съел галовушку, а другой кишки да патрашки Ну, закусили дети и убежали апеть в школу. Требуют с повара, абед штоб падовал. Повар наложил утку и нисет падовать — „А где у тебя галовушка да патрошки?" — Повар обсказыват: „ну што, дети прибежали глупыя, уташшили кишки патрошки да и съели".

Тада етот гось вспылил над поваром — „Харошо не мог ты и етово сахранить" Тада со зла не стал он ету утку и закусавать — „Тагда, дарагая моя, закали ребятишек, вытаскать из их ето надо!" — „Как же я закалю, што же я мужу скажу?" — „Ну скажи, што ане умерли, дяспелось чо над имя а только закали".

Тода идут из школы дети. Етот, тот, который съел уж всё знат. — „Брат", говарит: „сёдни нас калоть будут". — „Ну не ври", говарит другой-то. Вот дети прибежали, поужинали, идут к сибе заниматца, задачи там решать — „Вот, брат, нас сёдни калоть будут", адин твердит, каторый все знат на свете. А тут идет повар с ножиком к имя в кабинет. — „Выходите, дети милые", сам плачит А повару наказали детек закалоть, только серце да печонку выташшить а их самих куды хоть в сартирную яму бросить. — „Дедушко", стали прасить: „закали ты шшинёнка — родилса у нас Спаси ты нас гля нашей молодасти, а мы пайдем брадяжить". — Дети убежали, кароче сказать, брядяжить А повар закалол два шшенка и пригатовил серце и печонку. Ну и пабежали ети дети страмсвовать. А етот воспадин, хахаль етот, съел шшинячьи сердце и пичонку. И нечо тот не знат „Да ето", думат: „все пустое Зря загубил и утку и парнишек". И давай он через несколько времени кровью харкать

Приезжат ие муж дамой. „Где же у нас Коля и Митя? Не стречают меня". — „Ах ты, мой дарогой. Коля и Митя захварали, и вот нашолса лекарь, завладел имя, а ане все-таки померли" — Спрашиват и про утку. — „А утка прапала." — Муж стал об детях, об утке тоскавать, сбилса с печали, как бы с ума, и не на што уж не стал годен, и ане ево в зимовье как-то спихнули — он там и живет, а етот хахаль живет с ней и на наследство харкат.

Пущай ане живут, а мы будем говарить про парнишек, как ане страмсвуют.

Вот ане бежали — бежали, устали, прилегли к дереву какому-то и уснули Как Митя съел кишки и патроха, он все знат, а как он съел ету утку, стал

залотым бирлянтом плевать. (Забыла я сб етом сказать у утки то подписано ето было) И уснули у дерива крепким сном Наежжают на их сорок разбойников. Атаман кричит: „потише братцы, потише! Тут дети спят, как бы их не испугать. Ето каки то безвинны, каки-то заблудяшши, беспричинны. Как бы их не испугать". Падъ:хали, обгледели, сабрали бирлянты, што кругом лежали, а их не стали шевелеть. Не стоит губить малодых юношев Разбудились, пашли ани путём дарогою дальше. Даходют ане до чужово гораду — Так ты, братець, пади сваю долю искать, а я пайду сваю искать Разделились, пашли по разным.

Как Митя зашол к древной старушке: „бабушка, пусти периначивать". - Пустила, периначивал. Покармила ана ево. Утром старушка стряпает пиражки белыя Настряпала кладет в карзинку. „Бабушка, ты куда ети пиражки хочишь?" — „Вот состряпаю да и прадам Робить то я, вить, не магу. А сичас на базар иду с пиражкам". — „Бабушка, дазволь мне их сносить продать Я принесу тибе деньги андам". — „Де же я их дам тибе, галубушка, прадевать ты ишо с имя уйдёшь, да и к рзину унисешь, а я старуха бедная, меня лехко абидить". Ну, Митя всем серцем припал к ей. — Бабушка, не абижу тибя, и капейки твоёй не унесу Дай пажалуста". Как старуха пажалела Митю. — „Ну ступай, бох с табой, принесешь не принесешь".

Пашол Митя по гораду — видит, стаят салдаты: двое или трос. — „Ну ка, салдаты, налетейте на пирожки!" Те бедны што же, абрадовались, расхватали по пирожку Корзину на руку — с прастой карзиной пашол Митя. Приходит к старухе, падает ей бирлянт. Чо же — чо сплюнет, то и бирлянт. Старуха испужалась и обрадовалась — „Да ты же, бабушка, мне не верила". — „Не будет ли, дитетко каких дапросах с меня?" — „Не бойся, баушка, ничево не будет". Итак, в течение месецу он ходил у ей с пирожками и натаскал ей зыбку берлянтох. А пиражки все салдатам раздовал И салдаты уж познакомились: новой солдат скажет: „Митя, на тебе на канфетки". — „Не надо.

еште, бох с вами".—Паж*и*л он у ей месеца два. „Я пайду", думат на уме: „брата посматреть, што он делат".—А тибе, бабушка, спасибо за добрый твой привет".

Скоро сказыватца, а уж время то много прашло. И вот в адно время царь помер. И патом между сабой тут графы, князья стали спорить, каму быть царем. И никаму не ахота уступить. И решили на етом: прилаж*и*ть икону и свечу к ей „и будим приклаживатца все. От каво свеча затеплитца, тот и будит царем".—И вот стали все приклаживатца. И из в*ы*шших лиц все уж прилажились, ни от каво свеча не затепливатца. Все переходили уж. И нисшие стали уж падходить. Тоже не затепливат. Вот все перехадили. „А вон ешо мальчик стаит, не прикладывался!" А ето Коля был. Коля прилажилса, свечка затеплилась. Ну и закричали тут: „Ура, ура!" Посадили Колю на карону. И стал Коля служить царем. И Митя тода же в етот город пришол и стали два брата тут вместе жить. Митю то он тоже в*ы*шшим чином даспел. Патом в адно время придумали ане. „Съездим ка на радиму сторану, пасмотрим, какая жисть у атца. Живет ли там ишо етот хахаль, изв*и*тельник?"

И приезжают ане в етот горад, где их атец живет. А етот приступник уже таку силу забрал, што без докладу к ему не ходют. Вот как етот царь Николай, надел на себя плащ, прикрыл ети все царския заслуги, и падходют к дому атцову, вроде прастых. Тайно, значит, идут. И патом приходют к дому. Чесовые их не пускают.—„Ой", говарит: „наш барин спит".—„Идите докладайте барину без никаких".—А те, чесовые, не идут.—„Мы не смем. Он у нас грозной, строг*о*й".—Заходют тада ане в дом своим управством. Прибегат тагда их барин.—„Кто смел ко мне зайти?"—кричит. Как Коля с себя немного снял, тот и увидел, што царь. Тут все испугались, защетились. Видят, што царь пришол по какому-то делу. А ане малчат, видет и мать тут сваю. Патом, сколь ане тут

закусавали, етот царь и говарит: „што же ето за скука така навалилась, некому ли у вас какой историйки расказать. Или вы сами можите?"—„Нет, не магу я ничево расказать".—„Может, какова дворника нет ли у вас, может, он раскажет?"—„А, впрочем, у нас во флигеле, в зимовье, старичонко живет, может он не скажет."—Привели етова старичонка. Етат царь приказыват адеть ево. Ну начали ане адевать ево там во все бариново. кальсоны старые да пинжак. „Нет", кричит царь: „адеть ево во все новое, а не в абноски!". Адели живо старика. „Праходи, дедушка, садись".—Садит в середину ево. Ане видют, што ето атец наш. Ну праходит старик, садитца. Начинают ане спрашивать ево.—„Что же, дедушка, ты расейской али здешний ураженец?"—„Ваше величество, здешний я ураженец". „А кем же тут, дедушка, находилс*а*?"—Он старик-то уж боитца им*я* сазнатца и саврать, то не смет. „Вот", говарит: „по закону то я хазяин тут, а обратили меня в дворника".—Ну тагда приказал царь: „затапите-ка плиту п о ж а р ч е".—Ну и етова на горячую плиту, хахоля то. Сказнили ево, хазяину признались ане. „А мамашу мы уж не смели шевелеть, нет правов мать казнить—ты сам с ней, как знаешь". И абсказали все атцу, как утку зарезали, и как их самих хатели убить. Ну и стали ане тут жить, мать то повинилась и отец ие простил.[1])

---

[1]) Рассказчица сообщила, что эту сказку «и по другому» рассказывают. Но прослушать вариант не удалось.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Д. А. Болдырев-Казарин. Народное искусство в Сибири . . . . . 5 – 20

М. В. Красноженова. Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии . 21 — 37

Е. Титов. Конские бега в Восточном Забайкалье . . . . . 38— 54

Г. Виноградов. Детский народный календарь . . . . . 55— 86

П. Черных. Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке Горбунке» Ершова 87— 97

Б. Э. Петри. Элементы родовой связи у северных бурят . . . . . 98—126

Г. П. Сосновский. Палеолитические находки в Минусинском крае . . . 127—132

О. И. Толстихина. Ценная стоянка у с. Творогово-Шиваева . . . . . 133—134

П. П. Хороших. Михаил Павлович Овчинников, как краевед . . . . 135—146

Утраты . . . . . 147—147

Хроника и библиография:

I. Деятельность Вост.-Сиб. Отд. Русского Географ. О-ва . . . 148—152

II. Иркутский Научный Музей . . . . . 152—153

III. Раскопки Г. П. Сосновского и Н. К. Ауэрбаха . . . . . 153—155

IV. Работа на местах . . . . . 155—157

V. Сибирские изучения в центре . . . . . 158—158

П. К. Казаринов. Сибирское краеведение. Краткий библиографический обзор . . . . . 159—190

М. Азадовский. Литература по этнографии Сибири. Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900 . . . . . 191—222

Приложение:

М. Азадовский. Сказки Верхоленского края. (С особой нумерацией страниц) . . . . . I—XLV+1— 66

Важнейшие опечатки.

Стр.	строка	Напечатано.	Нужно читать.
29	11 св.	из тканых «поясьев»	«поясьев»
60	5-6 св.	скодок .	скелок
71	3 св.	Усть-Куда	Усть-Када
73	11 св.	хвоей	хвоей лиственицы
82	5 св.	взрослых	взрослых)
83	17 св.	Произвести	Привести
85	10 св.	gund eisteskrankheit	und Geisteskrankheit
87	11 св.	1830	1840
91	6 св.	СПБ. 110	СПБ. 1910
96	1 св.	*четвертом*	первом
96	4 св.	116. (1920: трижды 91)	109 (1856: трижды. 116. 1929, 91)
97	2 св.	*его в жолах.*	его, как в *жолах.*
147	13 св.	В. П. Игнатти	В. И. Игнатти
158	18 св.	*последними*	последним
192	14 св.	Якутии	Якушкин
213	17 св.	РБ, 99, ~~=~~III.	РБ. 99. VIII.

В августе 1923 года вышел в свет выпуск I Этнографического Сборника

„СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА"

под редакц. М. Азадовского, Г. Виноградова, М. Муратова.

Виноградов Г. С. Этнография и современность.
Муратов М. В. Духоборцы Иркутской губ.
Азадовский М. К. Легенда о Щапове.
Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири.
Титов Е. И. Некоторые данные по культу медведя у тунгусов.
Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне.
Сосновский Г. П. К археологии Ангарского Края.
Утраты. Хроника. Библиографические заметки.
Хороших П. П. Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности.

Издание распродано.

Готовится к печати вып. III «Сибирской Живой Старины».

В ближайших выпусках предположены к напечатанию следующие работы: Азадовский, М. К. 1) Источники изучения народного театра в Сибири. 2) Старинный свадебный обряд на Лене. Болдырев-Казарин, Д. А. 1) Очерки по народному искусству в Сибири. 2) Народный театр в Сибири. Виноградов Г. С. 1) Поэтика детского фольклора. 2) Записи о сказочниках. 3) Народная педагогика. Известия Гмелина об Иркутской губернии (перев. М. Г. Пешковой) Казаринов, П. К. Сибирские изучения в изданиях Центра. Козьмин, Н. Н. Очерки по истории бурят. Кычаков. Н. П. (†) Материалы по этнографии тунгусов. Липская-Вальронд, Н. А. (Владивосток) Беременность, роды и уход за ребенком у гольдов. Миротворцев, К. Н. Этнография и экономика. Макаренко А. А. (Петроград) Памяти Н. П. Кычакова. Ончуков, Н. Е. (Пермь) Поездка в Забайкалье и Балаганский уезд. Слободский, М. А. (Томск) Этнография Сибири в этолого географических изданиях 1901—1917 гг. Опыт библиографии. Титов, Е. И. Воровской словарь г. Иркутска. Турунов, А. Н. Об изучении народно-обычного права в Сибири. Штернберг, Л. Я. (Петроград) Об изучении сибирских луков и ряд др. статей и исследований.

Принимается предварительная подписка.

Цена за два выпуска в год 5 рублей.

Выпуск I-й «Сибирской Живой Старины» был разослан бесплатно и в порядке обмена целому ряду научных и общественных организаций, а также некоторым отдельным исследователям. К сожалению, далеко не от всех адресатов было получено уведомление о получении ими посланного экземпляра. В виду неуверенности Отдела в правильности адресов и аккуратности доставки, вып. II «Сибирской Живой Старины» разослан бесплатно только тем лицам и учреждениям, от которых было своевременно получено уведомление о получении предыдущего выпуска.

Адрес редакции: Иркутск, Восточно-Сибирскому Отделу Русского Географ. Общества. Улица Карла Маркса.

И. Г. О. М. Х.

1-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ

имеющая 13 скоропечатных машин,
наборные машины,
высококвалифицированных рабочих
и НОВЫЕ КНИЖНЫЕ ШРИФТА,

ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ на ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ТИПОГРАФСКИЕ РАБОТЫ.

как то: газеты, журналы, книги, бланки, афиши, плакаты, объявления, чековые, талонные, квитанционные книжки, ученические тетради и др., а также всевозможные переплеты конторских, гражданских книг, художественных альбомов, записных книжек, блокнот., брошюр., тиснен. золот. и всевозможную линовку бумаги.

При типографии имеется мастерская каучуковых штемпелей, медных печатей, факсимиле и штампов.

Получены НОВЫЕ КНИЖНЫЕ ШРИФТА.

Заказы выполняются аккуратно и в срок.

На складе типографии имеются разные сорта БУМАГИ.

Иркутск, улица Карла Маркса, № 19.

Иркутский Губернский Союз Потребительских Обществ.

("ИРГУБСОЮЗ").

Телеграфный адрес: г. Иркутск, „Иргубсоюз".

Существует с 15 октября 1916 года.

На Всероссийской Сельско-Хозяйственной Выставке 1923 года удостоен почетным дипломом 4-й степени за хорошее производство, больш[illegible] и [illegible] деятельность.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ: г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. № 47—49. Общий 3-75. Кабинет Предправления 3-52. Финансовый Отдел 1-38. Торгово-Заготов. Отдел 3-45. Организационный Отдел 2-12. Пимокатная фабрика 2-75, Обоз Иргубсоюза 3-94.

ОТДЕЛЕНИЕ: в г.г. Балаганске, Киренске и Тулуне и с.с. Братском Тулуновского уезда, Качугском—Верхоленского уезда, Зиме—Зиминского уезда и Брянский Транспортно-передаточный склад (ст. Селенга, Забайкальской ж. д.)—Иркутского уезда.

ОБЪЕДИНЯЕТ 127 сельских и 6 рабочих потребобществ и 9 сельско-хозяйственных коммун.

ИМЕЕТ [illegible] ПРЕДПРИЯТИЯ в г. [illegible] пимокатная фабрика и мыловаренный завод; в с. [illegible] паровая мукомольная мельница; в г. Балаганске кожевенный завод, в с. [illegible]-кожевенный завод; в с. Алексеевском, Киренского уезда—лосиновый и кожевенный заводы.

ОБСЛУЖИВАЕТ инструкторской помощью кооперативные организации, являющиеся членами Иргубсоюза.

ПРОИЗВОДИТ за наличный расчет и товарообмен, прием и сбыт продуктов сельского хозяйства, рыболовного и охотничьего промысла.

СНАБЖАЕТ кооперативное население губернии предметами широкого потребления, сельского хозяйства и орудиями производства.

ЭКСПОРТИРЕТ пушнину и сырье на заграничные рынки.

Акционерное Общество,

„РУССКО-АНГЛИЙСКОЕ СЫРЬЕВОЕ ОБЩЕСТВО“

ПОД НАИМЕНОВАНИЕМ

„РАСО“

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Тверская, 1 (угол Площади Революции).

ИРКУТСКАЯ КОНТОРА:

Угол улиц Карла Маркса и 5 Красноармейской, дом № 28—2.

Телефоны: кабинет заведывающего № 3--73.
» общий № 1—35

Текущие счета в городе Иркутске: (в червонцах) Госбанк № 164. Всекобанк № 91. Промбанк № 11.

ПРОИЗВОДИТ ЗАГОТОВКУ

ПУШНИНЫ всех видов

Путем покупки и товарообмена.

Конторой открыты отделения и агентуры:

Баргузинское (с Нижнеангарской агентурой), Верхнеудинское, Илимское, Братское, Култукское, Качугское, Жигаловское, Усть-Кутское, Киренское, Тулуновское, Окинско-Бельское, Зиминско-Приангарская агентура, Якутское, Витимское, Олекминское и др.

Телеграфный адрес: Иркутск—„РАСО“.

ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

„Сибторга“

ПРОДАЕТ:

МАНУФАКТУРУ,
ГАЛАНТЕРЕЮ,
ПАРФЮМЕРИЮ,
КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ,
БАКАЛЕЮ,
ЖЕЛЕЗО-СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ,
ПАПИРОСЫ И ТАБАКИ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

НА ВСЮ СИБИРЬ ТОВАРОВ

„Моссукно“

ПОКУПАЕТ:

ПУШНИНУ,
СЫРЬЕ.

Адрес: Угол ул. Карла Маркса и Пролетарской,
Для телеграмм: Иркутск Сибторг.

СОЮЗ КООПЕРАТИВОВ

Бурят-Монгольской Советской Социалистической республики

„БУРКООПСОЮЗ"

ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Объединение Кооперативов 1-й ступени на территории Бурреспублики.

ОРГАНИЗАЦИЯ и ИНСТРУКТИРОВАНИЕ

работ Потребобществ, Кредитных и Сельско-хозяйственных Товариществ и Сыроваренных артелей.

Организация при Потребобществах прокатных пунктов Сельско-хозяйственных машин и питомников племенного скота.

Снабжение кооперативов, входящих в состав Буркоопсоюза товарами широкого крестьянского потребления, а также С.-Х. машинами и инвентарем.

Операции по посредническому кредиту (выдача ссуд) кредитным Товариществам и Потребобществам.

Товаро-посреднические операции по сбыту продуктов сельского хозяйства и закупке товаров фабрично-заводского производства.

ПОКУПКА:

Пушнины, кожсырья, жиров, ореха, мяса, рыбы и хлебо-фуражн. продуктов.

Иротделение БУРКООПСОЮЗА—ИРКУТСК, ул. Карла Маркса, № 57.

ИРКУТСКАЯ КОНТОРА
Сибирского Отделения Всероссийского Центросоюза Потребител. Об-в
„ЦЕНТРОСОЮЗ“
Главная Контора
гор. Иркутск, улица Карла Маркса, д. № 24/45.
Телефоны: Общий—159, Управ. конторой—166, Торговый отдел—222.
ЗАГОТОВЛЯЕТ:
мясо, сырье, пушнину, кожу, шерсть и производит торговые операции.

Иркутская Контора „ЛЕНЗОЛОТО“

настоящим доводит до всеобщего сведения, что в навигацию 1924 года перевозка

ПАССАЖИРОВ:

1) На сплавном участке реки Лены Качуг—Жигалово производиться **НЕ БУДЕТ СОВЕРШЕННО.**

2) На условно—судоходном участке Жигалово—Усть-кут будет производиться **УСЛОВНО,** в зависимости от состояния транзитных глубин и

3) На судоходном участке Устькут—Витим—Бодайбо—Якутск перевозка будет производиться во все время навигации.

В. С. Н. Х. **„КЕДРОПРОМ“** В. С. Н. Х.
ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
предлагает продукцию собственных заводов «Кедропром»
находящихся: в г. Ново-Николаевске и Томске.
Масла фильтрованные: конопляное, льняное, ЖМЫХ конопляный, ОЛИФА льняная на свинцовых сикативах.
ЦЕНЫ ПОНИЖЕННЫЕ.
Покупает кедровый орех, семя льняное, конопляное.
Адрес: г. Иркутск, 6-я Красноармейск., 28 (б. д. Камова). Телефон № 52.

Вост.-Сибир. Отд. Рус. Географ. О-ва
(ВСОРГО).

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Сборник Секции Землеведения

(Известия ВСОРГО, т. XLVII).

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

К. Н. Миротворцев. К вопросу о сельско-хоз. районировании Иркутского Края.

В. Ч. Дорогостайский. Озера Прибайкалья (Катакель, Фролиха) в физико-географ. и экономич. отношениях.

Б. Н. Артемьев. Горно-промышленные перспективы Ленско-Байкальской области.

Ф. Ф. Шваб. Железные руды Николаевского района и эксплуатация их Николаевскими железоделательными заводами.

И. Ф. Молодых. Исследования рек Восточной Сибири.

М. И. Ткаченко. Географическое распространение птиц по бассейнам рр. Н. Тунгуски, Маи, Алдана и Селенги.

К. Н. Андреевич. К вопросу о заготовке пушнины в Якутреспубликe.

В. И. Подгорбунский. Две географические карты южных тунгусов.

С. Н. Лаптев. Две шведских экспедиции 70-х годов прошлого столетия в Сибирь.

ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА

„Книжное Дело“

(КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО, КНИЖНАЯ и ПИСЧЕБУМАЖНАЯ ТОРГОВЛЯ).

Магазин—угол ул. Карла Маркса и 4-й Красноармейской, тел. 72).

Имеется на складе большой выбор картона, бумаги, канцелярских товаров и детских игрушек.

Государственным и кооперативным организациям при покупках оптом
СКИДКА